ФАНТАСТИЧЕСКИЙ НЬЮ-ЙОРК

ИСТОРИИ ИЗ ГОРОДА, КОТОРЫЙ НИКОГДА НЕ СПИТ

ПИТЕР С. БИГЛ ✷ ХОЛЛИ БЛЭК

НАОМИ НОВИК ✷ ПИТЕР СТРАУБ И ДР.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН

Фантастический Нью-Йорк: Истории из города, который никогда не спит

Кэт Ховард, Питер Страуб, Даниэль Хосе Олдер, Джон Ширли, Джордж Рэймонд Ричард Мартин, Питер Сойер Бигл, Мария Дэвана Хэдли, Холли Блэк, Наоми Новик, Кэтлин Р. Кирнан, Элизабет Бир, Карл Бункер, Кит Рид, Ричард Боус, Делия Шерман, Н. К. Джемисин, Пола Гуран

Аннотация
Фантастический Нью-Йорк: Истории из города, который никогда не спит. Редактор-составитель Пола Гуран
Предисловие. Уникальное место
Делия Шерман. Как Пука в Нью-Йорк приплыл
Джон Ширли. …И ангел с телеэкраном вместо глаз
Наоми Новик. Выгодное предложение
Элизабет Бир. Ужас крыльев величавых
Мария Дэвана Хэдли. Самая высокая красотка

Нью-Йорка
Ричард Боус. Кровь вчера, кровь завтра
Питер Страуб. Шляпа-поркпай
  Часть первая
  Часть вторая
  Часть третья
Делия Шерман. Центральный парк
Холли Блэк. Страна, желанная сердцу
Н. К. Джемисин. Великий город
Кейтлин Р. Кирнан. La peau verte
Элизабет Бир. Камуфляж
Карл Бункер. Кессон
Ричард Боус. Мимо шел охотник
Кэт Ховард. Нарисованные птицы и хрупкие кости
Даниэль Хосе Олдер. Salsa Nocturna
Питер С. Бигл. У камня в парке
Кит Рид. Прогулки с Вестоном
Джордж Р. Р. Мартин. Черепашьи игры
Об авторах
О редакторе-составителе

Аннотация

Загадочный и замкнутый молодой человек, владеющий телекинезом, становится величайшим супергероем Нью-Йорка… Любовь вспыхивает между небоскрёбами Эмпайр-стейт и Крайслер-билдинг… Под Нью-Йорком находят туннели, не отмеченные ни на одной карте… Торговля недвижимостью для сверхъестественных существ оказывается невероятно сложным занятием…

Прославленный редактор-составитель Пола Гуран собрала коллекцию удивительных и разнообразных историй, которые происходят в «Большом Яблоке». Среди авторов – лидеры рейтингов «Нью-Йорк таймс» и лауреаты премий «Хьюго» и «Небьюла»: Джордж Р. Р. Мартин, Питер Страуб, Наоми Новик, Мария Дэвана Хэдли, Питер Бигл, Холли Блэк и многие другие.

Любой, кто хоть раз был в Нью-Йорке, знает, что это поистине волшебное место. И собранные в этой книге рассказы лишний раз демонстрируют, каким невероятным, загадочным, странным и иногда жутким может

быть этот фантастический город.

Фантастический Нью-Йорк: Истории из города, который никогда не спит
Редактор-составитель Пола Гуран

Предисловие
Уникальное место

Нью-Йорк – уникальное место.
Ни в одной стране мира вы не найдете
другого, подобного ему.

Перл Бак

Нью-Йорк — вполне реальный город, но всем известно, что это также и волшебное место. Здесь происходят фантастические вещи. Этот мегаполис — воплощение современной городской романтики, динамики и азарта. Здесь можно найти чудеса на любой вкус: скрытые порталы в другие миры и эпохи, тайные убежища и чарующие, волшебные уголки. В этом городе можно встретить удивительных людей и еще более удивительных животных. Все пять городских округов — источники мифов и легенд. Для множества людей Нью-Йорк долгие годы был городом мечты, единственным местом, где человек может воплотить в жизнь любые свои желания. Этот город ни на минуту не засыпает и, возможно, благодаря этому имеет и темную сторону. Он вдохновляет и пугает. Но нигде больше вы не встретите героев,

обладающих достаточной силой, чтобы одолеть зло. Нью-Йорк называют центром Вселенной. Здесь может случиться все что угодно — а когда случается, то воспринимается как данность, а иногда и вовсе проходит незамеченным!

Такова действительность, и немудрено, что Нью-Йорк всегда вдохновлял писателей от Вашингтона Ирвинга до множества современных авторов, смешивающих фантазию с реальностью.

Перед вами сборник из девятнадцати фантастических историй, которые вряд ли могли произойти на самом деле — но если бы произошли, то только в Нью-Йорке!

Пола Гуран

Начнем с истории из прошлого. Когда-то в Нью-Йорк в поисках лучшей жизни прибыло множество ирландских иммигрантов. Но люди были не единственными, кто покинул зеленые берега Эйре и пересек Атлантику…

Делия Шерман
Как Пука в Нью-Йорк приплыл[1]

Ранним утром одного весеннего дня тысяча восемьсот пятьдесят пятого года пассажиры, прибывшие на «Ирландке» из Дублина, перешли на борт парового лихтера «Вашингтон». Каждый волочил за собой тяжелый багаж: одежду, обувь, инструменты и домашнюю утварь, лепреконов и домовых, а также многочисленных блох. Кое за кем грязной вуалью тянулись призраки прошлого. Лиам О'Кейси из Баллино, что в графстве Даун, привез с собой оловянную дудочку, сборник стихов Джеремии Джозефа Калланана, мешок с парой рубашек и тремя носовыми платками, кожаный кошелек со сбережениями и здоровенную гончую по кличке Мадра, что по-ирландски значило просто «пес».

Лиам О'Кейси был статным красивым мужчиной с копной засаленных черных кудрей над широким лбом и маленькими аккуратными ушами. Голубоглазый, широкоплечий, он одной

---

[1] notes: 1

"…And the Angel with Television Eyes" © 2013 John Shirley. First publication: *The Mammoth Book of Angels and Demons*, ed. Paula Guran (Robinson).

улыбкой мог очаровать даже монахиню. Он был конюхом, но обликом напоминал отчаянного разбойника или пирата, сильного, но не блещущего умом дамского угодника — и наверняка с непреодолимой тягой к спиртному.

Но не судите по одежке. Лиам был прирожденным артистом и виртуозным музыкантом. Как-то ночью, когда «Ирландка» попала в шторм и набившихся в трюм пассажиров буквально выворачивало наизнанку, Лиам достал свою дудочку, и в зловонном трюме полилась нежная мелодия «Плача Молли по Уильяму». Он играл всю ночь, и пусть его музыка не утихомирила бурный океан, она развеяла тревоги взрослых и убаюкала детей.

После этого пассажиры то и дело упрашивали Лиама сыграть на дудочке джигу или рил. Лиам не возражал, и непременно стал бы всеобщим любимцем, если бы не его огромный черный пес.

Мадра вызывал у людей недоверие. Как правило, скот и домашние животные не допускались на борт кораблей, что ходили из Старого Света в Новый. Их нужно было кормить, за ними нужно было прибирать. Исключения делали разве что для певчих птиц в клетках, но не для огромных, будто мифический Черный пес, гончих с острыми

зубами и горящими желтыми глазами. Пассажиры недоумевали, как пса пустили на борт, и как он пережил столь долгое, тяжелое путешествие.

— Не думал, что собаки подвержены морской болезни, — сказал сосед Лиама, мужичок из Корка, прикрывая нос одеялом, когда Мадру в очередной раз стошнило. — Ты уверен, что твоя псина не заразна?

Лиам погладил дрожащего пса.

— Боюсь, он у меня сухопутный. Я бы оставил его дома, но он был против. Может, ему в моем гамаке полегче будет.

К удивлению мужичка из Корка, так и вышло.

— А наш паренек-то добряк, — сообщил он своим друзьям-картежникам.

— Оставь его, — ответил один, — нечего нам якшаться со всякими дудочниками да свистунами.

Когда «Ирландка» вошла в гавань Нью-Йорка, глазам Лиама предстал широкий, будто море, залив. Утреннее солнце заливало янтарным светом лесистые холмы, пакгаузы, прибрежные постройки и мириады суденышек. По обе стороны от «Вашингтона» мелькали островки; одни дикие и пустынные, другие — застроенные домами и причалами. На ближайшем к Манхэттену острове высилась круглая постройка, напоминающая то

ли гигантский амбар, то ли форт. Люди сновали вокруг каменистого холма, словно муравьи у муравейника.

Мужичок из Корка первым нарушил благоговейную тишину.

— Матерь Божья! — выдохнул он. — Да по сравнению с этим наш Дублинский залив — просто лужа!

Лиам и думать забыл про Дублинский залив. Перед ним как на блюдечке разлеглась вся Америка; морские птицы зазывали его в порт. Он прибыл сюда, чтобы начать новую жизнь, и твердо намеревался в этом преуспеть. Выросший в деревне Лиам собирался теперь жить в городе, среди незнакомых людей. Никаких больше одноэтажных хибар с земляным полом, и никаких угольных печей с трубами.

Он даже сможет раз в неделю есть мясо!

Лихтер замедлил ход, и пес Лиама с трудом приподнялся, положив лапы на перила. Подставив морду сильному береговому ветру, он тяжело дышал. Спустя несколько секунд пес фыркнул и раздраженно помотал головой.

Мужичок из Корка расхохотался.

— Похоже, твоя псина не в восторге от Нового Света, Лиам О'Кейси. Может, тебе стоило оста-

вить ее в Старом?

Мадра оскалился в ответ, будто сам говорил на гэльском не хуже любого работяги.

Лиам потрепал беднягу за ухом. Лихтер пришвартовался, и пассажиры «Ирландки» принялись выносить из трюма свои пожитки — котомки и сундуки, призраков и воспоминания, — а потом поковыляли вниз по трапу. На причале их собрали портовые служащие, и отвели в сарай, где несколько клерков сверяли имена пассажиров и багаж с декларацией. Покончив с формальностями, иммигранты получали право начать новую жизнь где и как им заблагорассудится.

Наиболее везучих и предусмотрительных встречала родня и друзья. Обнявшись, они отправлялись восвояси, оживленно болтая. Те же, кто не подготовился должным образом — включая Лиама и мужичка из Корка, — в сомнениях болтались по пристани, не зная, что делать дальше.

Лиам пал духом. Глядя на горы ящиков, мотки каната, повозки, сети и корзины с рыбой, ему вдруг показалось, что он вовсе не покидал Дублина. Та же грязь под ногами, тот же тяжелый, пропитанный ароматом тухлой рыбы соленый воздух, та же угольная гарь, те же грязные люди с

мозолистыми руками, нагружающие и разгружающие лодки и перекрикивающиеся друг с другом на незнакомых языках.

— Через недельку к ним присоединишься, — мужичок из Корка треснул Лиама по спине так, что пыль поднялась. — А я отправляюсь на Дикий Запад. Там землевладельцев меньше, чем зубов у курицы, а в реках течет золото.

За спиной раздался незнакомый голос.

— Полагаю, вам нужно место для ночлега, — к счастью для новоприбывших, на всех знавших всего с десяток слов по-английски, незнакомец говорил на ирландском. — Идемте за мной. Вы и глазом моргнуть не успеете, как окажетесь в чистых, презентабельных и весьма недорогих меблированных комнатах.

По сравнению с портовыми рабочими незнакомец выглядел упитанным; его сюртук был лишь слегка поношенным, а рубашка почти идеально чистой. Волосы его были щедро напомажены, а улыбка сияла ослепительнее солнца. Но стоило ему заметить Мадру, как он стал мрачнее тучи и пнул бедного пса в бок.

— Эй! — рассвирепел обычно добродушный Лиам. — Ты пошто мою собаку пинаешь?!

— Грязное отродье. Всем известно, что у собак

на каждой шерстине по блохе.

— Больше, гораздо больше, — заметил мужичок из Корка.

Все собравшиеся усмехнулись, ведь шерсть Мадры за пять недель пути облезла так, что на боках и животе пса виднелись проплешины.

Пансионный зазывала ухмыльнулся, демонстрируя золотой зуб.

— Вот именно. Госпожа О'Лири не обрадуется, если я притащу в ее чистое, ухоженное заведение каких-то оборванцев. Можете переночевать снаружи у двери.

Развернувшись, он повел группу клиентов за собой.

Лиам уселся на ящик, положив котомку у ног, раздумывая, где в этом огромном городе можно утолить голод и жажду, и во сколько это ему обойдется. Облезлый пес уселся рядом.

— То был истинный злодей, — заметил Мадра. — От него так и разило жадностью и гусиным жиром. Держись от него подальше.

— Гусиный жир я унюхал, — ответил Лиам, — а о жадности можно было догадаться. Но где теперь искать проводника и кров над головой? Скажи, тебе стало получше на берегу?

Мадра раздраженно рыкнул.

— Мне достаточно хорошо, чтобы держать нос по ветру и разнюхать, где нас встретят ласковее, чем тот жулик с золотым зубом.

— И где, Мадра? Разве что в Дублине. Или дома в Баллино. Зачем я только уехал?

Гончая тяжело вздохнула.

— Не желай того, чего не хочешь. По крайней мере, не передо мной. Будь у меня прежние силы, ты бы сию секунду оказался в Баллино, и потом всю жизнь мучился бы угрызениями совести из-за того, что все твои усилия пошли насмарку, — пес устало поднялся на ноги. — К северу отсюда есть трактир. Его хозяин не отвернется от несчастного соотечественника и его верного пса.

— Ты не мой пес, — сказал Лиам, закидывая котомку на плечо. — Я же все тебе объяснил еще в Баллино. Я поступил с тобой, как поступил бы с любым живым созданием. Ты мне ничем не обязан.

— Я обязан тебе жизнью, — Мадра принюхался. — За мной.

Несмотря на больные лапы, Мадра быстро направился прочь от воды. Лиам спешил следом, разевая рот от вида огромных кирпичных пакгаузов нью-йоркского порта.

Пука чувствовал себя скверно. Глаза слезились,

в груди саднило, шкура зудела так, будто его покусал пчелиный рой, а подушечки лап горели, словно он только что прошел по открытому огню. Ему опротивел и собачий облик, и человек, к которому он привязался. Он устал от тесного трюма, где невозможно было свободно бегать, и запаха смерти, что обволакивал людей как вторая кожа. Но больше всего ему докучало постоянное присутствие рядом холодного железа, от которого он мог попросту раствориться.

Путешествовать с Лиамом О'Кейси, чьи сапоги были подбиты гвоздями, а в котомке лежал нож, было неприятно, но в Дублине стало еще хуже. Пять недель на борту «Ирландки» стали настоящей пыткой, которую пука пережил лишь благодаря тому, что Лиам отдал ему свой гамак. Но хуже всего оказался этот новый город: для маленького народца он был не менее враждебным, чем самый праведный из священников.

Однако даже в губительном порту этого города на глаза пуке успел попасться шелки в людском обличье, спокойно таскавший ящики, от которых железом разило так же сильно, как в воздухе разило тухлой рыбой.

Учуяв шелки по запаху морского воздуха с легкой примесью шерсти и мускуса, пука про-

следовал за ним к группе докеров, загружавших ящики на подводу, и принялся их обнюхивать. Один из них схватил пуку за шкирку, словно щенка, и потащил за составленные штабелем бочки.

— Ты что за чудище? — спросил шелки с резким шотландским акцентом.

— Я пука, — гордо заявил пука. — Из графства Даун.

— Дай угадаю: только с дороги, и к железу еще не привык? Свезло тебе, песик, что на м'ня нарвался, и к бабке не ходи!

Пука навострил уши.

— У тебя есть лекарство от железной хвори?

— Не у м'ня, — ответил шелки. — На Пяти углах есть трактир, хозяйка там ши, и весь гэльский народ сперва к ней идет. Иначе смерть, — шелки достал из кармана деревянную коробочку и открыл. — На вот, дыхни.

В нос пуке ударил запах слабого пива, опилок и волшебства фейри.

— Будьте любезны, ответьте еще на один вопрос, — сказал пука. — Примут ли в трактире ши смертного?

Шелки убрал коробочку в карман.

— Может, и примут, а может, и нет. Тебе-то что?

— Мы с ним, как бы это сказать, компаньоны, — ответил пука.

— Он что — знает, кто ты на самом деле? — присвистнул шелки. — Вот чудеса! Расскажи-ка, и будем в расчете.

Пука понимал, что история — пустяковая плата за столь ценную информацию, но рассказывать ее он не рвался. Истории, где пука был героем, а человек доверчивым простофилей, он с удовольствием рассказывал всем желающим. А вот историю, где простофилей оказался он сам — другое дело. Тем не менее за помощь нужно было отплатить.

— Что ж, идет, — сказал он.

Шелки ухмыльнулся белозубой улыбкой.

— Не с'час. М'ня ждет работа, а т'бя — ирландская фея. Давай как-нибудь перед летним солнцестоянием. Спроси в порту Иэна, м'ня тут все знают. И не мучься попусту за свово мужика; хозяйка его не обидит, если он не станет язык распускать.

— О, да он у меня воспитанный, — кисло ответил пука. — Истинный джентльмен, таких еще поискать.

Именно поэтому пука никак не мог по-настоящему возненавидеть Лиама О'Кейси, и по этой

же причине уже полгода не мог с ним расстаться. Теперь его занесло далеко от дома; он мучился железной хворью, чесоткой и был настолько слаб, что не способен был менять облик, а главное — над ним по-прежнему висел неоплатный кровный долг.

Нюх у пуки был острее, чем зубы у келпи, но нижний Нью-Йорк стал для него настоящим лабиринтом незнакомых и сбивающих с толку запахов. Улицы пахли навозом и мусором, собачьими метками и пóтом везущих тяжелые подводы лошадей. Пука едва не выскочил из остатков шкуры, когда ему в ухо хрюкнула тощая полудикая свинья, и благоразумно рассудил, что лучше ему что-нибудь проскулить и смиренно поджать хвост. Хрюкнув еще раз, свинья пошла своей дорогой.

Кланяться свинье! Не убитый железом, пука готов был умереть со стыда и возжелал убить Лиама за то, что тот притащил его в этот ужасный город. Но прежде он должен был помочь этому жалкому смертному.

Лиам был голоден и хотел пить еще утром, когда сошел с «Вашингтона». К полудню он успел устать, натер ноги и был вконец озадачен. Когда Мадра принюхался к двери трактира некой Мэйв

Макдонах, как принюхивался до этого к дверям пятидесяти подобных заведений, Лиаму было уже все равно. Единственным отличием этого трактира от остальных была табличка «бесплатный обед» в окошке. Прочитав меню — холодное мясо, соленья и лук, — он взмолился святой деве Марии о том, чтобы его путешествие окончилось здесь. Вторую, благодарственную молитву он прошептал, когда Мадра, вздернув уши и хвост, проковылял по грязным ступенькам и скрылся в темном помещении.

У стойки Лиам узнал, что «бесплатный» обед полагался при покупке двух кружек пива по пять центов. Пиво оказалось слабым и кислым, а мясо напоминало подошву, но Лиам был рад и этому. Пока он ел, рядом присела одетая в цветастое платье пышнотелая темноволосая женщина с дерзким взглядом и загорелой кожей, буквально сунув Лиаму под нос надушенную терпкими духами грудь.

— Нравится, а, парниша? Можем устроить и более подробный осмотр.

У Лиама закружилась голова, и он уже готов был согласиться, когда раздался голос другой женщины — звонкий и мелодичный, словно серебряный колокольчик. Проститутка шикну-

ла, обнажив чересчур острые, чтобы выглядеть красивыми, зубы, и скрылась за спинами других гостей.

Опешив, Лиам взглянул на высокую рыжеволосую женщину на другом конце бара. Ее плечи укрывала бледно-зеленая шерстяная шаль; силуэт женщины буквально светился, ее кожа была светлее, волосы — ярче, глаза — лучезарнее, чем у обычной женщины. За полгода с пукой Лиам научился распознавать таких созданий, и никак не ожидал встретить их в Новом Свете.

— Добро пожаловать на Пять углов, — сказала женщина. — Хороший у вас пес.

Лиам опустил взгляд на Мадру, который загадочно пыхтел у его ног.

— Что вы, он мне не принадлежит, — ответил он. — Точнее, я ему не хозяин. Просто наши пути сошлись.

Женщина широко улыбнулась. Лиам с облегчением отметил, что ее зубы отличались лишь ослепительной белизной и ровностью.

— Хороший ответ, юноша. Я Мэйв Макдонах, хозяйка этого трактира. Будьте как дома. Если вам негде переночевать, могу предложить кровать наверху, двадцать центов за ночь или четыре доллара за месяц вперед, если желаете.

Лиам с поклоном протянул Мэйв серебряные монеты. Та рассмеялась, и смех ее был звонок, как горный ручей. Заказав еще пива, Лиам направился к компании ирландцев, которые, судя по виду, провели в Нью-Йорке на пару недель больше него.

Нервно сглотнув, пука лизнул ссадину на боку. Ему казалось, что этот трактир, как и все остальное в этом проклятом месте, насквозь пропитался железом. Сколько в этом здании было гвоздей? Сколько железных обручей на пивных бочках? Где-то внутри была печь, а едва ли не все посетители держали за пазухой ножи, а кто-то — даже пистолет. Было невыносимо. Настолько невыносимо, что пука начал понимать: в этом городе негде скрыться от гложущей его кости боли. Здесь его окружали люди и железо; на улице поджидало еще больше людей и железа. Пука готов был рвать зубами всех вокруг, пока не погибнет, или пока не отступит боль — одно из двух.

До его головы дотронулась чья-то прохладная рука. Разгоряченный нос уловил свежий, будто весенняя травка после дождя, запах. В голове тут же прояснилось, кровавая пелена перед глазами спа́ла. Над пукой склонилась удивленная зеленоглазая женщина-ши.

— Я Мэйв, — сказала она. — Пойдем со мной.

Комната, куда Мэйв отвела пуку, была темнее и жарче остального трактира. У стен стояли пивные бочки, а на столе возвышался какой-то сложный агрегат из стекла и олова, от которого разило спиртом.

— Пука, — произнесла Мэйв, ставя на стол фонарь. — Я еще не встречала вашего брата по эту сторону океана. Послушай моего совета, милый. Этот город — не место для создания лесов и болот.

— Деваться мне некуда, — раздраженно ответил пука. — Чую, придется поплатиться жизнью за услугу.

— Быть может, столь дорогую цену платить не придется, — Мэйв пристально посмотрела на пуку. — Скажи, пука, сколько стоит твоя жизнь?

— Мне нечего тебе предложить, — ответил пука, — кроме вечной благодарности.

Мэйв рассмеялась.

— Нет ничего лучше, чем торговаться с пройдохой вроде тебя, даже полумертвым. Я помогла бы тебе, пусть лишь для того, чтобы иметь удовольствие и дальше проводить время в твоей компании, но это невыгодная сделка. Как насчет дюжины волосков из твоего хвоста, чтобы я могла

призвать тебя в час нужды?

— Хорошие сделки не совершаются без доброй воли, госпожа. Пусть будет три волоска — и я стану служить вам усердно и с уважением.

— Семь, ни больше, ни меньше. Если только ты не готов отдать мне в распоряжение своего смертного.

Пука задумался.

— Прискорбно это признавать, но мы связаны кровным долгом, — он тяжело вздохнул. — Что ж, я приду на зов семь раз. С вами трудно торговаться, хозяйка.

— В этом городе доброму народцу иначе не выжить, — Мэйв подошла к полке, откуда взяла шерстяной шнурок и заплела его вокруг покрытой плотной шерстью шеи пуки.

Оберег жег сильнее крапивы. Заскулив, пука принялся чесать шею.

— Избавишься от него — навредишь себе, — заметила Мэйв. — Сорви и умри, либо терпи и живи. Со временем он перестанет тебе досаждать.

— Потерплю, — сказал пука.

Оставшийся в баре Лиам успел кое-что узнать.

Во-первых, работу в Нью-Йорке найти было можно, но сложно, как бы ты ни старался.

Во-вторых, любая работа заключалась в том,

чтобы с рассвета до заката гнуть спину, а платили за нее ровно столько, чтобы рабочий не испустил дух.

В-третьих, работу в Нью-Йорке искали не только смертные. Среди собутыльников Лиама нашелся и карлик в зеленом пиджаке, чьи рыжие бакенбарды дали бы фору самому принцу Альберту, и растрепанный черноволосый парень в дырявом камзоле, и коротышка с золотистыми кудрями, державший в зубах глиняную трубку.

Беспокоясь за содержимое кошелька, Лиам благоразумно отказался ставить деньги на забег между лошадью и свиньей, а также вкладывать их в «беспроигрышное дело». А когда златоволосый стал выпытывать у него имя и название родного графства, Лиам сообразил, что в опасности мог оказаться не только кошелек.

Решив избавиться от излишнего внимания, он пошарил в котомке и достал оловянную дудочку.

— Хотите, сыграю?

Коротышка тут же оживился.

— «Виски перед завтраком» знаешь?

— Еще б не знать! — воскликнул Лиам и заиграл.

Если бы он не был подвыпившим (и далеко не слегка), то от волнения у него наверняка пере-

сохло бы во рту, и он бы напортачил. Но мелодия «Виски перед завтраком» выходила из его дудочки чистой и заливистой, как пение птиц майским утро в Баллино.

Карлик начал притопывать крошечными ножками в подбитых башмаках. Кудрявый парень со вздохом облокотился на прибитую к стене полку, а златоволосый коротышка отложил трубку и принялся хлопать в такт мелодии. «Виски перед завтраком» разносилась на весь трактир, и вскоре все были зачарованы ясными, звонкими переливами, пляшущими под потолком и звонко отражающимися от составленных за барной стойкой керамических бутылок.

Трижды повторив мотив, Лиам отнял дудочку от губ и открыл глаза.

— Еще! — нетерпеливо потребовал карлик.

Лиам сыграл «Ведьму горной долины», «Дамские панталоны» и «Похоронил жену и сплясал на могиле», на которой весь трактир пустился плясать и подпевать. Тогда Лиам, сам того не заметив, заиграл мелодию, которую сочинил перед тем, как отправиться пытать счастья в Америке.

Когда он закончил, кудрявый парень крепко обнял его, заливая волосы горючими слезами.

— Слава флейтисту! — крикнул карлик, подни-

мая кружку.

— Слава флейтисту! — отозвались остальные.

В руке Лиама тоже оказалась кружка. Не успел он ее осушить, как кто-то сунул ему другую. Смочив горло, он заиграл снова.

Спустя некоторое время Лиам почувствовал, как кто-то тянет его за штанину. Это был Мадра, вид у которого был еще несчастнее прежнего. Шерсть у пса на шее свалялась, к ней прилипли грязь и веточки, а желтые глаза дико таращились на Лиама.

Лиам убрал дудочку и присел рядом с псом.

— Мадра, дружок, тебе плохо?

— Плохо, — с раздражением признал Мадра. — Еще бы мне было хорошо, глядя на то, как ты тут якшаешься с лепреконами, клуриконами, ганканахами и прочим отребьем с самого дна волшебного котла? Я несу за тебя ответственность, но случись что, не смогу тебя защитить. Я ведь сейчас как новорожденный щенок!

Лиам рассмеялся.

— Так вот они кто! Что ж, моя музыка пришлась им по нраву. Пока я их развлекаю, они не станут мне вредить.

— Вероятно, — холодно ответил Мадра.

Кто-то тронул Лиама за руку и, обернувшись,

он увидел улыбающуюся Мэйв Макдонах.

— Сэр, благодарю за представление. С тех пор, как я обосновалась на здешних берегах, не видела, чтобы публика так разгорячилась. Сегодня я выручила столько, что с меня причитается бесплатный ужин для вас и вашего пса — если в него, конечно, полезет мясо. Идемте в заднюю комнату, подальше от шума и гама. А как поужинаете — ложитесь спать, не то из вас здесь все соки выжмут.

Если бы Лиам был один, то вряд ли отправился бы после ужина в постель — настолько его воодушевил алкоголь и радушный прием, оказанный его музыке. Но ему приходилось заботиться о Мадре, а тот едва держался на ногах. Поэтому Лиам последовал за Мэйв в заднюю комнату и слопал не только свою миску весьма недурного жаркого, но и порцию пса — того по-прежнему тошнило от одного только запаха еды.

Действительно, пука никогда еще не чувствовал себя хуже. Оберег от железной болезни кусал за шею, будто лютый волк. Мадра дрожал, перед глазами стояла пелена, а жажду не утоляла даже вода. За долгие годы жизни ему не приходилось так страдать — даже попавшись в стальной капкан браконьера, из которого он был спасен в

доску пьяным конюхом по имени Лиам О'Кейси.

Когда Лиам закончил ужинать, пука ослаб настолько, что не мог стоять. Лиам подхватил его на руки и, пыхтя, отнес наверх.

По общему виду трактира Мэйв Лиам догадывался, что за ночлег его ждал. Помещение было самого унылого вида, душное, с низким потолком, сквозное с выходами в обе стороны. Вдоль стен крепились в четыре ряда деревянные нары, на которых Мэйв располагала своих жильцов — иногда по двое сразу.

Лиам нашел свободное место на нижней полке, у дальней двери, рядом с горшком, и уложил на нее Мадру. Кое-как примостившись рядом с горячим, дрожащим телом пса, он уснул.

После бурного дня и бессчетных кружек пятицентового пива Лиам спал крепко. Проснулся он лишь трижды: первый раз, когда его пьяные собутыльники лезли по шатким лесенкам на верхние полки, а второй — когда кто-то наступил ему на руку, спускаясь к ночному горшку. В третий раз его разбудило тоскливое поскуливание бедняги пса.

Открыв глаза, Лиам увидел больше десятка крошечных светящихся существ. Быстро маша легкими прозрачными крылышками, они со-

брались вокруг Мадры, дергая его за уши, усы и брови. Лиам шикнул на них и отмахнулся, как от пчел, но существа были куда назойливее пчел, и принялись щипать Лиама за лицо своими маленькими пальчиками. Признав поражение, Лиам поднял Мадру и осторожно отнес вниз. Там они и провели остаток ночи, свернувшись на полу, лишь чуточку более грязном, чем спальная полка.

На рассвете, который из-за серых туч можно было и не заметить, пука проснулся от легкого пинка в бок. Над ним стояла Мэйв.

— Доброго тебе утра, плут, — произнесла она. — Как себя чувствуешь в этот погожий весенний денек?

Пука поднялся. Суставы у него затекли, но больше не болели, а обжигающее пламя вокруг шеи остыло на градус или два. Широко зевнув, пука встряхнулся.

— Я жив, — сказал он, — что само по себе удивительно, но весьма приятно. А так, конечно, я предпочел бы проснуться на милом сердцу болоте в Эрине, и чтобы близился не тусклый серый день, а дождливая ночь.

— Согласна, плут, согласна, — на мгновение пуке открылось истинное лицо Мэйв, вытянутое и

свирепое, как у посаженного в клетку ястреба. — Буди своего человека, плут. Мне нужно мыть полы и делать обереги для страдальцев, которых сегодня может занести мне на порог.

Пука послушно ткнул Лиама О'Кейси носом, давая понять, что пора вставать.

Лиам проснулся. Во рту стояла горечь, живот сводило, голова болела. Чтобы собраться с духом, пришлось сунуть голову в бочку с затхлой водой. Кружка пятицентового пива и ломоть пресного хлеба прямо из печи подкрепили силы, и Лиам О'Кейси вышел в апрельское утро с твердым намерением во что бы то ни стало найти работу.

Мадра отправился с ним.

Без сопровождения Лиам наверняка весь день проболтал бы с каким-нибудь прохожим, если повезло бы — с обычным человеком, как и он сам, и, опять же, если повезло бы — получил бы от него полезный для обычного человека совет. Но в компании Мадры ему не оставалось ничего, кроме как следовать за псом и стараться не попасть под тяжелый обоз, не споткнуться о шальную свинью и не врезаться в чью-нибудь тачку, или в одного из спешащих на работу серолицых мужчин. Когда Мадра остановился у большого, обшитого досками склада, Лиам насквозь вспотел и вконец

выбился из сил.

Вывеска гласила:

Высококачественная мебель Грина.
Работаем с 1840 года.
Упр. Эбенезер Грин.

— Мадра, ты, должно быть, забыл, что я конюх, а не плотник.

Мадра тяжело вздохнул.

— За складом конюшня, болван! Я отсюда чую. Заходи, за спрос денег не берут.

Отряхнувшись и поправив шляпу, Лиам вошел на склад. Внутри кипела работа; множество неряшливо одетых мужчин сновали, как муравьи, перенося доски и готовую мебель. Плотный мужчина в ярком камзоле и шляпе с загнутыми вверх полями громогласно командовал. Полагая, что это и есть Эбенезер Грин, Лиам подошел к нему и поприветствовал на лучшем английском языке, на который был способен. Маленькие глазки мистера Грина буквально впились в него.

— Падди, говори по-американски или вали. А лучше и то и другое. У нас тут нативистское предприятие, мы не водим дел с Миками и прочим отребьем.

Мужчина говорил громко и ровно, его акцент

был незнаком Лиаму. Однако его вид и тон были ясны как стеклышко.

— В таком случае доброго вам дня, господин нативист, — сказал Лиам и направился к выходу.

— Нашел чем хвалиться, — сказал он Мадре, когда они оставили мебельный склад позади.

— В лошадях он ничего не смыслит, — ответил Мадра. — Видел, какие у него клячи? Ноги тощие, как палки, а шкура будто молью поедена. Тебе тут делать нечего.

Другую конюшню Мадра нашел при транспортной компании у порта. Хозяйствовал там Корнелиус Вандерхуф, которому, как любому голландцу, плевать было, на каком языке говорит человек, если тот согласен получать доллар за десять часов работы.

— Мне конюх не нужен, — вполне добродушно ответил он Лиаму. — У меня два мальчика-служки, больше не надо.

— Мальчики годятся лишь на то, чтобы кормить, поить да навоз убирать, — сказал Лиам. — А я за лошадьми буду ухаживать, как за детьми родными, уж помяните мое слово.

Мистер Вандерхуф покачал головой.

— Приходи в мае. Может, найдется какая работа, если с упряжкой справляешься.

Так прошел день. Хозяин одного извозчичьего двора только на днях нанял конюха. Другой предложил Лиаму пятьдесят центов за уборку навоза, и только. Третий принялся мотать головой, не дав ему и рта раскрыть.

— На дворе апрель, — сказал он. — До лета никто тебя не наймет. Ты же ирландец? Так иди таскать кирпичи или рыть фундаменты, как другие твои земляки.

— Я конюх, — ответил Лиам с мольбой в голосе, и тут же укорил себя за это.

— Да будь ты хоть королем графства Даун, — ответил извозчик. — Тут конюхов пруд пруди. Хочешь найти работу — садись на поезд и поезжай на запад.

Выйдя со двора, Мадра подал голос.

— Смеркается. Вернемся домой?

Лиам окинул взглядом громыхающие по изъезженным улицам тяжелые подводы, доверху груженные ящиками, и серолицых людей в лохмотьях, спешащих домой в сумерках. Босоногих, немытых детей, вьющихся у телег, норовя подхватить упавшее яблоко или умыкнуть из-под носа зазевавшегося возницы кочан капусты. В ушах раздавался стук колес, скрип несмазанных осей, крики, ругань и смех.

— Нет у меня дома, — ответил он. — И кажется, больше не будет.

Он ожидал, что Мадра обзовет его тряпкой или посоветует развеять тяжелые думы пинтой пива или веселой песней, но Мадра лишь молча ковылял по улице, опустив голову и повесив хвост, такой же усталый и расстроенный, как и сам Лиам.

Будучи бессмертными, волшебные существа не слишком-то беспокоились о нехватке времени. Для них один день пролетал в мгновение ока, а месяц был все равно что человеческий вздох. Прежде пука никогда не следил за сменой дня и ночи и не считал время между приемами пищи. С тех пор, как его жизнь переплелась с жизнью Лиама, ему приходилось этим заниматься.

Сегодня был поистине долгий и тяжелый день.

Сперва пука был обрадован тем, что остался жив и вполне неплохо себя чувствовал. Кожа под оберегом Мэйв зудела, но этот ошейник исцелял его, и силы понемногу возвращались к пуке. Он то и дело подбегал к стальным перилам, бочкам и обшитым железом колесам телег, трогая и обнюхивая их, чтобы убедиться, что холодное железо больше над ним не властно.

Встреча с Эбенезером Грином отрезвила его.

Если бы пука был в форме, он несомненно унюхал бы истинную сущность Грина еще до того, как переступил порог его склада.

Но пука был не в форме. За целый день ему не удалось ни у кого выманить даже монетки на пиво. Он испугался, что чары Мэйв вылечили его от железной болезни ценой его собственной магии. Ему нужно было как-то отвлечься от повседневных забот, которые занимали его с того самого дня, когда Лиам вызволил пуку из капкана. Ему нужен был какой-то вызов — например, пари или фокус. Что-то проверенное и, предпочтительно, не слишком рискованное, чтобы положить конец сомнениям, а заодно заработать для Лиама немного монет.

— Лиам, — произнес пука, — у меня появилась идея. Завтра, как только рассветет, отправимся туда, где живут богачи, и ты продашь меня в качестве крысолова за лучшую цену, какую сможешь получить.

— Зачем это? — устало спросил Лиам. — Может, здесь никому не нужны крысоловы, тем более ирландские?

— Собаки людям всегда пригодятся, — уверенно заявил пука.

Лиам покачал головой.

— Не стану я этого делать, и точка. Чтоб я, да друга продал? Ты за кого меня принимаешь?

— А кто сказал, что продажа будет окончательной? — настаивал пука. — Не успеешь ты и глазом моргнуть, как я сбегу и вернусь в трактир Мэйв.

— А если не сбежишь, что тогда? Мне придется тебя выкрадывать? Мадра, ты спятил! Это город вскружил тебе голову?

План казался пуке великолепным, и он всеми правдами и неправдами пытался убедить в этом Лиама. Тот не сдавался. По его словам, это было противозаконно, аморально и опасно. Он ничего не хотел об этом слышать. Это окончательно убедило пуку в том, что городская жизнь подходит Лиаму не больше, чем дикому оленю. Если бы пуки не было рядом, простофиля давно бы распрощался со всеми сбережениями и помер бы от голода в какой-нибудь канаве прежде, чем затхлый воздух корабельного трюма выветрился бы у него из легких.

Оставался Дикий Запад. «На западе ему самое место, — подумал пука. — Завтра нужно будет придумать, как достать билет на поезд».

Размышления пуки прервал яростный визг. Ощетинившись, он обернулся и оказался нос к носу с огромной уродливой вонючей свиньей.

Что ж, драка тоже неплохой способ освежиться.

Оскалившись, пука зарычал. Свинья сверкнула безумными янтарно-желтыми глазами и попятилась для рывка. Пука покосился на Лиама, которого окружил выводок визгливых, так и норовящих уцепить за ногу поросят. Лиам отмахивался от них котомкой, поругиваясь и изо всех сил стараясь не шлепнуться в грязь. Стоит ему упасть, как поросята непременно затопчут его и, весьма вероятно, сожрут.

Пука закипел праведным гневом. Увернувшись от свиного наскока, он бросился на подмогу Лиаму и вскочил на спину самому здоровому поросенку. Поросенок скинул его, но пука успел оттяпать ему пол-уха. Сплюнув, он погрузил зубы в ляжку ближайшего поросенка. Тот взвизгнул и бросился наутек, оставив четверых собратьев и мамашу сражаться с пукой.

Пуке не доводилось сражаться в столь яростных битвах с тех пор, как святой Патрик изгнал змей в море, а волшебный народ — в пещеры под холмами, но этот бой он твердо намеревался выиграть. У себя дома пука вмиг разделался бы со свиньями. Дома он даже в обличье пса был проворнее пчелы, сильнее быка и напористей прибоя. Но

он застрял в этом облике, как невылупившийся цыпленок в яйце, а недели мучений от железной болезни и недостатка пищи подорвали его силы.

Лапы пуки разъехались на скользкой, перемешанной с навозом, земле, и резвый поросенок крепко его ударил. Из раны на боку брызнула кровь, и на пуку нахлынули волны боли и ужаса. Бессмертные не могут умереть, но это не значит, что их нельзя убить.

Инстинкт подсказывал пуке, что необходимо обратиться, но он боялся, что не сможет, что потерял эту способность, что пробыл псом слишком долго и забыл, как обращаться в существа с копытами, рогами или в людей в одежде, которую можно снять.

Почувствовав замешательство противника, свинья воодушевилась и ринулась на пуку, визжа, будто ржавая дверная петля, и метя острыми как копья клыками прямо в мягкий живот пуки.

И тут инстинкт взял верх.

Сбросив собачью шкуру, пука с криком махнул тяжелыми, неподкованными копытами, желая переломить свинье хребет. Он был быстр, но свинья была еще быстрее — в последний момент она все-таки уклонилась от атаки. Пука переключился на поросят, бурным потоком наседавших

на Лиама, и принялся колотить их копытами и кусать.

Увидев угрозу отпрыскам, свинья налетела на пуку, как ураган. Пука отскочил и контратаковал, на этот раз втоптав свинью в грязь. Стоя над поверженными врагами, пука громогласно возвестил о своей победе.

Кто-то обнял его рукой за загривок. Пука узнал Лиама. С дрожью в голосе, но одновременно и с облегчением тот шептал:

— О, мой дорогой, мой славный защитник. Эта битва достойна быть воспетой в балладах, уж я-то об этом позабочусь — как только поджилки перестанут трястись, а сердце прекратит выскакивать из груди.

Гордо выпятив грудь, пука потыкал ногой поверженных противников. Очухавшийся поросенок тяжело поднялся и поковылял по улице, наперерез гнедому мерину, впряженному в блестящую черную двуколку, ведомую возницей в цилиндре.

Даже побитый и напуганный, Лиам скорее бросился бы вплавь до Ирландии, чем оставил коня в беде. Как только поросенок проскочил у мерина меж копытами, конь принялся брыкаться, но Лиам подскочил к нему и схватил за узду.

Конь мотал его, будто терьер крысу, но Лиам держался, успокаивающе приговаривая на ирландском и английском, пока мерин не перестал буянить.

Ласково потрепав гнедого по морде, Лиам оглянулся.

Улица напоминала бойню. В грязи валялись окровавленные свиные тушки; собравшиеся рабочие с отвисшими челюстями стояли вокруг. Чуть в сторонке пес Мадра зализывал рану на боку.

Бледный, как его рубаха, возница спрыгнул с козел.

— Спасибо вам, — его голос с типично американским произношением звучал доброжелательно. — Это был смелый поступок. Вы умеете обращаться с лошадьми?

Лиам потер лоб костяшками пальцев.

— Еще как, сэр.

— Вы конюх?

— Не просто конюх, а тренер. На родине я тренировал скаковых лошадей.

Джентльмен изумился.

— Тренер?! Разрази меня гром! Можно узнать ваше имя?

— Лиам О'Кейси, к вашим услугам.

Джентльмен рассмеялся во весь рот.

— Оставьте эти расшаркивания, мистер О'Кейси! Я Уильям Грейвз, конезаводчик, — мистер Грейвз протянул Лиаму визитку. — Возьмите карточку. Моя ферма — сразу за сиротским приютом, примерно на Восемьдесят пятой улице. Загляните завтра, если будет время. Думаю, нам будет что обсудить.

Пожав обмякшую руку Лиама, мистер Грейвз забрался обратно на козлы, взял поводья и тронулся.

— Вот это повезло так повезло.

Голос принадлежал Мадре, но когда Лиам обернулся, то не увидел пса. На его месте стоял высокий мужчина в черной рубашке и грязном старомодном сюртуке. Кожа его была бледной, черные, как вороново крыло, волосы стягивал кожаный ремешок, а под черными бровями вразлет сидели узкие раскосые глаза.

— Хватит уже таращиться, Лиам О'Кейси, — сказал пука. — Я ведь не настолько скверно выгляжу.

— Мадра?

— Собственной персоной. Стою перед тобой на двух ногах — чем не человек? — пука взял Лиама под руку и потащил за собой. — Пошли к Мэйв

Макдонах, хлопнем виски за труды. День не зря прошел.

Оглянувшись через плечо, Лиам увидел, как по свиным трупам проехалась запряженная двумя лошадьми тяжелая повозка, везущая пианино.

— Моя котомка, — запричитал он. — Моя оловянная дудочка!

— Творения преподобного Калланана спасти не удалось, — сказал пука, — а вот дудочку… — он протянул Лиаму слегка помятый, но целый инструмент. — Твой кошелек я тоже спас.

— И мою жизнь, — остановившись, Лиам взял пуку под руку. — Я навеки перед тобой в долгу.

Пука насторожился.

— Лиам О'Кейси. Что ты несешь? Мы ничего друг другу не должны. Жизнь за жизнь, услуга за услугу. Теперь мы квиты.

— Значит, теперь ты меня покинешь? — спросил Лиам, и пука так и не смог понять, с надеждой или страхом он это сказал.

— Сперва надо выпить, а там посмотрим, — ответил он, неожиданно почувствовав, что идти под руку с Лиамом ему куда спокойнее. — Тебя ведь нужно будет доставить к мистеру Грейвзу.

— Думаешь, он меня возьмет?

— Безусловно. А еще, не сомневаюсь, предло-

жит руку своей дочери.

Лиам расхохотался.

— Мадра, он едва ли старше меня. Если у него и есть дочь, то она наверняка еще маленькая. Мы же не в сказке, а в реальном мире.

— Ты уверен? — добравшись до трактира Мэйв Макдонах, они вошли в жаркий и шумный бар. — Я вот думаю, что в таком большом городе, как этот, найдется место и сказке. Жизнь в Нью-Йорке кипит, мой друг, и я, пожалуй, останусь тут — пока ты будешь навещать меня и развлекать своими мелодиями. Какое может быть веселье, если некому сыграть тебе «Виски перед завтраком»?

А теперь пришла пора перескочить в Манхэттен ближайшего будущего, где один актер поутру находит на своей кровати металлического грифона.

Джон Ширли
…И ангел с телеэкраном вместо глаз[2]

Проснувшись серым апрельским утром, Макс Уитмен увидел на столбике в изножье своей антикварной кровати с балдахином живого грифона. Спросонья Макс любовался, как грифон — блестящий, металлический грифон — чистил зеркальные перышки острым кадмиевым клювом. При движении грифон слегка поскрипывал. Сперва Макс решил, что еще спит — в последние дни ему как раз снились яркие, кинематографичные, связанные между собой сны. Но, кажется, один из снов превратился в явь. Макс помнил грифона из прошлого сна. Тот сон был полон контрастов: ему снились строгие, не излучающие тепла столпы белого слепящего света, бьющие сквозь безнадежно унылые облака. Сверкая серебром, грифон приближался к Максу, лавируя среди световых колонн. И вдруг тучи сгустились, пролившись дождем — алым, плотным, липким.

---

[2] notes: 2

"…And the Angel with Television Eyes" © 2013 John Shirley. First publication: *The Mammoth Book of Angels and Demons*, ed. Paula Guran (Robinson).

Кровавым дождем. Кровь стекала по стенам высоких, украшенных горгульями башен хрустального замка. Безо всякой опоры замок парил в воздухе, монолитный, будто гора Эверест, отражая осаду армии уродливых летучих существ под началом человека с головой из колючей проволоки…

Что за ужасный сон.

Макс вздрогнул. Он надеялся, что грифоном дело и ограничится. Не хватало еще, чтобы в его реальной жизни тоже пошли кровавые дожди.

Он протер глаза, ожидая, что грифон исчезнет. Но тот оставался на своем месте, все такой же сияющий. Великолепный. И, кажется, голодный…

Грифон заметил, что Макс проснулся. Выпрямившись и расправив двухметровые крылья, вспыхнувшие в лучах утреннего солнца, без помех проникавших в комнату сквозь широкое панорамное окно, грифон произнес:

— Ну и что тебе от меня нужно?

Голос грифона был мужским, удивительно певучим.

— А? — неуверенно ответил Макс. — Мне? От тебя?

Неужели это голограмма? Но грифон выглядел абсолютно цельным… к тому же Макс отчетливо

слышал, как когти существа царапают кроватный столбик.

— Я пришел на твой зов, — объяснил грифон. — Сначала ты звал громко, потом тихо. Видимо, еще не освоил мысленную связь. Но я тебя услышал и прилетел. Кто ты и зачем призвал меня?

— Слушай, я не… — тут Макса осенило, и он улыбнулся. — Это все Сандра? Сандра Кляйн, художница по спецэффектам. Это наверняка ее рук дело, — зевнув, Макс присел. — Должен признать, она превзошла саму себя. Ты просто чудо техники, черт бы меня побрал.

Ростом грифон был около метра. Он сидел на задних лапах, крепко вцепившись орлиными когтями в кроватный столбик, а передние львиные лапы — серебристые, металлические, гладкие — сложил на покрытых пухом коленях. Пух напоминал токарную стружку. У грифона была львиная голова с клювом вместо пасти. Его покрытая перьями грудь вздымалась и опадала.

— Как механическое устройство может дышать? — задумчиво пробормотал Макс.

— Механическое? — переливчатые глаза грифона грозно сверкнули, и он взмахнул хвостом, который, казалось, был свит из проволоки. — Я действительно выгляжу так, будто сделан из

металла, пластика и проводов, но уверяю: я не имею ничего общего с тем, что вы, люди, зовете «искусственным интеллектом».

— Ага, — Максу неожиданно стало холодно, и он натянул одеяло до покрывшихся гусиной кожей плеч. — Прошу прощения.

«Лучше его не злить», — подумал Макс.

— Значит, это не Сандра тебя прислала?

Грифон фыркнул.

— Сандра? Ни в коем случае!

— Я… — у Макса пересохло в горле. — Я видел тебя во сне.

Макс чувствовал себя странно, как будто принял наркотик, одновременно обладающий и успокаивающим, и возбуждающим действием.

— Во сне? — грифон насторожился. — А что еще ты видел в этом сне?

— Там были… какие-то твари. Шел кровавый дождь. Помню замок, который то появлялся, то исчезал. И человека, сделанного, кажется, из расплавленного металла. Его голова была из колючей проволоки. Мне уже не впервые снится сон, где я вижу… такое.

— Если тебе и правда это приснилось, то мое появление было предначертано судьбой. Я вижу, что ты в самом деле не понимаешь, зачем я

здесь, — грифон моргнул; его тонкие металлические веки едва слышно клацнули. — Но ты не удивлен. Другой на твоем месте уже бросился бы с криками наутек. Ты веришь в мою реальность.

Макс пожал плечами.

— Наверное. Но ты так и не назвал причину твоего появления. Говоришь, оно было предначертано?

— Скорее, запланировано. Мое имя Блик, я Старозаветный Охранитель, верховный чиновник на службе лорда Виридиана. А ты — если ты и вправду человек — обладаешь врожденным неограненным талантом. Ты отправил мне мысленное послание во сне, бессознательно. Послание было неясным, и мне стоило догадаться. Вот так так! Я в этих вопросах не специалист, но ты можешь быть одним из Скрытых. Что ж, определим на собрании. Сперва я был бы не прочь немного подкрепиться. Если не ошибаюсь, вы, люди, держите еду на каких-то «кухнях»? Наверное, это дальше по коридору…

Соскочив с кроватного столбика, блистательный грифон с легким клацаньем приземлился на пол и поскакал в сторону кухни.

Макс в задумчивости выбрался из кровати.

«А ведь верно, — подумал он. — Мне стоило

бы испугаться или хотя бы растеряться. А меня ничего не смущает. Я действительно ожидал чего-то подобного».

Ожидал с тех самых пор, как начал видеть сны. Они начались спустя неделю после того, как его утвердили на роль принца Редмарка. Он сам придумал герою имя — оригинальное, придуманное сценаристами вызывало сомнения, и Макс предложил наугад: «Как насчет принца Редмарка?» Продюсеру понравилось. Успешная карьера в шоу-бизнесе нередко строится благодаря таким случайностям. После четырех съемочных дней первых двух серий и начались сны. Иногда Максу снилось, что он принц Редмарк, иногда он просто видел вспышки света, ощущал порывы ветра, способного мыслить и чувствовать. Он пробирался сквозь невиданные сады невидимых цветов… Потом сны становились все более мрачными, жестокими, и он нередко просыпался мокрым от пота, со сжатыми от напряжения кулаками, вытаращив глаза. В этих снах были грифоны, кровавые дожди и жуткие твари. Летучие, когтистые.

Макс сыграл принца Редмарка уже в семи сериях. Его выбрали на роль благодаря атлетическому телосложению, густой темной шевелюре и тому, что пиарщики назвали «аристократической от-

решенностью» — проще говоря, высокомерному виду.

К своему удивлению Макс Уитмен обнаружил, что ему даже не приходится по-настоящему играть роль. Когда он представал в образе принца Редмарка, он был принцем Редмарком. Просто как дважды два. Сотрудники съемочной бригады втихую подшучивали над ним, потому что между съемками он не выходил из образа и расхаживал по площадке, держа королевскую осанку и не снимая руки с эфеса меча.

Сегодня утром он не чувствовал себя принцем Редмарком. Его все еще клонило в сон, он был сбит с толку и чувствовал нависшую над ним угрозу. Потянувшись, Макс направился на кухню, обеспокоенный доносившимися оттуда зловещими и малоприятными звуками. Скрежетом когтей по стеклу. Плеском воды. Хлюпаньем. Сообразив, в чем дело, он выскочил из спальни.

— Черт, он забрался в аквариум!

Макс бросился на кухню.

— Эй… вот дерьмо! Мои рыбки…

Грифон сидел на барной стойке рядом с десятигаллонным аквариумом. Три рыбы-ласточки размером с ладонь медленно подыхали на синем плиточном полу. Спорхнув на пол, грифон ловко

располосовал рыб клювом и, как орел, проглотил по кусочкам. Синяя плитка окрасилась красным. Макс отвернулся, расстроенный, но не сердитый.

— Вот зачем ты это сделал?

— Против природы не попрешь. Я был голоден. Когда мы принимаем физическую форму, то должны питаться. Мертвечину из твоего холодильника я есть не могу. После некоторых раздумий я пришел к выводу, что тебя есть тоже не следует… Нам пора на собрание. И не спрашивай «какое еще собрание?».

— Ладно, не буду.

— Возьми экспресс-такси до Гавани, дом восемьсот шестьдесят два, квартира семнадцать. Я встречу тебя на балконе… постой-ка. Мне послание. Точнее, не мне, а тебе. Говорят… — грифон насторожился, будто прислушиваясь. — Говорят, я должен извиниться перед тобой за рыбу. Похоже, в их кругах ты пользуешься невероятным уважением, — грифон склонил голову. — Прошу прощения. Еще говорят, что ты должен прочитать письмо от какого-то Карстерса. Оно уже две недели лежит в папке «личные сообщения» твоего компьютера, но ты до сих пор не удосужился его прочесть. Обязательно прочти. Вроде на этом всё. Что ж, бывай…

Взмахнув крыльями, грифон перепорхнул в гостиную. Створчатые двери распахнулись перед ним, словно по мановению волшебной палочки. Он выбрался на балкон, сгруппировался и взмыл в воздух. Максу показалось, что напоследок грифон крикнул ему что-то, касающееся принца Редмарка.

Утро выдалось по-весеннему ветреным. Макс ждал сетевое такси под навесом на крыше своего дома. Сетью называлась система металлических контактных рельсов, будто тонкая паутина оплетающая громадные здания, горными вершинами возвышающиеся над облаками. Тысячи клиновидных такси и частных сетемобилей сновали по сети туда-сюда.

Макс нетерпеливо жал зеленую кнопку вызова на сигнальном столбе. Вызов принял транспортный компьютер в Аптауне, и к нему на автопилоте направилось пустое такси. Отделившись от лихорадочного потока машин, оно аккуратно спустилось к остановке под навесом. Забравшись внутрь, Макс вставил карточку «Юникард» в терминал. На небольшом экране появилось подтверждение оплаты проезда, и вопрос: «куда?». Макс ввел адрес с помощью клавиатуры. Компьютер такси передал координаты централь-

ному компьютеру по встроенному в Сеть каналу данных. Получив ответный сигнал, такси покинуло остановку и вернулось на трассу.

Макс вспомнил, что грифон велел ему прочесть письмо от Карстерса. Они с Карстерсом познакомились на фестивале фэнтези. Карстерс намекнул, что занимался «весьма эзотерическими исследованиями» в отделении парапсихологии университета Дьюка. Максу было от Карстерса не по себе: актеру казалось, что новый знакомый следит за ним, оказываясь рядом в любом уголке отеля, где проходил фестиваль. Поэтому он намеренно игнорировал письмо, но так и не решился его удалить.

Такси неслось по городу, лавируя среди вершин небоскребов и пересекая узкие парки, устроенные на месте прежних авеню. Макс подал запрос на соединение с домашним компьютером. Терминал списал с его счета необходимую для оказания услуги сумму и подключил его. Макс заказал распечатку письма Карстерса.

Он пробежал послание глазами, сперва остановив внимание на следующем отрывке:

…когда я увидел вас на фестивале, то сразу понял, что вы пользуетесь благосклонностью Тайной Расы. Они были там, совсем рядом, неви-

димые для вас — и для меня, но при определенном освещении, благодаря многолетним тренировкам, я могу сконцентрироваться и увидеть…

Макс вздрогнул. «Безумец», — подумал он. С другой стороны, грифон ведь был самым что ни на есть настоящим. Он пропустил пару абзацев, перескочив дальше:

Вы наверняка помните о ходивших в прошлом веке разговорах о «плазменных телах», существующих внутри наших физических тел — своего рода независимых, но неразрывно связанных с человеческой сущностью мембранах из субатомных частиц. Они представляют собой то, что принято было называть «душой». Некоторые специалисты пришли к выводу, что если это плазменное тело способно существовать в столь четкой форме внутри организма и пережить перемещение после гибели вышеупомянутого организма, то, возможно, существуют и бесплотные формы жизни, обитающие рядом с человеком, но неизвестные науке. Так вот, Макс, они существуют. Зафиксированные случаи одержимости дьяволом и полтергейсты — их рук дело. Многие мифологические существа тоже на деле были представителями этой невидимой расы. Моя организация пятнадцать лет занимается изу-

чением Тайной Расы — или плазмагномов, как их иногда называют. Наши исследования проводились в строжайшей тайне, во избежание…

Макса отвлек странный звук — будто кто-то царапал крышу такси. Выглянув в окно, Макс ничего не увидел и пожал плечами. Наверное, ветром прибило газету. Он снова обратился к письму.

…во избежание недоразумений. Некоторые плазмагномы враждебно относятся к людям. Тайная Раса соблюдает строжайшую иерархию. Всего насчитывается порядка десяти тысяч плазмагномов, обитающих в тех уголках земного шара, которые принято считать непригодными для жизни. Для плазмагномов эти места вполне подходят. Большинство из них — так называемые смерды; они создают плазменные поля, своего рода энергетические пласты, которые могут быть использованы либо для питания, либо для создания эфирных конструкций. Об этих смердах хорошо заботятся. Аристократия занимается управлением и изучением различных вселенных, а в первую очередь — воплощением в жизнь и усовершенствованием Ритуала. Однако эта монархическая иерархия расколота на две

противоборствующие фракции: Охранители и Эксплуататоры; это наиболее близкие по смыслу слова в нашем языке. Охранители следуют воле монарха и лордов-тетрархов. В последнее время число Эксплуататоров значительно возросло, и их стало сложно контролировать. Много веков назад Охранитель уже принимал на Земле физический облик «Мерлина», а Эксплуататор — «Мордреда», и теперь некоторые представители Тайной Расы вновь обзавелись телами и ходят среди нас…

Макс снова поднял голову.

Царапанье по крыше стало громче. Макс пытался не обращать внимания, но его сердце беспокойно заколотилось. Он покосился на письмо.

Эксплуататоры настаивают, что человечество обладает ограниченным мышлением, опасно для биосферы, слишком многочисленно и в целом годится лишь в рабы и для прокорма. Если им станет известно, что моя организация занимается изучением Тайной Расы, меня и моих сподвижников ждет неминуемая смерть. До недавнего времени Охранители не позволяли противоборствующей стороне принимать физи-

ческую форму. Вне физического тела им сложнее влиять на нас, потому что наше биологическое магнитное поле не дает им приблизиться… Много столетий назад они появлялись перед людьми в облике драконов, колдунов, фей, гарпий, крылатых коней, грифонов, ангелов и демонов…

Макс откинулся на спинку сиденья и недоуменно покачал головой. Грифоны… Он перевел дух. Это все равно мог быть розыгрыш. Грифон мог быть механическим.

Но он знал, что это не так. Знал еще с детства. Уже тогда он видел яркие, кинематографичные сны, которые…

Он насторожился. Над головой вновь раздалось тихое поскребывание. Боковым зрением он заметил темную фигуру и, обернувшись, увидел, как за окном скрылся из виду край кожистого крыла.

— Боже!

Макс решил, что ему следует дочитать письмо, и как можно скорее. Чем больше он знает, тем лучше. Царапанье превратилось в скрежет, становилось все более громким и угрожающим.

Он заставил себя прочитать последний параграф.

…они принимали облик этих существ потому,

что он соответствовал нашим ожиданиям. Они входят на видимый нам план бытия лишь изучив предварительно наш менталитет и наши культурные особенности, пройдя сквозь электромагнитное поле коллективного разума. Принимаемые ими формы, по всей видимости, отражают их собственный психологический портрет — у каждого он свой. Приобретая физическое тело, они манипулируют атомами материального мира при помощи телекинеза, и формируют образ, хотя бы отдаленно схожий с существующими в нашем мире организмами или машинами. Наше нынешнее общество зависимо от механизмов, и потому в последнее время они все чаще приобретают форму машин, скрещенных с более древними образами. Можно сказать, что они становятся роботами с внешностью мифических существ. Никакая магия в этом не замешана. Они реальны; в их телах происходит обмен веществ, они испытывают физиологические потребности и занимают свои экологические ниши. Они способны запоминать и хранить информацию в «закрытых плазменных полях», и даже строить себе жилье. Их за́мки, как правило, достигают огромных размеров; сложная структура этих сооружений невидима

и неосязаема для нас. Мы легко можем пройти сквозь них, не потревожив хозяев. Отношение Тайной Расы к материи, энергии и смерти радикально отличается от нашего. Именно из-за этого мы считаем их волшебными созданиями. А теперь к делу. Мистер Уитмен, я пишу вам, чтобы пригласить на собрание сил противодействия планам Эксплуататоров…

Макс не дочитал. Отвлекся. Неприкрытый ужас способен отвлечь от чего угодно.

Скрежет металла над головой заставил его вскрикнуть. Тонкую крышу такси прорезали острые титановые когти, длинные, как пальцы человека, и угрожающе изогнутые. Металлическая крыша была почти сорвана.

Макс лихорадочно отправил сообщение на терминал: «Чрезвычайная ситуация, смена курса на ближайший полицейский участок. Беру на себя ответственность за любые нарушения правил дорожного движения».

Транспортный поток расступился перед такси, машина свернула с сети и спикировала с рампы вниз, остановившись на бетонной остановке на уличном уровне, прямо напротив участка и стоявшей рядом с входом полицейской машины, из которой еще не успел вылезти коп. Вытаращив

глаза, он выхватил пистолет и бросился к такси.

Когти клацали, пытаясь схватить Макса. Он открыл дверь и выскочил из машины в поисках более надежного укрытия.

Что-то ударило его между лопаток, и он пошатнулся. Плечи будто пронзила ледяная сосулька, и он взвыл от боли. Металлические когти впились в плоть и подняли Макса в воздух. Он чувствовал, как напряглись его мышцы, вот-вот готовые порваться. Но тут когти отпустили его, и он упал навзничь. Дыхание перехватило, и он остался лежать, схватившись за живот. Что-то черно-синее, смутное, спикировало к нему сзади. Макс почувствовал, что его потянули за ремень, и через мгновение вновь оторвался от земли. Когтистые твари несли его за ремень, словно чемодан за ручку.

Он поднялся на два, три, пять метров над бетонкой, затем еще выше. Раздался выстрел, и Максу показалось, что полицейский упал под натиском крылатой тьмы.

Очертания города слились в серое пятно. Макс слышал хлопки могучих крыльев над головой. Он думал: «Я слишком тяжелый. Я не создан для полета».

Но его несли все выше. Крылья летучих тварей

хлопали и поскрипывали, но в остальном Макс летел в тишине. Он перестал вырываться. Освободись он сейчас, и его ждет падение с высоты не меньше десяти этажей. Он обмяк и обреченно повис, будто заяц в когтях ястреба.

Внизу в поле его зрения появились еще две твари. Они несли несчастного полицейского — крупного лысого мужчину с пивным брюшком. Одна тварь держала его за лодыжки, другая — за шею. Коп не подавал признаков жизни, и судя по положению головы, его шея была сломана.

Если не считать свиста бьющего в лицо ветра и боли от врезавшегося в кожу ремня, Макс не чувствовал ничего, как во сне. Ему было страшно, безумно страшно, но страх каким-то образом слился с окружающим миром, превратившись в привычный, незаметный раздражитель вроде шума с соседней стройки. Но стоило Максу присмотреться к несущим его созданиям, как его охватило пугающее ощущение дежавю. Он помнил их из снов. Два дня назад он проснулся, бормоча «летучие твари, твари с когтями». Они были из винила. Сине-черного винила, натянутого на, как ему показалось, алюминиевый каркас. Они напоминали костистых, почти скелетоподобных женщин, с едва заметными твердыми

бугорками на месте грудей и руками, переходящими в широкие, зубчатые, кожистые крылья. У них были женские головы с яркими, похожими на мочалки зелеными париками, но вместо глаз были линзы фотокамер, по одной на глазницу. Когда они открывали рот, Макс видел вместо зубов иссиня-серые лезвия, идущие по всей длине узких челюстей. «Это гарпии, — решил он. — Виниловые гарпии».

Одна гарпия, что летела в трех метрах внизу, повернула виниловую голову и уставилась глазами-фотообъективами на Макса. Открыв рот, она вздернула подбородок, будто собравшаяся завыть собака. Но вместо воя раздалось предупреждение о воздушной тревоге: «ВСЕМ УКРЫТЬСЯ В УБЕЖИЩАХ! ВСЕМ НЕМЕДЛЕННО УКРЫТЬСЯ В УБЕЖИЩАХ! НЕ СОБИРАЙТЕ ВЕЩИ. ОТПРАВЛЯЙТЕСЬ ВСЕЙ СЕМЬЕЙ В УБЕЖИЩЕ. НИЧЕГО С СОБОЙ НЕ БЕРИТЕ. ВОДА И ПИЩА БУДУТ ПРЕДОСТАВЛЕНЫ НА МЕСТЕ. НЕМЕДЛЕННО УКРОЙТЕСЬ…»

Две другие гарпии подхватили сообщение. «НЕМЕДЛЕННО ОТПРАВЛЯЙТЕСЬ В УКРЫТИЕ!» — раздавался бесполый, бесстрастный голос. «ОТПРАВЛЯЙТЕСЬ ВСЕЙ СЕМЬЕЙ В УБЕЖИЩЕ».

Макс догадался, что для гарпий эти слова не

несут никакого смысла. Для них эти звуки значили то же, что и карканье для ворон — объявление окружающей территории своей.

Они пробыли в воздухе не более десяти минут, рывками перемахивая через крыши и прочие городские постройки. Наконец началось снижение. Они были над Окраинным городом, прежде носившим имя Южный Бронкс. Здесь люди еще пользовались автомобилями, оснащенными двигателями внутреннего сгорания — если могли достать контрабандный бензин. Улицы были покрыты потрескавшимся, в выбоинах, асфальтом. Полиция почти не заглядывала в эти края; камеры наружного наблюдения были сломаны, тротуары завалены мусором, а две трети зданий давно не видели жильцов.

Макс опускался на старомодную, покрытую гудроном крышу пятиэтажного дома, втиснутого между тремя зданиями повыше. Все четыре дома казались заброшенными, а вот здание напротив, через дорогу, было кем-то занято: прямо в вентиляционной шахте сушилось белье, а на крыше стоял ребенок — маленькая темнокожая девочка. Она смотрела на Макса без всякого удивления, и при виде этой девочки актеру сразу стало легче на сердце.

Там, где тени трех зданий сливались над четвертым, была небольшая пристройка, дверь которой вела с крыши внутрь дома. Дверь болталась на одной петле, а сразу за ней мерцала вишнево-красная лампа, пульсируя, будто гнев в чьей-то черной душе.

Виниловые гарпии развернулись, выбирая место для посадки, и лампа пропала из поля зрения Макса. Крыша стремительно приближалась. Когти разжались, и на мгновение он оказался в свободном падении. Пролетев три метра, он приземлился на пятки и перекатился вперед. Едва не задохнувшись от удара о поверхность крыши, он остановился, чтобы отдышаться. Лодыжки и ступни ныли.

Отдышавшись, он поднялся, пошатываясь, и протер глаза. Перед ним была открытая дверь. Внутри, в темном пыльном проеме стоял человек из раскаленной стали. Его торс и руки были накалены докрасна. Человек прикоснулся к деревянной раме, и та вспыхнула. Гарпии кружили над крышей, вскакивая на дымовые трубы и спрыгивая вниз, хлопали крыльями, кричали, громыхали свое «НЕМЕДЛЕННО ОТПРАВЛЯЙТЕСЬ В УКРЫТИЕ, НЕМЕДЛЕННО, НЕМЕДЛЕННО. НЕМЕДЛЕННО».

Человек из раскаленной стали вышел на крышу. Гарпии смиренно умолкли. Собравшись за его спиной, они склонили головы и принялись скоблить крылья остроконечными подбородками. В стороне, спиной к Максу, лежал бездыханный труп полицейского. Его голова была вывернута на сто восемьдесят градусов, единственный оставшийся голубой глаз безжизненно смотрел на Макса, а язык был перекушен надвое.

На несколько секунд наступила тишина. Слышались лишь шелест крыльев и потрескивание огня в пристройке.

Стальной человек не носил одежды. Его фигура была внушительной, двух с половиной метров ростом, и обтекаемой, будто корпус новейшего истребителя. Казалось, он был выточен из цельного куска металла, если не считать квадратной створки с металлической ручкой в груди. Створка напоминала дверцу старомодной мусоросжигательной печи — посередине была крошечная закоптелая стеклянная панель, за которой виднелось неугасимое голубовато-белое пламя. Его руки, ноги и стилизованные гениталии выглядели вполне человеческими, хоть и состояли из блестящего металла. Голова была свита из колючей проволоки — и при этом поразительно точно

отражала все человеческие черты, включая мрачное выражение лица и аристократический профиль. На месте глаз зияли пустоты, в которых полыхал красный огонь. Языки пламени то и дело вырывались из глазниц, отплясывая на лбу и висках и постепенно угасая. Над головой вместо волос высились металлические колючки, из них же состояли брови и уши. Когда человек заговорил с гарпиями, из его рта вырвался сизый дым.

— Накормите меня, — проволочные губы двигались точно как человеческие, плетеная челюсть двигалась плавно. — Накормите меня, пока я буду говорить с ним.

Он шагнул к Максу, и тот попятился от невероятной жары.

— Я Лорд Танат, — лязгнул металлический голос.

Макс узнал его.

Одна из гарпий подлетела к трупу полисмена. Уцепившись за руку, она прижала тело своей короткой ногой и принялась выкручивать сустав. Оторвав руку от плеча, гарпия притащила ее Танату, оставив на гудроне крыши алый кровавый след. Свободной рукой гарпия повернула ручку на груди своего повелителя. Створка распахнулась, и изнутри вырвалась ослепительная вспышка.

Отвернувшись от нестерпимого света, виниловая гарпия сунула руку полицейского вместе с обрывком рукава и наручной рацией в полыхающее в груди Таната пламя. Зашкворчала плоть, повалил черный дым. В воздухе запахло жареным мясом. У Макса скрутило живот, и он сделал еще шаг назад. Онемев, он смотрел, как гарпии мечутся от трупа к Танату, понемногу расчленяя полисмена и скармливая кусок за куском этой адской топке — своему повелителю. Огонь в его чреве разгорелся сильнее, сталь засияла ярче.

— Так суждено, — произнес Танат. — Ты будешь служить мне. Макс Уитмен, ты смотришь на меня и моих слуг, и не впадаешь в безумие. Ты не убегаешь от меня в ужасе. Все потому, что ты так или иначе знал о нас всю свою жизнь. Когда мы впервые встретились в мире снов, я сразу понял, кто ты на самом деле. Ты сможешь служить мне и остаться жить среди людей. Ты станешь моим эмиссаром и получишь защиту от жалких трусов, стремящихся помешать моему присутствию в вашем мире. Ты будешь говорить от моего имени с людьми, с теми немногими, что управляют массами. С теми, кто имеет богатство и власть. Ты расскажешь им, что лорд Танат может наделить их еще большей властью. Я способен наслать

демонов и другие наваждения на их врагов. Их могущество преумножится, и тогда они накормят меня, чтобы преумножить мое могущество. Так суждено.

Не успел он договорить, как с небес спустилась еще одна гарпия и бросила к ногам повелителя новый труп, на этот раз молодого латиноамериканца в заляпанном грязью белом костюме. Танат тяжело вздохнул. Из широко раскрытого проволочного рта вырвался голубоватый, пахнущий фабричным выхлопом, дымок.

— Они всегда приносят мне мертвецов, и отучить их от этого не удается. Почему нельзя не убивать? Ведь люди гораздо вкуснее, когда в них еще теплится жизнь. Мои слуги бестолковы; это сущее проклятие.

«В таком случае, почему гарпии не убили меня?» — подумал Макс.

Виниловые гарпии оторвали руку распластавшемуся на крыше мертвецу и бросили в хозяйскую топку. Языки пламени отражались в их глазах-объективах. Танат взглянул на Макса.

— Почему ты молчишь?

Макс подумал: «Нужно ответить хоть что-нибудь. Все, что угодно, лишь бы убраться отсюда подобру-поздорову».

— Я сделаю все, что ты просишь. Отпусти меня, и я приведу к тебе людей. Стану твоим этим, как его… эмиссаром.

Последовал новый дымный вздох.

— Ты лжешь. Мои опасения подтвердились. Ты лоялен. Должно быть, повинуешься инстинкту.

— Лоялен кому?

— Ты для меня открытая книга. Тебе виден лишь образ, который я для себя выбрал, а я вижу сквозь твое обличье. Тебе не удастся нас обмануть. Ложь цветет внутри тебя, как ядовитая пурпурная орхидея. Ты не проведешь Лорда.

Он облизнул колючие губы пламенным языком.

«Мне конец, — решил Макс. — Меня скормят этому чудовищу!»

Была ли такая смерть глупой? Абсурдной? Не глупее, чем гибель от нервно-паралитического газа в траншее где-нибудь в далекой стране; не глупее, чем гибель дядюшки Дэнни в цистерне с люминесцентной розовой краской.

— Ты не умрешь, — сказал Танат, словно прочитав его мысли. — Мы сохраним тебя живым в состоянии стазиса. Ты навеки станешь нашим пленником.

То, что произошло следом, заставило Макса

вспомнить слоган, что иногда писали на старых бомбардировщиках «Б-12» во Вторую мировую войну, — «Кара небесная». Нечто серебристое молниеносно спикировало вниз и атаковало двух гарпий, возившихся с трупом мужчины в белом костюме. От удара обе гарпии, переломанные и безжизненные, перелетели через край крыши и рухнули вниз.

Грифон притормозил, царапая когтями гудроновое покрытие, и пошел на второй круг. Уцелевшие гарпии взлетели, принимая бой.

Отовсюду — по большей части с севера — возникали новые диковинные фигуры. Среди них был мужчина, паривший в воздухе без крыльев. Он левитировал. Мужчина был похож на ангела, его кожа казалась ослепительно белой, белоснежной. На нем была набедренная повязка из материала, напоминающего фольгу. Голова создания была человеческой, обрамленной светлыми кудрями, но вместо глаз из черепа торчал миниатюрный телеэкран. Глаза оценивающе смотрели с экрана. За мужчиной прибыли еще два грифона, один позолоченный, другой никелевый, а за ними — женщина, летевшая, будто пушинка по ветру. Она была похожа на деву Марию, только обнаженную: пластмассовая Мадонна из того же

материала, что надувные пляжные игрушки. Ее глянцевая фигура была раскрашена широкими полосами всех основных цветов. Она казалась бесплотной, словно мыльный пузырь, но одного ее удара хватило, чтобы виниловая гарпия кубарем покатилась по крыше. Сопровождали женщину два вертолета… небольших, размером с лошадь. Нижняя часть вертолетов напоминала средневековых драконов в металлической непробиваемой чешуе. Их когтистые лапы заменяли шасси. Кабины были самыми обычными, но за стеклами не видно было пилотов. Расположенные под темными окнами разверстые зубастые рты извергали громкий, многократно усиленный динамиками хохот. Вертолеты-драконы принялись атаковать оставшихся гарпий, кроша лопастями виниловые крылья.

Танат прогудел приказ, и из горящего дверного проема за его спиной появилась семерка огромных, размером с грифов, летучих мышей с глазами-объективами, вращающимися электроножами вместо зубов и крыльями из тончайшего алюминия.

Мыши с пронзительным свистом пронеслись прямо над головой Макса и ринулись на «Матерь пластиковую». Макс распластался на крыше и

закашлялся от дыма. Огонь в дверном проеме разгорался все сильнее.

За мышами появились два гигантских паука из высокопрочных полимеров, со жвалами из лучшей золингенской стали. Быстро перебирая медными механическими лапами, они бросились на ангела с телеэкраном вместо глаз. Снизившись, ангел жестом поманил к себе Макса.

Пауки вцепились ангелу в ноги и потащили вниз, вырывая куски кровавой плоти из его белоснежных рук.

Лорд Танат поймал за хвост пролетавшего мимо грифона и, шмякнув его о крышу, сдавил раскаленными ручищами. Грифон заверещал и начал плавиться.

Пара стальных мышей протаранили вертолет-дракон и вместе с ним взорвались фонтаном голубых искр. Матерь пластиковая крушила алюминиевые ребра атакующих ее с громогласным «НЕМЕДЛЕННО» виниловых гарпий. Гарпии восторжествовали, когда она разорвалась — но тут же опешили и бросились врассыпную, когда ее фрагменты воссоединились прямо в воздухе.

Макс догадывался, что истинная битва шла в каком-то ином измерении, на субатомном уровне, и велась она с помощью куда более изощренного

и тонкого оружия. Он видел лишь искаженный зрительный образ настоящего противостояния.

Пауки опутали ноги ангела оптоволоконной паутиной. Тот одним махом сбросил их с себя и снова завис в воздухе, крича Максу:

— Убей себя! Ты…

— ЗАСТАВЬТЕ ЕГО УМОЛКНУТЬ! — прогремел Танат, указывая огненным пальцем на ангела.

Две гарпии мгновенно повиновались, пронзив когтями глотку ангела с телеэкраном вместо глаз. Они терзали его белоснежную шею, и лишь сдавленный, хриплый стон вырывался из горла ангела. Когда тот пал, Макс увидел, как из его рта вырвалось облако бирюзового фосфоресцирующего тумана, и не поверил своим глазам.

«Я вижу его плазменное тело, — подумал он. — У меня действительно особый дар!»

Он заметил, как фосфоресцирующее облако приняло смутные человеческие очертания и медленно переместилось к телу мертвого латиноамериканца. Остановившись, оно обволокло труп. Завладело им.

Без правой руки, без части лица, труп встал. Пошатываясь и вздрагивая, он произнес разорванными губами:

— Макс, убей себя и осво…

Танат бросился на качающийся труп и схватил его огненными пальцами за горло, сжигая гортань. Тело обмякло.

Макс выпрямился. Его сны возвращались — или кто-то намеренно посылал ему видения? Кто-то, способный общаться с помощью одних лишь мыслей. *«Ты — один из Скрытых»*.

Битва больше не интересовала Таната. Он прорычал:

— Взять его! Связать и доставить в безопасное место!

Пауки неохотно отвлеклись от пожирания тела ангела с телеэкраном вместо глаз и поползли к Максу. Макс вдруг почувствовал, что внутри него все затрепетало. Он шагнул вперед и опустился перед пауками на колени.

— Не смейте его ранить! — гремел Танат. — Не дайте ему…

Но было поздно. Макс обнял паука, прижав его к груди, будто родного, и перерезал себе горло острым, как бритва, паучьим жвалом. Он упал в конвульсиях, чувствуя одновременно невыразимо острую и тупую боль. Все вокруг стало серым. А потом все вокруг залил белый свет.

Он был мертв, но в то же время жив. Он стоял над собственным телом, освобожденный.

Одним мановением руки он с помощью своей плазменной ауры погасил пламя в пристройке. Мгновенно.

Шум битвы стих. Сражающиеся остановились и разошлись. Они стояли, сидели или парили вокруг, наблюдая за ним в ожидании. Они знали его как принца Редмарка, спящего лорда плазмагномов, одного из семи Скрытых, много лет живущего среди людей в ожидании дня пробуждения. Того, кто должен был пробудиться в назначенный час, чтобы спасти народ от пожирания Танатом. И вот он пробудился, первый из Скрытых. Теперь он разбудит остальных, спрятанных, спящих в телах простых, неизвестных людей. В телах старух и стремящихся на покой солдат — а также в теле юной девочки с кожей цвета сепии, совсем рядом.

Вздрогнув, Танат приготовился к поединку воли. Макс — лорд Редмарк — окинул взглядом окружавшие его фигуры. Заставив себя смотреть сквозь наружный облик, глубже, он увидел в их движениях — мысль, в действиях — волю, в них самих — переплетение зыбких течений и спектральных волн. Он видел сквозь внешнюю оболочку Лорда Таната.

Девочка по имени Хэйзел Джонсон наблюдала

за битвой с соседней крыши. Кроме нее сражения никто не видел; лишь перед ней противостояние разворачивалось как на ладони.

Хэйзел Джонсон было всего восемь лет, но она была уже достаточно взрослой, чтобы понимать — разыгравшаяся перед ней невероятная сцена должна ее пугать и заставить с криком броситься к маме. Но она уже видела ее во сне, а эта девочка всегда верила, что сны — реальны.

На ее глазах человек бросился на паука и умер; его тело засияло синеватым светом, после чего синее облако сформировалось в гигантскую осязаемую форму, нависшую над уродливым человеком с головой из колючей проволоки. Все летучие существа остановились, разглядывая незнакомца.

Хэйзел незнакомец напоминал астронавта, сюжет о возвращении которых с космической станции она видела по телевизору. На нем был похожий космический скафандр, а на рукаве даже был пришит американский флаг. Но незнакомец был больше любого астронавта, да и любого известного Хэйзел человека. Ростом он был, наверное, метра четыре. Теперь девочка заметила, что его шлем был не таким, как у астронавтов. Он был таким, какие носили в кино рыцари Круглого

стола. Рыцарь в космическом скафандре протянул руку к человеку из раскаленного металла…

Лорд Редмарк чувствовал, что с крыши через дорогу за ним наблюдает кто-то из своих. Вероятно, то была Леди Дэй, спящая в теле крошечного человека, еще не знавшего, что она на самом деле вовсе не человек.

Протянув руку в латной рукавице, он сжал ее на колючей шее Лорда Таната (по крайней мере, так это выглядело для девочки с другой стороны улицы), не позволяя тому вырваться, даже несмотря на то, что рукавица начала плавиться от жара. Удерживая Таната, Редмарк открыл створку печи и сунул другую руку в полыхающее в груди врага пламя…

…И погасил его, как человек двумя пальцами тушит свечу.

Металлическое тело осталось стоять и остывать, навеки обездвиженное. Прихвостни Лорда Таната взмыли в небо, преследуемые Охранителями, с каждой секундой теряя телесность и становясь все менее различимыми. Битва перенеслась в другое пространство бытия.

Вскоре на крыше остались только два трупа, несколько мертвых гарпий, оболочка Таната и Лорд Редмарк.

Редмарк обернулся к девочке на крыше. Поднявшись в воздух, он подплыл к ней. Опустившись рядом, он снял шлем, под которым оказалась лишь сотканная из света улыбка. Он был прекрасен. Он сказал:

— Давай разыщем остальных.

Она кивнула, медленно начиная пробуждаться. Но та ее часть, что еще оставалась маленькой девочкой, ее человеческая оболочка, спросила:

— А мне тоже придется умереть, как и тебе?

— Нет. У меня не было выбора. У тебя он есть.

— Мне не нужно будет умирать?

— Не сейчас… — свет, что был улыбкой, стал еще ярче. — И никогда. Ты будешь жить вечно, моя Леди Дэй.

Торговля недвижимостью на Манхэттене никогда не обходится без приключений: на остров стремятся все, включая эльфов, волшебников, домовых, гоблинов и других сверхъестественных существ.

Наоми Новик
Выгодное предложение[3]

— Я не обижаюсь, — разочарованно сказал вампир, — мне просто надоело тратить время. Если жилищный кооператив не желает, чтобы я жил в этом доме, пусть так и скажут, без кривых улыбочек и намеков.

— Понимаю, это ужасно, — сказала Дженнифер. Разумеется, никто из председателей кооператива не осмелился бы так сказать — это было бы прямым нарушением закона о справедливом решении жилищных вопросов и грозило судебным иском. — А о загородном доме вы не думали?

— Конечно, ведь у меня, разумеется, открыт трастовый фонд с долгосрочным реинвестированием, — с иронией ответил вампир. — Мне всего пятьдесят четыре.

Выглядел он при этом не старше двадцати пяти — бледный, изящный, голодный. Типичный вампир, которому приходится недоедать. На свой кофе из «Старбакса» он смотрел едва ли не с

---

[3] notes: 3

“Priced to Sell” © 2011 Temeraire LLC. First publication: *Naked City: Tales of Urban Fantasy*, ed. Ellen Datlow (St. Martin’s Griffin).

отвращением. Дженнифер ничуть не удивлялась тому, что другие жильцы его избегали, и радовалась своей идее щедро посыпать съеденный за обедом кусок пиццы чесночной солью.

— Что ж, — задумалась она. — А как насчет Бруклина?

— Бруклина? — переспросил вампир таким тоном, словно ему предложили пляжный отдых во Флориде.

Вампиру потребовалось целых пять минут, чтобы одеться — натянуть пальто, перчатки, шляпу, вуаль, шарф и плащ. Зная, что вампиру предстоит поездка в час пик по линии Лексингтон-авеню, Дженнифер искренне ему посочувствовала. Она прошла пешком пять кварталов и вошла в офис Дуга, чтобы доложить об итогах встречи. В их агентство вампира перенаправил брокер из «Блэка, Томаса и Филлипса», после того как уже второй жилищный кооператив отказал ему в покупке жилья.

— Попробуй новостройки, где квартиры еще продает сам застройщик, — предложил Дуг. — Какой у него бюджет?

— Миллион двести, — ответила Дженнифер.

— И он хочет трехкомнатную? — опешил Дуг.

Скривившись, Дженнифер кивнула.

— Без шансов. Покажи ему двушки попросторнее, которые можно будет переделать в трешки, и попробуй соблазнить его дополнительными удобствами.

— Я тут подумала — может, потрясем владельцев того викторианского дома на Семьдесят шестой? Могу им написать.

— Держи это в уме, но я бы рассматривал тот дом лишь в качестве запасного варианта, — сказал Дуг. — Тамошним жильцам будет наплевать, что он вампир, но они вряд ли одобрят соседа, которому меньше сотни лет.

В дверь постучали. Следом из проема показалась голова Тома.

— Дуг, прости, что вмешиваюсь, но в два пятнадцать у тебя встреча с новым клиентом на углу Тридцать второй и Первой.

Здание было Дугу незнакомо; квартиры в нем сдавались в аренду, расположение было неудачным. Рядом проходил Мидтаунский туннель с оживленным движением, вид из окон был унылым, а консьержем оказался весьма злобный гоблин. Когда Дуг попросил проводить его в квартиру 6-Б, гоблин огрызнулся.

— Шесть-бэ?

— Да, — подтвердил Дуг.

— А ты… друг? — подозрительно спросил гоблин.

— У нас с хозяином назначена встреча, — как можно дипломатичнее объяснил Дуг. Многие квартиросъемщики не хотели ставить хозяев в известность о том, что планируют съезжать.

Гоблин потыкал ногой спящего под столиком в холле кота. Подняв голову, кот принюхался и недовольно промурчал:

— Чего тебе от меня надо? Это простой агент по торговле недвижимостью.

— Агент? — гоблин заметно оживился и даже обрадовался. — Агент, а? Он что, съезжает?

— Сами спросите, — ответил Дуг. Радость гоблина была дурным знаком. Плохие рекомендации от прежнего арендодателя могли отпугнуть жилищные кооперативы похлеще вампиризма. Не то чтобы у него и прежде не было опасений насчет этого клиента — что мог забыть человек, располагающий тремя миллионами долларов, в такой дыре?

Мебель из «Икеи», который был обставлен весь дом, не добавила ему оптимизма.

— Деньги в трастовом фонде, — уверил его клиент, моргая близорукими глазами из-за толстых круглых очков. Генри Келл — так его звали — не

был похож на человека, способного доставить неприятности гоблинам. Он был тощим коротышкой и говорил так тихо, что Дугу приходилось изо всех сил напрягать слух.

— Я не люблю тратиться и… ни в чем особенно не нуждаюсь, знаете ли. Вот только — как бы сказать — я решил, что нам пора обзавестись собственным жильем. Надеюсь, он со временем оценит мою инициативу.

— Так, значит, мы ищем жилье для вас и вашего… партнера? — предположил Дуг. — Может, стоило и его пригласить?

— Гм, — мистер Келл задумчиво снял очки и протер их тряпочкой. — Рано или поздно вам придется с ним встретиться, но я бы предпочел начать без него.

Келлу было не важно, в довоенный или послевоенный дом переезжать. Не заботил его и вид из окна.

— Однако мне хотелось бы, — уточнил он, — чтобы окна не выходили прямиком на окна соседнего здания.

Когда Дуг предложил сузить круг поисков по районам, Келл лишь развел руками.

— Ладно, — сдался Дуг, понимая, что ему придется хорошенько помучиться, прежде чем

удастся получить хоть малейшее представление о предпочтениях Келла. — Вы свободны завтра? Я могу подобрать и показать вам несколько вариантов.

— Превосходно, — ответил Келл, и на следующее утро установил новый рекорд среди клиентов Дуга, осмотрев первую же квартиру за десять минут и сказав, что берет ее без торга.

Нельзя было сказать, что Дугу претила мысль заработать побольше за минимальное время, но он обязан был соблюсти формальности, требуемые от него профессией.

— Вы уверены, что не хотите сначала осмотреть и другие варианты? — спросил он. — Честно говоря, цена на эту квартиру несколько завышена. Ее выставили на продажу менее недели назад.

— Нет, — ответил Келл. — Вы знаете, мне бы хотелось управиться как можно скорее. Это чудесная квартира, и она прекрасно мне подходит.

Немногие бы с ним согласились. Квартира досталась нынешнему владельцу по наследству; в ванной и кухне никогда не производился ремонт, а прежний хозяин натворил немало преступлений против архитектуры, разместив повсюду встроенную мебель и технику. Однако нельзя было поспорить с тем, что квартира

полностью отвечала требованиям Келла об уединенности. Окна трех комнат выходили на голые стены соседних зданий, еще одно — во двор, а из спальни виднелся уголок Риверсайд-парка. Несмотря на то что дом был многоквартирным, место здесь было тихое благодаря усилиям риверсайдских эльфов.

— Когда можно будет подписать договор? — спросил Келл.

— Я передам вашему нотариусу контактные данные нотариуса продавца, — сказал Дуг и позвонил Тому, чтобы отменить остальные просмотры, не переставая удивляться столь быстрому решению клиента.

— Ничего себе, — Том присвистнул, когда Дуг вошел в офис.

— Сам не ожидал, — ответил Дуг. — Быстрейшая сделка в жизни. Будет чем похвалиться перед коллегами. А как дела в Тюдор-сити?

Том мрачно покачал головой. Тюдор-сити был престижным местом — в выставленной на продажу квартире было две спальни, отдельная столовая, обновленная кухня, две ванные, выложенные плиткой «под кирпич», а из окон открывался вид на штаб-квартиру ООН. Цена тоже была вполне доступной для жилья такого

класса — плати и въезжай. К несчастью, на рынок недвижимости эта квартира попала в результате бракоразводного процесса, и перед тем, как ее покинуть, прежние владельцы успели запомниться соседям постоянными перепалками, скандалами и даже драками.

Потенциальные покупатели редко добирались даже до спален. Они входили, заглядывали в огромный гардероб, заходили в гостиную, замечали на стене тучу огромных черных жуков и тут же выбегали оттуда, как ошпаренные — нередко с криками, хоть Дуг и заранее предупреждал их агентов. Но рынок недвижимости переживал не лучшие времена, и никому не хотелось упускать даже призрачный шанс на продажу.

Сегодняшняя потенциальная покупательница обошлась без криков — она была герпетологом, и Том, решив, что дело выгорит, даже представил жуков в качестве потенциального бесплатного корма для змей.

— Выяснилось, что змеи не едят жуков, — разочарованно заключил он.

— Что ж, не бывает худа без добра, и наоборот, — сказал Дуг. — Давай попробуем уговорить хозяев скинуться на дезинсектора. Печально, что такую квартиру не выходит продать даже по цене

на пятьсот тысяч ниже рыночной.

Рынок недвижимости на Манхэттене всегда был непредсказуем. Все мечтали жить в черте города. Эльфы воевали с волшебниками с Уолл-стрит за таунхаусы Грамерси-парка и дома на Пятой авеню, застройщики пытались выселить домовых-брауни из заброшенных фабричных цехов в Гринич-виллидж, чтобы переоборудовать их в жилища для рок-звезд и рекламщиков, а студенты набивались по четверо в одну комнату с начинающими актерами и алхимиками.

Дугу удалось пережить темные времена начала девяностых, когда в течение семи лет рынок страдал от переизбытка предложений, и продать что-то было практически невозможно. Хуже всего было вести дела с бессмертными — если только жилкооператив не ограничивал сроки субаренды, добиться снижения цены от ракшасы или вампира было невозможно даже в условиях застоя. Ты всегда слышал одно: «Что ж, я потерплю еще лет десять и посмотрю, изменится ли что-нибудь». Но даже тогда Дугу нравилось искать новые вызовы и подбирать подходящих друг другу продавцов и покупателей, а уж теперь, когда он открыл офис в здании «Ричард Мерримэн Инкорпорейтед», обзавелся штатом сотрудников

и мог больше не беспокоиться о бумажной волоките — и подавно.

Впрочем, прямо сейчас дела шли немного хуже, чем ему хотелось бы. На прошлой неделе шестимиллионная сделка с эксклюзивным клиентом (изначальная цена составляла семь миллионов сто тысяч) сорвалась уже после достижения предварительной договоренности. Вдобавок к этому, покупательница потеряла четверть своего состояния в финансовой пирамиде.

— Вы только представьте, — мрачно объяснила она по телефону после того, как сообщила, что сделка отменяется. — Они открыли счета для инвесторов-зомби, заплатили им из наших денег, потом зомби развалились, и их счета перешли тем, кто их оживлял — а они, в свою очередь, оказались сотрудниками компании, хозяевами которой являются наши соучредители.

— Вы не можете получить даже часть денег? — спросил Дуг.

— Спросите лет через пять, когда я расплачусь с юристами, — ответила женщина.

Каждая продажа была вдвойне важна и давалась в десятки раз сложнее обычного. Дуг даже удивился, что «Блэк, Томас и Филлипс» просто так отпустили вампира, даже с учетом двух отказов.

Вспомнив об этом, Дуг решил обзвонить знакомых владельцев многоквартирных домов, но не успел он дотянуться до трубки, как телефон зазвонил.

— Что за клиента ты мне подсунул, черт тебя дери? — не тратя время на приветствия, воскликнула Рина Ласар — агент, занимавшийся продажей квартиры в Риверсайде.

— Ну блин, — только и смог ответить Дуг. — Что случилось? Келл решил пойти на попятную?

Поставив рекорд по самой быстрой продаже Дуг вовсе не хотел ставить другой рекорд, получив самый быстрый отказ.

— К сожалению, нет, — сказала Рина. — Я была бы рада, если бы он пошел на попятную. Нет, он где-то раздобыл номер хозяев, позвонил им и сказал, что его, цитирую, «пи-ип квартира — пи-ип кусок пи-ип, встроенная мебель — убожество, запах внутри как от мертвой бабки и — без шуток — никто в здравом уме не заплатит за эту рухлядь больше миллиона, и никаких торгов». Дочка хозяев позвонила мне вся в слезах.

— Ничего себе, — опешил Дуг.

— Если хочешь и дальше работать с моими эксклюзивными предложениями, сперва присылай мне заключение о платежеспособности

покупателя, — сказала Рина, повесив трубку с такой силой, что Дуг скривился.

— Ой-ой-ой, — распричитался Генри Келл, когда Дуг перезвонил ему. — Полагаю, это значит, что сделка сорвалась?

— Сорвалась, мягко говоря, — сказал Дуг. — Мистер Келл, возможно, мне следует объяснить, раз вы прежде никогда не приобретали жилье, что договоренности нужно соблюдать…

— Что вы, что вы, разумеется, — поспешил оправдаться Келл. — Уверяю вас, я был настроен на покупку твердо и решительно. По всей видимости… ему что-то не понравилось, но я ума не приложу, почему…

— Вы имеете в виду вашего партнера? — уточнил Дуг. — Мистер Келл, если вы совершаете покупку в складчину…

— Вовсе нет, — ответил Келл. — Формально я единственный покупатель. Просто он иногда высказывает свое мнение, так или иначе.

Дуг почесал лоб и пробежал глазами по открытому на ноутбуке бухгалтерскому отчету. В этом не было необходимости — информацию по всем текущим сделкам он прекрасно помнил.

— Мистер Келл, я уверен, что мы сможем подобрать квартиру, которая устроит и вас, и вашего

партнера, — сказал он. — Но сначала мне придется с ним переговорить.

— Ой-ой-ой, — вновь запричитал мистер Келл.

— Какая интересная деталь, вполне в стиле Кафки, — сказал искусствовед, разглядывая насекомых на стене.

— Уникальная, — согласился Том, стараясь не глядеть на стену.

Жуки лазали друг по другу, издавая низкий треск, который был слышен даже сквозь шум машин с Первой авеню, доносившийся из открытых настежь окон.

Агент покупателя спряталась в углу гостиной и поглядывала на своего клиента украдкой. Том мог ей лишь посочувствовать — что еще ему было делать?

— Мне нравится, — сказал искусствовед, выходя из кухни. — Есть что-то особенное в сочетании формального стиля классической уборной, витражных окон, деревянной облицовки и первобытной брутальности этого роя насекомых.

— О? — вырвалось у Тома. — Это… да, безусловно. Хочу отметить, что хозяева считают торг вполне уместным, — добавил он с робкой надеждой.

Искусствовед еще немного поразглядывал

квартиру, но в конце концов покачал головой.

— Заманчиво, но все-таки нет. Квартира хороша, но вот расположение… Тюдор-сити, сами понимаете. Тесновато здесь. Не продохнуть. Все равно что жить в Верхнем Ист-Сайде. Однако передайте хозяевам, что у них отменное чувство стиля.

— Почему квартплата столь высока? — подозрительно спросил вампир, прочитав рекламный буклет квартиры в Бэттери-парке.

— Ну, — поначалу агент продавца задумался, но в итоге признался, что участок, на котором стоит здание, не принадлежит жилищному кооперативу, а снимается им, срок аренды истекает через пятнадцать лет и об условиях продления никто пока не задумывался. — Но наш управляющий — домовой, а на солнечной стороне прекрасная открытая веран… — он умолк на полуслове, заметив уничтожающий взгляд Дженнифер.

Дождавшись, пока разочарованный вампир оденется, Дженнифер сказала:

— Я подобрала несколько квартир в общественных многоквартирных домах, которые можно будет посмотреть на выходных.

— Не хочу жить в общественном доме, — буркнул вампир, обматывая голову шарфом. — Туда

всякий сброд пускают.

Дженнифер открыла было рот, но не стала возражать.

— Хорошо, — сказала она спустя несколько секунд. — Значит, рассматриваем только кооперативы? Может, пришлете мне вашу последнюю заявку на проживание?

— У меня есть деньги! — вспылил вампир, сверкая красными глазами из-под шарфа.

— Не сомневаюсь! — поспешила успокоить его Дженнифер, делая вид, что вовсе не тянет руку к нательному крестику, что носила под блузкой. — Мне не нужны ваши финансовые гарантии, я просто подумала, что мы могли бы слегка… отшлифовать ваше резюме. Сделать его более привлекательным для домовладельцев.

— А, — успокоился вампир. — Хорошо. Попрошу агента все вам переслать. Хуже быть уже не может.

Оказалось, еще как может. Одно из трех рекомендательных писем было от матери вампира.

— Мне казалось, оно милое, — протестовал вампир. — Напоминает, что я все еще держу связь с моей прежней жизнью.

— Вашей матери девяносто шесть лет, и она живет в Аризоне, — заметила Дженнифер. — Ко-

гда вы навещали ее последний раз?

Вампир выглядел пристыженным.

— Я звоню ей каждый день, — пробормотал он.

Два других письма были от пуки — ну как не порадоваться, когда твоего соседа станет навещать такой друг, особенно в облике огнедышащего коня, — и от некроманта.

— Некромант — штатная сотрудница отдела по поиску утерянного имущества «Голдман Сакс», — объяснил вампир.

— Отлично. Просто замечательно, — сказала Дженнифер. — Пусть она перепишет письмо так, чтобы основной упор был сделан на это, а часть про некромантию опустит. А что касается пуки…

— Он владелец биотехнологической компании! — запротестовал вампир.

— Давайте лучше поищем кого-нибудь другого, кто мог бы дать вам рекомендацию, — твердо парировала Дженнифер.

В этот раз гоблин-консьерж впустил Дуга в дом без разговоров, и даже всячески старался лучезарно улыбаться — насколько на это был способен гоблин. Теперь становилось понятно, почему он так обрадовался, узнав о планах Келла и его чокнутого партнера съехать. Келл был дома один, и в толстом бесформенном свитере выгля-

дел совсем поникшим и скукоженным. Впустив Дуга, он принялся нервно заламывать руки.

— Скажите, — промямлил он, — нет ли хоть крошечной возможности все-таки провести сделку? Я готов заплатить больше…

— Даже не мечтайте, — оборвал его Дуг. — Мистер Келл, вы так ничего и не поняли. Любые, гхм, необычные поступки вас или вашего партнера создают о вас впечатление ненадежных покупателей, и это отпугивает продавцов. Сделка купли-продажи может занимать до трех месяцев, и даже если вы готовы раскошелиться, от этого не будет ровным счетом никакой пользы, если в последний момент все сорвется.

— Ох, — сокрушенно вздохнул Келл.

— Если начистоту, то решение проблемы одно: найти квартиру, которая понравится вашему партнеру, — сказал Дуг. — Он здесь? Мне необходимо с ним встретиться.

Келл снова вздохнул и ответил:

— Минуточку.

Он открыл буфет и достал бутылку виски и стакан. Поставив их на стол, он налил виски в стакан.

Дугу доводилось встречать клиентов, которые совершали куда более странные поступки — Келл

не был первым, кому захотелось выпить в присутствии риэлтора. Но Дуг невероятно удивился, когда Келл, вместо того, чтобы выпить самому, придвинул стакан ему.

— Спасибо, но…

— Я настаиваю, — сказал Келл. — Вам это понадобится.

Не успел Дуг возразить, как Келл рухнул на диван, схватившись за лицо и согнувшись в три погибели. С ним творилось что-то невообразимое — он будто увеличивался в размерах.

— Эээ… — вырвалось у Дуга, когда Келл отнял руки от лица.

Келл больше не был Келлом. Его глаза остались того же цвета, но налились кровью; лицо стало шире, нос сплющился, а челюсть выросла и казалась теперь вытесанной из камня. Шея толстела с каждой секундой.

— Твою мать, наконец-то! — воскликнул не-Келл, выпрямляясь. Диван угрожающе скрипел под его весом. — Значит это ты тот агент, что подсунул ему ту дыру?

Собравшись с мыслями, Дуг ответил:

— А вы?..

Перестав расти, не-Келл откашлялся и постучал себя кулаком в грудь. В него могли бы поме-

ститься целых два Келла, и еще немного места осталось бы. Громко рыгнув, он улыбнулся — а точнее, оскалился ртом, полным ослепительно белых зубов, которых было чересчур много для обычного человека.

— Зовите меня Хайд.

— Ну ладно, — не сразу ответил Дуг. — А он, в таком случае?..

Хайд фыркнул.

— Именно. Этот заморыш сменил имя, когда мы поселились здесь. Стыдоба! — он указал на виски. — Пить будете?

Взглянув на стакан, Дуг отодвинул его.

— Что ж, мистер Хайд, — сказал он, — расскажите-ка мне, какая квартира вам нужна?

Дезинсектор отошел от покрытой жуками стены и медленно, мрачно покачал головой.

— Серьезно? Ничего нельзя сделать? — разочарованно произнес Том.

— Извините, — сказал дезинсектор. — Эти ребята живут тут уже лет двадцать. Кто-то проклял это место, и они хорошо прижились. Вот это, — он махнул рукой в сторону жуков, — лишь верхушка айсберга. Я мог бы содрать с вас десять тысяч и избавиться от них, но через пару месяцев они вернулись бы снова. А может, появился бы кто

похуже — многоножки какие-нибудь. Терпеть их не могу, — дезинсектора передернуло. — В любом случае избавиться от них не выйдет — разве что все здание снести.

Прервавшись и ненадолго задумавшись, он продолжил:

— А еще вы, конечно, можете попробовать уговорить хозяев помириться и въехать обратно. Вдруг поможет?

Том недоверчиво посмотрел на него.

— Они два года развестись не могут, постоянно выдвигая друг против друга новые иски.

Дезинсектор пожал плечами:

— А квартиру они хотят продать или нет?

Том вздохнул. Подумав, он сказал:

— Значит… постойте, вы говорите, что если попытаться снять проклятие, то может стать только хуже?

— Именно, — подтвердил дезинсектор.

— А если сделать не это, — предложил Том, — а кое-что другое?

— Что вы имеете в виду? — удивился дезинсектор.

Заявление вампира все равно выглядело неубедительно, особенно в сравнении с тем, которое Дженнифер редактировала днем. Она боялась

сглазить, но, по ее мнению, с такими рекомендациями Мэй Шинагаве, будь она хоть трижды лисицей-оборотнем, было гарантировано место в Беркли, где существовало твердое правило — никаких собак и им подобных. Шесть рекомендательных писем, прекрасное финансовое положение — а вдобавок еще и по бумажному журавлику в подарок для каждого представителя жилищного кооператива. А вот на налоговой декларации вампира красовалось подозрительное красно-бурое пятно.

В довершение всего, после телефонного разговора с вампиром Дженнифер получила кричащее сообщение «ПЕРЕЗВОНИТЕ МНЕ!!!» от одного из прежних клиентов — женщины-юриста, купившей квартиру с панорамными окнами на двадцать четвертом этаже элитного дома, чтобы любоваться окрестными видами. Теперь рядом собирались начать новую стройку, и женщина буквально сходила с ума от бешенства.

— Если градостроительное бюро дало добро, то их уже не остановить, — извиняющимся тоном объяснила Дженнифер. Ей тоже было неприятно, но что она могла сделать? Это Манхэттен — стоит тебе построить большой дом, как рядом кто-нибудь построит еще больше.

— Церковь, на которую выходят мои окна — чертов памятник архитектуры! Он должен быть законодательно защищен от перестройки!

— Анджела, мне жаль. Они собираются сохранить основные элементы фасада, перестроив лишь внутреннюю часть и надстроив несколько этажей, — ответила Дженнифер. — Если хотите, могу подобрать вам новое жилье.

— Я еще за это до конца не рассчиталась, на что мне покупать новое?! Сейчас никто в здравом уме не выложит два миллиона за однокомнатную квартиру с видом на кирпичную стену в ангелочках, или что там они собираются на нее налепить! — возмущалась Анджела. — Никто, понимаете?! Господи, ну какой черт меня дернул купить квартиру в разгар жилищного бума? Я же предчувствовала!

Разумеется, она не могла ничего предчувствовать. Никто не мог — иначе не случилось бы этого самого бума. Дженнифер без большого энтузиазма успокаивала Анджелу, одновременно проверяя резюме лисицы-оборотня. В конце концов она и вовсе отложила трубку, но, подумав, подняла ее снова и спросила:

— Анджела, не могли бы вы прислать мне по электронной почте фотографию церковного

фасада?

— Я хочу гранитные столешницы! — заявил Хайд. — Гранитные, мать их, столешницы! Никакого пластикового дерьма!

— Хорошо, — кивнул Дуг, добавляя это пожелание в список, где уже присутствовали высокие потолки, морозильник, центральный кондиционер и деревянные полы. Ничего себе запросы. — Есть у вас пожелания по району?

— Конечно. Я хочу что-нибудь поживее, поактивнее, чтоб его, понимаете? — сказал Хайд. — Каким местом он думал, выбирая Риверсайд-парк? Жить рядом с кучей эльфов, каждое утро воспевающих славу солнцу? Издеваетесь? Да будь моя воля, я б их всех из ружья перестрелял!

— Не лучшая идея, — заметил Дуг.

— Зато веселая, — тоскливо ответил Хайд.

— Ладно, — Дуг решил сменить тему. — Вы можете мне сказать, чего хочет ваш… то есть, чего хочет мистер Келл? Он не слишком-то охотно высказывал свои пожелания.

— Этот говнюк хочет жить в норе, где сможет целыми днями спокойно читать книжки, — ответил Хайд. — Вы посмотрите на это, — он указал на стеллажи из ДСП, заваленные книгами в твердом переплете. — Кругом этот хлам из «Икеи»! Боже, а

если б вы только знали, что тут было до них! Чертовы встроенные шкафы, да еще и фиолетовые! Я их все кувалдой расфигачил.

Бросив еще один испепеляющий взгляд на стеллажи, Хайд поднялся с дивана и подошел к ним, то сжимая, то разжимая кулаки, словно раздумывая, сможет ли терпеть их еще хотя бы минуту.

— Знаете, — поспешно сказал Дуг, — а у меня есть на примете место, которое может вам подойти…

Хайд замер, не дойдя полшага до стеллажей.

— Правда? Так чего мы ждем, поехали смотреть!

— Я не уверен, смогу ли прямо сейчас связаться с агентом продавца, — попытался отговориться Дуг.

— Ну так хоть с улицы глянем, — сказал Хайд.

Вампир перезвонил спустя несколько секунд после того как Дженнифер переслала ему письмо от Анджелы.

— Что это, черт возьми, было?! — возопил он. — Я чуть айфон в канаву не уронил!

— Правда? — удивилась Дженнифер. — Это фото на вас так подействовало?

— Там же была чертова уйма крестов!

— Отлично, — сказала Дженнифер. — Можете

встретиться со мной через полчаса на перекрестке Семьдесят пятой и Третьей?

Просто так усадить Хайда в такси не получилось — пришлось пятнадцать минут ждать пустой мини-вэн. Дугу это оказалось только на руку: за это время он успел списаться с Томом и попросить того разыскать нужного агента. Дуг опасался, что иначе Хайд, которому не терпелось увидеть квартиру, мог бы просто выбить дверь ногой, чтобы попасть внутрь.

Агент позвонил, когда они уже ехали в Даунтаун.

— Хочу, чтобы вы понимали… — начал агент.

— Да-да, я в курсе, — перебил его Дуг. — Но внутри все новое, так?

— Новехонькое, — ответил агент. — Дизайнерский ремонт.

Они остановились у кладбища Марбл. У железной ограды печального вида призрак наблюдал, как Хайд вывалился из такси, едва не перевернув машину. Хайд с призраком переглянулись.

— Чего надо, Каспер? — грозно спросил Хайд, и привидение поспешно ретировалось.

— Значит, так: до Боуэри отсюда пара кварталов, а на соседней улице — байкерский клуб «Ангелы ада», — начал рассказывать Дуг, ведя

Хайда к таунхаусу.

— Выглядит тесновато, — проворчал Хайд, наклоняясь, чтобы протиснуться в дверной проем. Однако потолки внутри оказались десятифутовой высоты. Хайд осторожно попробовал пол ногой. — Это что?

— Паркет, — робко ответил агент, глядя на Хайда как кролик на удава.

— Давайте пройдем на кухню, — воодушевляюще предложил Дуг. — Документы у вас с собой?

— Да, конечно, — промямлил агент, по-прежнему не сводя глаз с Хайда. — Вот, прошу… сюда…

— Так, вот это уже, блин, неплохо, — довольным тоном произнес Хайд, входя на кухню.

На стене висела магнитная доска с пятью поварскими ножами. Хайд взял тесак и принялся подбрасывать его, пока агент вертелся вокруг, нахваливая немецкую бытовую технику.

— А еще здесь гранитные столешницы, как вы просили, — добавил Дуг.

— Ладно, пойдем ванную посмотрим, — кивнул Хайд, не выпуская из рук тесак.

В ванной на втором этаже оказалось огромное джакузи. За окном кружил еще один призрак, поменьше прежнего, таращась грустными пустыми глазами, выражавшими исключительную

безысходность и все ужасы загробного мира.

— Вали отсюда! — рявкнул Хайд, и призрак исчез.

— На третьем этаже потолок, гхм, пониже, — запинаясь, сказал агент, когда они вернулись к лестнице. — Я не уверен, что…

— Пускай мистер Келл взглянет? — предложил Дуг Хайду. — Если, конечно, все остальное вам понравилось.

Хайд огляделся и сказал:

— Да, мне здесь по душе. Только не позволяйте этому говнюку торговаться! — ухмыльнулся он зубастым ртом, вконец перепугав агента. — Финансовой стороной я займусь сам.

— Договорились, — сказал Дуг, и Хайд тут же съежился. На его месте оказался Келл, запутавшийся в слишком большой одежде.

Неуверенно осмотревшись, он произнес:

— Ну… не знаю. Передние окна выходят прямо на улицу, люди станут заглядывать…

— Давайте-ка поднимемся наверх, — перебил его Дуг, подталкивая к лестнице на третий этаж.

На полпути Келл остановился, издалека заметив встроенные книжные шкафы.

— О, как мило, — выдохнул он.

— А окна здесь выходят на кладбище, — сказал

Дуг. — Одно лишь неудобство, — добавил он, и Келл с любопытством взглянул на него. — Мистер Хайд не сможет сюда подниматься.

— О, — только и смог произнести Келл. — О!

Выйдя из дома, Дуг с агентом пожали друг другу руки.

— Можно будет пригласить вас позднее? — спросил Дуг.

— Гм, — замялся агент, — конечно. Только не могли бы вы… не давать мой номер…

— Не волнуйтесь, — сказал Дуг, — я с радостью выступлю в роли посредника.

Агент вздохнул с облегчением.

— С продавцом можно поторговаться, — сказал он, оглядываясь на кладбище.

Там садовник активно поливал торчащую из могилы тощую руку какого-то зомби.

— А кем работает продавец? — спросил Дуг.

— Банкир, — ответил агент.

Отвезя Келла домой, Дуг взял такси, чтобы вернуться в офис. Там его встретил сияющий Том, с триумфальным видом попивавший кофе.

— Что празднуем? — удивился Дуг.

— Нужно заказать новую фотосъемку для квартиры в Тюдор-сити, — сказал Том и показал короткий видеоролик с телефона.

Дуг присмотрелся. Стена по-прежнему шевелилась, но…

— Это что, бабочки? — удивилась Дженнифер.

— Двадцати трех разновидностей, некоторые — под угрозой исчезновения, — ответил Том. — Пришлось покопаться в каталоге с экспозиции Музея естественной истории.

— Ничего себе, — сказал Дуг. — Том, тут одними новыми фотографиями не отделаешься, нужно весь лот менять.

Они чокнулись чашками, и Дженнифер засобиралась на улицу. Натягивая пальто, она сказала:

— Поеду в Хантер-колледж. Там будут обсуждать судьбу стройки рядом с Ориксом.

— Анджела все никак не угомонится? — спросил Дуг. — Может, мне с ней поговорить? Мы ведь объясняли ей, что вид из окна никоим образом не застрахован…

— Не волнуйся, — на ходу ответила Дженнифер. — Жильцы уже готовят коллективный протест. Первоначальные хозяева дома продают квартиру на тринадцатом этаже вампиру. Окна этой квартиры выходят на ту же сторону, так что подрядчик, занимающийся обновлением церкви, обязан будет сделать ее ниже, чтобы не нарушить закон о справедливом решении жилищных

вопросов.

У самого порога Дженнифер остановили два оглушительных удара в дверь. Оглянувшись на Дуга и Тома, она осторожно открыла.

Снаружи в фойе стоял огромный конь, пуская дым из пылающих ноздрей. Глаза коня горели, будто раскаленные угли. От удара копытом по двери во все стороны разлетелись щепки. Из соседних офисов высунулись головы любопытных зевак.

— Привет, — сказал пука. — Марвин мне вас рекомендовал.

— Какой еще Марвин? — едва выдохнул Том.

— Вампир, — объяснила Дженнифер.

Пука кивнул и встряхнул гривой.

— Я ищу квартиру.

Троица агентов задумалась. Наконец Дженнифер предложила:

— Цокольный этаж подойдет?

— У меня есть на примете квартира в доме с грузовым лифтом, в Атлантике… — сказал Том.

Дуг внимательно взглянул на мощные копыта. Квартиры с деревянными и паркетными полами отпадали. А вот мраморная плитка могла подойти. Он взглянул на пуку.

— Как насчет Трамп-билдинг?

В одном из неблагополучных районов Нью-Йорка есть крошечное царство с весьма необычным правителем.

Элизабет Бир
Ужас крыльев величавых[4]

«Кстати о печени, – ответила Она. – Настоящий маг не предлагает чужую печень. Ты должна вырвать свою собственную и научиться обходиться без нее. Настоящие ведьмы это знают».

Питер Бигл, «Последний единорог»[5]

Мама не знает о гарпии.

Вообще-то Элис мне не родная мама, приемная. Она ни капли на меня не похожа. А может, это я не похожа на нее. Мама Элис пухленькая, мягкая, кожа у нее как у сливы — темная и блестящая, словно покрытая глазурью. Кажется, проведешь по ней пальцем — и сотрешь. А у меня кожа желтушная, хоть мама Элис и говорит, что оливковая. Еще у меня прямые черные волосы, кривые зубы, а подбородка вообще нет. Впрочем, это не беда

---

[4] notes: 4

“The Horrid Glory of Its Wings” © 2010 Elizabeth Bear. First publication: *Tor.com*, 8 December 2009.

[5] notes: 5

Пер. Ю. Р. Соколова — *Здесь и далее, если не указано иное, примеч. перев.*

— я давно решила, что никому никогда даже в голову не придет меня поцеловать.

А еще у меня липодистрофия — так доктор зовет жировой горб на шее и над лопатками, который вырос у меня от антиретровиральных препаратов. Моя попа, бедра и щеки висят, как у старой бабули, а лицо похоже на бульдожью морду, хотя все зубы у меня на месте.

До поры до времени. В этом году, пока у меня еще есть льготы, мне нужно будет удалить зубы мудрости. После того, как мне исполнится восемнадцать, я эти льготы потеряю, и если с зубами начнутся проблемы — то пиши пропало.

Денег на их лечение мне в жизни не сыскать.

Гарпия живет в переулке за домом, где стоят мусорные контейнеры и ночуют бомжи-алкоголики.

Я навещаю ее утром перед школой, после того, как позавтракаю и приму таблетки (невирапин, ламивудин, эфавиренз). К таблеткам я давно привыкла. Принимаю их всю жизнь. В моей школьной анкете стоит специальная пометка, и благодаря этому у меня есть отговорка на любой случай.

Друзей я домой не привожу.

Ложь — это грех. Но отец Альваро считает, что моя болезнь — достаточное наказание за любые грехи. Отец Альваро классный, но не настолько, как гарпия.

Гарпию не волнует, что я некрасивая. Она сама не то что не красавица, а самая настоящая уродина — страшная, как прыщавая задница. Зубы у нее кривые, желтые и черные. Когти поломанные, тупые, и воняют тухлой курицей. Лицо вытянутое, обвисшее, покрытое пятнами и морщинами, как у того рокера, папаши Лив Тайлер. Волосы болтаются черно-рыжими космами, свисая до покрытых перьями плеч. Перья у нее черные, но тусклые, особенно в пасмурную погоду. Однако если в вонючий переулок пробиваются солнечные лучи, отражаясь от грязных окон, то перья приобретают бронзовый отлив.

Они и в самом деле из бронзы.

Если дотронуться, можно почувствовать пальцами теплый металл.

Еду для гарпии я не таскаю. Мама Элис следит за нашими запасами — денег-то у нас мало, — да и сама гарпия совершенно спокойно питается отбросами. Чем гаже, тем лучше: она ест кофейную гущу, заплесневелые пироги, кишащее личинка-

ми мясо, дохлых помоечных крыс.

Гарпия любую дрянь превращает в бронзу.

Гарпия ест все, что воняет. Вытягивает по-птичьи длинную красную шею, и заглатывает кусок за куском своим широченным ведьминым ртом. Я как-то видела голубей, которые точно так же глотали слишком крупные куски хлеба. С одной разницей — у голубей шеи не голые, и не оторочены снизу белым пухом, как платья для миропомазания.

Поэтому по утрам я притворяюсь, что иду в школу пораньше — мама Элис всегда говорит: «Дезири, поцелуй меня в щечку!» — и как только оказываюсь вне зоны видимости, то прокрадываюсь в переулок и подхожу к мусорному контейнеру, на котором гнездится гарпия. У меня лишь десять-пятнадцать свободных минут, не больше. Я морщусь от вони. Присесть здесь негде, да если б и было где, в школьной форме лучше этого не делать.

Мне кажется, что гарпии нравится компания. Она ей не нужна — думаю, что гарпии вообще ничего особенно не нужно, — но, по-моему, ей нравлюсь я.

Гарпия говорит «ты мне нужна».

Не уверена, что мне нравится гарпия, но мне

безусловно нравится быть кому-то нужной.

Гарпия рассказывает мне истории.

Мама Элис тоже когда-то рассказывала, когда не слишком уставала от работы и от забот со мной, Луисом и Ритой. Потом Рита умерла.

Но истории гарпии куда интереснее. Она рассказывает о волшебстве, о героях и нимфах. О похождениях дев-богинь вроде Афины и Артемиды, об их волшебных приключениях, о том, как Афина обхитрила Посейдона, чтобы в ее честь назвали город. О западном ветре Зефире и о его сыновьях, волшебных говорящих конях. Она рассказывает об Аиде, боге Подземного царства, и о своей матери Келено — тоже гарпии, ужасной и свирепой. Когда гарпия рассказывает о ней, перья на ее крыльях звенят от счастья, словно бронзовые колокольчики.

Она рассказывает о своих сестрах, названных в честь могучей бури, и о том, как небо темнело и разражалось грозой, когда они втроем отправлялись в полет. Да, именно так она и сказала — «разражалось грозой».

Гарпия говорит «мы все одиноки».

На часах полседьмого утра, и я кутаюсь в новое зимнее пальто, полученное на бесплатной

раздаче в пожарной охране. Облачка пара вырываются над связанным мне мамой Элис кусачим оранжевым шарфом. Я скрещиваю ноги, левую под правую, словно хочу в туалет, потому что, когда твоя юбка едва доходит до колен, от холода не спасают даже леггинсы. Я бы постучала нога о ногу, чтобы согреться, но эти леггинсы у меня последние, **и** я не хочу их порвать.

Когда я наклоняю голову, шарф царапает верхнюю губу. За мусорным контейнером темно. До рассвета еще полчаса. Впереди на улице видны круги света от фонарей, но в них не заметно ничего теплого — лишь темный колкий снег, убранный в кучу и утрамбованный у поребрика.

— Я никому не нужна, — говорю я. — Мама Элис получает деньги за то, что заботится обо мне.

Мои слова несправедливы — мама Элис вовсе не обязана была брать опеку надо мной и моим сводным братом Луисом. Но иногда быть несправедливой приятно. Я принюхиваюсь к водостоку и задираю подбородок, притворяясь, что глотаю мусор, как делает гарпия.

— Никому не приятно со мной жить. Но выбора нет. Я такая как есть.

— Выбор есть всегда, — возражает гарпия.

— Верно, — отвечаю я, — но самоубийство

— грех.

— А общаться с гарпиями — не грех? — парирует гарпия.

— Не знаю. Разве что ты сам дьявол…

Гарпия пожимает плечами. Ее перья пахнут плесенью. Что-то блестящее и липкое ползет по ее спутанным волосам. Гарпия хватает это когтями и отправляет в рот.

— Я нечестивая тварь, — говорит она. — Как Келено и ее сестры, Аэлла и Окипета. Сестры бури. Твоя церковь, наверное, назовет меня демоном. Да, пожалуй.

— Ты недооцениваешь отца Альваро.

— Я не доверяю священнослужителям, — отвечает гарпия и принимается чистить сломанные когти.

— Ты никому не доверяешь.

— Этого я не говорила, — отвечает гарпия.

Перебивать гарпий — не самая лучшая идея, но в тот момент я об этом забываю.

— Я давно решила никогда никому не доверять. Моя кровная мать кому-то доверилась, и что из этого получилось? Сначала она залетела, потом родила меня и умерла.

— Как бесчеловечно, — говорит гарпия, и для меня это комплимент.

Я дотрагиваюсь до теплого крыла гарпии, но не чувствую тепла через рукавицу. Рукавицы тоже достались мне от пожарных.

— Гарпия, мне пора в школу.

— Там ты тоже одинока, — говорит гарпия.

Мне хочется доказать ее неправоту.

Лекарства сейчас хорошие. Когда я родилась, четверть детей, чьи матери были больны СПИДом, тоже оказывались инфицированы. Теперь это случается один раз из ста. У меня может быть собственный, здоровый ребенок, и тогда я больше не буду одинока.

Что бы ни утверждала гарпия.

Идея, конечно, дурацкая. Когда мне исполнится восемнадцать, мама Элис не будет больше обязана ухаживать за мной. Что я буду делать с ребенком? Мне придется найти работу, добиться от государства пособия на лекарства. Они ведь дорогие.

Если забеременеть сейчас, то ребенок родится до того, как мне будет восемнадцать. Рядом со мной будет кто-то, кого мне не придется ни с кем делить. Кто-то, кто будет меня любить. Насколько легко забеременеть? У других девушек это нередко выходит случайно.

Или «случайно».

Проблема в том, что я не смогу скрыть от потенциального отца ребенка, что я ВИЧ-положительна. Поэтому я дала клятву хранить невинность — чтобы не быть вынужденной об этом рассказывать.

Клятва была самой настоящей, мне даже дали символическое кольцо.

Интересно, сколько девушек действительно сдержали эту клятву? Я честно собиралась ее хранить. Не только до брака, а всю жизнь. Чтобы ничего никому не рассказывать.

Я не считаю, что совершила ошибку. Тогда это казалось правильным. Я думала, что лучше всю жизнь быть одинокой, чем что-то объяснять. К тому же рожать ребенка нужно ради самого ребенка, а не ради себя.

Верно, мама?

У гарпии есть свое царство. Маленькое царство, занимающее переулок за моим домом, но у нее есть и трон (мусорный контейнер), и подчиненные (бомжи). И я. Я знаю, что бомжи тоже видят гарпию, и порой даже с ней говорят. Но гарпия прячется от других жильцов дома и мусорщиков.

Интересно, умеют ли гарпии летать?

Она расправляет крылья во время дождя, чтобы смыть с них грязь, и когда злится. Если она злит-

ся, то шипит — и этот звук я слышу, в отличие от ее слов, что звучат прямо в моей голове.

Подозреваю, что если гарпия волшебная, то летать она может. Моя бывшая учительница биологии, мисс Ривера, говорила, что некоторые существа, достигшие определенного размера, становятся неспособны поднимать себя в воздух с помощью крыльев. А некоторые крупные животные могут лишь парить, пользуясь воздушными потоками при встречном ветре.

Прежде я об этом не задумывалась. Вдруг гарпия не в состоянии улететь, но чувство собственного достоинства не позволяет ей попросить о помощи?

Может, спросить при случае, не нужна ли ей помощь?

Гарпия большая. Но кондоры тоже большие, и могут летать. Не могу сказать, кто больше — гарпия или кондор. По картинкам сложно судить, а уж измерить гарпию рулеткой, чтобы выяснить размах ее крыльев, и вовсе невозможно.

Можно, конечно, ее попросить, но я этого делать не стану.

Наверное, ужасно иметь крылья, которые не работают. А иметь крылья, которые работают, но быть неспособным ими воспользоваться, навер-

няка и того хуже.

Иногда после школы я работаю. Вечером я снова навещаю гарпию и возвращаюсь в квартиру. Когда я вхожу в кухню, то вижу маму Элис за столом. Перед ней какие-то письма. Она замечает меня и хмурится. Я закрываю дверь на замок и цепочку. Луис должен быть дома, я слышу, как из его комнаты доносится музыка. Ему пятнадцать. По-моему, я не видела его уже три дня.

Я подхожу и, не снимая рабочей униформы, сажусь на железный стул с потрепанной виниловой обивкой.

— Плохие новости?

Мама Элис качает головой, но в ее глазах я вижу слезы. Я беру ее за руку. Сложенный вдвое лист бумаги шуршит в ее пальцах.

— Тогда в чем дело?

Она показывает мне бумагу.

— Дезири, тебе дают грант на обучение.

Я не верю своим ушам. Тупо смотрю то на маму Элис, то на наши руки, то на листок бумаги. Мама Элис сует письмо мне в руку, я разворачиваю его и трижды перечитываю, опасаясь, что слова расползутся червями и изменятся, стоит мне только отвернуться.

Слова и правда похожи на червей, буквы рас-

плывчаты, но я вижу слова «усердие», «высокая оценка» и «государственный». Я осторожно складываю листок, разглаживая пальцами смятые уголки. Эта бумага дает мне возможность стать кем угодно.

Я буду учиться в государственном колледже бесплатно.

Я пойду в колледж, потому что прилежно училась. Ну и потому, что власти знают, что я ходячая зараза, и им меня жалко.

Гарпия никогда меня не обманывает. Мама Элис — тоже.

Вечером она заходит ко мне в комнату и садится на край кровати — на самом деле раскладного дивана с торчащими пружинами, но этот диван мой и спать на нем лучше, чем на полу. Прежде чем мама Элис включает свет, я успеваю спрятать письмо под подушку, чтобы она не заметила, что я сплю с ним в обнимку.

— Дезири, — говорит она.

Я киваю и жду продолжения.

— Возможно, я смогу добиться субсидии на липосакцию. Доктор Моралес сказал, что это необходимо.

— Липосакция? — я хватаю с прикроватного столика свои уродливые пластмассовые очки,

чтобы лучше видеть маму Элис, и хмурюсь так, что прищемляю ими нос.

— Чтобы убрать горб, — отвечает она, дотрагиваясь до шеи, как будто у нее самой такой же горб. — Чтобы ты снова могла держаться прямо, как когда была маленькой.

Я тут же жалею, что надела очки, потому что замечаю, что мои пальцы измазаны чернилами от письма.

— Мама Элис, — говорю я, но с языка срывается совсем не тот вопрос, что я хотела задать. — Почему ты до сих пор меня не удочерила?

Она вздрагивает, словно я ткнула в нее вилкой.

— Потому что я думала… — она запинается, мотает головой и разводит руками.

Я киваю. Мне и так известен ответ. Потому что мои лекарства оплачивает государство. Потому что она думала, что я столько не проживу.

Мы все не должны были прожить так долго. Все инфицированные дети. Два года, может, пять. СПИД убивает детей быстро, потому что их иммунная система еще недоразвита. Но лекарства стали лучше, и мы стали жить дольше. Теперь мы можем жить хоть вечно… Почти вечно. Сорок лет, пятьдесят.

Я все равно умираю, только медленно. Если бы процесс шел быстрее, мне не о чем было бы беспокоиться. А так мне приходится раздумывать о том, как жить дальше и чем заниматься в будущем.

Я дотрагиваюсь пальцами до мягкого жирового купола на шее и жму на него, пока он не промина-ется. Мне кажется, что на нем должны оставаться вмятины от пальцев, как на пластилине, но когда я отнимаю руку, горб как ни в чем не бывало принимает прежнюю форму.

Мне не хочется идти в колледж лишь потому, что кто-то меня пожалел. Жалость мне не нужна.

На следующий день я иду поговорить с гарпи-ей. Встаю рано, быстро умываюсь, натягиваю леггинсы, юбку, блузку и свитер. Сегодня после школы мне не нужно на работу, поэтому я остав-ляю униформу на вешалке за дверью.

Стоит мне выйти, как я слышу собачий лай. Громкий лай множества собак, доносящийся из переулка. И шипение. Так, словно самая большая и злая кошка, может шипеть только гарпия.

Кругом валяется мусор и хлам, но нет ниче-го, что можно использовать в драке. Я хватаю несколько кусков льда. Мои школьные ботинки скользят на заледеневшем асфальте, и я падаю.

Леггинсы рвутся.

В переулке темно, но мрак не кромешный, а городской. Мне хорошо видно собак. Их три, они подпрыгивают на задних ногах, стремясь забраться в мусорный контейнер. Одна псина светлая, на ее шкуре отчетливо видны следы былых драк. Две другие — темные.

Гарпия склоняется с края контейнера, расправив крылья, будто мультяшная орлица, и пытается клевать собак.

Глупое создание не понимает, что без клюва это вряд ли получится. Я швыряю ледяной осколок в светлую собаку, самую крупную из трех. Она скулит. И тут гарпия изливает на собак поток рвоты. На всех трех сразу.

Боже, какая вонь!

Полагаю, что в конечном итоге клюв гарпии не нужен. Собаки мгновенно перестают рычать и скалиться, и убегают, скуля и поджав хвосты. Я скидываю с плеча рюкзак и хватаю за одну лямку рукой, в которой нет льда.

Рюкзак тяжелый, им можно больно ударить, но я не успеваю стукнуть собаку прежде, чем та на полном ходу врезается в меня. Рвота гарпии попадает мне на ногу, и жжется как кипяток даже сквозь леггинсы. Я едва удерживаюсь, чтобы

не схватиться за место ожога. Измазать в рвоте еще и рукавицу, а заодно обжечь руку — просто отличная идея. Вместо этого я принимаюсь тереть обожженное место грязным куском льда, одновременно ковыляя к гарпии.

Услышав мои шаги, гарпия шипит, таращась на меня горящими, будто зеленые факелы, глазами. Узнав меня, она успокаивается. Складывает крылья — аккуратно, словно монашка, поправляющая юбки прежде чем сесть на скамейку — и обращает на меня уже привычный тусклый взгляд.

— Потри ногу снегом, — говорит гарпия. — Или хорошенько промой водой. Жжение должно ослабнуть.

— Это же кислота!

— Учитывая, что мы едим, — отвечает гарпия, — чем еще, по-твоему, это могло быть?

Мне не хватает находчивости, чтобы придумать умный ответ, и вместо этого я спрашиваю:

— Ты можешь летать?

Вместо ответа гарпия вновь расправляет бронзовые крылья. Их размах — от одного края контейнера до другого, и даже чуть больше.

— По-твоему, с такими крыльями летать невозможно? — спрашивает гарпия.

И почему она всегда отвечает вопросами на вопросы? Так обычно делают маленькие дети, и меня это бесит.

— Вовсе нет, — говорю я. — Но я ни разу не видела тебя в полете. Ни разу.

Гарпия осторожно складывает крылья.

— В моем царстве нет ветра. Но сейчас я легка, я пуста. Если бы ветер поднялся, если бы я могла забраться выше…

Я опускаю рюкзак у мусорного контейнера. На него тоже попала рвота гарпии, и надевать его я не собираюсь.

— А если я тебя подниму?

Крылья гарпии едва заметно вздрагивают, словно она опять хочет их расправить. Но она отступает и щурится, подозрительно улыбаясь мне кривозубым ртом.

— А что тебе с этого?

— Мы же подруги, — отвечаю я.

Гарпия смотрит на меня прямо, по-человечески, а не по-птичьи. Она долго молчит, и мне начинает казаться, что она хочет, чтобы я ушла, но за мгновение до того, как я уже готова развернуться и зашагать прочь, она кивает.

— Отнеси меня на пожарную лестницу, — говорит гарпия.

Я забираюсь на мусорный контейнер и взваливаю гарпию на плечи, чтобы отнести на пожарную лестницу. Гарпия тяжелая, спору нет, особенно когда я поднимаю ее над головой, чтобы перебраться через перила. Чтобы ухватиться за лестницу, мне приходится подпрыгнуть и раскачаться, как на трапеции на уроке физкультуры.

Леггинсам конец. Нужно будет придумать разумное оправдание для мамы Элис. Что-нибудь, что не будет откровенной ложью.

Наконец мы добираемся до платформы. Я приседаю, и тяжелая, вонючая гарпия выпрямляется, цепляясь за мои плечи поломанными, грязными когтями. Даже думать не хочу, чем она может меня заразить, если поцарапает. Здравствуй больница, капельница, антибиотики и прочие приятные вещи. Но гарпии удается балансировать на мне так, словно она всю жизнь этим занималась, и ее большие чешуйчатые пальцы проминают жировую прослойку, не пронзая кожу.

Я хватаюсь обеими руками и подтягиваюсь к пожарному выходу. Это тяжело, даже несмотря на то, что мой рюкзак остался внизу. Гарпия весит значительно больше рюкзака и, кажется, с каждым шагом становится все тяжелее. Моя

задача усложняется тем, что мне приходится балансировать на цыпочках, чтобы не перебудить весь дом.

После каждого пролета я останавливаюсь перевести дух, но, когда мы добираемся до верха, мои лодыжки трясутся, как выхлопные трубы у «харлей-дэвидсона». Я представляю, что и шума от меня столько же, и смеюсь. То есть, тихо хихикаю — смеяться в полный голос нет сил. Я переваливаюсь через последние перила, и гарпия спрыгивает.

— Достаточно высоко?

Гарпия даже не смотрит на меня. Она глядит на темную, пустынную улицу, и расправляет крылья. Гарпия права: я одинока. Всегда была и всегда буду одинока.

Теперь и она меня покинет.

— Я умираю! — кричу я, когда гарпия срывается с площадки.

Я никогда никому этого не говорила. Мама Элис рассказала мне, когда мне было пять, но с тех пор я никому этого не говорила.

Гарпия устремляется вперед, сильно хлопает крыльями, и возвращается на площадку, усаживаясь на перила. Она вытягивает кривую шею и склоняет голову, уставившись на меня.

— У меня ВИЧ, — говорю я, прикладывая руку к тому месту на теле, где остался шрам от гастростомической трубки. Этот шрам у меня с раннего детства.

Гарпия кивает и снова отворачивается.

— Я знаю, — говорит она.

Наверное, мне стоило бы удивиться тому, что гарпия это знает, но я не удивляюсь. Гарпии много чего знают. Я задумываюсь, не любит ли меня гарпия лишь за то, что я, по сути, тоже мусор. Вдруг я нужна ей только потому, что моя кровь ядовита?

Мой шарф разматывается, и я замечаю, что на новом зимнем пальто оторвалась пуговица.

Мои слова кажутся мне странными, и я повторяю их. Пытаюсь осмыслить их и почувствовать, как они звучат на языке.

— Гарпия, я умираю. Я умру не сегодня и не завтра, но, вероятно, раньше срока.

— Немудрено, ты ведь не бессмертна, — отвечает гарпия.

Я широко развожу руки. Они замерзли даже в рукавицах. Была не была.

— Возьми меня с собой.

— Тебе не хватит сил, чтобы стать гарпией, — отвечает гарпия.

— Хватит, — я скидываю свое новое зимнее пальто, подаренное пожарной охраной, и бросаю на лестницу. — Я устала быть одна.

— Если хочешь отправиться со мной, тебе придется перестать умирать. И перестать жить. Менее одинокой ты не станешь. Ты человек, и, если останешься, твое людское одиночество рано или поздно пройдет. А если полетишь со мной, оно останется с тобой навеки, — говорит гарпия.

У меня кружится голова, и не только от недостатка воздуха.

— Меня приняли в колледж, — говорю я.

— Хороший старт для будущей карьеры, — отвечает гарпия.

— Ты ведь тоже одинока. Но я, в отличие от тебя, сама решила быть одна. Так будет лучше.

— Я же, в конце концов, гарпия, — говорит гарпия.

— Мама Элис говорит, что Бог никогда не посылает нам испытаний, с которыми мы не сможем справиться.

— А когда она это говорит, то смотрит тебе в глаза? — спрашивает гарпия.

— Забери меня с собой, — прошу я.

Гарпия улыбается. Улыбка гарпии выглядит жутко, даже когда смотришь на нее вполобо-

рота.

— Дезири, не в твоей власти лишить меня одиночества, — говорит гарпия.

Она впервые называет меня по имени. Я и не подозревала, что она его знает.

— Келено, у тебя есть сыновья, сестры и возлюбленный. Далеко, во дворце Западного ветра. Разве ты можешь быть одинокой?

Гарпия оборачивается и смотрит зелеными-презелеными глазами.

— Я не называла тебе своего имени, — произносит она.

— Твое имя — Тьма. Ты назвала мне его. Ты сказала, что я нужна тебе, Келено.

От холода мне больно, я с трудом могу говорить. Я отступаю и поеживаюсь. Без пальто я замерзаю, мои зубы стучат друг о друга, словно несмазанные шестеренки какого-то механизма. Я обхватываю себя руками, но толку мало.

Я не хочу быть как гарпия. Она мерзкая. Это ужасно.

— Под покровом грязи я сияю. Я спасаюсь. Решила всегда быть одна? Так докажи, что готова на это.

Я не хочу быть как гарпия, но быть собой мне тоже не хочется. Мне никуда от себя не деться.

Если я отправлюсь с гарпией, то уже никогда не сбегу от себя.

Небо светлеет. Когда солнечный свет упадет на гарпию, ее грязные перья засияют металлическим блеском. Я уже могу различить отдельные облака на горизонте, будто чернильные пятна на бледном листе зари. Зарю, конечно, среди высотных зданий не увидишь. Прогноз не обещал ни снега, ни дождя, но буря все равно надвигается.

— Я нужна тебе лишь из-за своей гнилой крови. Лишь потому, что от меня все отказались.

— Я способна превращать мусор в бронзу, — отвечает гарпия. — Гниль я превращаю в силу. Если хочешь отправиться со мной, тебе придется стать такой, как я.

— А это всегда настолько трудно?

— Дитя, я не лгу. Чего тебе хочется на самом деле?

Я открываю рот, еще не зная ответа, но, когда он слетает с губ, я понимаю, что этого мне не может дать ни мама Элис, ни учебный грант.

— Волшебства.

Гарпия переминается с ноги на ногу.

— Я не могу тебе этого дать. Тебе придется научиться самой.

Внизу, под подушкой, лежит письмо. На другом

конце города, в доме с кирпичными стенами, живет доктор, который тоже пишет мне письма.

Дальше по улице — школа и церковь, где мне обещают рай после смерти, если я буду хорошо себя вести.

Вдали — рассвет и буря.

Мама Элис будет переживать. Мне ее жалко. Она такого не заслуживает. Когда я стану гарпией, буду ли я переживать за других? Если буду, то всегда или нет?

Я представляю, как из-под жирового горба прорастают перья.

Цепляюсь пальцами за перила и взбираюсь на них. Они покрыты ржавчиной и льдом, и мои школьные ботинки скользят. Я на высоте шестого этажа, подо мной — уличные фонари. Я раскидываю руки.

Упаду — ну и пусть.

История любви, возможная только в Нью-Йорке.

Мария Дэвана Хэдли
Самая высокая красотка Нью-Йорка[6]

В этот особенно снежный февральский понедельник я нахожусь на шестьдесят шестом этаже, на углу Лексингтон-авеню и Сорок второй улицы. Вечер, на часах две минуты шестого. Внизу мельтешат шляпы и куртки. Все, кто работает в Мидтауне, выплескиваются на улицы замерзшего города в поисках сладостей, чтобы порадовать своих любимых.

Даже с высоты я вижу надушенных дешевым одеколоном щеголей с коробками в форме сердца, завернутыми в красный, как адская топка, целлофан.

Если вы официант в «Клауд-клабе», то вам прекрасно известно, что пять часов — это время, когда мужские нервы становятся ни к черту. Все наши завсегдатаи страдают от святовалентинских судорог, и мы с ребятами — а также наш прекрасный бар — всегда готовы им помочь. На мне

---

[6] notes: 6

“The Tallest Doll in New York City” © 2014 Maria Dahvana Headley. First publication: *Tor.com*, 14 February 2014.

фирменная униформа, на кармашке фирменным «крайслеровским» шрифтом, изгибающимся, как след от покрышек на пустынном шоссе в Монтане, вышито мое имя. На руке чистое полотенце, а в жилетке аспирин и пластырь на случай, если гость после неудачного свидания явится к нам с разбитым в кровь носом. Позднее состоится ужин для дам членов нашего клуба. Сегодня единственный день в году, когда женщины допускаются в наш закрытый банкетный зал. Доблестный Виктор, капитан нашего отряда официантов, раздает стартовое угощение. На входе гостей встречают скульптуры из мороженого в виде купидонов. Каждая дама получает в подарок бутоньерку из роз, выращенных братом Доблестного Виктора в Джерси. По меньшей мере две красотки ожидают от своих кавалеров предложений, и мы заранее заготовили кольца — одно должно быть брошено в бокал шампанского, а другое — вставлено в устрицу. По нашему общему мнению, бриллиант во втором кольце фальшивый.

Внизу идет тысяча девятьсот тридцать восьмой год, и дела там обстоят не так гладко, как здесь, наверху. Члены клуба — богатейшие люди, их жены живут в роскошных домах в Гринич-Виллидж, а любовницы — все как на подбор белозубые

старлетки. Сам я не женат. Моя мать строга, как надзиратели тюрьмы Синг-Синг, а сестра — прекраснее потолка Сикстинской капеллы. Ей нужна защита от назойливых ухажеров, и поэтому мне суждено жить в материнском доме в Бруклине, пока я не найду себе жену или не погибну в тщетных поисках.

Появляются наши патроны. У каждого — свой шкафчик. Все они — сильные мира сего. Строят автомобили и небоскребы, но никто не построил небоскреба выше, чем тот, в котором мы сейчас. «Клауд-клаб» открылся еще до того, как здание обзавелось шпилем, и официантам известно о патронах больше, чем их собственным подругам. Еще во времена сухого закона мы оборудовали каждый из персональных деревянных шкафчиков иероглифическим кодовым замком, чтобы наши посетители могли безопасно хранить там свой алкоголь. Доблестному Виктору не раз приходилось объяснять легавым разнообразные криптографические нюансы, и те в конце концов отвязывались, не забывая, впрочем, сперва выпить. Мы так умело заговариваем зубы, что ни один полицейский не расшифрует.

Я смешиваю в баре коктейль «Лошадиная шея»

для мистера Конде Наста[7], не сводя при этом глаз с вывалившейся из лифтов толпы новых посетителей. У них в руках подарки для дам — шубы, колье и прочая дорогостоящая дребедень. И тут, в пять двадцать восемь вечера, Крайслер-билдинг решает сойти с фундамента и прогуляться.

Хоть бы предупредила!

Она стряхивает снег и голубей со шпиля и грациозно шагает на юго-запад. К такому не готовы даже многое повидавшие официанты. Рост Крайслер — тысяча сорок шесть футов, и до сего момента она не проявляла тяги к прогулкам. Она стояла здесь, на углу, целых семь лет — самая яркая девочка на миллионы миль вокруг.

Все мы сохраняем самообладание. Когда что-нибудь идет не по плану, хорошие официанты не перестают исполнять пожелания клиентов. Как-то раз, в тысяча девятьсот тридцать втором, Виктор самолично доставил одному из наших патронов пистолет. У того был соперник, недавно прибывший в Америку и стремившийся сделать себе имя. Дело закончилось двумя выстрелами и осечкой, и наш Доблестный Виктор оказался в

---

[7] notes: 7

Конде Монтроз Наст (1873–1942) — американский журналист и издатель, кому обязаны славой такие журналы, как «Вог», «Нью-Йоркер» и многие другие.

операционной под неусыпным взглядом покрытой медной патиной девы Марии. Несмотря на это, он успел вернуться на Манхэттен к вечерней смене скатертей.

— Господа, Крайслер решила немного прогуляться, — объявляет Виктор со сцены. — Не паникуйте. Всем бесплатные напитки от меня и официантов «Клауд-клаба»!

Несмотря на это, некоторые посетители вполне ожидаемо начинают паниковать. Для некоторых из них происходящее страшнее Черного вторника[8]. Мистера Наста укачивает, и он бросается в мужскую уборную. Успокоитель — наш особый сотрудник, призванный следить за желудочно-кишечными проблемами клиентов — сопровождает его с высоким стаканом имбирного эля наготове. Я сам выпиваю коктейль, предназначавшийся мистеру Насту. Успокоившись, я размышляю, не отнести ли напитки клиентам на шестьдесят седьмом и шестьдесят восьмом этажах, но замечаю, что Виктор уже отправил экспедицию вверх по лестнице.

---

[8] notes: 8

Так называемый «Черный вторник» 29 октября 1929 года — последний день биржевого краха, положившего начало мировому финансовому кризису (Великой депрессии) в США и других западных странах, продолжавшемуся до 1939 года.

Я подхожу к окну. Люди на улице стоят, разинув рты, и изумленно вскрикивают. Гудят клаксоны такси. Дамы не замечают покрытых льдом луж, а их кавалеры остолбенело таращатся на небоскреб.

Мы частенько шутим о том, что работаем внутри самой горячей девчонки Нью-Йорка, но никому из персонала и в голову не приходило, что у Крайслер может быть собственный разум. Она невероятно прекрасна в своей многоэтажной короне, ее кожа отливает бледно-голубым в свете дня и розовым в ночном освещении. Ее вуаль — череда изгибов и арок, усыпанная миниатюрными кристаллами от «Дженерал электрик».

Мы знаем ее насквозь — или по крайней мере, считаем так. Когда ломаются лифты, мы ходим по ее лестницам вверх и вниз, а в жаркие летние дни дышим воздухом, выглядывая из ее треугольных окон. Окна на самом верху не открывают — ветер там такой, что даже в штиль может подхватить футбольный мяч и перекинуть его на расстояние длиной в целое поле, а восходящие потоки способны зашвырнуть внутрь здания даже птиц. Официально у Крайслер семьдесят семь этажей, но фактически — восемьдесят четыре уровня.

Чем выше — тем они меньше. Восемьдесят

третий уровень представляет собой лишь платформу размером со столик для пикника, со всех сторон окруженную окнами. Над ней — лестница и люк, ведущий к шпилю и громоотводу. Верхние уровни — заманчивое место. Одним знойным августовским вечером мы с Успокоителем поднялись на самый верх, ползком, обвязавшись веревками. Здание покачивалось под нами, но стояло крепко. Внутри шпиля хватает места для одного человека. Со всех сторон у тебя металл, и ты чувствуешь само движение земли.

Крайслер — дама сногсшибательная, и удивляться тут нечему. Я мог бы рассуждать о ней без конца. По ночам мы включаем в ней свет, и ее огни видны за много миль вокруг.

Этим я хочу сказать, что мы, официанты «Клауд-клаба», знаем характер этой цыпочки. Мы ведь работаем в ее голове.

Наши патроны бросаются в закрытый банкетный зал, стены которого украшены хрустальными скульптурами, символизирующими рабочий класс, и прячутся под столом. Официанты же цепляются за бархатные шторы и наблюдают, как Крайслер шагает по Тридцать четвертой улице, звеня и цокая каблуками.

— Босс, нам следовало этого ожидать, — говорю

я Виктору.

— Бесспорно, — отвечает он, перебрасывая через руку полотенце. — Дамы! Наша Крайслер влюблена!

На протяжении одиннадцати месяцев, в тысяча девятьсот тридцатом и тридцать первом, Крайслер была самой высокой красоткой Нью-Йорка. Затем появился Эмпайр со своим высоченным шпилем, и превзошел ее. Долгое время Крайслер смотрела на него, а он не обращал на нее внимания. И вот она не выдержала. В конце концов, сегодня же День святого Валентина. Я передаю Виктору сигарету.

— Он ведет себя как потемкинская деревня, — говорю я. — Будто у него за фасадом ничего нет. Если бы на меня положила глаз такая куколка, я бы горы свернул. Нашел бы нам общий дом, а то и вообще переехал за город. Что меня держит? Мать да сестра. А он-то, считай, королевская особа.

— Не скажу наверняка, — отвечает Виктор, наполняя мой бокал, — но я слышал, что его не интересуют отношения. Он на нее даже ни разу не взглянул.

Крайслер останавливается на перекрестке Тридцать четвертой и Пятой, чуть приподнимает подол юбки и клацает каблуками. Внизу воют

сирены, но она чего-то ждет. Мне стыдно об этом сообщать, но находятся люди, которые вообще не замечают ничего необычного и просто проходят мимо, возмущенные образовавшейся пробкой.

Эмпайр-стейт-билдинг робко стоит у себя на углу. Он дрожит так, что шпиль трясется. Некоторые из моих коллег и патронов сочувствуют ему, но не я. Крайслер — настоящая леди, и если он сегодня откажет ей, то навсегда останется для меня неотесанным болваном.

В три минуты седьмого все прохожие на Пятой авеню заходятся в ужасающем крике. Крайслер сдается и хлопает Эмпайра по плечу.

— Он ответит, — уверен Виктор. — Давай же, отвечай!

— Сомневаюсь, — говорит Успокоитель, завершивший свою туалетную миссию. — Он до смерти ее боится. Смотрите!

Наш Успокоитель — настоящий специалист не только по китайской медицине, но и по психоанализу. Если бы не он, остальным официантам приходилось бы туго. Он с одного взгляда может угадать, что собираются заказать клиенты.

— Она все отражает, включая все недостатки нашего бедняги. Он столько лет это видел, что теперь чувствует себя голым. Когда тебе букваль-

но тычут в лицо твоими недостатками, это удар по психике.

Повара на кухне принимаются делать ставки.

— Она не станет долго ждать его ответа, — говорю я. Теплых чувств к здоровяку я не питаю, но все равно переживаю за него. — Она знает себе цену. Ей больше подойдет кто-нибудь вроде Метрополитен-музея.

— Или Шварцмана[9], — говорит Успокоитель. — Я бы на ее месте выбрал его. С нашей Крайслер шутки плохи, легкомысленного отношения она не потерпит.

— С другой стороны, эти двое для нее низковаты, — рассуждаю я. — Ей нравятся ребята со шпилями. Может, Мюзик-холл?

Эмпайру тяжко. Его шпиль был изначально приспособлен для парковки дирижаблей, но после катастрофы «Гинденбурга» о дирижаблях пришлось навсегда забыть. Теперь его предназначение неясно. Он поникает. Крайслер снова похлопывает его по плечу и протягивает руку в стальной перчатке. Виктор разливает всем еще шампанского. Весь клуб охватывает ставочный ажиотаж, деньги переходят из одних рук

---

[9] notes: 9

Здание Стивена А. Шварцмана — центральный корпус Нью-Йоркской публичной библиотеки.

в другие.

Эмпайр медленно, нерешительно сдвигается с места.

Весь персонал шестьдесят шестого этажа взрывается радостными криками, среди которых раздается еле слышный стон мистера Наста — его ставка проиграла. Лифты обоих зданий возобновляют работу, извергая на улицу людские потоки. К моменту, когда Крайслер с Эмпайром отправляются на восток, почти все патроны покидают клуб, а мы с Виктором и Успокоителем распиваем на троих бутылку бурбона.

Дам в клубе нет, и оставшиеся патроны решают отложить ужин, пока Крайслер не вернется на привычное место. Наступает всеобщее облегчение. На сегодня персонал «Клауд-клаба» складывает с себя обязанности.

Когда Крайслер и Эмпайр под ручку ступают в воды Ист-Ривер, между собой начинают переговариваться и другие влюбленные здания. Из окон мы наблюдаем, как жилые дома склоняются друг к другу, растягивая веревки для сушки белья, и шушукаются. Центральный вокзал, подтянутый и элегантный, как пассажир «Титаника», поднимается и, отряхнувшись, направляется к станции Пенсильвания, этой иконе стиля боз-ар.

Флэтайрон и Игла Клеопатры вздрагивают от внезапной близости, и через мгновение начинают обниматься.

Эмпайр и Крайслер застенчиво проходят полосу прибоя между Пятьдесят девятой улицей и Вильямсбургским мостом. Мы видим ньюйоркцев, высыпавших из автобусов и такси, чтобы полюбоваться на отражающийся в глазах нашей красотки закат.

На голове у Эмпайра красуется неуклюжий фонарь в форме сердца, и мы с Виктором и остальными не можем удержаться от смеха. Крайслер искрит серебристыми блестками и выглядит величественно. Ее окна звенят.

На глазах у жителей трех районов два высочайших здания Нью-Йорка прижимаются друг к другу и начинают вальсировать по щиколотку в воде.

Я бросаю взгляд на окна Эмпайра и вижу в одном девушку, смотрящую прямо на меня.

— Виктор, — окликаю я старшего официанта.

— В чем дело? — отвечает он.

Усевшись рядом с каким-то позеленевшим от укачивания промышленником, Виктор поглощает суп вишисуаз. Напротив них бывший чемпион мира по боксу Джин Танни курит сига-

ру. Я укладываю промышленнику на лоб влажное полотенце и благодарно принимаю предложение боксера угоститься сигарой.

— Видите ту красотку? — спрашиваю я.

— Разумеется, — отвечает Виктор, а Танни согласно кивает. — Как не заметить такую птичку?

Девушка примерно в тридцати футах над нами, в левом глазу Эмпайра. На ней красное платье с блестками, в волосах — цветок магнолии. Она подходит к микрофону. Один из ее музыкантов начинает играть на трубе. Музыка слышна даже здесь.

Наши здания кружат, крепко обнявшись. Ансамбль в Эмпайре исполняет *In the Still of the Night*[10]. Я не могу отвести глаз от моей красотки, моей сногсшибательной красотки, и едва замечаю первый поцелуй Крайслер и Эмпайра в девять шестнадцать вечера. Проходят часы; Крайслер краснеет, Эмпайр что-то шепчет ей на ушко, они вместе смеются, но я так и не отвожу взгляд.

Лодки на реке обескураженно кружат, когда в одиннадцать тридцать четыре наша парочка отправляется на юг к гавани и, переступив через мосты, оказывается в глубокой воде. Мачты

---

[10] notes: 10

Песня Фреда Пэрриса, впервые исполненная в 1956 г. группой The Five Satins.

Эмпайра оплетают орнаментальных орлов Крайслер. Крайслер осторожно перешагивает через колесо обозрения на Кони-Айленде, а Эмпайр наклоняется и поднимает его для нее, пронося прямо перед нашими окнами. Крайслер вдыхает его наэлектризованный аромат.

— У тебя один путь, — говорит мне Виктор, протягивая веревку, сплетенную из скатертей. Остальные официанты кивают.

— Вы — настоящие друзья, — говорю я. — Настоящие чемпионы.

— Я тоже чемпион, — бубнит отправившийся в алкогольный нокаут Танни. Он с ног до головы усыпан розовыми лепестками и нижним бельем.

Я взбираюсь по узким лесенкам на восемьдесят третий уровень, слыша, как моя красотка поет только для меня. Воздух здесь холоднее, чем купидон из мороженого. Я вылезаю из окна на карниз, не выпуская из рук веревку. Когда Крайслер прижимается разгоревшейся щечкой к плечу Эмпайра, он поглаживает ее по блестящей коленке, и они принимаются заниматься любовью посреди Атлантики. В этот момент я бросаю веревку, и красотка из Эмпайра привязывает ее к своему роялю.

В одиннадцать пятьдесят семь я перебираюсь

по веревке, а ровно в полночь уже держу девушку в объятиях.

Из «Клауд-клаба» доносятся аплодисменты; все поднимают бокалы, стаканы с бурбоном, а кто-то — ложки для супа. Я вижу, как боксер чмокает Доблестного Виктора. Внизу «Циклон»[11] оплетает Бруклинский мост, а паромная переправа Статен-Айленда принимается отплясывать перед леди Свободой.

В шестнадцать минут первого Крайслер и Эмпайр призывают на свои шпили молнии, и все мы, мужчины и женщины, официанты и певицы, люди и здания, принимаемся отчаянно целоваться в ледяном океане посреди парка аттракционов, освещаемые бледно-рыжими огнями Нью-Йорка.

[11] notes: 11

«Кони-Айлендский циклон» или просто «Циклон» — исторические «американские» (или, как принято говорить в США, «русские») горки, открытые в 1927 г. и действующие до сих пор.

Их отношения начались еще тогда, когда жив был Энди Уорхол, Манхэттен выставлял напоказ все свои неприглядные стороны, и молодежь теряла здесь свою идентичность, чтобы обрести новую, более экстравагантную.

Ричард Боус
Кровь вчера, кровь завтра[12]

1

— Ай Лин, сыграй для тети Лилии и всех остальных «Лунный свет» Дебюсси, — сказал Ларри, и его партнер Бойд расплылся в улыбке.

Лилия Гейнс была приглашена на званый ужин одним из организаторов, Ларри Степелли.

В злополучные давние времена они даже жили вместе. Двадцать пять лет назад Лилия и Ларри записались на курс ихордоновой терапии как пара, а закончили его порознь.

Роскошно одетая маленькая азиатка свободно и раскованно села за пианино. Было время, когда Лилия считала, что воспитывать детей должно быть позволено только благополучным и богатым однополым парам.

За спиной Ай Лин, под окнами двухквартирного дома, текли воды Гудзона и горели огни Нью-Джерси. Был поздний июньский вечер. Ко

---

[12] notes: 12

“Blood Yesterday, Blood Tomorrow” © 2011 Richard Bowes. First publication: *Blood and Other Cravings*, ed. Ellen Datlow (Tor).

всеобщему удивлению, девочка исполнила сложную пьесу безошибочно, будто совершенный робот.

Под аплодисменты отцов и дюжины гостей Ай Лин поклонилась и ушла в сопровождении няни. Лилия в очередной раз задумалась о стремительном восхождении Ларри по социальной лестнице. Ужин был устроен в первую очередь для клиентов Бойда, но Ларри стремился впечатлить некоторых из них, а перед остальными, включая Лилию, — похвастаться своим успехом.

Какая-то женщина спросила Бойда, в какое дошкольное учреждение ходит его дочь. Один из его клиентов упомянул в одном предложении имена президента и двух сенаторов.

Молодой человек, пришедший в компании известного пожилого иллюстратора детских книг, принялся рассказывать о своем новом романе.

— Это подростковый роман ужасов — очень популярный нынче жанр, — говорил он.

Ларри с улыбкой обратился к Лилии:

— Вчера я проходил мимо «Сокровищницы», но вы были закрыты.

— У нас ремонт, — ответила она. Когда-то они были столь близки, что до сих пор могли прочесть друг друга как открытую книгу, и прекрасно по-

нимали, когда говорят неправду.

Ларри склонил свою по-прежнему прекрасную голову, волосы на которой едва тронула седина, и вздернул бровь.

Лилия ожидала нового вопроса про магазин — например, сколько он еще протянет — и совершенно не хотела это обсуждать.

Ларри так ничего и не спросил. В этот момент начинающий писатель продолжил:

— В этом жанре не пишет только ленивый, но он никогда не надоедает. Мой роман называется «Нынче крови не получишь». Помните, как в «Алисе в Зазеркалье», — «варенье можно получать либо завтра, либо вчера, но только не нынче». По сути, моя книга — это та же «Алиса», только с вампирами! А действие происходит в элитной частной школе!

Все это время писатель восхищенно смотрел на Ларри. Бойд нахмурился. Иллюстратор, работы которого в текущий момент были выставлены в галерее Ларри, закатил глаза.

Губы Ларри вновь тронула улыбка, но тут же исчезла. Монолог писателя, по мнению Лилии, был незапланированным бонусом.

Женщина в шелковом платье, немного напоминающем ночную сорочку, перевела разговор

на другую, едва ли более безопасную тему: снижение цен на недвижимость.

Тогда Бойд предложил гостям приступить непосредственно к ужину. Бойд Ласло был корпоративным юристом: твердым, вежливым, привлекательным, умеющим хранить тайны. Лилия Гейнс знала, что он ей не доверяет.

Отношения Лилии и Ларри начались еще тогда, когда жив был Энди Уорхол, Манхэттен выставлял напоказ все свои неприглядные стороны, и молодежь теряла здесь свою идентичность, чтобы обрести новую, более экстравагантную. Тогда они снимали квартиру на двоих, а Бойд еще учился в колледже и только планировал поступление на юридический факультет Йельского университета.

Этим летом весь Манхэттен охватила ностальгия по тем мрачным временам, и Лилия хотела пробудить эту ностальгию в Ларри. Ей было что ему показать, но сделать это можно было лишь наедине.

Вечер подходил к концу; Ларри проводил иллюстратора, а молодой писатель никак не мог уйти, все так же восхищенно глядя на Ларри и на Лилию тоже. Мистическое притяжение древнего зла — Лилии не нужно было это объяснять.

Лилия заметила, что, прощаясь с писателем, Ларри подмигнул ему — верный знак того, что ему скучно. Она вспомнила, каким он был во время ихордоновой терапии: он плакал и клялся, что когда выйдет оттуда — излечившись от своей привычки, — то свяжет себя крепкими отношениями и станет воспитывать детей.

На другом конце коридора, у лифта, Бойд обменивался поцелуями и рукопожатиями с другими гостями. Лилия и Ларри остались наедине, и он положил руки ей на плечи.

— Ты что-то скрываешь. Выкладывай.

— Нашла кое-что, — ответила Лилия, доставая из сумочки аккуратно сложенную льняную салфетку.

Только тот, кто был знаком с Ларри столь же хорошо, как она, мог бы заметить, как его глаза на миллиметр расширились. На салфетке был вышит символ, который Лилия впервые встретила много лет назад — маленькая золотая корона. Под короной располагалась витиеватая надпись: «Дом Мирны». Те же слова, только перевернутые, были и над короной. Ларри с Лилией не смогли продолжить разговор, потому что вернулся Бойд. Выглядел он озадаченно и хотел поговорить с Ларри наедине. Поблагодарив их обоих за ужин,

Лилия покинула дом. Уходя, она заметила, что Ларри спрятал салфетку от Бойда.

Давным-давно, когда Нью-Йорк был куда более мрачным и безумным местом, Ларри с Лилией жили в квартирке на маргинальной улочке в Нижнем Ист-Сайде и искали момент, чтобы построить карьеру. Он снимался в любительских фильмах вместе с Мадонной, тогда еще никому не известной, и занимался фотографией; она шила платья по собственным эскизам и продавала их в бутиках Ист-Виллидж. Их кумирами были Патти Смит и Роберт Мэпплторп[13] и, как и вся молодежь того времени, они старались во всем походить на них. Серьезная, невозмутимая девушка с обрамляющими лицо волосами, и яркий парень-бисексуал. Они ходили в «Пирамиду», «Студию 54» и «Фабрику»[14]. Заигрывали с алкоголем и наркотиками. Разумеется, в их отношениях было место и любви, и, когда сходились

[13] notes: 13

Патриция (Патти) Смит (р. 1946) — американская певица, одна из родоначальниц панк-рока. Роберт Мэпплторп (1946–1989) — американский фотограф, известный своими провокационными черно-белыми снимками обнаженной натуры.

[14] notes: 14

«Студия 54» — популярный в 70-х годах двадцатого века ночной клуб. «Пирамида» — ночной клуб, открывшийся в 1979 году и ставший символом гей-культуры. «Фабрика» — арт-студия Энди Уорхола, где также собирались представители нью-йоркской богемы.

звезды, сексу.

Они постоянно нуждались в деньгах, и поэтому приторговывали антиквариатом и прочими диковинами на блошином рынке на Шестой авеню.

Тогда этот район Манхэттена представлял собой скопление пятиэтажных зданий и просторных автомобильных стоянок, и буквально просил, чтобы кто-нибудь занялся его перестройкой. По выходным стоянки одну за другой оккупировали раскладные столы и палаточные городки. Торговля шла до рассвета.

Все больше и больше ньюйоркцев проводили там вечера, роясь в хламе в поисках ценных находок. Именно там бледный принц Уорхол купил большую часть своей знаменитой коллекции банок из-под печенья.

По будним дням Ларри с Лилией обхаживали аукционные дома Четвертой авеню и Бродвея, к югу от Юнион-сквер, скупая плачевного вида вазы, конфетницы, старые игрушки, никому не нужные солнечные зонты, наборы фотографий юных солдат и девочек-хористок, изображения обнаженных купальщиков конца девятнадцатого и начала двадцатого веков и статуэтки в виде слонов в капорах и цилиндрах.

Это занятие кормило их, поэтому к воскресному утру они старались оставаться трезвыми. Еще затемно они перевозили тележки со своими сокровищами на Шестую авеню, занимали клочок земли площадью в несколько квадратных футов, арендовали пару столов и открывали свою лавку.

Еще до рассвета на рынке появлялись приезжие антиквары, декораторы-авангардисты и просто безумные коллекционеры. Они с фонариками обходили мебельные фургоны и столы, на которых торговцы раскладывали свой товар.

Лучи фонарей мелькали во тьме и внезапно то четыре, то пять, а то и десять лучей замирали на их прилавке с занятными, необычными и, быть может, даже ценными вещицами.

Ларри с Лилией нравилось внимание. Так продолжалось до тех пор, пока на очередном вялотекущем будничном аукционе им не попался лот, состоящий из нескольких коробок «стрессовых активов»: зеркал, скатертей, бокалов для шампанского и даже спичечных коробков с похожим на золотую корону клеймом и надписью «Дом Мирны».

Это название было им незнакомо. Вероятно, этот самый «Дом Мирны» был каким-то заве-

дением в Аптауне — рюмочной, борделем или богемным салоном — все равно.

— «Блохи», — заядлые старые торговцы именовали себя «блохами», — называют свой товар «барахлом», — сказал Ларри.

— Это самое что ни на есть барахло, — согласилась Лилия.

— Много барахла, — произнесли они в унисон, как частенько случалось с ними тогда.

Поставив пятьдесят долларов, они выиграли лот.

В воскресенье они арендовали привычное место и пару столов. Кроме «барахла» они выставили неплохо обставленный кукольный домик, комплект бело-голубых фарфоровых мисок, несколько потрепанных кожаных курток, старинные корсеты, коробку запонок и сумку клюшек для гольфа, а также несколько сломанных фотоаппаратов и расколотую банку с мраморными шариками. Но «барахло» из «Дома Мирны» занимало среди товаров почетное место.

Пара, содержавшая прилавок напротив, казалось, каждую неделю совершала налет на новое место. Товар у них всегда был тематический. В этот раз — чучело головы лося, лыжи, снегоступы,

тупые коньки, грубо сколоченные деревянные кресла и стойки для ружей.

Ларри с Лилией закончили приготовления до рассвета. На стоянке появились первые фонарики. Один посветил прямо на них. Женщина с плоским, не выражающим никаких эмоций лицом в очках без оправы обратила внимание на клюшки для гольфа, но, присмотревшись, развела руками и собралась уходить. Тут луч ее фонаря упал на аккуратную скатерть из «Дома Мирны».

— Тридцать долларов за все, — обвела она рукой «барахло» Мирны.

Ларри с Лилией не спешили с ответом. Тридцать долларов стоила суточная аренда места и столов, к тому же, за «барахло» они сами заплатили больше.

Подошел другой клиент с фонарем — мужчина средних лет с тонким, осунувшимся лицом, выдававшем в нем постоянного посетителя многих злачных мест Манхэттена. Он внимательно рассмотрел бокалы Мирны.

— Пять долларов за штуку, — объявила цену Лилия, но мужчина не смутился.

— Тридцать только за скатерть, — сказал Ларри женщине, которая хотела заплатить столько за все.

С женщиной они сторговались за двадцать. Осунувшийся мужчина купил четыре бокала за пятнадцать долларов и принялся осматривать прочее «барахло».

Тем утром все фонари гигантскими светлячками налетели на лавку Лилии и Ларри. «Дом Мирны» был нарасхват. Другие вещи никого не интересовали. Даже старые «блохи» бросали свои дела, чтобы узнать, откуда такой ажиотаж.

Когда из-за крыш показалось солнце, худой, осунувшийся мужчина раскопал среди «барахла» маленькую шкатулку из слоновой кости.

— Мирна Лавальер, кто же ты и где ты сейчас? — произнес он, открывая крышку.

Внутри оказалась пачка визитных карточек с привычным символом короны и надписью «Дом Мирны» с двух сторон. Внизу был указан адрес в Верхнем Ист-Сайде, телефонный номер с буквенным кодом и слоган: «На полпути от Парк-авеню к раю».

— Скорее «как можно дальше от рая и в двух шагах от ада», — сказал мужчина. — Ребята, вы вообще в курсе, что у вас тут?

Занятые другими клиентами Ларри и Лилия развели руками.

— Порок всегда хорошо продается, — сказал

мужчина. — В конце сороковых, после войны, это место считалось гнездилищем порока. Ты входил в «Дом Мирны» человеком, а выходил… не совсем.

Разглядывавшая подсвечники из «Дома Мирны» высокая женщина с черным кружевным платком на шее и в солнцезащитных очках остановилась и прислушалась. Снисходительно усмехнувшись, она произнесла с едва уловимым акцентом:

— Я вас умоляю, не рассказывайте этим не таким уж невинным деткам страшилок, выдуманных теми, кого даже на порог к Мирне не пускали. То, что там творилось, уже случалось прежде, и непременно случится вновь. Если вы хоть немного в теме, то прекрасно это знаете.

Обернувшись к мужчине, женщина ненадолго сняла очки. Ларри с Лилией не было видно ее лица, но, судя по всему, оно было достаточно страшным или угрожающим, чтобы мужчина попятился и поспешно удалился.

— Пятьдесят за подсвечники! — выпалил осмелевший Ларри.

— Я просто сравнивала их с теми, что у меня есть. Но я расскажу о вас кому следует. Думаю, время пришло.

Все утро старые барахольщики грызлись с ушлыми дизайнерами за предметы из «Дома Мирны». Лилия и Ларри искали среди них тех, кто реально мог бывать в этом загадочном заведении.

Когда солнце полностью вышло из-за крыш, к лавке потянулась молодежь, вывалившаяся из «Данстерии»[15]. Накрашенные парни-трансвеститы, девушки в бархатных платьях, столь узких, что казалось, будто держатся они исключительно за счет внутреннего напряжения, заглядывали на блошиный рынок по пути в Даунтаун. Коллекция их поразила; они перешептывались, смеялись, но в конце концов купили не много — пару платков да мундштук для сигарет.

Однако коллекция неудержимо таяла. К лавке подошла одинокая, одетая в стиле дэт-панк девушка; ее щедро накрашенные черным глаза и темные волосы с зелеными прядями в рассветных лучах выглядели особенно трагично. Порывшись в оставшихся вещах, она выложила все свои деньги — три доллара и семнадцать центов — за

---

[15] notes: 15

Известный нью-йоркский ночной клуб, существовавший с 1979 по 1995 год, и за это время семь раз менявший прописку. Наибольшей популярностью пользовалась его вторая инкарнация, просуществовавшая до 1985 года. В это время клуб посещала певица Мадонна, группы *Duran Duran* и *Depeche Mode*, а также другие популярные артисты.

заляпанную картонную подложку для пивных кружек.

Тут Лилия сообразила, что под определенным углом эмблема «Дома Мирны» напоминает рот, а корона — острые золотые зубы. Стоило ей это понять и показать Ларри, как они уже не могли воспринимать логотип иначе.

Они не были наивными. В богемном обществе ходили слухи о неких «созданиях ночи». После того утра мысли о «Доме Мирны» уже не выходили у Ларри и Лилии из головы.

2

Тридцать лет спустя, на следующее утро после званого ужина, Ларри несколько раз позвонил Лилии на мобильный телефон, но та была занята — ехала на трамвае на остров Рузвельт по делам. Вдобавок она прекрасно помнила, как вести себя с Ларри, когда ему от тебя что-то нужно — пусть такого и давно не случалось.

Остров Рузвельт лежит в устье Ист-Ривер между Манхэттеном и Куинсом. На этом клочке суши посреди огромного мегаполиса расположен маленький прибрежный городок, состоящий в основном из многоквартирных домов. Даже на центральной улице здания так нависают над

тротуарами, что полностью заслоняют прохожих от солнца.

Когда-то солнечный свет был для Лилии абсолютно невыносим, и ей приходилось его избегать. Теперь, в тени этих зданий, она радовалась тому, что сохранила эту привычку и не заработала себе рак кожи.

Лилия помнила всех, кто прошел лечение вместе с ней и Ларри, — растрепанного седого старика с горящими глазами, которому пришлось давать тройную дозу ихордона и надевать намордник, потому что он на всех кидался, и русоволосую женщину, решившую стать вампиром после того, как она двадцать лет назад увидела Белу Лугоши в роли Дракулы.

Давным-давно остров Рузвельт назывался островом Вспомоществования. Здесь располагались инфекционные больницы, от которых теперь остались лишь развалины. Есть здесь и действующие больницы, в большинстве своем ничем не примечательные. Но есть здесь и больница для пациентов с полиморфным фотодерматозом (попросту говоря, аллергией на солнце), гемофагией (атипичной реакцией на кровь) и некоторыми другими необычными заболеваниями. На территории этой больницы располагаются также

жилые коттеджи. В одном из них живет женщина, которую Лилия приехала навестить. Она нашла ее у окна, в коляске, укутанную одеялами. Лилии она казалась древней еще тогда, много лет назад, когда разглядывала на блошином рынке подсвечники и просила не рассказывать страшилок. Теперь же Мирна Лавальер выглядела настоящей мумией — говорящим скелетом, обтянутым кожей.

— Когда стареешь, от запаха тлена не скрыться. Никто от него не защищен, особенно мужчины. Каждый раз, когда ты приходишь сюда, тебя пугает мой возраст и вид. Я тебя не виню. Мне уже далеко за сотню. Зависимость от крови, а затем от ихордона, продлила мне жизнь, но погляди, чего это мне стоило. В больнице меня держали в смирительной рубашке и фиксировали голову, опасаясь, что я кого-нибудь покусаю, — беззвучно усмехнувшись, Мирна показала Лилии беззубые челюсти. — Теперь мне хочется лишь спокойно умереть в этой комнате, а не в том хранилище для живых трупов, — она кивнула в сторону центрального больничного корпуса. — Но в этой стране даже для этого нужны деньги.

Еще раньше она рассказала Лилии, сколько ей осталось жить, сколько это будет стоить и какие

еще сокровища из «Дома Мирны» и других клубов остались у нее в закромах. Лилия поделилась с ней своими планами. Сегодня пришел день для их воплощения.

— Мне нужно забросить на рынок хорошую наживку, — сказала Лилия.

Они поняли друг друга без слов. Мирна позвала сиделку, и та, как и неделю назад, передала Лилии новую коробку коллекционных вещей.

3

Лилия ответила на звонок Ларри только после того, как вернулась в свой магазин.

— Где ты это нашла? — немедленно спросил он.

В трубке были слышны голоса других людей — Ларри звонил из «Степелли», своей галереи в Западном Челси. Лилия сочинила историю про «Гараж» — последний из некогда процветавших блошиных рынков Шестой авеню. Она якобы нашла салфетку, укрывшись там от дождя в прошлое воскресенье.

— А еще что-нибудь из «Дома Мирны» там было? — спросил Ларри.

— Салфетка — все, что осталось, — ответила Лилия. — Торговка сказала, что все остальное

разом смели какие-то молодые ребята.

— У нее еще что-нибудь осталось? Где она вообще раздобыла эти вещи?

— Да, — ответила Лилия, ничем не выдавая своего веселого настроения. — Она сказала, что получила их от женщины, приятель которой может раздобыть еще. У меня есть кое-какие зацепки.

Это была неправда, но взволнованный Ларри ни о чем не догадался.

Разговор состоялся в пятницу. Посетить «Гараж» они договорились утром в воскресенье.

«Сокровищница», магазин Лилии, когда-то был известным и модным местом. Спустя годы он превратился в занятный жутковатый пережиток прошлого для одержимых ностальгией людей, а теперь оказался на грани закрытия. Арендодатель давно выселил бы Лилию, если бы мог найти для помещения нового съемщика. Он продлевал аренду помесячно, но его терпение было уже на исходе.

Вечером Лилия вспомнила ту субботнюю ночь и воскресное утро их первого с Ларри триумфа. Через неделю они выставили на продажу все оставшееся «барахло» из «Дома Мирны» — фляжки, шарфы, стойку для зонтов в виде слоновьей

ноги. Толпа окружила их даже раньше, чем они успели все разложить. Все фонари собрались вокруг их прилавка. Среди покупателей были и уже знакомые, и новые.

Прилавок напротив, хозяева которого каждую неделю обворовывали чей-то дом, на этот раз напоминал детский сад. Там были выставлены детские стулья, кресла, игрушки. Сами торговцы издали разглядывали толпу.

Ларри с Лилией поняли, что девушка-дэт-панк была разведчицей. За ней из сумрака потянулись парни и девушки, с ног до головы одетые в черное, пахнущие табаком и амилнитритом[16]. Появилась и молодежь в стиле ретро, одетые в костюмы двадцатых годов модники, стиляги в зауженных брюках и даже проститутки. Лицо одного молодого парня в галстуке было выкрашено белым, в руках он держал антикварную сумку врача. Все звали его доктором Джекилом.

Они покупали небольшие сувениры — чашки, салфетки, подкладки под пирожные. На вопрос «что такого особенного в “Доме Мирны”» они лишь пожимали плечами и говорили, что «создания ночи» сейчас в моде.

---

[16] notes: 16

Амилнитрит — расслабляющее вещество, популярный клубный наркотик. В медицине использовался для лечения стенокардии.

Наконец, перед самым рассветом, клубная молодежь с трепетом расступилась перед полудесятком фигур, появившихся, как тени, из ниоткуда. Лилия услышала, как «блоха» напротив крикнула кому-то: «Дракула с компашкой притащился!»

Новоприбывшие казались невероятно высокими, худыми, вытянутыми. Их силуэты будто колыхались. На некоторых были плащи, а их улыбки были кратким мельканием зубов.

Растолкав молодежь, они подошли к прилавку Ларри с Лилией. Один из них молниеносно схватил какую-то девушку за воротник, поцеловал, а затем легонько куснул ее за шею. Девушка задрожала в экстазе.

Лилии было тревожно, а вот Ларри охватило восхищение. Это был истинный гламур, воплощение того, что творилось в закрытых комнатах самых эксклюзивных клубов. Осмотрев прилавок, незнакомцы кивнули, надели солнцезащитные очки, обменялись друг с другом взглядами и одобрительно улыбнулись Ларри.

Высоко подняв плащи, они скрыли происходящее от простой публики. В мгновение ока с Ларри сорвали кожаную куртку и рубашку. Улыбки и зубы незнакомцев выглядели точь-в-точь как на

эмблеме «Дома Мирны».

Ларри вытаращил глаза. По его груди сбежала тонкая струйка крови. Даже когда незнакомцы уже покинули рынок, он продолжал смотреть им вслед, не заметив даже, как Лилия снова одела его.

Появились другие клиенты. Теперь Ларри с Лилией стали знаменитостями. Торговля пошла бойко — им удалось продать даже кукольный домик.

Ларри был заворожен и смятен. Лилия знала, что его всегда тянуло к славе, к высшему обществу, и ему каким-то образом удавалось заводить связи в нужных кругах. Теперь же его приняли в особенную, легендарную компанию.

Всю неделю Ларри держался отстраненно и рассеянно. Он действовал Лилии на нервы, она в свою очередь раздражала его. В следующее воскресенье они привезли на рынок последние вещи из «Дома Мирны» и все, что у них осталось на продажу.

Перед рассветом вокруг них собрались фонари. Появилась и женщина в шарфе и солнцезащитных очках. Клубная молодежь глядела на нее с благоговением. Женщина подошла к Ларри и изобразила подобие улыбки, и протянула Лилии

бумажку с какими-то именами.

— На старости лет любые коллекции, даже самые дорогие сердцу, становятся обузой. Это люди, готовые расстаться со своими.

Когда она уходила, появились молодые создания ночи. Склонив головы, они расступились перед ней.

— Мирна, — прокатился шепот. — Мирна Лавальер!

Кивнув, женщина скрылась в сумраке ночи.

Когда создания ночи обступили Ларри, Лилия воспротивилась, сказав, что они выставляют его идиотом. В ответ Ларри указал на нее. Снова вверх взметнулись плащи, Лилию схватили за руки, расстегнули блузку. Она не успела даже вскрикнуть, прежде чем зубы впились в ее шею.

Она обернулась посмотреть, кто укусил ее, но от резкого движения голова пошла кругом. Лилия пробовала разные наркотики, но ни один не обладал таким эффектом. Ощущения были как от смеси героина с ЛСД. В результате они с Ларри пробыли в трансе до следующего утра.

Придя в себя, они изучили список людей, оставленный им Мирной. Все эти люди были глубокими стариками, тщедушными, будто готовыми в любой момент отправиться на тот свет.

Но взгляды их были проницательными, а клыки — острыми. У всех были коллекции памятных вещей, с которыми они готовы были расстаться. Пара стариков пыталась кусаться, но в целом они оказались вполне безобидными.

4

Поздним летним вечером тридцать лет спустя Лилия встретила Ларри у «Сокровищницы» на Западном Бродвее, на задворках Сохо. Она была напряжена, зная, что не может допустить ошибку. Из нагрудного кармана Ларри вместо носового платка торчала салфетка из «Дома Мирны» с эмблемой напоказ. Лилии было интересно, какую отговорку Ларри придумал для Бойда. Мимо то и дело проезжали такси, молодежь гуляла группами в поисках работающих допоздна клубов. В выходные дни перед равноденствием субботние сумерки наступают поздно, а воскресные утра — рано. Ночи не остается места. Ларри окинул взглядом вывеску, темные окна и ветхий фасад магазина.

— Да, были времена, — произнес он, качая головой.

Когда-то дела магазина действительно шли иначе. «Настоящая сокровищница!» — кричала

реклама в «Виллидж войс». «Модная лавка не для вашей мамы — и не для вашего папы», — гласил заголовок статьи в «Нью-Йорк мэгэзин» сразу после открытия «Сокровищницы» в начале восьмидесятых.

В магазине были представлены дизайнерские вещи на любой вкус: плази различной длины, солнечные зонты, рубашки и блузки без воротников, открывающие шею.

Продавались и безделушки из бесконечной череды таинственных клубов и салонов. В тысяча восемьсот семидесятых основным объектом слухов и сплетен был «Брат Дьявол» неподалеку от Юнион-сквер, в начале двадцатого века — бар «Летучая мышь». В конце двадцатых годов в Гарлеме открылся клуб «Индиго» с чернокожими официантами и развлечениями, о которых было принято говорить лишь шепотом.

— У нас были артефакты изо всех этих мест, — вспомнил Ларри. — Есть люди, которые жить не могут без подобных штучек. Тем, кто в теме, даже говорить ничего не приходилось, они сами обо всем догадывались.

Прогуливаясь по Шестой авеню в поисках свободного такси, Ларри с Лилией вспоминали прежние времена. Как создания ночи появились

в клубе «Мадд»[17], как колумнисты «Виллидж войс» вскользь упомянули новое молодежное увлечение, не связанное ни с наркотиками, ни с сексом. В «Нью-Йоркере» писали: «Некоторые считают это древним европейским обычаем».

За артефактами охотились все. Увозили их в Вестчестер, в Чикаго, в Париж и Рим как символ своего прикосновения к неизведанному. «Сокровищница» была главным местом, где их можно было добыть.

— Солнечные дни были для нас пыткой, — произнес Ларри. — Мы вели ночной образ жизни.

Лилия помнила те времена иначе, словно смотрела на них с противоположного конца калейдоскопа, но спорить с Ларри не стала. Не стала она и напоминать о происшествии, которое повлекло за собой катастрофу.

Для нее все началось с визита к стоматологу. Врач заметил, как выросли клыки Лилии, и выпроводил ее из кабинета. Затем, в один из редких визитов к родным в Филадельфию, Лилия услышала от матери: «Это что, засосы?»

---

[17] notes: 17

Ночной клуб, существовавший с 1978 по 1983 год. Пользовался популярностью у знаменитостей того времени. Помимо концертов, в клубе проводились литературные чтения таких известных писателей и поэтов, как Уильям Берроуз, Аллен Гинзберг и др.

Мать заметила следы от укусов и обратила внимание на неестественную бледность дочери.

Лилия помнила, как газеты и журналы тут же «переобулись».

«Кровавое безумие!» — кричали таблоиды. «Опасная зараза под маской модного течения!» — вторили им журналы.

Родители богатеньких юнцов укладывали своих отпрысков в дорогие клиники. Остальные оказывались в обычных городских больницах. Единственным лекарством от вампиризма был ужасный, отупляющий ихордон. Казалось, что Ларри напрочь об этом забыл, и Лилия не видела причин напоминать ему.

В конце Шестой авеню они наконец поймали такси и проехали Виллидж и историческую Дамскую милю. На углах там и тут собирались компании, толпа собралась у заброшенной, переделанной в ночной клуб церкви. Лилии показалось, что в одном из переулков мелькнула фигура в плаще. Она заметила, как напрягся Ларри, и поняла, что он тоже это видел.

— Время нового цикла? — пробормотал он.

Лилия промолчала.

— Каждые двадцать пять — тридцать лет, плюс-минус год, начинается новый цикл, — продолжил

Ларри, и Лилия кивнула.

Такси свернуло на Двадцать пятую улицу и остановилось у «Гаража». Последний оплот блошиных рынков располагался посреди жилого квартала и тянулся на восток до Двадцать четвертой. Официально рынок открывался в восемь утра, но торговцы уже подтягивались. Фургоны ездили вверх-вниз по рампам гаража, а среди них мелькали и ранние покупатели.

На нижний уровень спустилась худая девушка в компании мускулистого парня в черном. Предоставив Ларри право первым пойти за ними, Лилия задумалась, сработает ли ее план.

В отличие от старого блошиного рынка, вокруг этого места не было ореола таинственности. Здесь пахло бензином и скверным кофе, а освещение отсекало любую необходимость в фонариках. Завсегдатаи терпеливо ждали, пока продавцы распакуют товар. Парочка в черном встретилась в уголке с небольшой группой молодых людей, только что пришедших из баров и клубов. Не оглядываясь на Лилию, Ларри направился к ним. Она шла за ним по пятам, возвращаясь в давно покинутый ими мир.

Она прекрасно знала, что найдет Ларри. Карточки с именами знаменитых гостей клуба

«Индиго» — Коула Портера, Уинстона Геста, Дороти Паркер[18]. Расписанные зубастыми кошками изящные веера из клуба «Золотой дворец», когда-то процветавшего в Чайнатауне. И, конечно же, несколько вещей из «Дома Мирны». Все это было содержимым коробки, которую Лилия несколькими днями ранее получила на острове Рузвельт.

Лилия наблюдала, как Ларри осматривает не только товары, но и покупателей. Подошли еще несколько подростков. Это место чем-то напоминало их собственный прилавок тридцатилетней давности. Подростки обратили внимание на салфетку с золотыми клыками, торчащую из кармана Ларри. Он спросил продавщицу, где она достала свой товар, и может ли достать еще.

Торговка была родом откуда-то из Восточной Европы, и плохо говорила по-английски. Она смогла лишь сказать, что купила вещи у какой-то женщины. Нет, та не назвала своего имени. Нет, других вещей у нее не было. Свою роль торговка исполняла хорошо, и ни разу не взглянула в сто-

[18] notes: 18

Коул Портер (1891–1964) — американский композитор и автор песен. Уинстон Гест (1906–1982) — англо-американский чемпион мира по игре в поло. Дороти Паркер (1893–1967) — американская поэтесса и литературный критик.

рону Лилии.

Зеваки зашевелились. Обернувшись, Лилия увидела приближающиеся фигуры в солнцезащитных очках. Создания ночи прибыли. Это было новое, неформальное поколение в шортах и шлепанцах, но некоторые, отдавая дань традиции, все же явились в плащах.

Другие торговцы и покупатели замерли, качая головами. По спине Лилии пробежали мурашки. Она начала сомневаться, стоила ли игра свеч, но тут кое-что увидела, и поняла, что судьба к ней благосклонна.

Создания ночи притащили с собой молодого автора «Алисы и вампиров». Он таращил глаза и выглядел ошеломленным. Рубашка его была расстегнута, а на шее и горле красовались свежие отметины от укусов.

Ларри остолбенел. Лилии сразу стало ясно, что он вновь обрел себя; обрел ту компанию, в которой всегда мечтал находиться. Сейчас в нее принимали молодых и красивых, но, быть может, в ней найдется место и немолодым, но обеспеченным.

Он достал кошелек и спросил торговку, сколько та хочет за все вампирские цацки. Услышав заоблачную цену, которую продавщице сообщила

Лилия, он даже не дрогнул. Толпа была встревожена неожиданным вторжением неизвестного богатея.

— Я знаю, где вас ждет настоящий клад с подобными сокровищами, — шепнула Лилия толпе.

Ларри кивнул и раздал вещи тусовщикам и созданиям ночи. Теперь они глядели на незнакомца с интересом. Молодой писатель узнал Ларри, вырвался из рук своих сопровождающих, заключил Ларри в объятия и легонько куснул за шею.

Не переставая сыпать обещаниями, Лилия принялась раздавать потертые визитки «Сокровищницы».

— Заходите на следующей неделе. У нас вы найдете сувениры и модную одежду.

Тут ей пришла в голову идея сшить новые модные футболки. Она знала, что состаренные вещи можно было раздобыть с минимальными вложениями; также стоило вернуть моду на плащи. Ларри был совершенно зачарован, так что вопрос о деньгах не стоял.

Толпа постепенно потекла к выходу. Ларри с Лилией отправились следом, но как только вышли на улицу, то заметили, что клубная молодежь и создания ночи будто сквозь землю провалились.

Лилия знала одно место, которое работало

допоздна, и повела туда Ларри. Всю дорогу он выглядел немного растерянным. Лилия решила, что он наконец вспомнил про ихордон, ломки, стоматологические клиники, где врачи спиливали вампирам клыки, и кружки́ групповой терапии, где проходившие курс реабилитации вампиры рассказывали о своих родителях.

— Не волнуйся, клиентов мы найдем, — сказала Лилия.

На шее Ларри проступили капли крови. Заметив это, он промокнул их салфеткой из «Дома Мирны». А когда Лилия назвала сумму, нужную, чтобы возродить «Сокровищницу», лишь кивнул.

Лилия была уверена, что вампиризм не затянет ее вновь. А вот Ларри наверняка потонет с головой. Она вспомнила его маленькую приемную дочь и задумалась.

Но она вспомнила и другое — как тридцать лет назад на блошином рынке пыталась защитить Ларри от созданий ночи, а он без сожалений сдал ее им.

Поэтому мысли Лилии перекочевали от крошки Ай Лин к Бойду. Да, он, вероятно, бросит Ларри, но о дочери того наверняка позаботится. Взяв Ларри под руку, Лилия повела его туда, где можно

было спокойно поговорить о деньгах.

История, рассказанная Шляпой, происходит далеко от Нью-Йорка, однако его самого вы можете встретить только в Нью-Йорке.

Питер Страуб
Шляпа-поркпай[19]

[19] notes: 19
“Pork Pie Hat” © 1994 Peter Straub. First publication: *Pork Pie Hat* (Orion).
Поркпай — шляпа с невысокой ровной цилиндрической тульей и укороченными, чуть загнутыми вверх полями. Названа так за сходство с традиционным британским пирогом со свининой.

Часть первая

1

Если вы разбираетесь в джазе, то наверняка слышали об этом человеке и должны узнать его по названию моего рассказа. Если музыка вас не интересует, то его имя не имеет значения. Назовем его Шляпа. Имя не важно — важно, чего он стоил. Нет, не для слушателей, тронутых его игрой на дудке («дудкой» в случае Шляпы был старенький тенор-саксофон «Сельмер», с которого слезла почти вся позолота). Я говорю обо всем его жизненном пути, и о том, как продолжительное скольжение от приносящего радость мастерства к тотальному истощению на поверку может оказаться чем-то совершенно иным.

Нет, Шляпа действительно страдал от алкоголизма и депрессии. Последние десять лет жизни он, по сути, морил себя голодом и к моменту смерти в номере отеля, где мы с ним познакомились, стал едва ли не прозрачным. Но играл он почти до самого конца. В дни, когда он работал, он поднимался около семи вечера, слушал пластинки Фрэнка Синатры или Билли Холидей, одевался,

приезжал в клуб к девяти, играл три сета, возвращался домой в четвертом часу утра, выпивал и снова слушал пластинки (в записи большинства из которых сам принимал участие). А потом укладывался спать — в то время, когда нормальные люди обычно готовятся обедать. Когда он не работал, то ложился на часик пораньше, просыпался в пять или шесть вечера, слушал пластинки и пил весь свой перевернутый день напролет.

Может показаться, что он влачил жалкое существование, но его жизнь была просто несчастной. Причиной тому была глубокая, неисцелимая печаль. Печаль и горе — разные вещи, по крайней мере в случае Шляпы. Его печаль была обезличенной, она не оставила на нем следа, как способно сделать горе. Печаль Шляпы была вселенских масштабов — ну или по крайней мере превосходила печаль каждого отдельно взятого человека во Вселенной. Внутри нее Шляпа был неизменно мягок, добр и даже весел. Его печаль казалась лишь обратной стороной столь же обезличенной радости, которой было пронизано его раннее творчество. В последние годы его музыка стала тяжелее, а грусть слышалась в каждой музыкальной фразе. Под конец жизни все его творчество оказалось проникнуто разочарованием. Шля-

па выглядел человеком, в жизни которого есть великая тайна, и он чувствует себя обязанным поведать о том, что видел, и о том, что видит сейчас.

2

В Нью-Йорк я переехал из Эванстона, штат Иллинойс, где закончил университет по специальности «английский язык и литература». С собой я привез две коробки пластинок и первым делом пристроил в своей комнате общежития Колумбийского университета переносной проигрыватель. В то время я все делал под музыку, и разбирал чемоданы я уже под мелодии учеников Шляпы. Тогда, в двадцать один год, я предпочитал так называемый кул-джаз и испытывал некое абстрактное уважение к Шляпе — родоначальнику этого стиля. Я не был знаком с его ранними произведениями, а из поздних слышал лишь одну композицию со сборника звукозаписывающей фирмы «Верв». Я думал, что этот музыкант давно уже умер, а если и нет, то ему должно быть уже лет семьдесят, как Луи Армстронгу. На деле же человеку, которого я воображал едва ли не древним старцем, не исполнилось и пятидесяти.

Первые пару недель учебы в новом универ-

ситете я почти никуда не выходил. Я посещал пять курсов и магистерский семинар, и перемещался исключительно между аудиториями, общежитием и библиотекой. К концу сентября нагрузки стало поменьше, и я стал выбираться в Гринич-Виллидж. Единственная ветка метро, где я не боялся заблудиться, была под управлением «Ай-Ар-Ти»[20], и представляла собой прямую линию, что позволяло сесть на Сто шестнадцатой улице у самого университета и доехать до Шеридан-сквер. От Шеридан-сквер шли улицы с невообразимым (невообразимым для того, кто последние четыре года провел в Эванстоне, Иллинойс) количеством кафе, баров, ресторанов, музыкальных и книжных магазинов и джаз-клубов. Я ведь приехал в Нью-Йорк не только ради магистратуры, но и за этим.

В семь часов вечера первой субботы октября я увидел афишу с именем Шляпы на окне джаз-клуба неподалеку от Сент-Маркс-плейс, и узнал, что он еще жив. Моя уверенность в его смерти была столь сильна, что я даже подумал, будто афиша старая. Я долго не сводил глаз с этой, как мне казалось, реликвии. Шляпа выступал с трио, в

[20] notes: 20

Изначально — частная транспортная компания, в наши дни — одно из подразделений Нью-Йоркского Метрополитена.

составе которого были его давние коллеги — бас-гитарист и ударник, но пианистом был заявлен Джон Хоуз — один из моих любимых музыкантов, с полдесятка записей которого осталось у меня в общежитии. По-прежнему убежденный в том, что афиша памятная, я решил, что Хоузу тогда должно было быть лет двадцать. Как знать, может это вообще его первое выступление? Участие в квартете Шляпы наверняка стало для Хоуза одним из первых шагов к славе. Для меня Джон Хоуз был кумиром, и даже мысль о том, что он играл с допотопным Шляпой, разрывала все устоявшиеся в моей голове шаблоны. Тут я присмотрелся к дате, и моя упорядоченная, снобистская реальность пошатнулась еще сильнее под натиском немыслимого. Гастроли Шляпы начались на этой неделе, во вторник — первый вторник октября, а последний концерт был назначен через воскресенье, прямо перед Хэллоуином. Мало того, что Шляпа был жив, так еще и Джон Хоуз играл с ним. Не знаю, что из этого было для меня более удивительным. На всякий случай я зашел внутрь и спросил флегматичного коротышку за барной стойкой, действительно ли Джон Хоуз будет сегодня выступать.

— Это в его интересах, — ответил коротыш-

ка. — Иначе ни цента не получит.

— Значит, Шляпа еще жив? — изумился я.

— Можно и так сказать. Будь ты на его месте, давно бы уже откинул копыта.

3

Спустя два часа и двадцать минут Шляпа появился на пороге, и я увидел, чего он стоит. Примерно треть столиков между входом и сценой была заполнена людьми, пришедшими послушать трио — и я был в их числе. Вечер выдался на славу, и я надеялся, что Шляпа вовсе не появится и не станет мешать Хоузу солировать. Тот играл восхитительно, хоть и выглядел немного отрешенным. Может, он всегда такой. Меня это вполне устраивало. Игра с легким равнодушием — в этом весь Хоуз. Но тут басист взглянул на входную дверь и улыбнулся, а ударник выбил на малом барабане дробь, которая удачно вписалась в мелодию и одновременно послужила наполовину шуточным, наполовину серьезным приветствием. Я отвел глаза от трио и повернулся ко входу. На пороге стоял сутулый мужчина с довольно светлой для афроамериканца кожей, закутанный в длинное черное пальто. В руках у него был футляр для тенор-саксофона, почти пол-

ностью покрытый наклейками из аэропортов, а на голове красовалась низко надвинутая на глаза черная шляпа-поркпай. Едва войдя внутрь, мужчина плюхнулся на стул у свободного столика — в прямом смысле плюхнулся, словно не мог двигаться дальше без посторонней помощи.

Почти все, кто отвлекся на него, повернулись обратно к трио Джона Хоуза, которое заканчивало исполнять *Love Walked In*[21]. Старикан с трудом расстегнул пальто и позволил ему сползти с плеч на спинку стула. Затем, с такой же болезненной медлительностью, он снял шляпу и аккуратно положил на стол. На столе откуда-то взялась наполненная до краев рюмка, хотя я не заметил, чтобы к нему подходил официант. Шляпа поднял рюмку и одним махом вылил содержимое себе в рот. Прежде чем проглотить, он окинул взглядом помещение, не шевеля при этом головой. На нем был темно-серый костюм, синяя рубашка, застегнутая на все пуговицы, и черный вязаный галстук. Лицо его выглядело помятым и пропитым, а глаза казались бесцветными — не просто поблекшими, а стертыми начисто. Он нагнулся, открыл футляр и принялся собирать дудку. Как

---

[21] notes: 21
Композиция Джорджа Гершвина, написанная в 1930 г.

только *Love Walked In* отзвучала, он поднялся на ноги, подвесил саксофон на ремешок и под жидкие аплодисменты направился на сцену. Шляпа уверенно ступил на сцену, кивнул публике и что-то шепнул Джону Хоузу. Тот сразу же опустил руки на клавиши. Ударник не переставал улыбаться во весь рот, а басист закрыл глаза. Шляпа перевернул дудку, осмотрел мундштук и сунул его поглубже. Облизав трость, он дважды притопнул ногой и взял мундштук в рот.

Дальнейшее в корне изменило мою жизнь — или, по крайней мере, меня самого. Я чувствовал, будто нашел нечто жизненно необходимое, некую сущность, которой мне не хватало. Каждый, кто впервые слышит великого музыканта, наверняка чувствует, как расширяются границы его личной вселенной. Это произошло со мной, когда Шляпа начал играть *Too Marvelous For Words*[22], одну из двадцати с чем-то композиций, которые на тот момент составляли его репертуар. На деле он вплел в *Too Marvelous For Words* какую-то собственную импровизацию, которая прекрасно дополняла оригинал, но при этом превосходила его, превращая милую беззаботную

[22] notes: 22

Популярная песня, написанная в 1937 г. композитором Ричардом Уайтингом на стихи Джонни Мерсера.

песенку в по-настоящему глубокое произведение. На несколько секунд я затаил дыхание; по коже бегали мурашки. Посередине соло Шляпы я заметил, что Джон Хоуз — тот самый Хоуз, которого я боготворил — точно так же не может отвести взгляда от Шляпы и точно так же боготворит его. К этому моменту я и сам готов был преклонить перед Шляпой колени.

Я остался на все три сета, а на следующий день после семинара отправился в магазин Сэма Гуди и купил сразу пять пластинок Шляпы — на большее не хватило денег. Вечером я вернулся в клуб и занял столик прямо у сцены, и следующие две недели приходил туда каждый вечер, когда чувствовал, что могу позволить себе отдохнуть от учебы. Всего восемь или девять вечеров из двенадцати. Каждый вечер был как первый — исполнялись те же произведения, в том же порядке. Шляпа всегда появлялся посередине первого сета и плюхался на ближайший стул. Официант ненавязчиво подносил ему напиток. Шляпа снимал поркпай и пальто, доставал из футляра дудку. Пока Шляпа собирал саксофон, официант уносил все остальное в закулисное помещение. Когда Шляпа поднимался на сцену, то сразу же казался выше, прямее, осанистее. Из раза в раз повторялся

кивок зрителям, из раза в раз он что-то шептал Джону Хоузу. Повторялось и то ощущение перехода границы между мастерски исполненной музыкой и таинственным, великим искусством. Между композициями Шляпа регулярно делал глоток из поставленного у ног стакана. Три сета по сорок пять минут. Два получасовых перерыва, во время которых Шляпа скрывался за кулисами. Одни и те же двадцать с хвостиком мелодий. Я чувствовал упоение, словно слушал Моцарта в исполнении самого Моцарта.

Однажды вечером под конец второй недели я отвлекся от библиотечной книги, которую пытался целиком уместить в голове — «Современный подход к Мильтону», — и вышел из кабинки, чтобы разыскать хоть какие-нибудь статьи о Шляпе. Звук его тенор-саксофона не давал мне покоя с самого утра. В то время я был типичным ученым-недоучкой и считал, что на страницах научных журналов можно найти ответы на все вопросы — хотя бы в форме интерпретаций. Раз в библиотеке нашлось едва ли не две тысячи статей о Джоне Мильтоне, то о Шляпе должна найтись хотя бы сотня? А в десятке из этих статей должно быть научное объяснение тем непередаваемым ощущениям, что я испытываю, слушая

его. Я искал подробные описания его соло, аналитические статьи, объясняющие воздействие Шляпы на человеческое восприятие на основе перемены ритма, чередования аккордов и выбора нот — таким же образом, как исследователи поэзии анализируют выбор слов, стихотворные размеры и сочетание образов.

Разумеется, никакие десять статей, разбирающих соло Шляпы с точки зрения современного музыковедения, я не нашел. Мне удалось отыскать шесть старых заметок в «Нью-Йорк таймс», примерно столько же обзоров его пластинок в джазовых журналах и пару посвященных ему глав в джазовых энциклопедиях. Шляпа родился в Миссисипи, играл в семейном ансамбле, но, добившись локальной известности, разругался с остальными членами семьи и присоединился к другому популярному джаз-бэнду. Стоило новому ансамблю прогреметь по всей стране, как Шляпа покинул и его при не менее загадочных обстоятельствах. После этого он отправился в одиночное плавание. Похоже было, что для получения хоть каких-то сведений о нем нужно было обращаться исключительно к его музыке — других подходящих материалов попросту не существовало.

Отложив каталоги, я вернулся в кабинку, отгородился от окружающего мира дверью и вновь принялся вбивать в голову «Современный подход к Мильтону». Около шести вечера мне стукнуло в голову: а ведь я бы мог написать о Шляпе! Беря во внимание весьма скудную критику его творчества и почти полное отсутствие информации о самом музыканте, я должен был написать о нем! Единственным препятствием было то, что я ровным счетом ничего не смыслил в музыке. Я бы не смог написать статью, которую сам захотел бы прочитать. Но хотя бы взять у Шляпы интервью я мог. Возможно, интервью будет ценнее какого-то анализа. Я мог бы заполнить белые пятна, получить ответы на множество вопросов — например, почему он дважды покидал ансамбли на волне успеха?

Быть может, он конфликтовал с отцом, а потом перенес свои проблемы на лидера нового ансамбля? Неспроста же это все. Ни один успешный ансамбль не захочет вот так терять своего звездного солиста — почему они не упросили его остаться? Не дали ему больше денег, в конце концов? Были у меня и вопросы, которыми никто прежде не задавался. Кто из тенор-саксофонистов оказал на него наибольшее влияние? Что он

думает о тех музыкантах, на которых повлиял сам? Дружит ли он с кем-то из своих творческих наследников? Приходил ли кто-нибудь из них к нему для обучения?

Но прежде всего меня интересовала его повседневная жизнь. Мне невероятно хотелось знать, какова на вкус жизнь гения. Если бы я мог выразить свои смутные фантазии в словах, то описал бы что-то, подобное моим наивным представлениям о жизни Леонарда Бернстайна[23]. Мысленно я рисовал Шляпе большую квартиру с роскошной мебелью и современным музыкальным проигрывателем, хорошую, но неброскую машину, картины… одним словом, все то, что должно было окружать знаменитого американского артиста по мнению живущего в общежитии студента из Эванстона, Иллинойс. Единственной разницей между Шляпой и Бернстайном было то, что дирижер жил где-то на Пятой авеню, а саксофонист — в Гринич-Виллидж.

Я покинул библиотеку, напевая *Love Walked In*.

---

[23] notes: 23

Леонард Бернстайн (1918–1990) — выдающийся американский композитор, пианист и дирижер, автор симфоний, балетов и других музыкальных произведений.

4

Прикрепленная цепочкой к полке, на которой стоял платный телефон общежития, телефонная книга Манхэттена была размером с хороший словарь, но номера Шляпы в ней не нашлось. Спустя некоторое время неудача постигла меня и с такими же внушительными телефонными книгами Бруклина, Куинса и Бронкса, а также с более скромным справочником Статен-Айленда. Не мог же Шляпа жить за пределами Нью-Йорка? Нет, всему находилось вполне разумное объяснение: будучи знаменитостью, он запретил публиковать свой номер, чтобы защититься от навязчивых поклонников. Другой причины отсутствия его номера в пяти телефонных книгах я придумать не мог. Разумеется, Шляпа жил в Гринич-Виллидж — это место было как раз для таких как он.

Но уже тогда, вспомнив нездоровый вид человека, который каждый вечер буквально падал на стул, я засомневался. Что, если жизнь великого артиста не соответствовала моим представлениям?

Шляпа был прилично, но небогато одет — он словно отклонялся от мирской славы ровно настолько, насколько его вариации на *Too Marvelous*

For Words отступали от оригинала. На мгновение я даже представил своего кумира в трущобах, в полуразвалившейся квартирке с протекающим потолком, где по полу шмыгали тараканы. Я понятия не имел, как на самом деле жили джазовые музыканты. Не пугающийся стереотипов Голливуд окружал их роскошью. В тех редких случаях, когда до джазменов снисходила литература, они обычно появлялись среди обшарпанных стен и кроватей с продавленными матрасами. Богемные писатели — Артюр Рембо, Джек Лондон, Джек Керуак, Харт Крейн, Уильям Берроуз — сами подчас жили в запущенных, унылых комнатах. Вдруг номера моего гениального музыканта не было в телефонной книге лишь потому, что он не мог позволить себе телефон?

Сама мысль об этом казалась мне постыдной, и я тут же придумал новое объяснение: Шляпа не мог жить в квартире без телефона. В нем по-прежнему было изящество, присущее его поколению джазменов, — поколению, что одевалось с иголочки, носило лакированные туфли, играло в больших ансамблях, и чья жизнь проходила в автобусах и гостиницах.

Вот и ответ! Вариант с квартирой в Гринич-Виллидж нравился мне больше, но номер в

каком-нибудь «богемном» отеле вроде «Челси» также вполне подходил Шляпе, и стоил наверняка меньше. Вдохновленный догадкой, я тут же разыскал номер «Челси» и попросил соединить со Шляпой. Администратор ответил, что у них он не останавливался.

— Но вы же знаете, кто он? — спросил я.

— Конечно, — сказал администратор. — Гитарист, так? Играет в какой-то группе из Сан-Франциско, но название не вспомню[24].

Я сразу же повесил трубку, понимая, что добыть номер Шляпы смогу лишь двумя способами: обзвонив все гостиницы Нью-Йорка или спросив его самого.

5

Это было в понедельник, когда все джаз-клубы закрыты. Во вторник профессор Маркус задал нам прочитать к пятнице всю «Ярмарку тщеславия», а в среду, после того как я провел бессонную ночь с Теккереем, руководитель семинара попросил подготовить доклад по «Двум кавалерам» Джой-

---

[24] notes: 24

Общим термином «Группы из Сан-Франциско» (также «Звук Сан-Франциско») называли рок-группы середины 1960-х и 1970-х годов, базировавшиеся в этом городе. В их число входили Grateful Dead, Jefferson Airplane, Quicksilver Messenger Service и другие.

са все к той же пятнице. В результате среду и четверг я не вылезал из библиотеки. В пятницу я выслушал искрометную лекцию профессора Маркуса о «Ярмарке тщеславия» и зачитал перед однокурсниками свой корявый и бестолковый доклад, на каждой из пяти страниц которого минимум дважды встречалось слово «откровение». Руководитель семинара с улыбкой кивал на протяжении всего моего выступления, а когда я сел на место, он взял мою писанину и сделал вид, будто перерезает ей свое горло.

— Многие студенты слишком уверены в непогрешимости собственного мнения, — сказал он. Остальные его замечания я со стыда прохлопал ушами. Вернувшись в общежитие, я решил прилечь на пару часов, но в результате провалялся десять и проснулся глубокой ночью. Все заведения, включая бар «Вест-энд» и даже местную кофейню, давно закрылись.

Субботним вечером я наконец добрался до привычного столика у сцены и с предвкушением уставился на не менее привычное трио. Посередине *Love Walked In* я, уже наученный опытом, оглянулся, чтобы лицезреть драматический выход Шляпы, но он не появился, и композиция отзвучала без него. Джон Хоуз с остальными

музыкантами и бровью не повели, и принялись исполнять *Too Marvelous For Words* без солиста. На протяжении трех следующих композиций я то и дело оглядывался в поисках Шляпы, но сет так и закончился без него. Хоуз объявил короткий перерыв, и музыканты направились в бар. Я ерзал на стуле, потягивая пиво и нетерпеливо посматривая на дверь. Минуты тянулись нестерпимо медленно. Я опасался, что Шляпа не придет. Что он упал в обморок в своем номере, попал под машину, что его хватил удар и он лежит мертвый в какой-нибудь больнице — и я так и не напишу статью, которая сполна воздаст должное его таланту!

Полчаса спустя Джон Хоуз с музыкантами вернулся на сцену, так и не дождавшись солиста. Казалось, никто кроме меня и не заметил отсутствия Шляпы. Другие зрители болтали, курили — да, в те времена люди еще курили где вздумается — и уделяли музыке лишь поверхностное и в значительной степени показное внимание. Впрочем, так они вели себя даже когда Шляпа был на сцене. Сегодня он задерживался уже на полтора часа, и я заметил, как злобно хозяин клуба, тот бандитского вида коротышка, поглядывает на часы. Хоуз исполнил две мелодии собственного

сочинения с последней пластинки, которые мне особенно нравились, но от волнения и досады я слушал их вполуха. Под конец второй композиции на пороге наконец появился Шляпа и еще более устало, чем прежде, плюхнулся на привычный стул. Официант тут же метнулся к нему с рюмкой, но хозяин жестом отозвал его. Шляпа уронил поркпай на стол и принялся расстегивать пальто, но услышав, что играет Хоуз, прислушался и замер, держась за пуговицу. Я тоже прислушался. У этой мелодии был более жесткий, выверенный, современный рисунок, типично Хоузовский. Шляпа покивал головой, снял пальто и щелкнул замками футляра. Зрители наградили Хоуза непривычно теплыми аплодисментами. Шляпа провозился с дудкой куда дольше обычного, и пока он собирался, Хоуз и двое остальных внимательно следили за ним, будто опасаясь, что он не сможет доковылять до сцены. Шляпа лавировал между столиками, запрокинув голову и едва заметно улыбаясь. Когда он приблизился к сцене, я заметил, что он идет, опираясь на носки, словно ребенок. Хозяин сурово смотрел на него, скрестив руки на груди. Шляпа буквально вплыл на сцену. Облизал трость. Опустил саксофон и уставился на зрителей, разинув рот.

— Леди, леди, — произнес он мягким, высоким голосом. Это были первые слова, которые он при мне произнес. — Спасибо за теплый прием, оказанный вами моему пианисту, мистеру Хоузу. Я должен объяснить причину своего опоздания. Сегодня умер мой сын, и я… занимался… разными мелочами. Благодарю вас.

Не дожидаясь реакции, он дал сигнал Хоузу, взял в рот дудку и заиграл блюзовую композицию *Hat Jumped Up* из своего обычного репертуара. Зрители буквально остолбенели. Хоуз, бас-гитарист и ударник играли так, будто не случилось ничего неожиданного — я подумал, что они, должно быть, уже знали о смерти сына Шляпы. А может, знали, что никакого сына у него нет, и понимали, что он лишь выдумал столь чудовищное оправдание своему полуторачасовому опозданию. Хозяин клуба задумчиво закусил губу. Шляпа одну за другой исполнял знакомые, простенькие музыкальные фигуры. Его саксофон звучал грубо, даже хрипло. В конце своего соло он несколько раз повторил одну и ту же ноту, отрешенно зажимая ее пальцем и уставившись при этом в направлении дальних столиков. Может, он заметил, как уходят слушатели — три пары и еще двое человек. Но мне показалось, что он ничего

вокруг не замечал. Когда мелодия закончилась, Шляпа что-то шепнул Хоузу, и тот объявил короткий перерыв. Второй сет закончился.

Шляпа отложил саксофон на пианино и спустился со сцены, напряженно поджав губы. Из-за барной стойки вышел хозяин и подошел к нему, что-то тихо сказав. Шляпа ответил. Со спины он выглядел сутулым и усталым, его волосы небрежно кучерявились над воротником. Судя по всему, его ответ не удовлетворил хозяина, и тот произнес еще что-то, прежде чем оставить Шляпу в покое. Шляпа немного постоял на месте, будто не сразу заметил, что хозяина рядом уже нет, и поскользил дальше к черному ходу. Только тогда, глядя ему в спину, я заметил, как странно он на самом деле выглядел. Проходя сквозь дверной проем в своем сером фланелевом пальто, с растрепанными завитками волос, пока слушатели еще осмысливали известие о смерти его сына, Шляпа казался единственным в своем роде, даже как будто отдельным видом человека.

Я обернулся к музыкантам, словно ожидая от них знака или совета, как вести себя дальше. Они как обычно улыбались, болтали с друзьями и поклонниками. Неужели Шляпа действительно потерял сына? Может, это такой джазовый способ

утопить горе — выйти на сцену и играть, как ни в чем не бывало? Однако худшего момента, чтобы приблизиться к Шляпе с предложением интервью, нельзя было придумать. Его игра сегодня была пьяной пародией на саму себя. Если я о чем-то его спрошу, он потом даже не вспомнит. Я потрачу зря даже не его время, а в первую очередь свое.

С этой мыслью я встал, прошел мимо сцены и открыл дверь черного хода, за которой скрылся Шляпа. Если время все равно будет потрачено впустую, то я мог тратить его как угодно. Шляпа стоял на улице в десяти футах от меня, прислонившись к кирпичной стене. Дверь захлопнулась за мной со щелчком, но он даже не открыл глаз. Его голова была запрокинута, а на лице было блаженное выражение — казалось, он спит. Он выглядел утомленным и почти бестелесным, слишком слабым, чтобы даже пошевелиться. Я уже готов был вернуться в клуб, когда он извлек из кармана рубашки сигарету, не глядя чиркнул спичкой и прикурил, бросив спичку на землю. Что ж, по крайней мере, он не спал. Я шагнул к нему, и Шляпа открыл глаза. Заметив меня, он выпустил облачко белого дыма.

— Хочешь глотнуть? — спросил он.

Я не понял, что он имеет в виду.

— Сэр, можно отвлечь вас на минутку? — спросил я.

Шляпа запустил руку во внутренний карман пальто и выудил оттуда шкалик.

— Глотни.

Он свинтил пробку и от души глотнул, после чего протянул бутылку мне. Я взял.

— Я прихожу сюда всегда, когда получается.

— И я, — сказал Шляпа. — Давай, глотни.

Я сделал осторожный глоток. В бутылке оказался джин.

— Сожалею о вашем сыне.

— Сыне? — Шляпа поднял глаза, словно пытаясь сообразить, о чем это я. — Да, у меня есть сын. Живет на Лонг-Айленде с матерью, — он сделал еще глоток и проверил, не опустела ли бутылка.

— Значит, он не умер?

Медленно, тягуче Шляпа произнес:

— Если-и-умер-то-никто-мне-не-сказал, — он покачал головой и хлебнул еще джина. — Вот черт. А что если он правда умер, а мне не сообщили? Надо об этом подумать, всерьез подумать.

— А как же то, что вы сказали со сцены?

Шляпа покосился на меня и устремил взгляд куда-то в темное пустое пространство в трех фу-

тах перед собой.

— А, да. Верно. Я сказал, что умер мой сын.

Я будто разгадывал загадку сфинкса. Но мне не оставалось ничего иного, кроме как допытываться дальше.

— Сэр, я подошел к вам не просто так, — начал я. — Мне хотелось бы взять у вас интервью. Это возможно? Вы великий музыкант, но о вас почти ничего не пишут. Могли бы мы договориться о встрече в удобное вам время?

Он взглянул на меня своими тусклыми, бесцветными глазами, словно вообще меня не видел. Но тут я понял, что даже в стельку пьяный, он видит абсолютно все — даже то, чего не замечаю я сам.

— Ты музыкальный журналист? Пишешь о джазе? — спросил он.

— Нет, я обычный студент. Мне просто захотелось написать о вас. Для меня это важно.

— Важно, говоришь, — Шляпа отпил еще немного и убрал шкалик в карман. — Хорошо бы дать важное интервью.

Он вновь прислонился к стене, с каждым словом удаляясь куда-то во внеземное пространство. Но отступать было некуда. Я и так начал терять веру в свой проект. Возможно, у Шляпы не брали

интервью потому, что обычный американский английский язык был для него сродни иностранному.

— Вы свободны после того, как закончите ангажемент с этим клубом? Я готов встретиться в любом удобном для вас месте, — спросил я, уже ни на что особенно не надеясь. Шляпа был не в той кондиции, чтобы вспомнить, что запланировано у него после концертов. Меня удивляло, как он вообще умудряется каждую ночь добираться домой.

Но он потер лицо, вздохнул и вернул мне веру в него.

— Придется подождать. Закончу здесь, лечу в Торонто на два дня. Тридцатого играю где-то в Хартфорде. Давай после этого.

— Тридцать первого? — спросил я.

— Часов в девять, десять. Будет хорошо, если выпить принесешь.

— Отлично, договорились, — поспешно согласился я, раздумывая, смогу ли после интервью успеть на последний поезд. — А куда на Лонг-Айленд мне приехать?

Шляпа вытаращился на меня в притворном ужасе.

— Не надо ехать на Лонг-Айленд! Приходи ко

мне. Отель «Альберт», на углу Сорок девятой и Восьмой. Номер восемьсот двадцать один.

Я улыбнулся — хоть что-то я угадал верно! Шляпа действительно жил в отеле на Манхэттене, пусть и не в Гринич-Виллидж. Я записал его номер телефона и другую необходимую информацию на салфетке, сложил ее, сунул в карман куртки, поблагодарил Шляпу и повернулся к двери.

— Важный говнюк, — выругался он своим высоким, мягким голосом.

Я встревоженно обернулся, но Шляпа уже закрыл глаза и вновь запрокинул голову.

– *Indiana*, — произнес он нараспев. — *Moonlight in Vermont. I Thought About You. Flamingo*[25].

Он выбирал, что исполнить в последнем сете. Я вернулся в клуб и увидел, что послушать музыку пришли еще два-три десятка слушателей. Шляпа вернулся вскоре после меня, музыканты поднялись на сцену и начался третий сет. Помимо обычного репертуара Шляпа сыграл все четыре упомянутые песни, надолго растянув сет. Он играл блестяще как никогда, лучше, чем во

---

[25] notes: 25

Indiana (1917) — песня Джеймса Хэнли на слова Балларда МакДоналда. Moonlight in Vermont (1944) — песня Карла Сьюссдорфа на слова Джона Блэкберна. I Thought About You (1939) — песня Джимми ван Хьюзена на слова Джонни Мерсера. Flamingo (1940) — композиция Теда Груи и Эдмунда Андерсона.

все предыдущие вечера. Слушатели встречали овацией каждое его соло, а я не понимал, чего в его исполнении больше — гениальности или безысходности.

Наутро, за завтраком в кафетерии общежития, я прочитал в воскресной «Сандей Нью-Йорк таймс» некролог, частично объясняющий вчерашние события. Рано утром в субботу в автомобильной аварии погиб тридцативосьмилетний саксофонист Грант Килберт. Он был одним из самых успешных джазменов в мире, его популярность выходила далеко за рамки привычного круга поклонников джазовой музыки. Килберт был одним из лучших учеников Шляпы и одним из моих любимых музыкантов. С самой первой пластинки, *Cool Breeze*, игра Килберта внушала восторг и уважение. Я взглянул на фотографию симпатичного молодого человека, ослепительно улыбающегося из-за саксофона, и вдруг вспомнил, что первыми четырьмя песнями на пластинке *Cool Breeze* были *Indiana, Moonlight in Vermont, I Thought About You* и *Flamingo*. Шляпе сообщили о гибели Килберта перед выступлением. То, что показалось мне пьяной выходкой, было истинной скорбью о потерянном сыне. Я понял, что «важным говнюком» был погибший сын, а не

сам Шляпа. То, что я принял за отрешенность и рассеянность, на деле было иронией.

Часть вторая

1

Тридцать первого октября я позвонил Шляпе, и удостоверившись, что он не забыл о нашей встрече, отправился в номер 821 отеля «Альберт», чтобы взять интервью. Если вкратце, то я задавал вопросы и слушал длинные пространные ответы, подчас полные ругательств. Ночь выдалась долгой, и Шляпа успел приговорить бутылку джина «Гордонс», что я ему принес — целую, почти литровую бутылку, без тоника, льда, и ни с чем не смешивая. Он просто наливал его в стакан и хлебал как воду. От предложения «глотнуть» я отказался. Я то и дело проверял, работает ли диктофон, одолженный мной у знакомого студента-экономиста. Я менял пленки, не дожидаясь, пока они кончатся, и делал пометки про запас в стенографическом блокноте. Пару раз Шляпа ставил пластинки с записями, которые, по его мнению, мне следовало обязательно послушать, а порой сам напевал отдельные музыкальные фразы для наглядного примера. Он усадил меня в единственное кресло в номере, а сам, одетый

в темно-синий костюм в мелкую полоску, белоснежную рубаху с черным вязаным галстуком и фирменный поркпай, всю ночь ерзал на краешке своей кровати. Для него наше интервью было официальным мероприятием, требовавшим соответствующего облика. Встретив меня ровно в девять, Шляпа назвал меня Леонардом Фезером, по имени известного джазового критика, а провожая меня в полседьмого утра, обратился ко мне «мисс Розмари». Тогда я уже знал, что это была отсылка к Розмари Клуни, чье пение он очень любил. То, что Шляпа дал мне такое прозвище, означало, что я ему тоже понравился. Тем не менее я не был уверен, что музыкант запомнил мое настоящее имя.

Я получил три шестидесятиминутные кассеты и блокнот, в котором мне пришлось писать так быстро, что мой почерк напоминал арабскую вязь. Весь следующий месяц я все свободное время расшифровывал записи. Я сомневался, что нашу беседу со Шляпой можно было назвать полноценным интервью. Он увиливал от ответов на мои тщательно продуманные вопросы, а на некоторые вовсе отказался отвечать. Вместо этого он рассказывал что-то совсем иное. Спустя час я решил, что интервью все-таки его, а не мое,

и смирился.

Когда заметки из блокнота были перепечатаны, а пленки расшифрованы, я убрал все в шкаф и вернулся к учебе. Добытая информация оказалась гораздо более удивительной, чем я мог представить, и чтобы переварить ее, требовалось больше времени, чем я мог потратить на тот момент. Остаток учебного года превратился в тяжелую рутину. Я готовился к экзамену и работал над дипломом, и даже не подозревал, что Шляпа умер, пока не увидел его имя в колонке «Громкие события» уже несвежего журнала «Тайм».

Два месяца спустя после интервью, у него открылось кровоизлияние во время перелета домой из Франции. Прямо из аэропорта его увезли на «скорой» в больницу. Через пять дней после выписки он умер в своей постели в «Альберте».

Защитив диплом, я всерьез нацелился извлечь самое важное из той долгой ночи, проведенной со Шляпой. Я был перед ним в долгу. За несколько летних недель я отредактировал свои записи и послал в единственный журнал, который, по моему мнению, мог быть в них заинтересован. В «Даунбите» действительно приняли статью и спустя полгода опубликовали. Со временем она заслужила известность, став последним из и без

того редких интервью Шляпы. Цитаты из этого интервью до сих пор попадаются мне в изданиях, вышедших уже после смерти легендарного музыканта. Иногда они точны, иногда составлены из высказываний, сделанных им в разное время. Иногда это цитаты, которые я придумал сам, чтобы связать одни его слова с другими.

Но одну часть интервью не цитирует никто, потому что она не была напечатана. Я так и не разобрался, что с ней делать. Безусловно, верить всему, что рассказал мне Шляпа, было нельзя. Он специально подначивал меня, про себя посмеиваясь над моей доверчивостью. Его рассказ никак не мог быть правдой, и он наверняка сам это понимал. Был канун Хэллоуина, и Шляпа не мог удержаться, чтобы не подшутить над белым пареньком с диктофоном. Он выпендривался.

Однако теперь у меня иное мнение. Он был великим человеком, а я тогда был наивным юнцом. Он был пьян, а я совершенно трезв, но его интеллект все равно превосходил мой. Шляпа прожил сорок девять лет, будучи чернокожим американцем, а я весь двадцать один год своей жизни не вылезал из традиционно белых городков. Он был невероятно талантливым музыкантом, который буквально мыслил музыкой, а я даже не могу

напеть мелодию, не сфальшивив. И как только я мог думать, что понимаю его? Тогда я еще не хлебнул горя, а Шляпа носил горе на себе, словно плащ. Теперь мне столько же лет, сколько ему было тогда, и я понимаю, что все, что зовется информацией, на деле есть интерпретация, а интерпретация всегда пристрастна.

Шляпа мог сколько угодно подшучивать надо мной, сколько угодно выпендриваться. Он делал это не со зла. Он безусловно не открыл мне истинной правды, но узнать истину в этом деле было невозможно. Шляпа и сам мог не знать, что на самом деле произошло в той истории, и спустя почти сорок лет после тех событий продолжал докапываться до правды.

2

Эту историю Шляпа начал рассказывать, когда мы услышали с улицы хлопки, которые я сперва принял за выстрелы. Я вскочил и бросился к окну на Восьмую авеню.

— Дети, — спокойно сказал Шляпа.

В ярком желтом сиянии уличных фонарей я заметил то ли четверых, то ли пятерых подростков. Трое из них несли бумажные пакеты.

— Дети стреляют? — опешил я. Понимаете,

как давно это было? Теперь-то я бы такому не удивился.

— Взрывают петарды, — объяснил Шляпа. — Каждый Хэллоуин бестолковые нью-йоркские дети покупают мешки петард, чтобы оторвать себе пальцы.

Здесь и далее я не в точности передаю манеру речи Шляпы. В интонацию он вкладывал особый смысл, но я не могу наглядно показать, как скользил его голос в одних фразах и хрипел в других, и не хочу повторять все его ругательства. Шляпа трех слов не мог сказать, не вставив между ними «говнюк» или «твою мать». Я постарался заменить ругательства другими словами — сами догадаетесь, что Шляпа говорил на самом деле. Сохранять его грамматику я тоже не стал, иначе меня записали бы в расисты, а Шляпу — в идиоты. Школу он бросил в четвертом классе, и речь его была пусть и понятной, но неграмотной. К тому же у Шляпы был свой собственный жаргон, к которому он прибегал, когда хотел, чтобы его поняли только близкие люди. Большинство его жаргонизмов я тоже заменил.

Время близилось к часу ночи, а значит, я провел в номере Шляпы уже почти четыре часа. Пока мне не объяснили, что значили «выстрелы», я и

не вспоминал о Хэллоуине. Так я и сказал Шляпе, отойдя от окна.

— Я никогда не забываю о Хэллоуине, — сказал Шляпа, — и по возможности стараюсь оставаться дома. Быть на улице в эту ночь — плохая затея.

Он уже успел продемонстрировать, что весьма суеверен, и нервозно шарил глазами по комнате, словно в поисках чего-то потустороннего.

— Вы чего-то боитесь? — спросил я.

Шляпа прополоскал рот джином и посмотрел на меня так, как в тот вечер в переулке за клубом, будто выискивая во мне что-то, о чем я сам не подозревал. Взгляд его ни в коей мере не был осуждающим. От нервозности не осталось и следа — а может, ее и вовсе не было. Теперь Шляпа выглядел более сосредоточенным, чем прежде. Проглотив джин, он пару секунд промолчал.

— Нет, — ответил он наконец, — не особенно. Но в безопасности себя не ощущаю.

Я поднес ручку к блокноту, но не знал, стоило ли это записывать.

— Я ведь из Миссисипи, — добавил он, и я кивнул. — Там случаются необъяснимые вещи. Когда я был маленьким, мир вокруг был иным. Понимаешь, о чем я?

— Догадываюсь, — сказал я.

Он кивнул.

— Иногда люди пропадали. Просто исчезали. Случалось такое, во что даже теперь трудно поверить. Я знал ведьму, способную проклясть человека так, чтобы тот ослеп или сошел с ума. Я видел, как убийца Эдди Граймс, грязный сукин сын, умер и восстал из мертвых — его застрелили прямо на концерте, где мы выступали, но какая-то женщина шепнула что-то ему на ухо, и он тут же поднялся. Тот, кто его застрелил, бросился бежать, и должно быть, убежал далеко. С тех пор его не видели.

— А вы продолжили играть дальше? — спросил я, поспешно записывая.

— Мы и не останавливались. Что бы ни случилось, ты должен играть.

— Вы жили в глуши? — все эти ведьмы и ходячие мертвецы живо напомнили мне Догпатч[26].

Шляпа помотал головой.

— Я рос в городке Вудленд, Миссисипи. Прямо у реки. Наш район звали «Темным» — не стоит объяснять почему, — но большинство жителей

[26] notes: 26

Догпатч — вымышленная деревня из комиксов Ала Кэппа «Малыш Абнер», публиковавшихся с 1934 по 1977 гг. Описывается как «самое унылое и бесполезное место на земле», куда не добрался технологический прогресс.

Вудленда были белыми и жили в приличных домах. Почти все чернокожие работали в особняках на Миллерс-Хилл, готовили, стирали и прочее. Наш дом был получше других в Темном районе — ансамбль имел успех, а отец еще и подрабатывал. Он умел играть на всех инструментах, но в первую очередь был хорошим пианистом. Он был здоровым, сильным, красивым, а кожа у него была довольно светлой, так что его прозвали Индейцем. Все его уважали.

С Восьмой авеню донеслись новые взрывы. Я собрался спросить Шляпу, почему он ушел из отцовского ансамбля, но он, в очередной раз окинув взглядом комнату, глотнул еще джина и продолжил рассказ.

— На Хэллоуин мы, как белые дети, ходили к соседям за конфетами. Такое допускалось не везде, но нам никто не запрещал. Разумеется, мы ограничивались своим районом и получали куда меньше сладостей, чем ребята с Миллерс-Хилл, но наши конфеты и засахаренные яблоки были куда вкуснее. У нас люди делали их сами, а не покупали в магазинах. Вот в чем была разница, — Шляпа улыбнулся, то ли от нахлынувших воспоминаний, то ли от собственной сентиментальности, и на мгновение показался растерянным. Возможно,

он не собирался рассказывать столь личные подробности. — А может, мне просто так казалось. Короче говоря, хулиганили мы тоже изрядно. На Хэллоуин ведь принято хулиганить.

— Вы ходили с братьями? — спросил я.

— Нет, нет, они были… — Шляпа вздернул руку, отмахиваясь от того, чем или кем бы ни были его братья. — Я всегда был сам по себе, сечешь? У меня были свои интересы, с самого детства. Я и играю так — как никто другой. Я даже себя никогда не повторяю. Нужно всегда искать новые горизонты, иначе ничего не произойдет, согласен? Не хочу повторяться, — он подкрепил свое заявление еще одним глотком джина. — Тогда я дружил с Родни Спарксом — мы звали его Ди, сокращенно от «демон», потому что Ди Спаркс вытворял такое, чего другим и в голову не приходило. Храбрее этого маленького засранца я никого не знал. Он бешеного пса мог усмирить. Дело в том, что Ди Спаркс был сыном проповедника. А когда ты сын проповедника, тебе постоянно приходится делать вид, что ты на самом деле сущий ангелочек, пусть на деле ты таковым и не являешься. Я дружил с Ди, потому что мне тоже приходилось это делать.

Нам было одиннадцать — возраст, когда тебя уже интересуют девочки, но ты еще не понима-

ешь почему. Если начистоту, ты вообще мало что понимаешь. Ты просто развлекаешься как можешь, ни о чем серьезно не задумываясь. Так вот, Ди был моей правой рукой, и на Хэллоуин в Вудленде я ходил с ним, — закатив глаза, Шляпа добавил: — Эх.

Его лицо приняло совершенно нечитаемое выражение. В глазах обычного человека Шляпа всегда выглядел отрешенным, апатичным, настроенным на собственную волну, но теперь ощущение отрешенности усилилось многократно. Решив, что он готов переключиться со своего детства на что-то иное, я уже раскрыл рот, чтобы спросить о Гранте Килберте, но тут Шляпа вновь поднял стакан и уставился на меня. Его взгляд заставил меня замолчать.

— Я этого еще не понимал, — сказал он, — но я понемногу переставал быть маленьким мальчиком. Переставал верить в то, во что верят маленькие мальчики, и начинал думать как взрослый. Наверное, это мне и нравилось в Ди Спарксе — он всегда казался взрослее меня. Это был последний Хэллоуин, когда мы ходили за яблоками и конфетами. Уже на следующий год вместо этого мы непременно пошли бы хулиганить и пугать малышню. Но вышло так, что это

оказался в принципе наш последний совместный Хэллоуин.

Шляпа допил джин в стакане и плеснул себе еще немного из бутылки.

— И вот я, сижу в номере. Вон там лежит моя дудка. А тут бутылка. Сечешь, о чем я?

Я не понимал. Он нес какую-то околесицу. Учитывая нотки фатализма в его рассказе, я решил, что Шляпа намекает на то, что Ди Спаркса больше нет рядом, что он умер в Вудленде, Миссисипи, в ночь на Хэллоуин в возрасте одиннадцати лет. Шляпа с любопытством глядел на меня, и мне не оставалось ничего, кроме как спросить:

— Что случилось?

Теперь-то я понимаю, что он имел в виду. У него не осталось ничего, кроме гостиничного номера, дудки и бутылки. Я мог сказать ему что угодно, и сути бы это не изменило.

— Если ты хочешь узнать обо всем, что случилось, нам месяц придется отсюда не вылезать, — улыбнулся Шляпа и выпрямился. Он сидел, скрестив ноги, и я только тогда заметил, что его замшевые туфли на каучуковой подошве не касались пола. — К тому же, я никому не рассказываю все. Всегда что-нибудь да утаиваю. Моя дальнейшая жизнь сложилась вполне успешно,

вот только денег я маловато заработал. Вот Грант Килберт зарабатывал бешеные деньги, и часть из них по праву принадлежала мне.

— Вы дружили?

— Я хорошо его знал.

Шляпа запрокинул голову и надолго уставился в потолок. В конце концов я сделал то же самое. Ничего особенного на потолке не было, если не считать свежей побелки посередине.

— Где бы ты ни жил, есть места, куда лучше не заходить, — произнес Шляпа, по-прежнему глядя в потолок. — Но рано или поздно ты там окажешься, — он снова улыбнулся. — Там, где жили мы, было такое место, и называлось оно Задворки. За городом, в лесу, куда вела одинокая тропинка. В Темном районе кто только ни жил — проповедники, прачки, кузнецы, плотники… Ну и ворья хватало, вроде того Эдди Граймса, который восстал из мертвых. В Задворках ворье было самой приличной прослойкой, а остальные были еще хуже. Иногда местные покупали там алкоголь, иногда заходили поразвлечься с женщинами, но говорить об этом было не принято. Задворки были малоприятным местом. И люди там жили такие же, — Шляпа закатил глаза и продолжил: — Та ведьма, про которую я упо-

минал, тоже там жила. Ох и злые же там жили люди! Стоит не так на них взглянуть, и они уже готовы выпустить тебе кишки. Но была у этого места одна занятная особенность: там жили бок о бок и белые, и цветные. Никого это не волновало. Жители Задворок были настолько суровы, что на цвет кожи им было плевать. Они в равной степени ненавидели всех, — Шляпа поднял стакан и прищурился. — По крайней мере, так говорили. Короче говоря, на тот Хэллоуин Ди Спаркс говорит: обойдем Темный район, а потом пойдем в Задворки и посмотрим, как там на самом деле. Вдруг там весело? Его предложение меня весьма напугало, но в этом же и вся соль Хэллоуина, верно? А если в Вудленде и было место, идеально подходящее для этого праздника — место, где взаправду можно было встретить привидение или гоблина, — то это были Задворки. Даже местному кладбищу было до них далеко.

Шляпа покачал головой, держа стакан в вытянутой руке. Увлекшись рассказом, он преобразился. Меня осенило, что вся его врожденная элегантность, воплощающая в себе куда больше, нежели просто дорогой костюм и замшевые туфли, была во многом следствием множества пережитых музыкантом невообразимых тягот и

невзгод. Затем я понял, что под элегантностью на самом деле понимал то благородство, с которым Шляпа держался. Я впервые видел такое благородство в человеке, и оно не имело ничего общего с высокомерием, которое многие люди зачастую за него выдают.

— Мы были совсем еще детьми, но нам хотелось хорошенько повеселиться и напугаться на Хэллоуин. Как этим болванам, кидающимся друг в друга петардами, — Шляпа утер рукой пот с лица и удостоверился, что я держу блокнот наготове (диктофонные кассеты уже закончились). — Когда я закончу, скажи, получилось ли у нас, хорошо?

— Хорошо, — ответил я.

3

— Ди зашел ко мне сразу после обеда. На нем была старая простыня с прорезями для глаз, из-под которой торчали его большие старые башмаки. В руках он держал бумажный пакет. У меня был такой же костюм, оставшийся с прошлого года от брата. Простыня постоянно волочилась по земле и путалась под ногами, а дырки для глаз то и дело сползали. Мама дала мне пакет и строго наказала вести себя хорошо и вернуться домой до восьми.

Чтобы обойти все дома в Темном районе, требовалось не больше получаса, но она понимала, что мы с Ди еще часок-другой подурачимся.

Мы вышли на улицу. В те дома, где мы рассчитывали что-то получить, мы вежливо стучали, а у тех, где не рассчитывали, немного хулиганили. Мы не делали ничего дурного — просто барабанили в двери и убегали, закидывали камни на крышу. К некоторым домам, вроде тех, где жил Эдди Граймс, мы вовсе не подходили. Сейчас я нахожу это забавным. Нам хватало ума не приближаться к «нехорошим» домам, но при этом мы не могли дождаться, когда попадем в Задворки.

Вижу этому одно объяснение: Задворки были запретным местом, а вот подходить вечером к дому Эдди Граймса нам никто не запрещал. Никто даже днем туда не ходил. Попадешься Эдди — тебе конец.

Ди нигде подолгу не задерживался. Если хозяева начинали задавать нам лишние вопросы или отказывались давать сладости, пока мы не споем песенку, он завывал, как привидение, и тряс пакетом у них перед носом — все, лишь бы побыстрее смыться. Он был так взволнован предстоящим приключением, что едва не дрожал.

Я тоже был в предвкушении, но другого сор-

та. Чувствовал себя так, как люди, впервые совершающие прыжок с парашютом. Мне было одновременно и любопытно, и страшно.

Как только мы закончили обход, Ди перешел дорогу и побежал к магазину, где все жители города делали покупки. Я знал, куда он бежит: сразу за магазином начиналось поле, за которым Меридиан-роуд вела в лес, к Задворкам. Заметив, что я отстал, Ди обернулся и крикнул, чтобы я поторапливался. «Нет, — говорил я себе, — я не дурак, чтобы прыгать с самолета». Но я подтянул простыню и надвинул ее на голову так, чтобы можно было смотреть через одну дырку, и побежал за другом.

Когда мы с Ди вышли, только начинало темнеть, а теперь стемнело окончательно. До Задворок — а точнее, до ведущей к ним тропинки — было мили полторы. Мы не знали, сколько нам еще идти по тропе. Черт возьми, мы даже не знали, что собой представляют эти самые Задворки! Я думал, что увижу там несколько домов — что-то вроде потустороннего Вудленда. И тут, идя через поле, я наступил на костюм и шлепнулся носом вниз. «Меня достала эта фигня!» — воскликнул я и сорвал простыню к чертям. Ди принялся ругать меня за то, что я не следую плану — костюмы бы-

ли нужны, чтобы никто нас не узнал, и вообще на Хэллоуин нужно всегда быть в костюме, потому что он тебя защищает. Чтобы его успокоить, я сказал, что надену костюм обратно, как только мы придем на место. Если все время падать, мы никогда туда не доберемся. Это его убедило.

Как только я избавился от дурацкой тряпки, то понял, что вижу достаточно далеко. Вышла луна, небо было звездным. Ди Спаркс в простыне немного напоминал настоящее привидение. Простыня едва заметно отсвечивала, и ее очертания были расплывчатыми. Издали могло показаться, что она парит над землей сама по себе, но мне были видны ноги Ди в его огромных старых башмаках.

Миновав поле, мы вышли на Меридиан-роуд, и вскоре вокруг нас стало появляться все больше деревьев. Я видел уже не так хорошо. Дорога словно исчезала в лесу. Деревья казались больше и толще, чем при свете дня, и что-то на опушке то и дело сверкало — что-то белое и круглое, будто огромный глаз, отражало лунный свет. Мне стало не по себе. Я засомневался, что мы сможем найти тропу к Задворкам, и ничуть этому не расстроился. Еще минут десять-пятнадцать по дороге, и мы развернемся и пойдем домой. Ди шагал впереди,

размахивая руками и гудя. По сторонам в поисках тропы он особо не поглядывал.

Пройдя около мили по Меридиан-роуд, я заметил впереди стремительно приближающиеся желтые точки — фары. Ди продолжал дурачиться и не замечал ничего. Я крикнул, чтобы он сошел с дороги, и он, словно заяц, шмыгнул в кусты быстрее меня. Я перескочил придорожную канаву и укрылся за сосной футах в десяти от дороги. Мне было интересно, кто едет нам навстречу. В те времена лишь немногие жители Вудленда могли позволить себе автомобиль, и я знал их всех. Когда машина поравнялась со мной, я узнал старый красный «Корд» доктора Гарленда. Доктор Гарленд был белым, у него были сразу две приемные, и он принимал цветных пациентов — это означало, что большинство его пациентов были цветными. А еще он пил не просыхая. Он пронесся мимо нас на скорости миль в пятьдесят в час, не меньше — по тем временам это было невероятно быстро, возможно, максимально быстро для старого «Корда». На мгновение я увидел седую шевелюру доктора Гарленда и его лицо. Рот доктора был широко раскрыт, словно он орал во всю глотку. Когда он проехал, я не сразу вышел из леса. Я и раньше был не против вернуться

домой, но после встречи с доктором Гарлендом это желание укрепилось. Обычно доктор был спокойным, даже слегка заторможенным, но у меня перед глазами так и стояла черная дыра его рта. Он выглядел так, будто прошел через адские пытки. Мне вовсе не хотелось знать, что же он такого увидел.

Я слышал звук «кордовского» мотора еще долго после того, как из вида скрылись его задние фонари. Оглядевшись, я понял, что один на дороге. Ди Спаркса было не видать. Я дважды тихо выкрикнул его имя. Потом громче. Откуда-то из леса донесся смех Ди. Я сказал, что иду домой, а он может хоть до утра бегать по лесу. Увидев среди деревьев бледный серебристый силуэт, я зашагал обратно по Меридиан-роуд. Пройдя шагов двадцать, я обернулся. Ди стоял посреди дороги в своей дурацкой простыне, провожая меня взглядом. «Идем домой», — сказал я. Ди не ответил. «Это был доктор Гарленд? Почему он так мчался? Что случилось?» — спрашивал он. Я ответил, что у него, должно быть, срочный вызов, но Ди на это не повелся. Доктор ведь жил в Вудленде и наверняка возвращался домой.

Тогда до меня дошло, что доктор мог ехать из Задворок. То же самое пришло в голову Ди, и

он еще сильнее загорелся идеей дойти туда. Он решил это окончательно и бесповоротно. Вдруг мы увидим мертвеца? Мы спорили, пока я не осознал: если я откажусь, он пойдет туда один. А это означало, что я должен идти с ним. Ди был совершенно безбашенным, и без меня он обязательно во что-нибудь влип бы. Я неохотно согласился продолжить путь, и Ди вновь принялся носиться и вопить всякую чепуху. Я не знал, как мы должны были отыскать какую-то старую тропу среди лесов. Стало так темно, что нельзя было различить даже отдельные деревья. По обеим сторонам дороги лес стоял непроницаемой стеной.

Мы шли и шли по Меридиан-роуд, и я уже был уверен, что мы пропустили поворот. Ди бегал кругами футах в десяти впереди. Я сказал, что мы пропустили тропу, и нужно возвращаться, но он рассмеялся и скрылся во мгле по правую сторону от дороги.

Я крикнул, чтобы он возвращался, но он продолжал хохотать и сказал мне идти за ним. «Зачем?» — ответил я. «Потому что здесь тропа, тупица!» — ответил он. Я не поверил ему, но все-таки подошел. Передо мной была лишь непроглядная мгла — то ли деревья, то ли просто темень. «Посмотри под ноги, дурень», — ска-

зал Ди. Я так и сделал. Точно: на месте канавы светилась та самая похожая на глаз бледная штуковина. Нагнувшись, я прикоснулся к холодному камню, и светлое пятно исчезло — это была галька, от которой отражался лунный свет. Не разгибаясь, я увидел следы от колес, выходящие на Меридиан-роуд. Ди действительно отыскал тропу.

В темноте Ди Спаркс видел гораздо лучше меня и заметил, что придорожная канава закончилась. Он зашагал по тропе в своих огромных башмаках, то и дело оборачиваясь — проверял, следую ли я за ним. Когда я пошел следом, Ди велел мне надеть простыню, и я накинул ее на голову, несмотря на то, что с большей охотой съел бы червяка. Но он был прав — на Хэллоуин, да еще и в таком месте, в костюме куда безопаснее.

Теперь мы были на Ничьей земле. Мы оба не знали, сколько еще идти до Задворок, и чего ожидать, когда окажемся там. Как только я ступил на проложенную деревянными колесами колею, то понял, что Задворки будут непохожи на то, что я себе представлял. Какие лесные хижины?! Нет, там и домов-то может не быть. Может, люди там вообще в пещерах живут?

Стоило мне натянуть на голову треклятый ко-

стюм, как я перестал что-либо видеть. Ди шипел, чтобы я поторапливался, а я лишь ругался в ответ. Наконец мне удалось подтянуть простыню до подбородка. Так мне было видно, что творится под ногами, и я мог не опасаться, что споткнусь. Нужно было просто следовать за Ди. Это было несложно — он шагал в считаных дюймах впереди, и сквозь прорезь я видел, как колышется его белая простыня.

В лесу кто-то шевелился, то и дело ухал филин. По правде говоря, мне никогда не нравилось бывать ночью в лесу. Дайте мне теплую комнату с баром, и я буду счастлив. Животных я не слишком люблю, если не считать кошек — кошки мягкие, теплые, и спят у тебя на коленях. Но в ту ночь все было хуже обычного. Во-первых, был Хэллоуин, а во-вторых, мы направлялись в Задворки, и я понятия не имел, бегают ли вокруг лисы, опоссумы или что похуже — например, какие-нибудь твари с бешеными глазами и острыми клыками, охочие до маленьких мальчиков. А может, по лесам в поисках добычи шнырял Эдди Граймс. Кто знает, чего ему могло захотеться в ночь на Хэллоуин. Задумавшись, я буквально уткнулся носом в спину Ди Спаркса.

Знаешь, чем пах Ди Спаркс? По́том, и немного

мылом, которым папаша-проповедник заставлял его мыть руки и лицо перед едой. Но сильнее всего Ди пах электричеством и горелой проводкой. Резкий, горьковатый запах. Вот так он был возбужден.

Вскоре нам пришлось подниматься вверх по холму, и когда мы оказались на его макушке, подул ветер, прибивая простыню к моим ногам. На спуске я учуял дым и что-то еще, что-то незнакомое. Ди внезапно остановился, и я врезался в него. Спросил, что он видит. «Только лес», — ответил Ди. Но мы были почти на месте. Впереди были люди. И эти люди гнали самогон. «Теперь молчок», — скомандовал Ди, словно я и сам того не знал. Чтобы показать, что я все понял, я потянул его с тропинки в кусты.

Что ж, теперь мне стало ясно, зачем сюда ездил доктор Гарленд.

Мы крались среди деревьев. Я удерживал чертову простыню у подбородка, чтобы видеть хотя бы одним глазом и не спотыкаться. Хорошо, что под ногами был ковер из сосновых иголок. Тут и слон прошел бы бесшумно. Пройдя еще немного, я уловил множество запахов — жженого сахара, можжевеловых ягод, жевательного табака, топленого сала. А спустя еще несколько шагов

услышал голоса, и этого мне хватило.

Голоса были сердитыми.

Я дернул Ди за простыню и присел — идти дальше, не осмотревшись, было опасно. Он присел рядом. Я задрал свою простыню и выглянул из-под нее. Когда я понял, где мы оказались, то чуть в обморок не хлопнулся. В каких-то двадцати футах от нас, за деревьями, в окне деревянной хибары горела керосиновая лампа. Окно было из вощеной бумаги. Из невидимой нам двери вышел здоровяк с еще одной лампой в руке, и побрел к сараю. Сбоку от хибары я заметил желтый квадрат окна другой хижины, а чуть дальше, среди деревьев — еще один. Повернувшись к Ди, я увидел вдали за его спиной еще огонек. Осознанно или нет, Ди едва не завел нас в самое сердце Задворок.

Он шепнул, чтобы я закрыл лицо. Я помотал головой. Мы наблюдали за здоровяком. Тут прямо перед нами раздался женский вопль, и я едва не наложил в штаны. Ди высунул руку из-под простыни — можно подумать, мне нужна была его команда, чтобы молчать. Женщина снова вскрикнула, и здоровяк принялся топтаться на месте, покачиваясь. Луч его фонаря описывал круги. Я заметил, что лес там и тут пересекали

тропинки, петляя между хижинами. Свет упал на стену хибары, и я понял, что она даже не деревянная, а из кровельного картона. Женщина то ли усмехнулась, то ли всхлипнула. Кто-то закричал из хижины, и здоровяк поковылял дальше к сараю. Он был вдрызг пьян и едва держался на ногах. Добравшись до сарая, он опустил фонарь и нагнулся, чтобы войти.

Ди наклонился и шепнул мне в ухо: «Накройся, нельзя, чтобы эти люди тебя узнали! Если плохо видно, разорви дырки для глаз пошире».

Мне вовсе не хотелось, чтобы кто-то в Задворках узнал меня, и я опустил костюм, сунул пальцы в прорезь для глаз и рванул. Треск был такой, что слышно было, наверное, на милю вокруг. Здоровяк вывалился из сарая, будто кто-то потянул его за ниточку, схватил фонарь и посветил в нашу сторону. Нам стало видно его лицо — это оказался Эдди Граймс. Столкнуться с Эдди Граймсом где угодно — уже беда, а столкнуться с ним в Задворках — беда вдвойне. Я испугался, что он пойдет нас искать, но женщина принялась визжать, как резаная свинья, а мужской голос из хижины что-то вновь прокричал. Граймс вернулся в сарай и вышел оттуда с кувшином. Проковыляв обратно к хибаре, он скрылся из вида. Нам было слышно,

как он о чем-то спорит с мужчиной внутри.

Я ткнул пальцев в направлении Меридиан-роуд, но Ди помотал головой. «Ты что, Эдди Граймса не видел? — прошептал я. — Может, хватит уже?» Он снова помотал головой. «Чего тебе еще надо?» — спросил я. «Посмотреть на эту девчонку». — «Мы даже не знаем, где она». — «Пойдем на голос», — ответил Ди.

Мы сели и прислушались. Женщина то стонала, то вскрикивала, иногда что-то произносила совершенно нормальным голосом, а потом снова принималась то ли плакать, то ли смеяться, то ли все сразу. Время от времени из других хижин доносились голоса — невеселые, сердитые. Люди спорили, ворчали, бубнили что-то про себя, но по крайней мере, звучали вполне обычно. А эта женщина звучала как сам Хэллоуин — ее голос был каким-то замогильным.

Ты, наверное, думаешь, что мы слышали звуки секса, а я был слишком мал, чтобы знать, как шумят дамы, когда им хорошо. Да, может, мне и было всего одиннадцать, но я вырос в Темном районе, а не на Миллерс-хилл, и стены в нашем доме были тонкими. Чем бы ни занималась та женщина, удовольствия ей это точно не доставляло. А вот Ди этого почему-то не понимал — он

думал как ты. Ему хотелось посмотреть, как ее трахают. Может, он думал, что и ему перепадет. Короче говоря, он решил, что кто-то занимается сексом, и захотел взглянуть поближе. Что ж, его папаша был проповедником, и я подумал: вдруг проповедники перестают этим заниматься, когда у них появляются дети? В отличие от меня, у Ди не было старшего брата, который водил домой девочек при каждом удобном случае.

Он крадучись двинулся между деревьев, и мне пришлось последовать за ним. Я уже вдоволь насмотрелся на Задворки, но бросить Ди и сбежать не мог. По крайней мере он делал все правильно, обходя хижины с краю вместо того, чтобы красться прямо к ним. Я не отставал. Сделав дырку в простыне шире, я теперь видел куда лучше, но мне все равно приходилось придерживать костюм у подбородка. Одно неловкое движение, и простыня сползала, закрывая мне обзор.

Как только это случилось, я потерял Ди Спаркса из вида. Моя нога попала в ямку; я споткнулся и, ослепленный, врезался в дерево. Уверенный, что Эдди Граймс и другие убийцы вот-вот кинутся на меня, я не шевелился. Несколько секунд я стоял, словно деревянный истукан. Было страшно. Но когда я ничего не услышал, то принялся возиться

с костюмом, пока дырка не вернулась на место. Никакие убийцы на меня не бросились. В хижине за холмом Эдди Граймс повторял кому-то «ты не понимаешь, ты не понимаешь», будто спьяну забыл другие слова. Женщина повизгивала и тявкала, словно лисица. Я боком прокрался за дерево и оглянулся в поисках Ди, но увидел лишь темные силуэты деревьев и желтое окно. «К черту этого Ди», — сказал я себе и снял костюм. Теперь я видел все вокруг, но на глаза мне не попалось и намека ни на что белое или серебристое. Ди ушел слишком далеко.

Мне нужно было как-то его догнать. Куда он направлялся, было понятно — женские крики доносились из хижины в лесу, — и я знал, что Ди двинется в обход. Как только он поймет, что меня рядом нет, то остановится и подождет. Логично? Все, что мне было нужно — идти к той хижине сбоку, пока не наткнусь на Ди. Скомкав костюм и сунув под рубашку, я поставил на землю пакет со сладостями. Увидев Эдди Граймса, я и думать забыл о пакете, но теперь сообразил: если придется бежать, то лучше делать это без груды яблок и конфет в руках.

Спустя примерно минуту я вышел на открытую полянку среди кустов сирени. От ближайших

деревьев меня отделял клочок поросшей травой земли. Женщина издала захлебывающийся звук и опять по-лисьи тявкнула. Повернув голову на звук, я увидел, что от полянки идет прямая тропинка. Она была хорошо освещена звездами. Выйдя на нее, я почувствовал под ногами травянистый бугорок и колею по обе стороны от него. Это тропа, ведущая в Задворки с Меридиан-роуд, делала поворот где-то впереди и шла мимо хижин, заканчиваясь тупиком. Наверняка тупиком, потому что обратно к Меридиан-роуд она точно не шла.

Так я окончательно потерял Ди Спаркса. Вместо того, чтобы обойти тропу и пробраться на север через лес, он избрал прямой путь к хижине, где находилась женщина. И почему я сразу же не увел его с тропы? Пока я выпутывался из простыни, он уже наверняка выбрался на открытое пространство и очутился у всех на виду, сам того не понимая от возбуждения. Теперь мне оставалось одно: сделать то, что я и без того пытался сделать — не позволить никому заметить моего друга.

Я пошел дальше, стараясь быть как можно тише, и тут же понял, что моя задача гораздо сложнее, чем я считал. Заметить могли и меня самого. Сняв костюм, я увидел, что свет горит

в трех или четырех хижинах, и решил, что эти хижины и есть все Задворки. Но как только я вышел на тропу, то между двумя деревьями на опушке различил прямоугольный силуэт — еще одну хижину. Хозяева либо погасили свет, либо отсутствовали. Футах в двадцати-тридцати впереди стояла другая хижина, тоже темная, и я бы вовсе пропустил ее, если бы не доносившиеся изнутри пьяные, заторможенные голоса — мужской и женский. За ней, среди деревьев, желтым светлячком горело еще одно бумажное окно. Хижины были разбросаны по всему лесу. Как только я понял, что кроме нас с Ди по Задворкам может шастать целая толпа людей, я приник к земле и почти остановился. У Ди было одно преимущество — его прекрасное зрение, и я надеялся, что он заметит чужака прежде, чем тот заметит его.

Из одной хижины донесся шум, и я замер. Сердце стучало громче бас-бочки. Затем кто-то крикнул: «Кто здесь?», и я приник к земле, чтобы не попасться на глаза. «Кто здесь?» Я считал Ди дураком, но сам шумел куда сильнее него. Я услышал, как из дома вышел мужчина, и чуть не потерял сознание от страха. Тут вдали вновь застонала женщина, и мужчина, выругавшись, вернулся в дом. Я не поднимался. Женщина сто-

нала и стонала, теперь в ее стонах проскакивал какой-то жутковатый смешок. Должно быть, она обезумела. Или она была ведьмой и занималась сексом с самим Сатаной. Страх подстегнул меня, и я пополз дальше. Я полз, пока не убрался подальше до хижины, где жил услышавший меня мужчина. Наконец я решил, что можно вставать. Нужно было как можно скорее найти Ди Спаркса, а если он не найдется — возвращаться на Меридиан-роуд одному. Если Ди так уж хочется посмотреть, как ведьма сношается с дьяволом, пускай смотрит без меня.

Тут я подумал, что мне уже давно стоило оставить Ди. В конце концов, он ведь не стал меня дожидаться, хотя мог бы вернуться и поискать. Но нет, черта с два!

Стоило мне собраться домой, как произошло два события. Во-первых, женщина издала совершенно нечеловеческий, но и не животный звук. Он не был громким, но меня чуть не стошнило. Нет, она не была ведьмой. Ей причиняли боль. Ее не избивали — это бы я понял по звуку, — ей причиняли мучительную боль, от которой можно было сойти с ума и умереть. Если ты издаешь такие звуки, то ты не жилец. Теперь у меня не оставалось сомнений, что я в Задворках, и это

место еще хуже, чем я представлял. Кто-то убивал женщину, все это слышали, но не обращали на это внимания. Лишь Эдди Граймс вышел за самогоном. Я оцепенел. Когда ко мне вернулась способность двигаться, я вытащил из-за пазухи костюм призрака. Ди был прав — нельзя, чтобы меня узнали. Тут-то и произошло второе событие. Натягивая простыню на голову, я заметил в траве у леса, из которого только что вышел, бледный предмет. Пакет со сладостями Ди Спаркса.

Я подошел и потрогал пакет, чтобы убедиться. Никаких сомнений — он принадлежал Ди. Пакет был пуст. Ди распихал содержимое по карманам и бросил его на землю. Теперь я не мог уйти. Ди не бросил меня — он ждал, пока не устал, и оставил пакет как ориентир. Он рассчитывал, что мое зрение не хуже, чем у него, но я бы ни за что не заметил пакет, если бы не испугался звуков, издаваемых женщиной.

Верхний край пакета указывал на север, а значит, Ди по-прежнему направлялся к хижине женщины. Взглянув в ту сторону, я увидел лишь темноту, над которой высилась темнота посветлее, усыпанная звездами. В ту секунду, когда я осознал, что Ди бросил меня, а значит, и я мог в ответ бросить его, я почувствовал облегчение.

Теперь же я вновь чувствовал ответственность за друга.

Примерно в двадцати футах меня ждал новый сюрприз. Из темноты возникла конструкция, похожая на маленькую хижину. Наверху я заметил серебристый блеск и, опустившись на четвереньки, пополз туда. У вощеной бумаги множество способов применения, но свет она не отражает, следовательно, крыша конструкции была из железа. Поняв это, я попытался определить форму конструкции и догадался, что передо мной автомобиль. Откуда машине взяться в такой дыре, как Задворки?

У людей такого сорта, что живут здесь, обычно не бывает даже сменной рубашки — как им достать машину? Тут я вспомнил, как на Меридиан-роуд мимо пронесся доктор Гарленд, и понял, что машина могла принадлежать не местному. Кто угодно мог свернуть сюда с дороги, припарковаться на траве и остаться незамеченным.

Это показалось мне забавным. Я вполне мог знать хозяина машины. Наш ансамбль выступает по всему округу, мы знаем каждую площадку в Вудленде, мне знакомы все жители города — а они, в свою очередь, знают меня по имени. Приблизившись к машине, я понял, что это старый

черный «Форд модел Т». Таких в Вудленде было штук двадцать, и нельзя было понять, кому принадлежал автомобиль. Они были и у белых, и у цветных. Оказавшись у машины, я увидел новый указатель от Ди — яблоко на капоте.

Еще в двадцати футах я нашел на старом валуне другое яблоко. Ди раскладывал их так, чтобы я не мог пропустить. Следующее было наколото на жердь у опушки и казалось в звездном свете почти белым. Отсюда тропинка вела обратно в лес, и, если бы не яблоко, я наверняка пропустил бы ее.

Вновь очутившись в лесу, я мог не волноваться о том, что меня услышат. Не знаю, был ли тому причиной шестидюймовый ковер из сосновых иголок и опавших листьев под ногами, но я ступал так тихо, что казалось, парю над землей. Поэтому с тех пор я всегда ношу обувь на каучуковой подошве. С ней твоя походка мягкая. Но мне все равно было страшно. В лесу стояла кромешная тьма, и яблоки можно было разглядеть, лишь уткнувшись в них носом. Мне хотелось поскорее догнать Ди и уговорить его вернуться домой.

Некоторое время я просто крался среди деревьев, избегая хижин. То и дело откуда-нибудь доносились приглушенные ругательства, но я

старался не пугаться. И тут впереди я увидел Ди Спаркса. Тропинка не была прямой, она петляла и извивалась, так что мне было плохо его видно, но серебристую простыню нельзя было ни с чем спутать. Прибавив шагу, я мог нагнать Ди прежде, чем он сделает какую-нибудь глупость. Подтянув костюм повыше, я побежал.

Тропинка пошла под уклон. Я не понимал, что происходит. Только что Ди был прямо передо мной, но стоило немного спуститься, как он исчез из вида. Пройдя еще несколько шагов, я остановился. Тропинка стала круче. Побежишь — и тут же покатишься кубарем вниз. Женщина издала очередной жуткий звук, донесшийся, как мне показалось, сразу отовсюду. Будто все вокруг было изранено. Я чуть не разревелся. Казалось, все вокруг умирает. Вся эта хэллоуинская мишура — не просто байки. Все это на самом деле — ты ничего не знаешь и никому не можешь доверять. Вокруг тебя смерть. Я едва не упал и не расплакался. Я был растерян и не знал, вернусь ли когда-нибудь домой.

А затем случилось худшее из всего, что могло случиться.

Я услышал, как женщина умерла. Звук был тихим — как вздох, но этот вздох раздался одно-

временно повсюду, и прямо у меня в ушах. Едва слышный звук тоже может быть громким, оглушительным. От ее вздоха я чуть не подпрыгнул, а моя голова чуть не раскололась.

Спотыкаясь, я метнулся обратно на тропу, на ходу вытирая слезы костюмом, и тут услышал мужские голоса по левую руку от себя. Один мужчина повторял непонятное мне слово, а другой приказывал ему заткнуться. Позади меня кто-то побежал — кто-то крупный, тяжеловесный. Я бросился наутек, но ноги запутались в простыне, и я покатился с холма, стукаясь головой о камни, задевая деревья и все, что попадалось на пути. Бах-бух-бам-хрясь-дзынь-динь-донь! Ударившись о что-то большое, я очутился в воде и долго не мог подняться. Простыня вся перекрутилась. В ушах звенело, перед глазами стояли звезды — не настоящие, а желтые, синие, красные. Когда я попытался сесть, чертова простыня потянула меня назад, и я плюхнулся лицом в холодную воду. Выкручиваясь, как лиса в капкане, я наконец смог сесть прямо и увидеть край настоящего неба. Освободив руки, я рванул простыню и проделал в ней дыру, достаточную, чтобы просунуть голову целиком.

Я сидел в ручье у поваленного дерева. Это дере-

во остановило меня. Все тело чертовски болело. Я не понимал, где нахожусь. Не знал даже, смогу ли встать. Опершись руками на ствол, я попробовал подняться. Проклятая простыня порвалась пополам, колени едва не выгнулись в обратную сторону, но я все же встал. А по другую сторону ручья навстречу мне из леса шел Ди Спаркс.

Вид у него был не лучше моего, ноги заплетались. Между деревьями мелькала его серебристая простыня. Ди был в панике, и я видел, что ему тоже больно. Но в следующий раз белое пятно мелькнуло в десяти футах над землей. Нет, прошептал я про себя и зажмурился. Тот, кто приближался ко мне, не был Ди. Он излучал гнетущее, всеобъемлющее отчаяние. Я отбивался от этого чувства как мог. Мне было всего одиннадцать лет, и я не хотел настолько рано переживать такое. Подобное чувство в одиннадцать лет может окончательно и бесповоротно изменить твою жизнь, перевести ее в другое измерение.

Но оно все же настигло меня. Видишь? Я сколько угодно могу это отрицать, но изменить то, что произошло, мне не под силу. Я открыл глаза и больше не увидел белого пятна.

Это было едва ли не хуже. Мне все же хотелось, чтобы этим пятном оказался Ди Спаркс — как

обычно безрассудный и отчаянный, бешено носящийся вокруг и лазающий по деревьям, чтобы напугать меня. Но это был не Ди Спаркс, а это означало, что мои худшие опасения подтвердились. Все вокруг умирало. Ты ничего не знал, никому не мог доверять, ты был потерян посреди необъятного океана смерти.

Большинство людей утверждают, что когда ты взрослеешь, то перестаешь верить во всякие хэллоуинские штуки. Со мной все наоборот: чем старше я становлюсь, тем лучше понимаю, что самые жуткие страхи окружают нас постоянно, как воздух, которым мы дышим.

Я таращился на то место, где в последний раз заметил белое пятно, мысленно желая вернуться во времени в тот момент, когда я еще не заметил мчащегося по Меридиан-роуд доктора Гарленда. Должно быть, на моем лице было такое же выражение, как у доктора — теперь я понимал, что призраков в самом деле можно увидеть. Тут сквозь звон в голове донеслись тяжелые шаги, которые я прежде слышал, и, обернувшись, я встретился лицом к лицу со своим преследователем. В ту секунду мне показалось, что призрак, который я увидел, был моим собственным.

Эдди Граймс был здоровенным, как дуб. В руке

у него был длинный нож. Его ноги заскользили, и он съехал по склону к ручью, но я и не думал бежать: удрать от него, даже пьяного, было невозможно. Я лишь отступил к поваленному дереву и наблюдал. От страха я потерял дар речи. Рубашка Эдди Граймса была нараспашку, на животе и груди красовались длинные шрамы. С тех пор, как его убили на танцах, он воскресал еще по меньшей мере дважды. Вскочив на ноги, он двинулся на меня. Я раскрыл рот, но не смог выдавить ни слова.

Эдди Граймс приблизился еще на шаг, но вдруг остановился и взглянул на меня. Он опустил нож. От него несло потом и спиртом. Он ничего не говорил, просто смотрел на меня. Эдди Граймс знал меня в лицо, знал, как меня зовут, знал всю мою семью — даже в темноте он не мог меня ни с кем перепутать. Тут мне стало ясно, что Эдди сам перепуган, будто бы это он, а не я, увидел призрака. Еще пару секунд мы молча стояли по щиколотку в воде, после чего Эдди указал ножом куда-то на противоположный берег.

Этого было достаточно. Мои ноги вновь обрели силу, и я напрочь позабыл о боли и усталости. Когда я перевалился через лежащий ствол, Эдди опустил нож. Шлепая по воде, я поднялся на

холм, хватаясь за кусты. Ноги замерзли, одежда насквозь промокла и перепачкалась грязью, я весь дрожал. На полпути к вершине холма я обернулся, но Эдди уже не увидел — будто его там и не было. Будто он привиделся мне после удара головой о камень.

Наконец я перевалился через холм и увидел в десяти футах от себя, в рощице хилых березок, мальчика в простыне и больших неуклюжих башмаках, вприпрыжку удаляющегося от меня. Перед ним тянулась тропа, которую я смог разглядеть даже с такого расстояния. Наверняка там и я должен был оказаться, если бы не пропустил в темноте одно яблоко или еще какой-то ориентир. Вместо этого я скатился вниз по холму, едва не разбил голову и перепугал Эдди Граймса.

Как только я увидел Ди Спаркса, то понял, что ненавижу его. Если бы он тонул, я не бросил бы ему веревку. Не задумываясь, я пошарил рукой, нащупал камень и швырнул его в Ди. Камень попал в дерево, и я подобрал еще один. Ди обернулся, чтобы посмотреть, кто это шумит, и второй камень попал ему между ребер, хотя метил я в голову.

Задрав простыню на голову, как арабскую куфию, он уставился на меня, разинув рот. Затем

отвернулся, словно ожидая, что настоящий я покажется с другой стороны. Мне хотелось было еще разок пульнуть камнем в его глупую физиономию, но я просто спустился вниз. Ди мотал головой, не веря своим глазам. «Братан, — прошептал он, — ты где пропадал?». Вместо ответа я хорошенько вломил ему в грудь. Он хотел знать, что произошло. Я рассказал, что после того, как он меня бросил, я упал с холма и встретился с Эдди Граймсом.

Это заставило его хорошенько задуматься. Ему хотелось знать, гнался ли Граймс за мной, видел ли, куда я направляюсь, узнал ли он меня. С этими тупыми вопросами Ди потащил меня в лес, но я отпихнулся. Простыня болталась у него на пузе как слюнявчик. Ди не понимал, почему я зол на него. С его точки зрения он поступил умно и находчиво, и я сам был виноват в том, что сбился с дороги. Он не понимал, что я злюсь не потому, что заблудился. Я злился даже не потому, что попался на глаза Эдди Граймсу. Я злился на Ди из-за всего остального. А может, и не на Ди.

Я прошептал, что хочу вернуться домой живым. Во второй раз Эдди меня не отпустит. Затем я притворился, что не замечаю Ди, и попробовал придумать, как вернуться на Меридиан-роуд.

Мне казалось, что до падения я двигался на север, а значит, после подъема на холм по другую сторону ручья должен был по-прежнему двигаться на север. В таком случае тропа, по которой ездили повозки, и которая вывела нас с Ди к Задворкам, была по правую руку. Не обращая внимания на Ди, я повернулся и побрел в лес. Мне плевать было, идет он за мной или нет. Я был сам по себе, он был сам по себе. Когда я понял, что он плетется позади, то даже расстроился. Мне хотелось убраться подальше от Ди Спаркса. Подальше от всех.

Я не хотел, чтобы рядом были друзья. Уж лучше бы за мной снова гнался Эдди Граймс.

Тут я остановился, потому что увидел за деревьями свет в окне. Желтый огонек зловеще полыхал, словно глаз самого дьявола. В Задворках все было зловещим, ядовитым — даже воздух и деревья. Будь то жуткое выражение на лице доктора Гарленда или бледное пятно среди леса — все было для меня олицетворением вещей, которых я ни за что не хотел знать.

Ди подтолкнул меня в спину, и если бы мне не было так дурно, я бы развернулся и хорошенько ему вмазал. Вместо этого я обернулся через плечо и увидел, как он кивает в сторону хижины. Он хотел к ней приблизиться! В эту секунду он казался

мне столь же безумным, как и все вокруг. Но тут я понял: я неправильно определил направление, и вместо того, чтобы выйти на главную тропу, увел нас обратно к хижине, где была та женщина. Поэтому Ди последовал за мной.

Я помотал головой. Ни за какие коврижки я бы не приблизился к этому месту. Мне совершенно не хотелось знать, что в действительности произошло внутри. Аура этого места отвадила даже Эдди Граймса, что уж говорить обо мне. Ди понял, что я не прикидываюсь. Обойдя меня, он покрался к хижине.

И черт бы меня побрал, но я проводил его взглядом и через секунду двинулся следом. Чем я хуже? Если не смогу сам взглянуть на то, что там творится, то хоть понаблюдаю за Ди и так узнаю все, что нужно. К тому же Ди вряд ли увидит что-то существенное, если только входная дверь не будет открыта настежь, а в это мне слабо верилось. Он ничего не увидит, я ничего не увижу, и мы наконец пойдем домой.

Дверь хижины распахнулась, и оттуда вышел мужчина. Мы с Ди застыли — в буквальном смысле. Нас и мужчину разделяли каких-то двадцать шагов, и стоило ему лишь повернуть голову, как он непременно заметил бы наши простыни.

Обзор перекрывали деревья, и я толком не разглядел его, но одна деталь значительно усугубляла ситуацию. Мужчина был белым, хорошо одетым — лица его я не видел, но рассмотрел закатанные рукава и переброшенный через плечо пиджак. В руках он нес какой-то сверток. В считаные секунды этот белый мужчина унес сверток в лес и скрылся из вида.

Ди находился ближе к нему, и обзор у него был лучше моего. К тому же, в темноте он видел лучше меня. Ди куда реже выбирался в публичные места, но если он узнал мужчину, то дело было плохо. Какой-то белый богатей убил девчонку в Задворках? И его видели двое мальчишек? Знаете, что бы с нами сделали? Мокрого места бы не оставили, вот что.

Ди повернулся ко мне, и несмотря на то, что в прорезях костюма я видел его глаза, мне было непонятно, о чем он думает. Я уже готов был вспылить, как услышал звук заводящегося мотора. Я шепотом спросил Ди, узнал ли он мужчину, и он ответил, что это был «никто». Какого черта? «Никто»? С таким же успехом он мог бы сказать, что это был Санта-Клаус или Эдгар Гувер[27].

[27] notes: 27

Джон Эдгар Гувер (1895–1972) — директор Федерального бюро расследований США с 1924 по 1972 гг.

Фары «модели Т» зажглись среди деревьев, и автомобиль, развернувшись на тропинке, поехал в сторону Меридиан-роуд. Мы приникли к земле, чтобы не попасться водителю на глаза. На самом деле до машины было слишком далеко, и беспокоиться было не о чем. Я даже толком не разглядел, как она проехала, а водителя вообще не заметил.

Мы поднялись. Перед нами была хижина, из которой вышел мужчина. На полу перед распахнутой дверью стояла лампа. Чего-чего, а входить внутрь мне совершенно не хотелось — да что там, я и подходить близко к дому не хотел. Ди вышел вперед и присмотрелся к хижине. Я уже знал, чем это кончится. Я начну возражать, он будет настаивать, и в конце концов я послушно поплетусь за ним, как в тот раз, когда я, отчаявшийся, окруженный смертью, увидел в лесу белое пятно. «Иди, если хочешь», — шепнул я ему. Ди не пошевелился, и мне стало понятно, что даже он уже не был полностью уверен в том, что ему этого хочется.

Ситуация в корне изменилась, когда появился тот белый мужчина. Как только он вышел из хижины, ставки тут же возросли. Но Ди стремился сюда с самого начала, и ему по-прежнему было

любопытно. Отвернувшись, он боком начал приближаться к хижине, чтобы заглянуть в дверной проем с безопасного расстояния.

Пройдя полпути, он обернулся и помахал мне, словно хотел поделиться впечатлениями от своего невероятного приключения. На самом деле ему стало страшно идти одному. Когда он осознал, что я за ним не пойду, он пригнулся и очень медленно обошел дом. Ему все еще не было видно, что творится внутри хижины, и Ди сделал еще несколько шажков вперед. Я подумал, что теперь он должен видеть примерно половину дома. Плотно завернувшись в простыню, Ди заглянул в дверной проем. Дальше он не пошел.

Полминуты я наблюдал за ним, и этого мне хватило с лихвой. Мне было так дурно, что я готов был умереть, и я злился так, что вот-вот мог взорваться. Сколько можно пялиться на мертвую шлюху? Неужели пары секунд недостаточно? Ди вел себя так, будто смотрел кино про Хопалонга Кэссиди[28]. Где-то ухнула сова; в соседней хижине мужской голос произнес: «Все закончилось», и кто-то шикнул на него. Если

[28] notes: 28

Вымышленный ковбой, герой многочисленных рассказов и романов множества авторов и персонаж более шестидесяти художественных фильмов.

Ди и услышал это, то не обратил внимания. Я двинулся к нему, но он и меня не заметил. Он не отреагировал на мое приближение, пока я не миновал фасад хижины и не оказался почти напротив открытой двери. Свет лампы заливал дощатый пол и траву снаружи.

Я шагнул ближе, и Ди обернулся. Выставил руку, чтобы остановить меня, но я только сильнее разозлился. Кто такой Ди Спаркс, чтобы указывать мне, что я должен, а что не должен видеть? Он бросил меня в лесу, и даже ориентиры не смог по-человечески расставить! Когда я не сбавил шаг, Ди принялся махать мне руками, переводя взгляд с меня на хижину и обратно, словно внутри происходило нечто, на что мне было лучше не смотреть. Когда я не остановился, Ди приподнялся и направился ко мне.

«Нужно убираться», — прошептал он. Ди был так близко, что я снова мог учуять его наэлектризованный запах. Я шагнул к нему, и он схватил меня за руку. Я вырвался и приблизился к хижине, чтобы заглянуть.

У дальней стены на кровати лежала совершенно голая женщина. Все ее ноги были в крови, кровь была на простыне и на полу. У кровати на корточках сидела другая женщина в поно-

шенном платье и с растрепанными волосами, и держала лежащую за руку. Она была цветной, здешней, а вот женщина на кровати была белой. Возможно, даже красивой при жизни. Я же видел лишь светлую кожу и кровь, и едва не рухнул в обморок.

Эта женщина не была какой-то белой швалью из местных. Ее привез сюда тот человек, и он ее убил. Это грозило серьезными последствиями для многих из здешних жителей, а если мы с Ди проболтались бы о встрече с белым богачом, то самые серьезные неприятности ждали бы нас.

Видимо, я издал какой-то звук, потому что женщина у кровати обернулась. Она несомненно заметила меня. Ди был замотан в простыню, а вот меня она узнала. Я тоже ее узнал. Она была не из Задворок. Она жила с нами на одной улице, и звали ее Мэри Рэндолф. Это она вернула Эдди Граймса к жизни после того, как его застрелили на танцах. Мэри Рэндолф была поклонницей ансамбля моего отца, и когда мы выступали на площадках для цветных, то обязательно приходила на концерты. Пару раз она хвалила мою игру на барабанах — я в то время был ударником, а на саксофон переключился после двенадцати. Мэри Рэндолф лишь взглянула на меня, но ее

волосы топорщились так, будто вокруг поднялся настоящий вихрь неприятностей. Ее лицо не выражало ничего. Выглядело так, как бывает, когда твой мозг медленно соображает, а тело не может пошевелиться. Казалось, она ни капли не удивилась. Казалось, она ожидала увидеть меня. Мне и без того было худо, но от этого сделалось еще хуже. Я мысленно пожелал умереть прямо на этом месте, провалиться в зыбучие пески. Я не знал, что такого я натворил — разве что мое присутствие там само по себе являлось проступком, — но уже не мог ничего исправить.

Я дернул Ди за простыню, и он как по сигналу сорвался с места. Мэри Рэндолф смотрела мне прямо в глаза, и я не знал, что делать — просто отвернуться я не мог, мне нужно было разорвать установившуюся между нами связь. Когда мне это удалось, я все равно чувствовал на себе ее взгляд. Сам не знаю как, я свернул за угол хижины, но даже оттуда видел Мэри Рэндолф на том же месте.

Если бы Ди сказал мне хоть что-нибудь, когда я его нагнал, клянусь, я бы вышиб ему зубы. Но он молча бежал между деревьев, отыскивая путь, и я следовал за ним. Я чувствовал себя так, будто меня только что лягнула лошадь. Выйдя на тропу,

мы перестали прятаться — просто побежали со всех ног, словно за нами гнались бешеные собаки. Оказавшись на Меридиан-роуд, мы продолжали бежать, пока хватило сил.

Схватившись за бок, Ди пошатнулся. Остановился, сорвал костюм и улегся у дороги, тяжело дыша. Я устал не меньше него, и стоял, согнувшись. Переведя дух, я побрел дальше. Ди пришел в себя и догнал меня. Он пошел рядом, то и дело поглядывая на меня, но тут же отводя взгляд.

— Что? — спросил я.

— Я знаю ту леди, — сказал Ди.

Еще бы ему не знать, Мэри Рэндолф была его соседкой. Я даже не стал отвечать, лишь фыркнул, а потом напомнил, что Мэри не видела его лица. Только мое.

— Да не Мэри, — сказал Ди. — Другую.

Он знал мертвую женщину? Это еще больше усугубляло наше положение. Лучше бы было, если бы такая женщина не входила в число знакомых Ди Спаркса, особенно если она умерла в Задворках. Я уже начал прикидывать, скольких людей линчуют, и кого именно.

Тут Ди сказал, что я тоже ее знаю. Я остановился и посмотрел ему в глаза.

— Мисс Эбби Монтгомери, — сказал он.

На День Благодарения и Рождество она приносила в нашу церковь еду и одежду.

Ди был прав. Я не помнил ее имени, но пару раз встречал ее с полными ветчины и курятины корзинами и коробками с одеждой в церкви папаши Ди. Думаю, ей было лет двадцать. Настоящая красавица, от одного взгляда на нее хотелось улыбаться. Она была из богатой семьи, жила в большом доме на самой вершине Миллерс-Хилл. Я решил, что какой-то мужчина посчитал, что такой девушке не пристало водиться с цветными, и решил вопрос радикальным способом. Это значило, что ответственность непременно ляжет на нас, и наша следующая встреча с людьми в белых простынях произойдет куда раньше Хэллоуина.

— Долго же он ее убивал, — сказал я.

— Она не мертва, — ответил Ди.

Что он хотел этим сказать? Я же видел девушку. Видел лужи крови. Он что, думал, что после такого она как ни в чем не бывало встанет и пойдет? Или Мэри Рэндолф воскресит ее с помощью колдовства?

— Думай, что хочешь, — сказал Ди. — Эбби Монтгомери жива.

Я едва не выпалил, что видел ее призрак, но решил, что Ди не заслужил столь интересных

подробностей. Этот болван даже собственным глазам не верил. Ему было не понять, что испытал я, когда увидел эту несчастную… Он прибавил шаг, обогнав меня, как будто стыдясь. Я чувствовал то же самое, и не возражал. Я сказал ему, что нельзя никому говорить о том, что мы видели, и он согласился. Больше мы не сказали друг другу ни слова. Всю дорогу Ди Спаркс держал рот на замке и смотрел только вперед. Когда мы добрались до поля, он обернулся, будто желая что-то сказать, но промолчал и через мгновение бросился бежать. Он просто убежал от меня. Я провожал его взглядом, пока он не скрылся за магазином, и в одиночестве отправился домой.

Мама задала мне хорошую трепку за мокрую и грязную одежду, а братья смеялись надо мной и спрашивали, кто поколотил меня и отобрал все конфеты. Я отправился спать как только смог, натянул одеяло на голову и закрыл глаза. Чуть позже мама зашла спросить, что случилось. Подрался с Ди Спарксом? Мама всегда считала, что Ди Спаркс кончит свои дни на виселице, и что мне не мешало бы обзавестись друзьями получше. А я ответил: «Мама, мне надоело стучать на барабанах, хочу играть на саксофоне». Она удивилась, но сказала, что обсудит это с папой

— вдруг что и получится?

Следующие пару дней я ждал громких новостей. В пятницу я пошел в школу, но на уроках никак не мог сосредоточиться. Мы с Ди Спарксом даже не обменялись кивками при встрече — просто прошли мимо друг друга, словно каждый из нас был невидим для другого. На выходных я сказался больным и целыми сутками валялся в постели, ожидая, когда на мою голову обрушится вихрь неприятностей. Я думал, расскажет ли Эдди Граймс о том, что видел меня, ведь когда в деле появляется труп, сперва идут к Эдди.

Но в выходные ничего не произошло, и всю следующую неделю тоже. Я решил, что Мэри Рэндолф зарыла белую девушку где-нибудь в Задворках. Но как долго могла пропадать девушка из богатой семьи, прежде чем ее объявят в розыск? Кроме того, что там вообще делала Мэри Рэндолф? Повеселиться она любила, но была не из тех безумных баб, что носили бритвы за пазухой. По воскресеньям она посещала церковь, была вежлива к соседям и добра к детям. Может, она хотела утешить ту несчастную девушку, но откуда она узнала, где ее искать? Девушки вроде мисс Эбби Монтгомери с Миллерс-Хилл не делились планами с женщинами вроде Мэри Рэндолф из

Темного района. Я не мог забыть то, как она смотрела на меня, но и не мог понять, что она хотела сказать своим взглядом. Чем больше я думал, тем сильнее мне казалось, что Мэри Рэндолф пыталась передать мне какое-то послание, но какое? «Ты готов?». «Ты понимаешь, что происходит?». «Будь осторожен?».

Отец разрешил мне учиться игре на до-саксофоне[29]. На барабаны должен был перейти мой младший брат, но лишь тогда, когда я смогу играть на саксофоне достаточно хорошо, чтобы выступать на публике. Как выяснилось, брат всегда мечтал играть на барабанах, он и до сих пор на них играет. Из него вышел отличный ударник. Я начал заниматься, после школы сразу возвращался домой, и все шло своим чередом — кроме того, что мы больше не дружили с Ди Спарксом. Если полиция и вела поиски пропавшей богачки, я об этом ничего не слышал.

И вот как-то в субботу я шел в магазин, и столкнулся с Мэри Рэндолф у ее дома. Увидев меня, она внезапно замерла, не выпуская дверную ручку. Я тоже удивился и не сразу сообразил, что делать.

---

[29] notes: 29

До-саксофон, он же си-мелоди саксофон — тенор-саксофон в строе до, изначально предназначенный для симфонических оркестров. Фактически вышел из моды в 1930-е годы, с тех пор не производится.

Должно быть, ей показалось, что я на нее пялюсь, и она взглянула на меня так, будто просвечивала рентгеном. Не знаю, что такого увидела Мэри Рэндолф, но ее напряженное лицо расслабилось, она отпустила дверь и перестала сверлить меня взглядом. «Мисс Рэндолф», — поприветствовал я ее, и она сказала, что ждет не дождется нашего выступления на танцах в пивном саду через две недели. Я сказал ей, что буду играть на саксофоне, она что-то ответила, но все это время мне казалось, что мы одновременно ведем два разговора: один обо мне и нашем ансамбле, и другой, тайный, о Мэри Рэндолф и убитой в Задворках белой девушке. Я волновался так, что путал слова. Наконец Мэри Рэндолф сказала, чтобы я передавал привет папе, и я отправился дальше по своим делам.

Когда я миновал ее дом, Мэри Рэндолф пошла за мной. Я чувствовал спиной ее взгляд, и весь вспотел от страха. Мэри Рэндолф оставалась для меня загадкой. Она была милой женщиной, но кто, как не она, закопал труп той девушки? Как знать, может, она однажды решит убить меня? Я вспомнил, как она колдовала над телом Эдди Граймса тогда на танцах. Она танцевала с ним — с Эдди Граймсом, который куда больше вре-

мени проводил в тюрьме, чем на свободе. Как приличная женщина могла быть столь близко знакома с Эдди, да еще и танцевать с ним? И как ей удалось оживить его? Может, там произошло нечто иное? Звук ее шагов так насторожил меня, что я перешел на другую сторону улицы.

Пару дней спустя, когда я уже решил было, что неприятностей удалось избежать, они начались. За ужином мы услышали на нашей улице полицейские сирены. Решив, что полиция приехала за мной, я едва не вернул обратно только что съеденную курицу с рисом. Но машины миновали наш дом, и новые сирены — точнее, клаксоны — загудели со всех сторон. Казалось, вся полиция штата собралась в Темном районе. Это было плохо, очень плохо. Кому-то точно конец. Полиция не могла так просто заявиться в наш район, наделать столько шума и убраться, никого не убив. В те времена такое невозможно было представить. Тебе оставалось лишь молиться, чтобы убитым не оказался кто-то из твоей семьи или даже ты сам. Папа погасил свет, и мы прильнули к окну, наблюдая за проезжающими автомобилями. Два из них принадлежали полиции штата. Когда все стихло, папа вышел на улицу посмотреть, куда направились полицейские. Вернувшись,

он сообщил, что те ехали в сторону дома Эдди Граймса. Мы тоже хотели выйти и посмотреть, но родители не позволили, так что нам оставалось лишь глядеть в окна, выходившие в ту сторону. Кроме машин и полицейских ничего не было видно. Похоже было, будто они крушат дом Эдди кувалдами. Вдруг целая группа легавых бросилась бежать, а несколько полицейских машин заблокировали улицу. Спустя минут десять вдалеке раздались выстрелы. Казалось, стрельба продолжалась целую вечность, как Арденнское сражение[30]. Мама и мой младший брат заплакали. Наконец, стрельба прекратилась. Полицейские принялись что-то кричать друг другу, после чего погрузились в машины и уехали прочь.

На следующее утро по радио передали, что чернокожий преступник-рецидивист Эдвард Граймс был убит при попытке сопротивления аресту. Он разыскивался за убийство белой женщины. Тело Элинор Мандей, пропавшей три дня назад, было обнаружено в свежей могиле

---

[30] notes: 30

Операция немецких войск на Западном фронте в ходе Второй мировой войны, фактически последняя наступательная операция сил вермахта против англо-американских вооруженных сил. Продолжалась с 16 декабря 1944 г. по 29 января 1945 г. и закончилась контрнаступлением и итоговой победой войск союзников.

сотрудниками полиции Вудленда в ходе операции по поиску нелегального спиртового завода в районе, известном как Задворки. Мисс Мандей, дочь бакалейщика Альберта Мандея, отличалась слабым физическим и психическим здоровьем, и Граймс, вероятно, воспользовался этим, чтобы заманить ее в Задворки, где жестоко расправился с девушкой. Так сказали по радио — я до сих пор помню все слово в слово. «Отличалась слабым физическим и психическим здоровьем». «Жестоко расправился».

Когда новость дошла до газет, на передовице напечатали фотографию Элинор Мандей. Темноволосая, с крупным носом, она была ни капли не похожа на мертвую девушку в хижине. Да и день пропажи не совпадал. Эдди Граймс уже не мог ничего объяснить, потому что полиция загнала его в старое хранилище джута у магазина на Меридиан-роуд. С самого начала было понятно, что полицейские не собирались его задерживать. Он убил белую девушку. Они собирались мстить, и отомстили.

Прочитав заметку в газете, я выбрался из дома и побежал посмотреть на место перестрелки. Многим пришла в голову та же мысль, и у хранилища выстроилась настоящая очередь. Вдоль всей

Меридиан-роуд были припаркованы машины. У самого входа стоял полицейский автомобиль, и здоровенный легавый пропускал людей внутрь по одному, как на выставку. Все молчали. Зрелище было невиданное: цветные и белые стояли в одной очереди. А вот напротив я заметил две группы людей, одну цветную и одну белую. Они о чем-то переговаривались, но я не смог разобрать ни слова.

Я никогда не любил очередей, поэтому решил по-быстрому заглянуть внутрь и смыться. Обойдя очередь, я направился к тем двум группам, делая вид, что уже побывал внутри и теперь просто прогуливался. Миновав вход в хранилище, я немного задержался. В очереди, довольно близко ко входу, стоял Ди Спаркс. Он вытягивал шею, чтобы поскорее заглянуть внутрь, и заметил меня. Подскочив от неожиданности, он тут же отвернулся. Взгляд у него был отсутствующий. Полицейский крикнул, чтобы я шел в конец очереди — он ни за что не заметил бы меня, если бы Ди не подпрыгнул так, будто кто-то взорвал у него за спиной петарду.

Примерно в середине очереди, позади нескольких соседок, стояла Мэри Рэндолф. Выглядела она ужасно. Волосы свалялись, кожа посерела, как будто она не спала несколько дней. Я прибавил

шаг в надежде, что она не заметит меня, но Мэри Рэндолф повернулась и встретилась со мной взглядом. Клянусь, я едва не упал навзничь. Если ее глаза не пылали ненавистью, то я не знаю, чем еще. Ненавистью и болью. Когда взгляд Мэри Рэндолф впился в меня, я был не в силах отвернуться. Я словно вновь увидел то жуткое белое пятно среди деревьев в ночных Задворках. Наконец Мэри отпустила меня, и я снова едва не упал.

Пристроившись в конец очереди, я медленно продвигался вперед вместе со всеми. Мэри Рэндолф не выходила у меня из головы. Когда пришел мой черед, я лишь мельком заглянул внутрь. Увидел изрешеченную пулями стену, следы крови там и тут — большие пятна и мелкие брызги. Я вспомнил хижину, сидящую рядом с мертвой девушкой Мэри Рэндолф, и мысленно вернулся туда.

Мэри Рэндолф не пришла на танцы и не услышала мое дебютное исполнение на саксофоне. Помня, как плохо она выглядела, я и не ожидал, что она появится. Имя Эдди Граймса не исчезало из сводок новостей — его выставляли какой-то дикой гориллой, безумцем, который стремился перебить всех белых женщин, а потом приняться и за цветных. В газетах опубликовали фото-

графию «логова» Граймса, с дырами в стенах и разломанной мебелью, но не удосужились уточнить, что это полиция так разгромила дом.

Задворки тоже были у всех на устах. Говорили, что там еще хуже, чем все думали. Говорили, что туда возили не только Элинор Мандей, но и других белых девушек, а некоторые белые девушки даже жили там бок о бок с мерзкими цветными. Это место было настоящим гнездом порока, Содомом и Гоморрой. За два дня до назначенного в городском совете слушания по проблеме Задворок группа белых мужчин с оружием и факелами сровняли все тамошние хижины с землей. Людей они там не встретили — ни белых, ни цветных, ни мужчин, ни женщин, ни порочных, ни честных. Все жители Задворок предусмотрительно покинули свои жилища. А самым интересным было вот что: Задворки располагались прямо на окраине Вудленда, но никто в Вудленде не мог вспомнить, как звали хотя бы одного тамошнего жителя. Не могли назвать даже тех, кто регулярно туда наведывался — не считая Эдди Граймса. Когда Задворки сгорели, все перестали произносить это слово, будто это было грехом. А те поборники морали, которые сожгли хижины, ничуть не стремились провозгласить о своем

доблестном деянии.

Возможно, они хотели замести следы или просто стереть это место из памяти. По крайней мере, я не сомневался, что среди людей с факелами были доктор Гарленд и тот белый мужчина, которого я видел выходящим из хижины.

А может, я вообще ошибался. Две недели спустя произошли события, которые меня потрясли.

Первое случилось незадолго до Дня благодарения. Я задержался в школе и спешил домой. На улице не было ни души — все либо ужинали, либо готовились ужинать. Подходя к дому Мэри Рэндолф, я услышал странный звук, как будто кто-то пытался кричать, но не мог, потому что кто-то другой зажимал этому человеку рот. Глупо, правда? Откуда мне было знать, на что похож такой звук? Я прошел пару шагов и услышал его вновь. Сказал себе, что это может быть что угодно. После недавних событий Мэри Рэндолф меня невзлюбила, и вряд ли обрадуется, если я стану стучать ей в дверь. Лучше было убраться. Так я и поступил. Пошел домой, поужинал, и обо всем забыл.

По крайней мере, до следующего дня, пока подруга Мэри не зашла к ней в дом и не обнаружила ее с ножом в руке и перерезанным горлом. На

плите до углей сгорел кусок свиного шпика. Я никому не рассказал о том, что слышал прошлым вечером. Мне было страшно. Я не мог ничего сделать — только ждать окончания расследования.

Полиция пришла к твердому выводу: Мэри покончила с собой. Других версий не было.

Когда наш пастор попытался поинтересоваться, зачем женщине, задумавшей самоубийство, готовить ужин, шеф полиции ответил, что женщине, задумавшей самоубийство, было плевать на то, что случится с оставленной на плите едой. Пастор сомневался, что Мэри Рэндолф едва не отрезала себе голову без посторонней помощи. Шеф ответил, что силы отчаявшейся женщины могут быть почти безграничны. К тому же, если на нее напали, то почему она не закричала? А что за отношения у нее были с покойным убийцей Эдди Граймсом? Какие тайны она хранила? То, что она забрала эти тайны в могилу, только к лучшему. Для всех. Понимаете, пастор? И пастор понял, еще бы ему не понять. Мэри Рэндолф похоронили на местном кладбище, и никто больше о ней не вспоминал. Как и Задворки, ее стерли из памяти.

Второе событие, которое потрясло меня и окончательно убедило в том, что я неверно все истолковал, случилось в сам День благодарения.

Папа играл в церкви на пианино, и по особым случаям мы сопровождали песнопения игрой на инструментах. Вся наша семья отправилась в церковь пораньше, чтобы порепетировать с хором. После репетиции я вышел на улицу прогуляться до появления прихожан, и увидел на церковной стоянке большую машину. Я никогда прежде не видел таких огромных и дорогих машин. На ней можно было буквально прочитать «Миллерс-Хилл». Не знаю, почему, но при виде автомобиля у меня перехватило дыхание. Передняя дверь открылась, и появился чернокожий водитель в элегантной серой униформе и фуражке. Не удостоив своим вниманием ни меня, ни церковь, ни улицу, он обошел автомобиль и открыл заднюю дверцу. На пассажирском сиденье оказалась девушка, и когда она вышла, солнце заиграло на ее светлых волосах и блестящем мехе пышной шубки. Сначала я видел лишь ее затылок, плечи и ноги, но тут она выпрямилась и взглянула на меня с улыбкой. Я не смог улыбнуться в ответ. Я даже пошевелиться не мог.

Это была Эбби Монтгомери. Как обычно по случаю Дня благодарения, она привезла в церковь корзины с едой. Она казалась старше и стройнее, чем в последний раз, когда я видел ее живой —

старше, стройнее, но в первую очередь печальнее, будто у нее отобрали всю радость в жизни. Водитель открыл багажник, достал оттуда огромную корзину еды, отнес ее в церковь с черного хода и вернулся за следующей. Эбби Монтгомери просто наблюдала, как он носит корзины. Она как будто просто соблюдала формальности, и собиралась всю свою дальнейшую жизнь заниматься лишь этим — соблюдать формальности. Один лишь раз она позволила себе улыбнуться водителю, но улыбка вышла такой грустной, что тот даже не попытался на нее ответить. Завершив дела, он захлопнул багажник, помог хозяйке усесться обратно в машину, сел за руль и повез ее домой.

Сперва я подумал: Ди Спаркс был прав. Эбби Монтгомери все это время была жива. Затем я решил: нет, ее воскресила Мэри Рэндолф, как и Эдди Граймса. Но что-то пошло не так, и она вернулась к жизни не полностью.

Вот и все. На Рождество Эбби Монтгомери уже не привезла еду в церковь — она уехала за границу с теткой. На следующий День благодарения она также не появилась, прислав шофера с корзинами одного. Мы и не ожидали, что она появится, — к тому времени прошел слух, что, вернувшись из поездки, Эбби Монтгомери вовсе

перестала покидать дом. Потом я услышал от кого-то, кто вряд ли был лучше меня осведомлен о ее состоянии, что она перестала выходить даже из своей комнаты. Пять лет спустя она умерла. Ей было двадцать шесть лет, но говорили, что выглядела она на все пятьдесят.

4

Шляпа умолк, но я продолжал сидеть с ручкой и блокнотом наготове в ожидании продолжения. Когда я понял, что история окончена, то спросил:

— От чего она умерла?

— Мне не сказали.

— Убийцу Мэри Рэндолф тоже не нашли?

Водянистые, бесцветные глаза Шляпы уставились на меня.

— Убили ли ее, вот в чем вопрос.

— А с Ди Спарксом вы помирились? Как-нибудь обсуждали произошедшее?

— Разумеется, нет. Что там было обсуждать?

Это заявление было весьма громким, учитывая, что Шляпа целый час толковал мне об их взаимоотношениях, но я решил не обращать на это внимания. Шляпа продолжал смотреть на меня взглядом, в котором ничего невозможно было прочесть. С его лица сошли все эмоции, он прак-

тически не шевелился. Я не мог представить, что этот человек когда-то был бойким одиннадцатилетним мальчишкой.

— Что ж, меня ты выслушал. Теперь ответь на мой вопрос, — сказал он.

Я не мог вспомнить, что это был за вопрос.

— Получилось у нас то, чего мы хотели?

Теперь я вспомнил. Напугаться — вот чего эти мальчишки тогда хотели.

— Думаю, получилось сполна, — ответил я.

Шляпа задумчиво кивнул.

— Верно. Сполна.

Дальше я принялся расспрашивать его о семейном ансамбле, он продолжил согревать себе глотку джином, и интервью вернулось в обычное русло. Но я уже по-другому воспринимал его слова. Выслушав длинную, так и не окончившуюся ничем конкретным историю о приключениях на Хэллоуин, я начал искать скрытый смысл во всех словах Шляпы. Они имели как «дневное» значение, выраженное простыми английскими словами, так и «ночное», куда менее определенное и понятное. Ему непостижимым образом удавалось сохранять рациональность посреди сюрреалистического сна; он словно стоял одной ногой на твердой земле, в то время как другая

зависла над бездной. Я сосредоточился на рациональном, на той ноге, что опиралась на понятный мне контекст. Все остальное сбивало меня с толку и пугало. К половине седьмого утра, когда Шляпа ласково назвал меня мисс Розмари и проводил из номера, я чувствовал, будто провел в его компании несколько недель, а то и месяцев.

Часть третья

1

Я получил магистерскую степень в Колумбийском университете, но мне не хватило денег, чтобы защитить докторскую диссертацию, так что профессором я не стал. Не стал я и джазовым критиком, да и вообще не занимался ничем интересным. Пару лет после окончания университета я преподавал английский язык и литературу в старшей школе, а потом ушел оттуда ради своей нынешней работы. Теперь мне приходиться много разъезжать, но и зарабатываю я больше, чем школьные учителя. Честно говоря, значительно больше, но учитывая мои расходы, разница невелика. У меня небольшой домик в пригороде Чикаго, мой брак с честью выдержал все испытания на прочность, а мой двадцатидвухлетний сын, в жизни не прочитавший для собственного удовольствия ни одной книги, ни взглянувший ни на одну картину, не посетивший ни одного музея и не прослушавший ни одной музыкальной композиции за исключением наиболее популярных, вдруг заявил нам, что собирается

стать артистом, работать с фотографией, видео и создавать «инсталляции». Будем считать это подтверждением тому, что наше воспитание не занизило его самооценку.

Я больше не занимаюсь делами под музыку (хотя мой сын это периодически делает), отчасти потому, что не могу позволить себе купить все выходящие компакт-диски (один друг подарил мне на сорокапятилетие CD-проигрыватель). Теперь меня не меньше джаза привлекает классическая музыка. Разумеется, когда я дома, то по джаз-клубам не хожу. Даже не знаю, остались ли где-нибудь кроме Нью-Йорка люди, которые этим занимаются. Такое времяпрепровождение считается старомодным, даже в некоторой степени эксцентричным. Но в поездках, перемещаясь из самолетов в отели и обратно, я всегда ищу в местных газетах афиши джазовых концертов, чтобы занять свободное время. Многие кумиры моей юности по-прежнему в строю, и большинство из них играют не хуже прежнего. Несколько месяцев назад, в Сан-Франциско, я наткнулся в газете на имя Джона Хоуза. Он выступал в клубе в нескольких шагах от гостиницы, где я остановился.

Сам факт его выступления был удивителен. Хоуз перестал давать джазовые концерты несколько

лет назад. Он зарекомендовал себя как блестящий автор музыки к кинофильмам (и, надо полагать, заработал при этом немалые деньги), и стал все чаще появляться во фраке за дирижерским пультом, исполняя стандартный классический репертуар. Если не ошибаюсь, он теперь постоянный дирижер театра то ли в Сиэтле, то ли в Солт-Лейк-Сити. Играть джаз в Сан-Франциско, да еще и целую неделю, он мог только ради собственного удовольствия.

Я пришел незадолго до начала первого сета и занял столик в конце зала. Большинство столиков уже были заняты — имя Хоуза гарантировало аншлаг. Хоуз задержался лишь на пару минут. Он вошел в клуб и тут же направился к пианино. За ним вошли басист и ударник. Джон выглядел более успешной версией того молодого человека, которого я видел в Нью-Йорке, — лишь седина в волосах и небольшое брюшко выдавали его возраст. Его игра на первый взгляд почти не изменилась, но я воспринимал ее иначе. Он по-прежнему был виртуозным пианистом, но теперь он лишь поверхностно проходился по мелодиям, пользуясь своей великолепной техникой, чтобы в удачный момент их приукрасить. Если слушать вполуха, могло показаться, будто

играет сам Арт Тэйтум[31], но чем внимательнее ты слушал, тем менее впечатляющим казалось такое исполнение. Я задумался о том, всегда ли у Джона Хоуза была такая поверхностность, или он просто утратил прежнюю страсть за те годы, пока не занимался джазом. Нет, когда я слушал его выступления со Шляпой, он играл серьезно.

Хоуз тоже не забыл своего учителя, сыграв в первом сете *Love Walked In*, *Too Marvelous For Words* и *Hat Jumped Up*. В последней композиции его внутренние шестеренки, похоже, заработали как надо, он заиграл одновременно расслабленнее и интенсивнее — это был настоящий джаз, не имитация. Поднимаясь из-за инструмента, Хоуз выглядел довольным собой. Когда он спустился со сцены, полдесятка поклонников ринулись к нему, протягивая старые пластинки для автографа.

Несколько минут спустя я застал Хоуза в одиночестве у краешка барной стойки. Он потягивал газировку. Музыканты были неподалеку, но не общались с ним. Желая узнать, намеренно ли

---

[31] notes: 31

Артур «Арт» Тэйтум (1909–1956) — знаменитый джазовый пианист. Родившийся слепым, обладал абсолютным слухом и энциклопедической памятью, и обучился игре на фортепиано, повторяя на слух музыкальные записи. Отличался феноменальной техникой и считался мастером импровизации.

он отдал дань уважения Шляпе, я направился к бару. На мое приближение Хоуз отреагировал нейтрально. Когда я представился, он доброжелательно улыбнулся, пожал мне руку и дал понять, что готов выслушать все, что я ему скажу.

Я начал с отвлеченного комментария о том, что между выступлениями в клубах и дирижированием в академических залах наверняка есть большая разница, и Хоуз сухо и уклончиво ответил, что разница действительно есть.

Тогда я признался, что приходил слушать их со Шляпой много лет назад в Нью-Йорке. Тут Хоуз заметно оживился и обрадовался.

— Правда? В том маленьком клубе на Сент-Маркс-Плейс? Веселые были времена! Я как раз вспоминал об этом, вот и сыграл несколько композиций из тогдашнего репертуара.

— Поэтому я к вам и подошел, — сказал я. — В жизни не припомню лучших концертов, чем те.

— Я тоже, — Хоуз едва заметно улыбнулся. — Порой он вытворял совершенно невероятные вещи.

— Согласен, — ответил я.

— Да, — Хоуз отвел взгляд. — Великий человек был. Не от мира сего.

— Мне довелось с ним общаться. Это я брал

интервью для «Даунбита», которое до сих пор всплывает там и сям.

— О! — Хоуз посмотрел на меня с неподдельным интересом. — Да, в этом был весь Шляпа.

— По большей части.

— Вы где-то приврали? — любопытство Хоуза разгорелось еще больше.

— Пришлось кое-что поправить, чтобы стало понятнее.

— А, разумеется. Иначе у вас в каждой строчке были бы «динь-дини», «дзыни» и постоянные упоминания Боба Кросби, — все это было элементами особого жаргона Шляпы, и Хоуз усмехнулся. — Когда он хотел сыграть блюз в строе соль, то говорил «посолите, пожалуйста».

— Вы были хорошо с ним знакомы? — спросил я, ожидая ответа «нет» — я привык считать, что Шляпа ни с кем не был по-настоящему близок.

— Вполне, — ответил Хоуз. — Пару раз, году в пятьдесят четвертом или пятьдесят пятом, он приглашал меня в гости. В дом его родителей. Мы познакомились и подружились во время тура «Джаз в филармониях», и дважды, когда мы заезжали на Юг, он приглашал меня отведать «хорошей домашней еды».

— Вы были в его родном городе?

Хоуз кивнул.

— Даже жил у него дома. Его родители были интересными людьми. Отец — все звали его Индейцем — был настолько светлокожим, что мог бы сойти за белого, но не думаю, что ему приходило в голову этим пользоваться.

— А их семейный ансамбль тогда еще существовал?

— Нет. По правде говоря, в конце сороковых их популярность сошла на нет. Им даже приходилось приглашать саксофониста и ударника из школьного ансамбля. К тому же у отца Шляпы много времени отнимала служба в церкви.

— Он был кем-то вроде дьякона?

Хоуз удивился.

— Нет, Индеец был баптистским пастором. Настоятелем. Он управлял церковью, а может, даже сам ее и основал.

— Шляпа говорил, что его отец играл в церкви на пианино, но…

— Если бы не церковное служение, из настоятеля вышел бы блестящий блюзовый пианист.

— Значит, у них там была еще одна баптистская церковь, — пробормотал я, не находя другого объяснения существованию сразу двух баптистских пасторов. Но почему Шляпа утаил, что его

собственный отец тоже был священником, как и отец Ди Спаркса?

— Шутите? Там одну-то содержать не на что было, — Хоуз взглянул на часы, кивнул и двинулся к своим музыкантам.

— Можно последний вопрос?

— Давайте, — ответил он нетерпеливо.

— Шляпа казался вам суеверным?

Хоуз улыбнулся.

— Еще каким суеверным. Он говорил, что никогда не выступает на Хэллоуин, и даже из номера не выходит. Поэтому он ушел из биг-бэнда. Их концертный тур начинался на Хэллоуин, и Шляпа отказался выступать. Просто взял и ушел, — Хоуз склонился ко мне. — Расскажу вам еще кое-что занятное. Мне всегда казалось, что Шляпа до смерти боится отца. Думаю, он приглашал меня в Хэтчвилл, чтобы я был между ними своего рода посредником. Я всегда недоумевал по этому поводу. Да, Индеец был здоровым стариканом, и в молодости наверняка тем еще бабником, будь он хоть трижды священник, но я никак не мог понять, почему Шляпа его боится. Стоило Индейцу появиться, как Шляпа тут же замолкал. Забавно?

Вид у меня, должно быть, был совсем ошалелый.

— Вы сказали Хэтчвилл?

— Да, Хэтчвилл, Миссисипи. Это недалеко от Билокси. Там они жили.

— Но Шляпа сказал…

— Шляпа редко отвечал на вопросы откровенно, — сказал Хоуз. — И всегда ценил увлекательные истории выше правдоподобных. С чего бы ему вести себя иначе? Это же Шляпа.

Прослушав второй сет, я вернулся в отель. Длинная история Шляпы вновь не давала мне покоя. Была ли в ней хоть толика правды?

2

Три недели спустя я пораньше освободился с собрания в чикагском офисе нашей компании, и вместо того, чтобы отправиться с другими постоянно разъезжающими сотрудниками в бар, я наврал, что должен встречать дома родственников. Мне не хотелось признаваться коллегам, которые как истинные деловые мужчины предпочитали активные развлечения вроде выпивки, ракетбола и хождения по бабам, что я собираюсь в библиотеку. Перерыть подборку периодических изданий — лучший способ найти истину в истории Шляпы, не считая, разумеется, поездки в Миссисипи. Годы, проведенные в Колумбий-

ском университете, не пропали зря — я все еще прекрасно умел находить интересующую меня информацию.

Паренек-библиотекарь провел меня к компьютеру и предоставил доступ к архивным микропленкам с полной подборкой ежедневных газет Билокси и Хэтчвилла за годы, когда Шляпе было десять-одиннадцать лет. Всего там издавалось три газеты, две в Билокси и одна в Хэтчвилле, но мне не нужно было перечитывать их все — меня интересовали лишь номера с конца октября по середину ноября. Я искал любые упоминания Эдди Граймса, Элинор Мандей, Мэри Рэндолф, Эбби Монтгомери, семьи Шляпы, Задворок и людей по фамилии Спаркс.

В «Хэтчвилл Блейд», бульварного типа газетенке, печатавшейся на розоватой бумаге, все эти имена и названия встречались регулярно. В газетах из Билокси их тоже хватало — тамошние жители не могли скрыть за маской ужаса то удовольствие, что их коллективный разум получил от невообразимых событий, случившихся в маленьком и казавшемся респектабельным городке по соседству. Билокси был ошеломлен, возмущен и повергнут в ужас. Хэтчвиллская пресса держалась с достоинством и сдержанным оптимизмом:

за любое преступление последует возмездие — неважно, официальное или неофициальное. Хэтчвилл был потрясен, но не склонял головы (или, по меньшей мере, делал вид), а вот Билокси лишь хорохорился. «Блейд» освещал события подробно, а вот заметки в газетах Билокси не сходились с хэтчвиллской версией событий. Без материалов из Хэтчвилла невозможно было ни подтвердить, ни опровергнуть историю Шляпы, но приблизили к ее пониманию меня как раз заметки из Билокси.

Чернокожий преступник-рецидивист Эдвард Граймс каким-то образом убедил или силой принудил Элинор Мандей, умственно отсталую белую девушку, отправиться с ним в место, описываемое как «давно пользующееся дурной славой» («Блейд») и «гнездилище порока» (Билокси), где совершил с ней «противоправные и жестокие действия» («Блейд») или «действия, выходящие за рамки воображения праведного человека» (Билокси). Засомневавшись, что девушка будет хранить молчание, Граймс убил ее и закопал тело у «заброшенной хижины», где нелегально гнал и продавал самогон. Тело было обнаружено в результате совместной операции полицейских управлений города и штата. Граймс

был опознан и, после обыска в его доме, выслежен на старом складе, где и убит в перестрелке. Половину передовицы «Блейд» занимала фотография распахнутых складских дверей и окровавленной стены. Газеты сходились в одном: теперь весь штат Миссисипи мог спать спокойно.

Смерти Мэри Рэндолф «Блейд» посвятили один параграф, а газеты Билокси вообще не написали ни слова.

В Хэтчвилле нападение на Задворки описывали «героическим штурмом лагеря опасных преступников, процветавшем в неприметном месте за городской окраиной. Рискуя жизнью, оставшиеся неизвестными жители Хэтчвилла совершили праведный налет на укрытие грешников и прогнали их. Преступники, берегитесь!». Газеты Билокси, несмотря на одобрение действий жителей Хэтчвилла, высказывались в ином тоне.

«Можно ли допустить, что полицейские службы Хэтчвилла закрывали глаза на существование истинных Содома и Гоморры в непосредственной близости от города? Почему лишь гибель беззащитной девушки вынудила их принять меры?». Разумеется, в Билокси также приветствовали уничтожение Задворок — «зло должно быть искоренено», — но при этом задавались вопросом,

что еще было уничтожено вместе с самогонными аппаратами и хижинами, где торговали собой женщины легкого поведения? Мужчины остаются мужчинами, и тот, кто однажды согрешил, мог воспользоваться возможностью, чтобы замести следы и уничтожить доказательства своих прегрешений. Неужели до полиции Хэтчвилла не доходили слухи — конечно же, сомнительные и безосновательные, — что в тех самых Задворках совершались противоправные действия? Торговля наркотиками, алкоголем, азартные игры, смешение рас? Ветреные девушки ходили туда за острыми ощущениями, рискуя жизнью и честью. Да, в Хэтчвилле стерли с лица земли несколько жилищ, но в Билокси предполагали, что на этом проблемы их маленького соседа не закончатся.

Пока в Билокси шла эта кампания с намеками, «Блейд» продолжала публиковать текущие новости. Мисс Эбигейл Монтгомери в сопровождении тетки, мисс Люсинды Брайт, отбыла из Нового Орлеана во Францию с целью провести двухмесячный тур по Европе. Преподобный Джаспер Спаркс из Пресвитерианской церкви Миллерс-Хилл прочел проповедь на тему «Прощение по-христиански». Сразу после Дня благодарения сын преподобного Спаркса Родни с благословения

всех жителей Хэтчвилла отправился в частный интернат в Чарльстоне, Южная Каролина. По случаю праздника прошли хлебные ярмарки, церковные собрания и костюмированные вечеринки. Саксофонист-виртуоз Альберт Вудленд продемонстрировал свою волшебную игру перед многочисленной публикой в Темперанс-холле.

Что ж, я легко мог угадать имя как минимум одного из присутствовавших на концерте слушателей. Выходит, Шляпа заменил название своего родного города на имя, которое также было для него в некоторой степени родным.

Несмотря на то, что некоторые эпизоды стали проясняться, я так и не мог понять, что же на самом деле Шляпа видел той хэллоуинской ночью в Задворках. Весьма вероятно, что он действительно отправился туда с белым мальчиком своего возраста, также сыном проповедника, и до смерти напугался чем-то, что произошло с Эбби Монтгомери. Эбби отослали из города сразу после тех событий, и Ди Спаркса тоже. В то, что некий мужчина убил Эбби, а Мэри Рэндолф ее воскресила, мне не верилось. Наверняка с Эбби случилось нечто, для чего в Задворки был приглашен доктор Гарленд, впоследствии сбежавший оттуда в страхе. Следствием этого непонятного

происшествия с богатой белой девушкой стали и убийства Эдди Граймса с Мэри Рэндолф. Эти двое были важными свидетелями, и их необходимо было убрать.

Я это прекрасно понимал, и Шляпа тоже. Но он зачем-то наполнил свою и без того запутанную историю лишними загадками, словно хотел что-то скрыть — или боялся сам узнать правду. Опасаться, что правда откроется, не следовало — если даже сам Шляпа чего-то не знал, то узнать это мне представлялось невозможным. Он намеренно завуалировал даже самые банальные вещи: например, Мэри Рэндолф была то ведьмой из Задворок, то уважаемой прихожанкой, жившей по соседству с его семьей. Восстановить истинную картину тех событий в Задворках было уже невозможно.

В разделе развлечений субботнего ноябрьского номера «Блейд» я наткнулся на фотографию семейства Шляпы и вернулся к ней, когда мои рассуждения зашли в тупик. Шляпа, двое его братьев, сестра и родители стояли в ряд по росту на фоне, должно быть, семейного автомобиля. Шляпа держал в руках до-саксофон, братья — трубу и барабанные палочки, а сестра — кларнет. Преподобный, будучи пианистом, не держал в

руках ничего, но даже на зернистой фотографии шестидесятилетней давности всем своим видом внушал трепет. Отец Шляпы был высоким, могучим мужчиной, и действительно, на фото он казался белым, как я сам. Но впечатлили меня не столько белизна его кожи и бесспорная привлекательность, сколько влиятельный, авторитарный вид, пронзительный взгляд и властный подбородок. Вспомнив о словах Джона Хоуза, я ничуть не удивился, что такой человек мог внушать своему ребенку страх. Идти против воли такого человека и перечить ему было рискованно. По сравнению с ним мать Шляпы выглядела рассеянной и смущенной, словно вся ее уверенность перешла к мужу. Тут я обратил внимание на машину, и до меня дошло, зачем она на этой фотографии. Автомобиль был индикатором благосостояния семьи, их общественного статуса — он делал им рекламу. Насколько я мог судить, это был «Форд Модел Т», но о том, был ли это тот самый «Форд Модел Т», что Шляпа видел в Задворках, я мог лишь гадать.

Предположение казалось мне абсурдным, пока несколько дней назад мне в руки не попала книга под названием «Освещающий ветер: жизнь Гранта Килберта».

Если не считать Луи Армстронга и Дюка Эллингтона, в мире найдется не много биографий джазовых музыкантов (однако биографию Шляпы теперь тоже можно прочесть, и вышла она под названием, взятым из моего интервью с ним), и я сильно удивился, найдя «Освежающий ветер» в книжном отделе местного супермаркета. Вы не найдете в магазинах биографий Арта Блэйки, Клиффорда Брауна, Бена Уэбстера или Арта Тэйтума — музыкантов более заслуженных, чем Килберт. Однако не стоит удивляться — Килберт был из тех ярких личностей, кто приобрел культовый статус среди поклонников, и через двадцать лет после его смерти почти все его записи были переизданы на компакт-дисках в коллекционных изданиях. Он был блестящим, великим джазменом, наиболее близким к Шляпе по мастерству из всех его учеников. Килберт был одним из кумиров моей молодости, поэтому я купил книгу (за целых сорок пять долларов!) и принялся читать.

Как бывает со многими джазовыми музыкантами, да и артистами в целом, в жизни Килберта громкая слава соседствовала с неудачами личной жизни. Он совершал кражи со взломом и даже участвовал в вооруженных ограблениях, боролся

с героиновой зависимостью, провел несколько лет в тюрьме. Оба его брака закончились болезненными разрывами; почти от всех друзей он отвернулся. Как этот слабохарактерный, самовлюбленный говнюк мог создавать столь нежные и прекрасные мелодии, было великой загадкой искусства, но я не был удивлен. Я достаточно слышал о Гранте Килберте, чтобы понимать, каким он был человеком.

Чего я не знал о Килберте, так это того, что он, будучи внешне типичным американцем скандинавского или англосаксонского происхождения, порой называл себя черным (это утверждение, впрочем, никем не воспринималось всерьез и считалось еще одной фантазией Килберта, известного своей неустойчивой психикой), а иногда — иначе Килберт не был бы Килбертом — отрицал, что когда-либо делал такое утверждение.

Также я не знал, что данные о его рождении и детстве были непроверенными. В отличие от Шляпы, Килберт раздавал интервью сотнями, будь то для «Даунбита» или массовых еженедельников. Все источники сообщали, что родился он в Геттисберге, Миссисипи, в рабочей семье, никак не связанной с музыкой (его отец был водопроводчиком), но с раннего детства понял,

что музыка — его призвание. Получив наконец саксофон в подарок от родителей, он быстро овладел им и восхищал своей игрой педагогов, после чего бросил школу в шестнадцать лет, чтобы присоединиться к ансамблю Вуди Хермана.

Слава не заставила себя долго ждать.

В целом этот миф о Гранте Килберте никто не оспаривал. Его действительно воспитывал водопроводчик из Геттисберга по фамилии Килберт, Грант действительно был чрезвычайно одарен, бросил школу, вступил в ансамбль Хермана и стал знаменит еще до своего двадцатилетия. Однако некоторым друзьям (необязательно тем же самым, при которых Грант называл себя черным) он говорил, что Килберты — его приемные родители, и что пару раз они, рассердившись на него, упоминали, что он родился в бедности и пороке, и должен быть благодарен за ту возможность, что ему даровала судьба. В качестве главного источника этой версии выступает не кто иной, как Джон Хоуз, познакомившийся с Килбертом в ходе последнего тура «Джаз в филармониях», в котором участвовал.

«Весь тур Грант держался особняком, — рассказывал Хоуз биографу. — Он был выдающимся музыкантом, но никогда нельзя было предуга-

дать, что он может учудить. В плохом настроении он мог обругать старших музыкантов. Только к Шляпе он всегда относился почтительно, но Шляпа мог несколько дней ни с кем не общаться, и в эти дни Килберт не стремился обзавестись новыми друзьями. Он садился рядом со Шляпой в автобусе, рассказывал ему что-то, а тот лишь кивал в ответ. Очевидно, Шляпа испытывал к Килберту какую-то симпатию. В конце концов я остался едва ли не единственным, с кем Килберт нормально общался. Вечерами после концертов мы нередко посиживали в барах. Все свои ошибки он искупал своей блестящей игрой. Как-то раз он сказал, что был приемным ребенком, и не находил себе места, не зная, кто его настоящие родители. У него даже свидетельства о рождении не было. Его мать как-то намекнула, что один из его настоящих родителей был чернокожим, но от прямых вопросов она всегда уходила. Будучи белыми жителями Миссисипи, они хотели белого ребенка, и, если в его жилах текла хоть капля черной крови, они не хотели признавать этого — и даже сами старались об этом забыть.

Среди всех этих предположений есть место одному факту: Грант Килберт был ровно на одиннадцать лет моложе Шляпы. В джазовых

энциклопедиях датой его рождения указано первое ноября — весьма вероятно, день, когда его привезли приемным родителям в Геттисберг.

Я по-прежнему не берусь судить, видел ли Шляпа больше, чем рассказал мне, и узнал ли того мужчину, что вышел из хижины, где лежала окровавленная Эбби Монтгомери. Я не знаю, были ли у него причины бояться своего отца. Не знаю, верны ли мои предположения — их мне уже не подтвердить и не опровергнуть, — но мне кажется, теперь я понимаю, почему Шляпа не выходил на улицу хэллоуинскими вечерами. Он никогда не забывал ту историю, и в эти вечера переживал ее вновь. Слышал крики, видел лежащую в крови девушку и Мэри Рэндолф, глядящую на него с болью и гневом. Думаю, в глубине души он понимал, на кого на самом деле направлен этот гнев, и был вынужден запираться в гостиничном номере, заливая воспоминания джином, пока жуткие мысли наконец не покидали его.

Центральный парк — волшебное место. Это неоспоримый факт.

Делия Шерман
Центральный парк[32]

В детстве я никак не могла понять, почему деревья на тротуарах окружены железными оградами. Деревца были хилыми — это понимал даже городской ребенок вроде меня. Я ума не могла приложить, чем они заслужили свое заключение, и не опасно ли подходить к ним слишком близко.

Не смотрите на меня так, я ведь была совсем маленькой! Кажется, училась во втором классе. Мы с моей лучшей подругой постоянно это обсуждали. А еще то, почему сложно найти город на карте, если не знаешь, где он находится, и почему ребята из четвертого класса ржут над фамилией миссис Трахтенбергер.

Мою лучшую подругу звали (да и сейчас зовут) Галадриэль, но имена не выбирают; к тому же, так ее зовет только мама. Все остальные зовут ее Эльфийкой.

Так, о чем я… Деревья. Нью-Йорк. Я не забыла

---

[32] notes: 32

“Grand Central Park” © 2002 Delia Sherman. First publication: *The Green Man: Tales from the Mythic Forest*, eds. Ellen Datlow & Terri Windling (Viking).

сказать, что живу в Нью-Йорке? Так вот, я там живу. На Манхэттене, в Вест-Сайде, в паре кварталов от Центрального парка. Я всегда любила Центральный парк. Другой природы тут, на Манхэттене, не сыскать, да мне и не особо хочется. Здесь есть деревья, камни и цветы. Водятся дикие зверушки — например, белки и голуби. Они, конечно, городские, привычные к людям, но не ручные. Они осмотрительные. Вот скажите, сколько раздавленных белок вы видели на дорогах, пересекающих парк? А на пригородных улицах? То-то же.

Центральный парк — волшебное место. Это неоспоримый факт. Когда я достаточно выросла, чтобы гулять без маминого присмотра, то нашла себе место для игр — неподалеку от лодочной станции, в бухточке у утеса. Когда я играла там, передо мной простиралась блестящая, искрящаяся водная гладь — будто шелковое платье с блестками. За спиной возвышалась серая громада утеса, а прямо надо мной сгибалась плакучая ива, окуная в воду золотисто-зеленые волосы. Мне было слышно, но не видно, как люди неподалеку болтают, смеются и плещутся в воде. Зато поиграть со мной постоянно приходила фея.

Мама говорила, что подруга-фея у меня по-

явилась исключительно оттого, что я читала слишком много сказок и была в семье единственным ребенком. Но могу утверждать с уверенностью: если бы я ее выдумала, она была бы куда воспитаннее. Она была крохотной, с длинными стрекозиными крылышками, будто сделанными из пищевой пленки, и удивительно непоседливой. Когда мы играли в принцесс или Питера Пэна, ее хватало на пару минут. После этого ей все надоедало, и она принималась дергать меня за волосы, обзывать меня неуклюжей тупой человечишкой и болтать с ивой и камнями. Даже с бабочками общаться ей было скучно.

А когда мне стукнуло восемь, я перестала в нее верить. По крайней мере, больше я ее не видела, но мне в общем-то было все равно, ведь к тому времени я подружилась с Эльфийкой. Она меня не дразнила. Читать она любила, но в фей не верила. Чем старше мы становились, тем больше я радовалась нашей дружбе. В школе я ничем не выделялась. На уроках физкультуры всегда была последней, любила английский язык и литературу, так что меня определили в штатные ботаны. К тому же я носила очки и не могла похвастаться фигурой как у Кейт Мосс — если вы понимаете, о чем я. У меня всегда было несколько лишних

фунтов — а вот сколько именно, не ваше дело. Даже обедать в моей компании было небезопасно — вот Эльфийка и не обедала. Но мне было плевать; нам хватало времени после уроков.

Бухта была нашей базой. Там мы обсуждали, ненавидит ли учительница французского меня лично или всех людей вообще, и настолько ли крута Патти Грегг, как хочет казаться. Летом мы ходили босиком и болтали ногами в воде у ивовых корней.

Однажды мы как обычно сидели там. Это было в одиннадцатом классе; начался последний учебный год, и мы вовсю обсуждали парней. Точнее, Эльфийка рассказывала о своем парне, а я лишь кивала. Должно быть, я отвлеклась и задумалась о моей подруге-фее. Как там ее звали? Снежок? Пирожок? Что-то в этом духе.

Тут меня будто дернули за волосок на голове — в самом болезненном месте. Я вскрикнула и принялась тереть макушку.

— Комар, — объяснила я. — Так что сказал твой парень?

К моему удивлению, Эльфийка потеряла интерес к разговору. Она выглядела сосредоточенной и настороженной, словно подслушивала кого-то под дверью.

— Ты слышала? — прошептала она.

— Что? Что слышала?

— Тсс!

Я покорно прислушалась. Вода плескалась, где-то вдалеке скрипели уключины и привычно болтали и смеялись ньюйоркцы. Ветер в ветвях ивы шептал: «тсс, тсс!»

— Ничего не слышу, — сказала я.

— Тише! — огрызнулась Эльфийка. — Ты все пропустила. Вон там был какой-то хруст, — ее голубые глаза таращились на меня.

— Хватит морочить мне голову, — укоризненно сказала я. — Ты прочитала о женщине, которую ограбили в парке, и теперь хочешь меня напугать. Спасибо, подруга.

Эльфийка возмутилась.

— Ничего подобного! — она замерла, словно кошка, заметившая птичку. — Смотри!

Я навострила уши. Вокруг внезапно стало тихо. Даже ветер не колыхал ветви ивы. Эльфийка выдохнула.

— Боже! Не оборачивайся. Там какой-то мужик наблюдает за нами.

Мне вдруг стало зябко, словно тело поверило подруге прежде мозга.

— Эльфийка, честное слово, если ты врешь,

я тебя прибью! — я медленно проследила за ее взглядом. — Где? Никого не вижу.

— Я же сказала, не оборачивайся, — прошипела Эльфийка. — Он догадается, что его заметили.

— Если он не идиот, то уже догадался. Если он вообще там. Боже!

Тут я увидела — или решила, что увидела — чумазого небритого мужика в вязаной шапке с помпоном, выглядывающего из-за большого валуна. Спустя мгновение мне показалось, что это вовсе не человек, а чья-то забытая на кусте куртка, но сердце все равно заколотилось. Без лодки добраться в бухту было весьма непросто.

— Теперь видишь? — победно прошептала Эльфийка.

— Кажется, вижу.

— Что нам делать?

Вспоминая тот день, я так и не смогла понять, взаправду ли Эльфийка испугалась, или притворялась, развлекая себя таким образом. Как бы то ни было, меня она убедила. Если парень перекрывал нам дорогу, единственным путем из бухты оставался подъем по утесу. Моя физическая форма оставляла желать лучшего, я боялась высоты, но незнакомца боялась куда больше. Мы полезли. Я хорошо помню этот подъем, но рассказывать о

нем не хочу. Я думала, мне конец, и злилась на Эльфийку, считая случившееся ее виной. Если бы она не заметила незнакомца, то его бы там и не оказалось. Я вся взмокла от пота, очки сползали с переносицы и…

Нет, вот об этом я точно не стану упоминать. В конце концов Эльфийка взобралась на вершину утеса, растянулась на животе и помогла мне вскарабкаться.

— Живее, — тяжело выдохнула она. — Он прямо за тобой. Нет, не оборачивайся! Просто поторопись!

Можно подумать, у меня бы хватило смелости посмотреть вниз. Когда я добралась до вершины, то вконец выдохлась. Эльфийка не дала мне ни секунды, чтобы перевести дух: она потащила меня на тропинку и мы, спотыкаясь, побежали.

Лишь тогда я поняла, что происходит нечто необычное. Было два часа дня, стоял погожий осенний денек, еще и выходной, когда народу в парке обычно не меньше, чем на Таймс-сквер, но на пути нам никто не встретился. И бежала я будто на месте, как во сне.

Тут Эльфийка споткнулась и выпустила мою руку. Тропинка всколыхнулась и пропала. Пшик. Будто ее и не было.

Я не на шутку испугалась. Оглянулась и увидела, как тот мужик переваливается через утес. Шапка сползла, рожа в грязи, половины зубов нет. Даже не знаю, почему я не закричала — обычно мне сущей ерунды достаточно, чтобы закричать. Я просто повернулась и побежала.

Напоминаю: обычно в субботние дни в парке гуляет примерно сто пятьсот миллионов человек. Но хоть бы один попался навстречу! Тогда я была бы в безопасности, ведь при свидетелях меня не стали бы грабить. Но нет.

И вот я бегу, а мужик за мной. Слышно его дыхание, но не слышно шагов. Мы бежим уже бог знает сколько, места вокруг незнакомые — а значит, мы наверняка в дикой части парка, далеко от пруда, но ничего не поделаешь, на кону моя жизнь. Мне кажется, что мужик настигает меня, и меня так и подмывает оглянуться, остановиться и позволить ему меня схватить, но почему-то я не останавливаюсь. И тут я вспоминаю, как звали (и по-прежнему зовут) мою фею, и воплю во весь голос:

— Рожок! На помощь!

Вы наверняка подумали, что сейчас случится какое-нибудь волшебство. Вот и я тоже. Но ничего не произошло, и я разревелась. Задыхаясь, с

мокрыми от слез очками, я буквально вскочила на небольшой холмик и оказалась на открытой лужайке со скамейкой, окруженной деревьями. Напротив — низкая каменная стена и еще один гранитный утес, с которого придется катиться вниз мили полторы-две.

Мужик смеется низким, грудным смехом, и я наконец оборачиваюсь — сама не знаю, почему. Тут-то и начинаются главные странности. У мужика длинная морда, прямо под носом торчат острые зубы. Шапку он потерял, и мне видны его уши — серые, кожистые. Его кожа вовсе не грязная, а просто серая, как цементный раствор, и… насколько бы невозможным это ни казалось, передо мной натуральный, что называется, крысолюд. Я судорожно сглатываю, и он клацает зубами так, что искры летят.

— Костоглод! — кричит кто-то. — Стоять!

Я подскакиваю, оглядываюсь по сторонам и вижу рядом с крысолюдом прекрасную девушку. Сам крысолюд согнулся в поклоне, будто игрушечная шагающая пружинка, только что сапоги ей не облизывал. Сапоги у девушки зеленые, как и мини-юбка, топ из лайкры и подогнанная по фигуре кожаная куртка. Вся ее одежда — разных оттенков зеленого, от оливкового до травяного и

мшистого. Цвета сочные, естественные. И волосы у нее такие же — коричневато-зеленые, косичками спадающие на плечи и спину. Даже смуглая кожа девушки отливала зеленью.

Она прекрасна, но не похожа на фотомоделей и прочих знаменитостей. Она поистине роскошна. По сравнению с ней какая-нибудь Тейлор Свифт — пугало огородное.

— Что происходит? — спрашивает она крысолюда.

Голос у нее тоже прекрасный. С интонацией типичной уличной хулиганки, но одновременно шелестящий, как листва. Звучит глупо, но описать лучше я не могу.

— Играю-сссь, — отвечает он со вполне крысиным акцентом. — Забавляю-сссь. Она меня видела. Теперь она моя.

— Понятно, — задумчиво произносит зеленая девушка. — А ты слышал, как она звала Рожок?

Я издаю какой-то непонятный звук. Мне, конечно, хотелось вставить свои пару слов в разговор, но после длительной пробежки я запыхалась и была на грани истерики.

Уж не знаю, какие у старичка Костоглода представления об играх и развлечениях, но играть с ним мне совсем не хочется. Единственным спа-

сением мне видится Рожок, и я решаю разыграть эту карту.

— Да, — хриплю я. — Я и Рожок — давние подруги.

Зеленая девушка оборачивается ко мне, и я тут же жалею о том, что раскрыла рот. Вид у нее пугающий. Дело не в зеленых волосах и панковских шмотках, и даже не в примостившейся у нее на плече огромной белке и угнездившемся в волосах воробье. Просто она смотрела на меня так, будто я была сенбернаром, только что зачитавшим клятву верности, или еще какой диковиной.

— Интересно, какого мнения Рожок о вашей прекрасной дружбе, — говорит она. — Если подтвердит, что вы подруги — отлично. Если нет, то будешь играть с Костоглодом. Годится?

Ни капли не годится, но я молчу. Повисает тишина; мне слышится лишь отдаленный шум машин и паническое биение собственного сердца. Кажется, будто оно готово выпрыгнуть из груди.

Костоглод облизывается. Белка спускается с плеча зеленой девушки и удобно устраивается у нее на руках. Я даже не уверена, что это белка — она крупнее многих собак.

Я уже говорила, что до смерти напугана? Так

вот, я в жизни так не пугалась. И даже Костоглод тут был ни при чем, хотя его я тоже боялась.

Зеленая девица была куда страшнее. Одно дело любить феечек, читать книжки с иллюстрациями Брайана Фрауда[33], трижды ходить в кино на «Волшебную историю»[34] и глубоко сожалеть о том, что ты переросла свою подругу-фею. Но эта девушка ни капли не похожа на фей из книжек. Зеленая кожаная одежда и африканские косички? Что за чушь? А про мшистые глаза, белку на руках и воробья в волосах вместо заколки и говорить не приходится. Бредятина какая-то. Мне хочется сбежать отсюда и опять разреветься, но ничего хорошего мне это не сулит, так что я просто стою на ватных ногах и жду, пока появится Рожок.

Спустя некоторое время я чувствую, как меня тянут за волосы. Поднимаю руку, чтобы отмахнуться, но тут осознаю, что это Рожок таким образом говорит «привет». Так что мне приходит-

---

[33] notes: 33

Брайан Фрауд (р. 1947) — британский художник-иллюстратор, а также дизайнер костюмов к фильмам «Темный кристалл» (1982), «Лабиринт» (1986) и др.

[34] notes: 34

«Волшебная история» (1997) — фильм, основанный на мистификации о «Феях из Коттингли», якобы заснятых на фото двумя девочками, Элси Райт и Фрэнсис Гриффитс, в 1917–1921 гг.

ся сделать вид, будто ухо зачесалось. Раздается негромкий гудок, словно кто-то дунул в трубу. Это Рожок так смеется. Я тоже смеюсь — истерически.

— Ну что? — обращаюсь я к зеленой девице, белке-переростку и Костоглоду. — Мы с ней и правда знакомы!

Зеленая девушка протягивает руку, позволяя белке забраться обратно на плечо, и Рожок усаживается к ней на ладонь. Я помнила, что она выглядела маленькой девочкой, а теперь у нее вид подростка. Впрочем, у меня тоже.

Моя реакция девицу не интересует.

— Знаешь эту смертную? — спрашивает она Рожок.

Ее голос звучит по-иному — уже нет той интонации уличной хулиганки. Скорее, он теперь похож на голос моей мамы, когда она спрашивает, сделала ли я домашнее задание по математике. Рожок подпрыгивает.

— Ага. Еще как знаю. Точнее, знала, когда она была маленькой. Теперь она со мной знаться не хочет.

Сперва я чувствую облегчение, но тут зеленая девица буквально пронзает меня взглядом, и мне снова становится не по себе. Я выдавливаю

насквозь фальшивую улыбку. Рожок права. Я перестала с ней дружить, чтобы не давать лишнего повода для насмешек Пегги и другим ребятам из школы. Даже Эльфийка, которая терпит многие мои причуды, не любит, когда я рассказываю, как в детстве видела феечек.

— Ну, да. Прости. Мне очень жаль. Я не сомневалась в том, что ты настоящая. Просто надо мной все смеялись, — оправдываюсь я.

Зеленая девушка улыбается, и я не могу не отметить, что улыбка у нее красивая, светлая, будто солнечный блик на глади пруда.

— Толстушка так говорит лишь потому, что боится, как бы я не скормила ее Костоглоду, — замечает она.

Я обмираю. Рожок, которой уже надоело стоять, взлетает и дважды облетает полянку. Затем она снова гудит и дергает меня за волосы, после чего усаживается ко мне на плечо и говорит:

— Она ничего. Мне нравится ее дразнить.

— Так нечестно! — визжит Костоглод.

Зеленая девица разводит руками.

— Таковы правила, — говорит она крысолюду. — Рожок за нее поручилась, так что руки прочь, а то пообломаю. Проваливай, надоел уже.

Костоглод удаляется, бормоча что-то себе под

нос и хищно поглядывая на меня через плечо. Я рада, что он уходит. Мама постоянно боялась отпускать меня гулять одну, чтобы я не попалась таким, как он.

Как бы то ни было, от радости я принимаюсь болтать языком.

— Спасибо, Рожок! Огромное спасибо! Я перед тобой в долгу.

— Ага, — отвечает Рожок. — Это точно.

— И передо мной, — вставляет зеленая девушка.

Я не сразу понимаю, к чему она клонит, учитывая, что до появления Рожка она была вполне не прочь позволить Костоглоду со мной поиграть. Да еще и обзывалась по-всякому. С другой стороны, она наверняка какая-то большая шишка в волшебном мире, а сказки учат, что с большими шишками, которые используют птиц вместо заколок, а белок вместо украшений, шутки плохи. Так что я просто пожимаю плечами. Максимально вежливо.

— Думаю, семи месяцев будет достаточно, — рассуждает она. — Петь умеешь? Я в последнее время тащусь по сальсе, но регги, да и джаз тоже сойдут.

У меня отвисает челюсть. Семь месяцев? Она

спятила? Родители прибьют меня, если я на семь месяцев пропаду из дома.

— Нет? — голос девушки звучит еще прекраснее, чем прежде. Он журчит, как ручей, шелестит, как листва на ветру. Ее глаза сверкают, как солнечные лучи. Она настолько сногсшибательна, что я пропускаю половину сказанного ей мимо ушей.

— Я не умею петь, — отвечаю я.

— А танцевать?

Я мотаю головой.

— А что тогда ты умеешь?

Что ж, на это я могу ответить.

— Ничего. Пользы от меня никакой. Спросите хоть мою учительницу французского. Или маму.

Прекрасное лицо девушки становится каменным.

— Я только Костоглоду запретила с тобой играть. Но у него куча братьев и сестер — придется тебе их развлекать.

Знаете, как бывает, когда от страха полностью перестаешь соображать? Так и получилось. Вот я ей и говорю:

— Вы сами сказали, что Рожок за меня в ответе. Хватит творить беспредел, пусть вы хоть сама королева фей!

Я чувствую, что тут мне и придет конец, но девица принимается хохотать, как потерпевшая. Она ржет и ржет, а я злюсь и злюсь, не понимая, чего такого смешного сказала. Тут я замечаю, что она становится ниже и шире в плечах, а ее кожа темнеет. На шее у нее появляется шарф, а платье меняется на домашнее, чулки сползают до икр, а в руке откуда ни возьмись возникает сигарета. Наконец она восклицает:

— Королева фей? Бугага! Мать моя женщина! Ну ты и сказанула.

Теперь ее голос звучит, как у какой-нибудь тетушки Иды из Бронкса.

— Королева… слушай, девчуля, мы с тобой больше не в Старом Свете. Мы в Нью-Йорке, — она произносит название города с типичным акцентом, «Ну-Йок». — В Нью-Йорке, С.Ш.А. Откуда тут королевы?

Я чувствую, что вот-вот дойду до ручки. Кто знает, что она еще вытворит? Вдруг превратит меня в голубя или еще что. Надо как-то сдерживаться. В конце концов, я столько лет читала книжки о феях. Сказки, фэнтезийные романы, всякую эзотерику — все, что в руки попадалось. Я в вопросах фей подкована. Буду держать себя в руках — как-нибудь выпутаюсь.

— А-ха-ха, — смеюсь я. — Как бы не так. То-то крысолюд вам по первому слову повиновался. Можете звать себя хоть мэром Центрального парка, но королевой чертовых фей вы от этого быть не перестанете.

Девица быстро возвращается к прежним кожаным шмоткам и косичкам.

— Так-так, толстушка. Думаешь, ты теперь пуп земли?

Я пожимаю плечами.

— Слушай сюда. Я считаю, что ты передо мной в долгу, а ты считаешь, что нет. Я могла бы заставить тебя отплатить, но не буду, — она лениво разваливается на скамейке. Белка соскакивает с плеча и прячется на дереве. — Что ж, садись, отдышись, глотни вот.

Она сует мне — что бы вы подумали? Банку диетической колы! Понятия не имею, откуда эта банка взялась, но крышка щелкает, кола пузырится, и я понимаю, что мне до смерти хочется пить. Моя рука тянется к банке, но тут я кое-что вспоминаю.

— Нет, — говорю я, — спасибо.

Девушка обижается.

— Правда? Но она же холодненькая, все дела.

Она снова протягивает банку. Во рту у меня

пересохло похлеще, чем в Сахаре, но одно я знаю наверняка: не бери ничего у фей, если хочешь потом вернуться домой.

— Правда, — отвечаю я. — Оставьте себе.

— Ну блин, — сокрушается девица. — Начиталась сказок и теперь думаешь, что все знаешь? Что теперь, попросишь исполнить три желания или дать тебе горшок с золотом? Ну валяй, проси.

Вот так бы сразу. Этим меня врасплох не застанешь. Свои три желания я еще в шестом классе придумала — на случай, если когда-нибудь встречу фею, способную их исполнить. Желания у меня продуманные, основанные на тщательном исследовании вопроса. Основные правила таковы: ни в коем случае не проси больше желаний и даже не думай просить денег — наутро они превратятся в собачье дерьмо. Безопаснее всего просить что-нибудь, что поможет тебе приносить пользу окружающим, ну и пару вещей для себя. Я остановилась на доброте, идеальной памяти и зрении. О лазерной коррекции я тогда еще не слышала. Я уже готова озвучить свои желания (разве что вместо идеального зрения попросить идеальную фигуру), и тут понимаю, что все как-то подозрительно просто. Королева поглядывает

на меня с довольным видом, словно никакая толстая зазнайка не обводила ее вокруг пальца. Я вообще не сделала ничего, чтобы заслужить три желания.

Я просто отказалась от диетической колы.

— Если подумать, то я воздержусь, — говорю я. — Можно мне домой?

Вот тут-то она и выходит из себя. Нет, она не пускает пар из ноздрей, но ее глаза искрят как фейерверк на День независимости, а косички встают дыбом и изгибаются, будто змеи. Воробей испуганно чирикает и улетает в кусты.

— Вот так так! Какая удача, — рычит зеленая девица. — А ты вовсе не так тупа, как кажешься. Впрочем, есть в этом свой плюс, — ее волосы медленно опускаются. — Скучно побеждать, когда в победе нет сомнений.

Мне сложно судить — я редко кого-то побеждаю. Да и мне, в сущности, все равно. Но не в этот раз. Сейчас на кону больше, чем моя отсутствующая самооценка. Я рада, что королева считает меня дурочкой. Так наши шансы уравниваются.

— Знаете что? — говорю я. — Давайте сыграем на мою свободу.

— Идет, — соглашается фея, — но выбирать игру буду я. Во что же нам сыграть? — она от-

кидывается на скамейку и устремляет взгляд в небо. — По традиции, конечно, полагается загадывать загадки, но самые известные любой дурак знает. Что такое — зеленое, лысое, и прыгает? Лягушка? Солдат на дискотеке? Я вас умоляю. Короче, загадки — скука смертная. Давай лучше в «Скажи или покажи»?

— Ненавижу эту игру, — честно отвечаю я. Играла в нее единственный раз, и при этом чувствовала себя так, будто загорала нагишом.

— Правда? А я просто обожаю. Решено, играем. Правила такие: задаем друг другу личные вопросы, и первый, кто откажется отвечать, проигрывает. Идет?

Честной игрой здесь и не пахнет. Откуда мне знать, на какой вопрос королеве фей может быть стыдно ответить? С другой стороны, откуда существу, компанию которому составляют феи, белки и крысолюды, много знать о людях? Да и выбора у меня нет.

— Ладно, — развожу руками я.

— Отлично! Чур я первая!

Кто бы сомневался, она же королева Центрального парка. А я сразу знаю, что она спросит — ей и думать не надо.

— Так сколько ты на самом деле весишь?

Уясните раз и навсегда — никто не знает, сколько я вешу. Даже Эльфийка с моей мамой. Только я, мой врач и школьная медсестра. Я всегда говорю, что лучше умру, чем скажу кому-то еще. Но жить семь месяцев в Центральном парке мне совершенно не хочется, и я легко отвечаю на этот вопрос. Даже добавляю лишний фунт за хот-дог и мороженое, которые съела на лодочной станции.

— Бугага! — восклицает фея. — Как можно столько жрать?

Ее комментарий меня рассердил, но слышать подобное мне не впервой. Я злюсь, но не настолько, чтобы потерять самообладание, на что она, безусловно, рассчитывала. Я перебираю в уме различные вопросы, но идей у меня не слишком много. Королева нетерпеливо постукивает о скамейку ногой в зеленом сапоге. Мне пора задавать вопрос, и в конце концов я спрашиваю:

— Что вы забыли в Центральном парке? Для фей есть куда более подходящие места. Хотя бы Уайт-Плейнс[35].

По мне это совершенно нормальный вопрос, но

[35] notes: 35

Город в штате Нью-Йорк, административный центр округа Уэстчестер. Когда-то вокруг поселения росли пихтовые рощи, но в наше время город подвергся массовой застройке.

фея так не считает.

— Это не личный вопрос. Я победила, — говорит она.

— Куда уж личнее? То, где человек живет — личная информация. Либо отвечайте, либо отпустите меня домой.

— А упорства тебе не занимать. Ладно. Центральный парк — самое сердце города. Людей здесь полно, как на Центральном вокзале. Вот только здесь они никуда не торопятся — отдыхают, играют, целуются на травке, шушукаются, плачут, ругаются. Эта земля пропитана любовью, ненавистью, печалью и страстью. Мне это нравится. Меня это увлекает.

Ого. Я пялюсь на нее, заново переосмысливая свои представления о феях. Но не успеваю, потому что она продолжает:

— Ты думаешь, нам ничего о тебе не известно. Как же ты неправа! Мне известно все, что нужно. Например, какие вопросы будут у тебя на тесте по биологии на следующей неделе. Знаю самую заветную тайну Патти Грегг. Я даже знаю, кто твоя настоящая мать, бросившая тебя сразу после рождения, — выражение лица у феи сейчас такое же, какое было у брата Эльфийки, когда он стащил эротический журнал. — Хочешь, расскажу?

Вопрос становится для меня полнейшей неожиданностью, но он весьма личный. И простой. Конечно, мне хочется обо всем этом узнать, особенно о матери.

Мне хочется этого больше всего на свете. Нет, мои родители — нормальные люди, они любят меня и все такое, но не слишком понимают. Я всегда чувствовала себя приемной, подменышем в человеческой семье — не знаю, как еще объяснить. Я бы все отдала, чтобы узнать, кто моя настоящая мать, как она выглядит и почему отказалась от меня. Выходит, нужно ответить «да»? Это честный ответ на вопрос зеленой девушки, а следовательно, все по правилам.

На моем плече что-то шевелится, и я чувствую, как меня щиплют за ухо. Я совсем забыла, что у меня на плече Рожок — она сидела непривычно тихо.

Неужели я что-то упустила? Что-то очень простое? Конечно, мне хочется знать, кто меня родил, но дело не только в этом. Если подумать, я не хочу, чтобы мне об этом рассказывала какая-то зеленая девица. Это неправильно — узнавать столь важные вещи от того, кто не желает тебе добра.

— Отвечай, — командует фея. — Или сдавайся. Мне скучно.

Я делаю глубокий вдох.

— Не беги впереди паровоза. Мне нужно было собраться с мыслями. Ответ: и да, и нет. Мне хочется узнать, кто моя настоящая мама, но я не хочу услышать это от вас. Это не ваше дело. Я сама все выясню. Годится?

Фея сдержанно кивает.

— Годится. Твоя очередь.

Я вижу, что она не даст мне много времени на раздумья. Ей хочется победить. Она рассчитывает вывести меня из себя, чтобы я не смогла придумать вопрос, на который у нее не найдется ответа, чтобы я не вспомнила самое очевидное — если, конечно, книжки, что я читала, не лгут.

— Как ваше имя? — спрашиваю я.

Это же очевидно, так? Неужели она считает меня настолько тупой? Впрочем, судя по выражению ее лица, это действительно так.

— Угадай, — отговаривается фея.

— Это из другой сказки, — парирую я. — Говорите, а то проиграете.

— Ты хоть понимаешь, что спрашиваешь?

— Конечно.

Наступает продолжительная пауза. Тишина стоит такая, что кажется, будто птицы больше никогда не запоют, белки не зацокают, а ветер

не подует. Зеленая девушка сует в рот пальцы и принимается кусать ногти. Я внутренне торжествую. Она понимает, что я победила независимо от ее ответа. Если она выдаст свое имя, я получу над ней власть, а если нет, то она проиграет игру. Я точно знаю, что выбрала бы на ее месте, но фея, судя по всему, ненавидит проигрывать.

Видя, как она потеет над ответом, я мысленно обзываю ее всеми известными мне ругательствами. На моем месте она не постеснялась бы произнести их вслух, но я этого не делаю. Нет, я вовсе не Мать Тереза, и вполне могу нахамить без всяких сожалений. Но если она взбесится, то вполне может превратить меня в голубя, как грозилась.

К тому же она вдруг стала выглядеть абсолютно по-человечески — нервничает, кусает ногти, будто это ей грозит семь месяцев быть у фей на посылках. Пока она побеждала, выглядела лет на двадцать — красивая, крутая, опасная, властная. Теперь она словно подросток, и от былой крутизны не осталось и следа.

А вдруг в случае поражения ей действительно придется семь месяцев служить мне? Может, я и правда не осознаю, что спрашиваю? Может, на кону больше, чем мне известно? Тихое по-

скуливание под ухом подсказывает, что Рожок весьма расстроена. От чувства собственного превосходства не остается и следа. Мне уже не настолько радостно побеждать королеву фей в дурацкой игре.

Заканчивалась бы она поскорее.

— Послушайте, — говорю я, и зеленая девушка поднимает на меня взгляд. Ее большие мшистые глаза блестят от слез.

Я перевожу дух.

— Давайте закончим игру.

— Нельзя, — грустно отвечает она. — Раз начали, надо доиграть до конца. Таковы правила.

— Хорошо, тогда просто объявим ничью и будем считать, что доиграли. Не надо отвечать на мой вопрос. Пускай не будет ни победителей, ни проигравших. Переиграем все заново.

— Заново — это с какого момента? С того, как за тобой гнался Костоглод? Раз я тебе помогла, тебе все равно придется платить.

Я задумываюсь, и фея мне не мешает.

— Ладно, — соображаю я. — Давайте так. У вас затруднения с ответом. Я снимаю вопрос и освобождаю вас от ответа, как вы освободили меня от игры с Костоглодом. Мы квиты.

Фея вытаскивает пальцы изо рта и закусывает

губу. Смотрит то в небо, то озирается вокруг. Дергает себя за косички, затем улыбается. Смеется. Смех не ехидный, не высокомерный, а искренний и счастливый, как у играющего в снежки ребенка.

— Ну и дела, — произносит она теплым, мягким голосом. — Ты права. Круто.

— Отлично, — говорю я. — А теперь мне можно идти?

— Еще минутку.

Фея склоняет голову и улыбается мне во весь рот. Я не сдерживаюсь и улыбаюсь в ответ. Внезапно мне становится тепло и уютно, словно я греюсь на камушке под солнцем и рассказываю истории Эльфийке.

— Да, — говорит фея, будто прочитав мои мысли. — Я слышу. Ты интересно рассказываешь. Надо бы тебе записывать твои истории. А что касается твоих желаний — слишком они простые, слишком… человеческие. Не по моей части. К тому же у тебя уже все это есть. Ты помнишь все необходимое, ты четко видишь, и ты в целом добра. Но без подарка я тебя все равно не отпущу, — она тычет пальцем в свою коричневато-зеленую щеку. — Придумала. Ты готова?

— Хорошо, — говорю я. — А что за подарок?

— Сюрприз, — отвечает фея. — Но тебе понравится, зуб даю.

Она встает, и я встаю. Рожок взлетает с моего плеча и усаживается среди коричнево-зеленых косичек феи заколкой-бабочкой. Тогда королева нью-йоркских фей склоняется и целует меня в лоб. На привычный поцелуй это не похоже — больше на легкое дуновение ветерка. Следом фея прикасается пальцем к моим губам и исчезает.

— Вот ты где! — кричит запыхавшаяся, раскрасневшаяся Эльфийка. Ее волосы растрепались, а в куртке зияет прореха. — Я тебя везде обыскалась! Испугалась до чертиков! Ты как будто сквозь землю провалилась!

— Заблудилась, — ответила я. — Не волнуйся, присядь. Выглядишь ужасно.

— Ну спасибо, подруга, — Эльфийка присела на скамейку. — Что с тобой случилось?

Мне хотелось ей рассказать, честное слово. Она ведь моя лучшая подруга, и я ничего от нее не скрываю. Но встреча с королевой фей — другое дело. Я еще чувствовала теплый, как лучик солнца, поцелуй на лбу и прохладное прикосновение пальца к губам. Поэтому я просто опустила голову и посмотрела на свои руки. После карабкания по холму они были грязнющими, один ноготь

сломался.

— Ты цела? — обеспокоенно спросила Эльфийка. — Тот мужик тебя не догнал? Не стоило нам туда ходить.

Она всерьез расстроилась.

— Эльфийка, все хорошо. Я от него убежала. Не переживай.

— Точно?

Я посмотрела на нее со всей возможной уверенностью, чтобы придать убедительности своим словам.

— Точно.

Это было правдой.

— Ну ладно, — неохотно произнесла она. — А то я переволновалась. — Эльфийка взглянула на часы. — Вроде бы не так много времени прошло, но мне казалось, что тебя целую вечность не было.

— Да уж, — согласилась я. — Сейчас бы попить бы чего-нибудь.

Вот, в общем-то, и все. Дальше мы пошли в кофейню на Коламбус-авеню, выпили кофе с черничным пирогом и поболтали. Я рассказала Эльфийке о том, что приемная, и о желании разыскать настоящую мать. Она сперва рассердилась на меня за то, что я не рассказала ей об этом раньше, но потом успокоилась и поддержала

меня. Даже прослезилась. Я же говорила, что она хорошая подруга! А потом я пошла домой.

Так в чем же мораль этой истории? Если вам интересно, то моя жизнь не изменилась в один миг. Мне по-прежнему надо похудеть, я все равно вынуждена носить очки, и меня все так же ненавидят популярные ребята из школы. Но теперь Эльфийка садится со мной за обедом, и мы познакомились с парой других девочек, которым интересно фэнтези и все такое. Так что я больше не изгой. Я стала записывать истории, которые сочиняю. Эльфийке они нравятся, но на то она и подруга. Может, когда-нибудь я осмелею и покажу их учительнице литературы. А еще я поговорила с мамой насчет поисков моей настоящей матери, и она сказала, что лучше мне подождать до окончания школы. Я согласилась. По правде говоря, мне вовсе необязательно искать ее прямо сейчас — главное знать, что у меня есть такая возможность.

А что с подарком зеленой королевы, спросите вы? Он странный. У меня открылась возможность видеть фей.

На днях я видела девочку — худенькую блондинку в белом гимнастическом трико и расстегнутых джинсах, закатанных по щиколотку. Она

была похожа на синий цветок с белым пестиком.

Чокнутая? Нет, фея. Как и чернокожий старик в ярком синем костюме и берете, расшитом бабочками, и таких же туфлях. И укутанный в огромную шубу паренек-азиат с волосами до задницы. И лупоглазая дама с пышной светлой шевелюрой, встреченная мной в Верхнем Ист-Сайде. Она вела на поводке со стразами мохнатую собаку и, представьте себе, собака тоже была феей!

А помните деревья на тротуарах? Теперь я про них все знаю. Нет, вам я не скажу. Это секрет. Если вам непременно хочется знать, придется самим разыскать королеву Центрального парка и что-нибудь ей подарить. Или сыграть с ней в игру.

Да, и передавайте от меня привет Костоглоду.

Если вы хотите встретить фей, то Центральный парк — не единственное место в Нью-Йорке, где они обитают.

Холли Блэк
Страна, желанная сердцу[36]

Если вы хотите встретить настоящих фей – настоящих ши, – то приходите в кафе «Луна в чашке» на Манхэттене. Волшебные существа ходят туда толпами. Вы можете распознать их по заостренным ушам (феи слишком надменны, чтобы утруждать себя и скрываться под чарами) и по их нечеловеческой грации. Вы также сможете заметить, что кафе предлагает им особое меню – крапивные и наперстянковые чаи и сладости из крестовника. Напоминание: наперстянка ядовита для человека, поэтому не пробуйте ее сами!

Пост пользователя stoneneil на www.realfairies.com/forums

Могущественные феи и эльфы зачастую бродят среди нас. Даже там, где смердит холодным

---

[36] notes: 36

"The Land of Heart's Desire" © 2010 Holly Black. First publication: *The Poison Eaters and Other Stories* (Big Mouth House).

железом, в крошечных квартирках, где в одной комнате спят сразу три девушки. Феи, в конце концов, любят нарушать запреты и пересекать границы — туда и обратно.

Когда Рат Ройбен Рай, Повелитель Неблагого двора и Прочих мест, приходит навестить Кайю, та вытаскивает матрас на середину комнаты, чтобы они могли разговаривать до рассвета без риска разбудить остальных. Кайя тоже не человек, пусть и воспитывалась среди людей. Иногда Ройбену кажется, что в ней куда больше человеческого, чем в остальных городских жителях. По утрам ее подругам Рут и Вэл (если только последняя не ночевала у своего парня), а также Корни (который спит в гардеробе, пусть и зовет его «спальней») приходится через них переступать. Вэл мелет кофе и заваривает его с большим количеством корицы. Год назад она побрила голову, и теперь ее рыжие волосы отросли достаточно, чтобы начать завиваться.

Кайя смеется, пьет из битой кружки и гладит Ройбена длинными зелеными пальцами. В эти минуты ее запах перебивает даже самый стойкий запах железа, и Ройбен чувствует себя заново родившимся.

Как-то летом Ройбен прикинулся человеком

и отправился в «Луну в чашке», надеясь, что смена Кайи скоро закончится. Он рассчитывал прогуляться с ней по Риверсайд-парку, разглядывая отражения света на водной глади и грызя соленые орешки. Все, что она пожелает. Воспоминания о ней поддерживали его все время, пока он пребывал в своих владениях.

Он вошел в кафе сразу после заката; полы его черного пальто вороновыми крыльями трепыхались у лодыжек. Кайи не было. Кофейня была полна смертных. За стойкой суетился Корни, позвякивая чашками горячего дымящегося эспрессо.

Интерьер кафе был украшен предметами, найденными Кайей и ее друзьями на свалках и купленными на барахолках. Маленькие деревянные столики были декорированы открытками, нотными листами и страницами старых энциклопедий. Стулья выкрашены золотой краской. На стенах — любительские картины в рамах из металлолома.

Даже чашки были разными. Бок о бок на блюдцах стояли и деликатные фарфоровые чашечки, и кружки со слоганами давно почивших фирм.

Посетители оценивающе смотрели на Ройбена, пока он шел через зал. Его отражение на

поверхности блестящей кофемашины выглядело как обычно. Белые волосы зачесаны назад, глаза — цвета серебряных ложек.

Он подумал, что надо бы сменить имидж.

— Где она? — требовательно спросил он.

— Ишь, раскомандовался! — ответил Корни, пытаясь перекричать машину. — Будь ты хоть трижды король, придется попридержать свои похотливые желания. Не знаю я, где твоя Кайя. Должна была быть здесь, но не явилась.

Ройбен едва сдержался, чтобы не выхватить шпагу.

— Ладно, прости, — поспешил извиниться Корни, потирая лицо рукой. — Глупая шутка вышла. Вэл сказала, что поможет, но тоже не пришла, а Луис с кем-то занимается вот уже несколько часов — а еще бойфренд называется! Да и мои деловые начинания, кажется, потерпели крах. А теперь еще ты вваливаешься и как обычно… как обычно…

— Можно мне заварить немного крапивного чая, чтобы скоротать время? — перебил его Ройбен, хмурясь. — Я знаю, где он у вас хранится. Сам справлюсь.

— Не получится, — махнул рукой Корни. — То есть я тебе не запрещаю, просто он кончился.

Весь выпили. Не знаю, где еще достать.

За барной стойкой царил беспорядок. Ройбен подобрал с пола осколки чашки и нахмурился еще сильнее.

— Что тут творится? С каких пор у смертных появился вкус к…

— Простите, — перебила его девушка с волосами, выкрашенными в винный оттенок, — а вы человек?

Ройбен замер от неожиданности, едва не порезавшись острыми осколками.

— Я не уверен, что правильно вас понял, — произнес он, осторожно складывая осколки на столешницу.

— Вы ведь один из них? Я так и знала! — девушка расплылась в улыбке и бросила взгляд в сторону столика, за которым сидело полно таких же улыбающихся до ушей людей. — А вы умеете исполнять желания?

Ройбен взглянул на кипятящего молоко Корни.

— Корнелиус, — тихо произнес он, — на минуточку.

Корни обернулся.

— Обещаю, что стану вежливее, если ты, как бойфренд моей лучшей подруги, согласишься оказать мне услугу и примешь заказ. Я буду очень

вежливым.

Ройбен нажал кнопку на кассовом аппарате.

— Лучше пообещай, что будешь бояться меня, как положено.

— Я завидую тому, чего боюсь, и презираю то, чему завидую, — ответил Корни, ставя на стойку чашку латте со льдом. — Чем сильнее я боюсь, тем больше веду себя как говнюк.

— Чего изволите? — спросил Ройбен девушку. — Если отбросить в сторону желания, разумеется.

— Соевое мокко, — сказала девушка. — Но мне так о многом хочется вас расспросить!

Ройбен взглянул на нацарапанное мелом на доске меню.

— Сначала расплатитесь.

Девушка отсчитала несколько банкнот, и Ройбен взял деньги, растерянно глядя на кассу. Он наугад нажал несколько кнопок и, к его счастью, выдвижной ящик открылся. Ройбен внимательно сосчитал сдачу и передал девушке.

— Надеюсь, ты ей не листьями и желудями сдачу дал? — сказал Корни. — Кайя постоянно так делает, а это плохо для бизнеса.

— Так и знала! — воскликнула девушка.

— Я ничего не колдовал, — ответил Ройбен. — И болтовня также плоха для бизнеса.

Корни выдавил в чашку немного сиропа.

— Помнишь, как я собирался привлечь в «Луну в чашке» больше посетителей?

Ройбен скрестил руки на груди.

— Ну?

— Я написал где-то в интернете, что здесь с большой вероятностью можно встретить сверхъестественных существ.

Ройбен прищурился и сокрушенно покачал головой.

— Ты сказал, что кофейня Кайи проклята?

Девушка взяла со стойки свой мокко.

— Он сказал, что сюда ходят феи. Настоящие, которые пляшут в грибных кругах и…

— Вот оно что! — прорычал Ройбен. — Прямо так и сказал?

Корни никому не хотел завидовать. Не хотел гадать, когда надоест Луису. Луис шел вверх по карьерной лестнице, а Корни по-прежнему помогал Кайе в «Луне в чашке», потому что попросту ничего больше не умел.

Кайя управляла кофейней как настоящая пикси. Твердого расписания не было — иногда они открывались в четыре часа дня, иногда ранним утром.

Когда Кайя сама обслуживала посетителей,

нередко случались казусы. Вместо заказанного капучино она могла подать чай, а сдача нередко превращалась в листья и золу.

Ситуация понемногу наладилась, когда «Луна в чашке» стала общим делом. Вэл и Рут работали здесь в свободное от занятий время, а Корни даже наладил вай-фай.

А Луис, который жил в университетском общежитии и одновременно получал два высших медицинских образования, регулярно приходил сюда и печатал свои длинные научные труды, создавая таким образом видимость наличия клиентов. Но Корни прекрасно понимал, что так не могло продолжаться долго.

Благополучие было шатким — у всех было слишком много других дел. Поэтому Корни решил разместить в Сети рекламу, и вот уже неделю от посетителей в кафе не было отбоя. Он едва успевал наполнять чашки. Он не был ни в чем виноват. У других не было права на него злиться.

Ему необходимо было чем-то себя занимать, иначе он не мог справиться с гнетущим чувством страха.

Ройбен выслушал сбивчивое объяснение Корни вполуха. Затем он заварил себе чаю и уселся за отдельный столик. На поверхности стола кольцами

отпечатались следы многочисленных чашек, и от малейшей тяжести стол принимался угрожающе пошатываться. За неимением крапивы Ройбен приготовил себе чай из наперстянки — крепкий, горький. Он сделал глоток.

Пока Корни объяснялся, появилась бледная, запыхавшаяся Вэл, и тут же взялась за швабру. Закончив уборку, она уединилась с Корни за стойкой. Теперь они о чем-то перешептывались; Вэл качала головой.

Феи много веков хранили свое существование в тайне. Рекламное сообщение Корни наверняка не осталось незамеченным, и Ройбен понимал, что лишь его, короля Неблагого двора, защита уберегает Корни от расправы. Он понимал это и негодовал.

Он не обещал ему вечную защиту. В любой момент он мог от нее отречься — это было бы нетрудно и даже справедливо.

Пока Ройбен размышлял, рядом раздался громкий женский голос, окончательно выведший его из себя.

— Знаете, моя семья всегда была близка с феями. Они даже похитили мою прапрапрапрабабку!

Ройбен не понимал, почему смертных так влекут страдания, что они сочиняют про себя

бредовые драматические сказки? Почему вместо этого не рассказывают, что их бабушка умерла старой, толстой, в окружении пары десятков детей и внуков?

— Правда? — изумилась подруга женщины. — Как Роберта Кирка?[37]

— Именно, — подтвердила женщина. — Разве что бабуля Кларабель не имела привычки шастать по курганам и жила прямо здесь, в Нью-Йорке. Ее забрали прямо из постели! Ее ребенок родился мертвым, и священник не успел ее окрестить. Повесить над порогом железо тоже забыли.

Ройбен вынужден был признать, что иногда такое случалось.

— Ох, — покачала головой подруга женщины. — Мы давно уже перестали защищаться, ни железом, ни солью не пользуемся.

Клара. На мгновение Ройбен и думать забыл о Корни и его преступлении. Он знал это имя. И несмотря на то, что в его мир попадали десятки Клар, понял, что женщина говорит правду. Он

---

[37] notes: 37

Роберт Кирк (1644–1692) — шотландский церковный деятель, ученый и фольклорист, автор монументального труда «Тайный союз эльфов и фей». Умер при невыясненных обстоятельствах. Его тело было найдено на так называемом «холме фей», что породило легенду о том, что на самом деле Кирк отправился служить королеве фей.

знал эту историю, и устыдился того, что сперва счел рассказ женщины глупой байкой. Даже глупцы бывают правдивы, а если взглянуть на ход истории, то прежде всего глупцы и правдивы.

— Прошу прощения, — Ройбен развернулся вместе со стулом, — я случайно услышал ваш разговор.

— Вы верите в фей? — весьма благожелательно отреагировала женщина.

— Вынужден в них верить, — поразмыслив, ответил Ройбен. — Можно спросить у вас кое-что о Кларе?

— Я — сколько-то там раз ее внучатая племянница, — ответила женщина с улыбкой. — Меня даже назвали в ее честь. Кларабелла. Точнее, это мое второе имя, но мне оно все равно…

— Приятно познакомиться, — перебил ее Ройбен, протягивая руку. — Вы знаете, когда именно пропала эта ваша бабушка Клара?

— Веке в восемнадцатом, полагаю, — охотно ответила женщина, но тут же умолкла и взглянула на Ройбена с подозрением. От улыбки не осталось и следа. — А в чем дело?

— У нее было двое детей? — легкомысленно спросил Ройбен. — Роберт и Мэри?

— А вы откуда знаете? — едва не вскрикнула

Кларабелла.

— Если б я знал, то не спрашивал бы, — ответил Ройбен.

— Но вы же… как вы угадали?..

Теперь все посетители кафе уставились на них. Ройбен заметил у дверей гоблина, облизывавшего испачканные шоколадом пальцы. Подруга Кларабеллы потянула ее за руку.

— Да он сам из них, — прошептала она. — Осторожнее, а то он и тебя похитит.

Ройбен усмехнулся, но смех вышел сдавленный, болезненный.

На Благом дворе стоит вечное лето — неизменное, как сами феи. На деревьях вечно зреют золотистые плоды, цветущая лоза обвивает деревянную черепицу крыш, усыпая ее дождем из лепестков.

Ройбен помнил свое детство; он рос праздным, беззаботным ребенком. Они с сестрой Этиной жили вдали от родителей и были привязаны к ним не больше, чем к небу, в котором не было солнца, или к кругам, оставляемым на воде бледными рыбами.

Они развлекались, как могли. Препарировали кузнечиков, обрывали крылья мотылькам и пришивали их лягушкам, чтобы проверить, смогут

ли лягушки летать. А когда уставали, то звали свою няню Клару. У нее были волосы торфяного оттенка и зеленые, словно омуты, глаза. В минуты просветления она проклинала своих хозяев-фей, никогда не забывая, что была отнята у своих собственных детей, чтобы присматривать за двумя бездушными дьяволятами. Когда Этина с Ройбеном дрались за право сидеть у нее на коленях, она прогоняла их обоих. Когда они подшучивали над ее привычкой молиться по вечерам, она пугала их страшилками о судном дне, рассказывая, как будет трещать их кожа и шкворчать их мясо, когда они будут поджариваться в аду.

Но в целом она была добра к ним. Она учила их песням, шутливо гонялась за ними по лугам. Играла с ними в «волков и овец» желудями на земле, в шарады и фанты, а также в обруч — только вместо обруча у них была подкова, а палка была вырезана из ветви плакучей ивы. После игр Клара вытирала их грязные щеки своим смоченным в родниковой воде платком и устраивала им кроватки во мху.

Потом она целовала их и желала спокойной ночи, но звала их Робертом и Мэри — по именам своих навсегда утраченных детей. Чары, наложенные на Клару, заставляли ее думать, что дети

фей — ее родные.

Тогда Ройбен не жалел Клару — пусть и находил ее достойной жалости. Они с Этиной были столь малы, что их привязанность к няне выражалась постоянной борьбой за ее симпатию. Они терпеть не могли, когда она звала их чужими именами, и в отместку щипались или прятались, доводя женщину до слез.

Как-то раз Этина сказала, что знает средство, чтобы заставить Клару навсегда забыть о Роберте и Мэри. По ее указке Ройбен набрал грибов.

Он и подумать не мог, что полезная для него еда могла отравить Клару. Они убили ее по неосторожности, с такой же легкостью, как отрывали крылья мотылькам или протыкали кузнечиков. Их мать-фея лишь посмеялась их глупости и устроила Кларе пышные похороны. Этина сплела для покойницы венок; они оба измазались в грязи, но некому больше было вытереть им щеки.

И пусть похороны были чудесными, во многом благодаря редкому появлению их матери, Ройбен никак не мог забыть, как смотрела на него умирающая Клара. Словно она взаправду любила своих чудовищных детей, и лишь перед смертью пожалела об этом. Этот взгляд был ему знаком — он давно принимал его за любящий, но лишь

теперь увидел в нем ненависть.

Корни предоставил Вэл кипятить молоко и собрался домой. Почти все клиенты разошлись, и через час-другой кафе можно будет закрывать. Он устал настолько, что готов был забраться в постель сию минуту, забыв о мучивших его мыслях.

Но тут Корни заметил, что Ройбен смотрит на одну из посетительниц так, будто собирается оторвать ей голову. Он понятия не имел, что такого могла сказать женщина, но по выражению лица девушки по соседству понял, что это могла быть любая глупость. Оставив клиента размышлять над добавочной порцией бузинного сиропа, Корни рванул к Ройбену.

— Все в порядке? — спросил он.

Ройбен вздрогнул, будто бы совершенно не ожидал появления Корни, и едва не ударил того.

— Эта женщина рассказала мне историю о своих предках, — выдавил Ройбен с притворной любезностью. — Должно быть, она ее где-то вычитала или услышала от других родственников. Она утверждает, что ее бабку Кларабель похитили феи. Мне было любопытно послушать.

Корни обратился к женщинам:

— Так, лучше уходите, да поскорее, — он под-

толкнул женщин к выходу.

Те повиновались, надели пальто и нервно обернулись назад, словно хотели возразить, но боялись.

— А что касается тебя, — Корни обратился к Ройбену, стараясь скрыть волнение и пряча вспотевшие руки, — то не обращай внимания на всякую чепуху. Люди глупы, им свойственно сочинять небылицы. Не нужно из-за этого… делать то, что ты собирался сделать с этой женщиной.

— Нет, — произнес Ройбен так, что Корни съежился от страха.

— Просто позволь… — начал было он, но Ройбен перебил его.

Голос Ройбена был ледяным, а взгляд пронизывал до костей.

— Смертный, не испытывай мое терпение. Это твоя вина. Стоит мне отвернуться, как они унесут тебя сквозь небеса и будут пытать, пока безумие милосердно не лишит тебя чувств.

— Как мило, — попытался съязвить Корни, но его голос дрогнул.

Звякнул дверной колокольчик, и они оба повернулись ко входу.

«Он надеется, что это Кайя», — подумал Корни. Ее появление успокоило бы Ройбена.

Но это была не Кайя, а Луис, в сопровождении еще троих студентов с рюкзаками и сумками за плечами. Бросив лишь мимолетный взгляд в сторону Корни, Луис уселся за столик, швырнув рядом свою сумку.

— Идем со мной, — тихо скомандовал Ройбен.

— Куда? — спросил Корни.

— Каждое действие влечет за собой последствия. Пора тебе ответить за свои действия.

Корни кивнул, не в силах противиться. Вздохнув, он побрел за Ройбеном к выходу.

— Не трогай его, — раздался голос Луиса.

Обернувшись, Корни увидел, что Луис держит Ройбена за руку. Рубцы на коричневой коже Луиса — следы от вырванного феями Ночного двора пирсинга — давно затянулись, а вот глаз, когда-то выжженный феей, уже никогда не сможет видеть вновь.

Ройбен вздернул белую бровь скорее от удивления, нежели от испуга.

Возможно, он специально искал повода причинить кому-нибудь боль.

— Не волнуйся, — сказал Корни Луису. — Я скоро вернусь. Возвращайся к своим друзьям.

Луис нахмурился, и Корни изо всех сил пожелал, чтобы тот отвязался. Не хватало еще, чтобы

они оба влипли.

— Я не дам просто так его увести, — спокойно сказал Луис.

— Мне не по нраву твой тон, — ответил Ройбен, резко вырываясь. — Нам с Корнелиусом нужно кое-что обсудить. Тебя это не касается.

Луис повернулся к Корни:

— Ты что, рассказал ему о рекламе? Вот дурак!

— Он сам догадался, — ответил Корни.

— Луис, этого достаточно? Мы можем идти? — нетерпеливо произнес Ройбен.

— Я с вами, — не сдавался Луис.

— И думать забудь, — Корни пихнул Луиса в плечо сильнее, чем хотел. — Тебя днем с огнем не сыскать, все время со своими друзьями болтаешься, а теперь вдруг обо мне вспомнил? Иди обратно к ним, делай домашнее задание или чем вы там занимаетесь. Если я тебе надоел — так и скажи. Ты ведь наверняка даже не обмолвился им, что у тебя есть бойфренд.

Луис побледнел.

— Так и думал, — сказал Корни. — Хочешь со мной расстаться — валяй.

— Ты что, спятил? — опешил Луис. — Злишься на людей, с которыми даже не знаком, только из-за того, что они учатся вместе со мной? Вот

поэтому я им о тебе и не рассказываю, зная, что тебе они не нравятся.

— Они не нравятся мне потому, что тебе хочется, чтобы я был похожим на них, — ответил Корни. — Ты все время пытаешься заставить меня учиться, не связываться с фейри, несмотря на то, что моя лучшая подруга тоже из них. Хочешь переделать меня вопреки моим собственным желаниям.

Каждое слово Луис воспринимал как пощечину.

— Я просто не хочу, чтобы ты ввязался во что-нибудь, что будет стоить тебе жизни.

— Не надо меня жалеть! — выпалил напоследок Корни и толкнул дверь, выводя за собой Ройбена. Он настолько разволновался и перевозбудился, что буквально пылал. И чувствовал себя удивительно хорошо.

— Постой! — крикнул Луис. — Не уходи!

Но было поздно. Корни вышел из теплой кофейни на тротуар и свернул в темный вонючий переулок, пролегавший сразу за «Луной в чашке». За спиной раздавались приближающиеся шаги Ройбена. Корни прислонился лбом к холодной кирпичной стене и зажмурился.

— В этот раз я сильно накосячил?

— Ты сказал, что завидуешь тому, чего боишься, и презираешь то, чему завидуешь, — Ройбен положил руку ему на плечо. — Но презирать то, что любишь, так же просто, как то, чего боишься.

Ройбен прислонился к стене, не находя слов. Жалкое состояние Корни заставило его забыть о злости на самого себя и нахлынувших детских воспоминаниях. Он уже придумал, как наказать Корни, но теперь это наказание казалось ему чересчур суровым. С другой стороны, недостаточно суровое наказание могло не возыметь должного эффекта.

— Не пойму, что со мной не так? — произнес Корни, склонив голову так, что Ройбену была видна его покрытая гусиной кожей шея. Корни так поспешно покинул «Луну в чашке», что забыл куртку, и тонкая футболка не спасала его от холодного ветра.

— Ты не хотел вмешивать Луиса в наши дела, — сказал Ройбен. — Думаю, он и сам это понял.

Корни помотал головой.

— Неправда. Я хотел обидеть его. Хотел причинить ему боль прежде, чем он причинит боль мне. По моей вине наши отношения портятся, но я не знаю, как это прекратить.

— Не мне тебя учить, — сказал Ройбен. — Вс-

помни Силариаль. От любви до ненависти — один шаг, и я много раз принимал одно за другое. В этих вопросах я не знаток.

— Да ладно, — не согласился Корни. — Ты встречаешься с моей лучшей подругой. Уж наверняка вы с ней ведете всякие любовные разговорчики. Хотя бы иногда.

— Не такие, как ты думаешь, — с легкой иронией ответил Ройбен.

Корни говорил опасные вещи. Получалось, что чувства человека оставались неизменными лишь тогда, когда их никто не тревожил.

— Послушай, каким бы унылым и жалким ты ни был, я знаю, что ты ее любишь.

— Конечно люблю! — возмутился Ройбен.

— И как у тебя это получается? — спросил Корни. Он отдышался и принялся тараторить так, что проглатывал окончания слов. — Как ты можешь кому-то настолько доверять? Она ведь рано или поздно причинит тебе боль. Что если она тебя разлюбит? Кого-нибудь другого найдет… — Корни запнулся, заметив, что Ройбен грозно нахмурился и сжал кулаки, едва не проткнув кожу ногтями.

— Продолжай, — сказал Ройбен, расслабившись.

Корни взъерошил крашенные в черный во-

лосы.

— Рано или поздно ей надоест, что ты всегда чем-то занят, что ты не меняешься, пока ей приходится строить собственную жизнь. В один прекрасный момент ты станешь для нее лишь тенью.

Ройбен почувствовал, что до боли сжал зубы. Корни попал в точку, перечислив все, чего Ройбен сам опасался.

— Я такой же, как ты. Стою на месте, а Луис, несмотря на то, что ему приходилось жить на улице, поступил в престижный университет. Он станет врачом — самым настоящим, — а что буду делать я?

Ройбен неуверенно кивнул. Он уже успел забыть, что разговор шел о Корни и Луисе.

— Так как у тебя это получается? — требовательно спросил Корни. — Как ты можешь любить кого-то, не будучи уверенным, что эта любовь — навсегда? Когда тебя в любой момент могут бросить?

— Кайя — единственная, кто не дает мне быть тем, кто я есть, — ответил Ройбен.

Корни удивленно прищурился.

— Что ты имеешь в виду?

Ройбен покачал головой, не зная, как выразить

свои спутанные мысли.

— Когда я был маленьким, у меня была няня — Клара. Я уже давно о ней не вспоминал. Ее зачаровали и заставили служить мне. Она не любила меня, — Ройбен задумался. — Не могла полюбить, потому что у нее не было выбора. Не было свободы. Не было возможности полюбить. Меня тоже зачаровали. Теперь я понимаю ее лучше, — он почувствовал знакомое отвращение, возникавшее каждый раз, когда ему приходилось говорить о своем прошлом, но он поборол это чувство. — После всех унижений, что мне пришлось вынести, после стольких возлюбленных, для которых я был просто мальчиком на побегушках, я имею возможность прийти в грязный людской ресторан и приготовить каким-то болванам кофе — и все это ради Кайи. Это мой выбор. Я свободен выбирать, и поступаю так, потому что ей это придется по нраву. Ее это обрадует, развеселит.

— Развеселит — не то слово, — вставил Корни.

— Так я спасаюсь от своей мрачной натуры, — подытожил Ройбен, пожав плечами и едва заметно улыбнувшись.

Корни усмехнулся.

— Выходит, по-твоему мир холоден и уныл, но с Кайей уныл чуть менее? Как насчет чего-нибудь

повеселее?

Ройбен мотнул головой.

— И это говорит человек, еще более жалкий, чем я.

— Ха-ха, — Корни состроил Ройбену рожицу.

— Знаешь, есть масса способов заставить кого-нибудь полюбить тебя, — произнес Ройбен так же осторожно, как укладывал на стол куски разбитой чашки. — Можно наложить чары, можно прибегнуть к менее очевидным, но не менее изощренным приемам. Можно сделать так, что человек и думать забудет о других.

— Это не то, что я хочу, — сказал Корни.

Ройбен улыбнулся.

— Уверен?

— Я-то уверен, а ты? — вспылил Корни. — Мне просто надоело постоянно ожидать худшего. Почему не закончить все прямо сейчас, если это в любом случае закончится завтра? Зачем тянуть с душевными муками и страданиями?

— Если нас в любом случае ожидают душевные муки и страдания, — ответил Ройбен, — если нам суждено стать тенями, неподвижными и всеми забытыми, то нам придется до скончания дней питаться воспоминаниями. Чем больше нам предстоит пережить — тем лучше, разве нет?

Корни поежился.

— Хватит меня пугать. Ты должен был сказать, что я неправ, разубедить меня.

— Я повторяю твои же слова, — Ройбен откинул с лица прядь серебристых волос.

— Но ты ведь им веришь, — сказал Корни. — Веришь, что у вас с Кайей так и случится.

Ройбен доброжелательно улыбнулся.

— А ты вовсе не такой фаталист, каким прикидываешься. Что ты там говорил? Чем сильнее ты боишься, тем больше ведешь себя как говнюк? Сейчас ты просто боишься — и все.

Когда Ройбен произнес слово «говнюк», Корни хмыкнул.

— Наверное, — сказал он, опуская взгляд под ноги, на усыпанный мусором асфальт. — Но не бояться у меня не получается.

— Тогда попробуй хотя бы не быть говнюком, — сказал Ройбен. — Поговори об этом с Луисом, вдруг у него получится тебя мотивировать?

Корни покосился на Ройбена так, будто видел его впервые.

— Ты тоже боишься.

— Я? Боюсь? — удивился Ройбен, но что-то в выражении лица Корнелиуса заставило его засомневаться. Что же такого увидел в нем Корни?

— Да, готов поспорить, что ты боишься надежды. Боишься, что начнешь ожидать чего-то вопреки своим убеждениям, — ответил Корни. — Тлен и безысходность тебя не пугают, а вот когда случается что-то хорошее… Уверен, ты до смерти боишься, что Кайя может любить тебя так же, как ты ее.

— Возможно, — Ройбен старался ничем не выдать свои истинные чувства. — Как бы то ни было, мне придется наложить на тебя заклятие — чтобы ты не забывал хранить чужие тайны.

— Да ладно, — простонал Корни. — А как же наша философская беседа? Разве мы теперь не лучшие друзья и не должны прикрывать друг другу спину, не обращая внимания на мелкие, забавные проступки?

Ройбен протянул руку.

— Боюсь, что нет.

Когда Ройбен и Корни вернулись в «Луну в чашке», за стойкой их поджидала чем-то недовольная Кайя. Стоило им подойти ближе, как у нее отвисла челюсть. Сидевший рядом Луис поперхнулся горячим шоколадом, и Вэл пришлось хорошенько постучать ему по спине, чтобы привести в себя.

Наказание Корнелиуса было заметно всем — Ройбен изменил его облик: теперь кожа Корни

стала бледно-голубой, уши заострились, а из головы торчала пара маленьких рожек. Заклинание было наложено на месяц, до следующего полнолуния. Все это время Корни предстояло в таком виде наливать жадным до фей посетителям кофе.

— За что боролся, на то и напоролся, — произнес Корни, не обращаясь ни к кому конкретно.

— Вот и стоило мне тебя защищать? — покачал головой Луис.

Его друзья давно ушли, но он терпеливо дождался возвращения своего бойфренда. Ройбен надеялся, что Корни это оценит.

Кайя подошла к Ройбену.

— Ты наверняка успел подумать о всевозможных неприятностях, — сказала она.

— Когда ты рядом, я думаю только о приятном, — ответил он.

Ройбен сомневался, что она услышала. Кайя обвила его руками за талию и уткнулась в грудь, не в силах сдержать смех. Наслаждаясь ее теплом, Ройбен впервые попробовал убедить себя в том, что этим чувствам не будет конца.

Не стоит недооценивать город, который никогда не спит, сынок, и не смей соваться сюда со своей неведомой чешуйчатой фигней!

Н. К. Джемисин
Великий город[38]

Я воспеваю город.

Чертов город. Я стою на крыше здания, в котором не живу, раскинув руки и втянув живот, и кричу всякую чушь и улюлюкаю в адрес перекрывающей вид стройплощадки. Я пою оду городскому ландшафту. Город поймет.

Сейчас рассвет. Мои джинсы липнут к ногам из-за высокой влажности — а может, из-за того, что я очень давно не мылся. Деньги на прачечную у меня есть, а вот сменной пары брюк — нет. Наверное, лучше купить еще пару в «Гудвилле» вниз по улице… но прямо сейчас я туда не побегу. Мне нужно закончить мои «АААААааааАААААааа-вдох-ааааАААААааааааа» и дослушать эхо, отзывающееся мне от фасадов окрестных зданий. Я представляю, что мне аккомпанирует оркестр, исполняя «Оду к радости» Бетховена, положенную на бит Басты Раймса, а мой голос связывает все воедино.

---

[38] notes: 38

“The City Born Great” © 2016 N. K. Jemisin. First publication: *Tor.com*, 28 September 2016.

— Прекрати орать! — кричит кто-то с улицы, и я кланяюсь и ухожу со сцены.

У самого выхода с крыши я задерживаюсь и прислушиваюсь. Мне кажется, что я слышу ответное пение, чей-то отдаленный и очень тихий бас. Можно даже сказать, застенчивый.

А еще дальше раздается нестройный, нарастающий рев — или это просто сирены полицейских машин? В любом случае, звук неприятный, поэтому я ухожу.

— Эти вещи действительно существуют, — говорит Паулу.

Он не перестает курить, мерзкий говнюк. Я ни разу не видел, как он ест. Кажется, рот нужен ему только для сигарет, кофе и болтовни, что весьма прискорбно — рот-то у него красивый.

Мы сидим в кафе. Он угостил меня завтраком, иначе мне нечего было бы здесь делать. Другие посетители пялятся на него, потому что по их стандартам он недостаточно белый. И на меня, потому что я определенно черный, а в моих джинсах не специальные, модные, а совершенно обычные дыры. Я не воняю, но эти люди за милю чуют человека, у которого на банковском счете ни цента.

— Ага, — киваю я, вгрызаясь в сэндвич с яйцом

и едва не пускаю струю от удовольствия. Это настоящее яйцо! И сыр настоящий, швейцарский, а не какое-то говно из «Макдоналдса»!

Паулу любит слушать себя. Мне нравится его акцент; немножко гнусавый, с присвистом, непохожий на типичный испанский. У него большие щенячьи глаза — если б у меня были такие же, то мне многое сходило бы с рук. При этом он кажется старше своих лет — намного, намного старше. Седина лишь чуть-чуть тронула его виски, но он все равно напоминает столетнего старика.

Паулу тоже пялится на меня. Для меня это непривычно.

— Ты меня слушаешь? — спрашивает он. — Это важно!

— Угу, — отвечаю я, продолжая набивать рот.

Он выпрямляется.

— Сперва я тоже не поверил, но Хон затащил меня в канализацию — вонища там, надо сказать, страшная — и показал корни и растущие зубы. Я всю жизнь слышал это дыхание, и считал, что все его слышат, — он делает паузу. — А ты слышишь?

— Слышу что? — опрометчиво переспрашиваю я. Не то чтобы я его не слушаю, мне просто по фигу.

Паулу вздыхает.

— Слушай!

— Да слушаю я!

— Не меня слушай! — он поднимается, кладет на стол двадцатку, что вовсе не обязательно, ведь он уже заплатил за сэндвич и кофе, а официантов тут нет. — Встретимся здесь же в четверг.

Я беру двадцатку и кладу в карман. За сэндвич — а может, потому, что мне нравятся его глаза — я готов с ним хоть переспать.

— Может, лучше у тебя?

Сначала он удивленно моргает, а потом его лицо принимает раздраженное выражение.

— Слушай! — повторяет он и уходит.

Я сижу в кафе еще долго, растягивая сэндвич и допивая кофе Паулу, и воображаю, что я — абсолютно обычный парень. Я разглядываю людей, оцениваю внешний вид других посетителей и даже придумываю на ходу стихотворение о богатой белой девушке, которая встречает в кафе бедного черного парнишку и переживает экзистенциальный кризис. Я представляю, как мои обширные знания впечатляют Паулу и он перестает относиться ко мне как к глупому непослушному беспризорнику. Я воображаю, как лежу на мягкой кровати в большой квартире с холодильником,

до отказа набитым едой.

Тут в кафе входит жирный краснолицый полицейский, покупает жратвы себе и дожидающемуся в машине напарнику, и осматривает помещение блеклыми глазами. Я представляю вокруг себя вращающиеся зеркала, чтобы коп меня не заметил. На самом деле я не могу сделаться невидимым — это лишь трюк, самовнушение, чтобы меньше бояться, когда рядом опасность. В какой-то мере это срабатывает — полицейский оглядывается, но не обращает внимание на одинокое черное лицо. Порадовавшись своей удаче, я быстро смываюсь.

Я рисую город. Когда я учился в школе, по пятницам к нам приезжал художник и давал бесплатные уроки, рассказывал о перспективе, светотени и прочей дребедени, которую белые люди изучают в художественных школах. Вот только этот чувак был черным. До этого я никогда не встречал черных художников, и решил, что из меня мог бы выйти второй.

Рисовать я научился. По ночам я забираюсь на крышу одного здания в Чайнатауне, вооружившись баллончиками и ведром сиреневой краски, которое кто-то выставил на улицу после окончания ремонта в своей спальне, и размашисто

малюю стену. От акриловой краски для гипсокартонных стен толку мало — после пары дождей она смывается, а спрей держится куда дольше, — но мне нравится совмещать разные текстуры. Блестящий черный на сиреневом, вокруг — красная кайма. Я рисую дыру. Она напоминает глотку, не оканчивающуюся ни ртом, ни пищеводом или легкими; глотку, которая дышит и глотает, но никогда не насыщается. Изображение видно лишь пассажирам самолетов, садящихся в аэропорту Ла-Гуардия с юго-запада, редким туристам, заказывающим вертолетные экскурсии над городом, и воздушным полицейским патрулям. Мне плевать, что они видят. Я рисую не для них.

Уже поздно. Мне не удалось найти место для ночлега, так что я рисую, чтобы не уснуть. Обычно я сплю в метро, но сейчас, в конце месяца, полицейские стремятся выполнить план по задержаниям, и риск попасться слишком велик. Но и здесь мне не следует терять бдительность — к западу от Кристи-стрит чокнутые китайские подростки играют в гангстеров и охраняют свою территорию от чужаков, так что я не высовываюсь. В том, что я чернокожий и тощий, есть определенное преимущество — в темноте меня не видно. А мне просто хочется рисовать, выра-

зить таким образом свои чувства и эмоции. Мне нужно открыть эту глотку. Мне нужно… нужно… Ну да, да.

Когда я добавляю последний штрих, раздается непонятный тихий звук. Насторожившись, я оглядываюсь, не понимая, что происходит, и тут глотка за моей спиной вздыхает. Меня обдает мощным потоком влажного воздуха, и волосы встают дыбом. Мне не страшно. Именно ради этого я начал рисовать, пусть и неосознанно — теперь я это понимаю. Но стоит мне обернуться, как глотка опять превращается в обычный рисунок.

Паулу не обманывал. Мда. А может, была права моя матушка, и у меня действительно не все в порядке с головой.

Я скачу и кричу от радости, сам не зная, почему. Ближайшие два дня я ношусь по городу и рисую дышащие дыры там и сям, пока не кончается краска.

Я так устаю, что в день встречи с Паулу буквально валюсь с ног и едва не пробиваю окно кафе. Паулу успевает подхватить меня и усадить на скамейку для посетителей.

— Ты слышишь, — говорит он. Кажется, он доволен.

— Я слышу кофе, — с трудом выговариваю я и

зеваю, даже не пытаясь прикрыть рот рукой.

Мимо проезжает полицейский автомобиль. Я не настолько устал, чтобы забыть о своей защите, и прикидываюсь никем, недостойным даже быть избитым, пустым местом. Срабатывает: полицейские не обращают на меня внимания. А Паулу пропускает мимо ушей мой намек. Он садится рядом и отрешенно смотрит куда-то вдаль.

— Да, городу стало легче дышать, — произносит он. — Молодец. Даже без тренировки у тебя хорошо получается.

— Стараюсь.

Его это забавляет.

— То ли ты мне не веришь, то ли тебе наплевать.

Я пожимаю плечами и отвечаю:

— Верю.

Но в то же время мне действительно наплевать, особенно сейчас, когда я умираю с голоду. В животе урчит. Я не потратил ту двадцатку, что получил от Паулу, желая сберечь ее до церковной ярмарки, где, как я слышал, можно будет поесть кукурузного хлеба и курицы с рисом и овощами, а стоить это будет дешевле маленького стаканчика кофе с молоком.

Когда мой живот урчит, Паулу обращает на это

внимание. Хм. Я притворно потягиваюсь и чешу живот под ребрами, нарочито приподнимая рубашку. Тот художник как-то раз привел с собой юношу-модель, который позировал нам. Он особо отмечал зону брюшного пресса, известную как «пояс Аполлона». Паулу смотрит как раз на нее. Ну же, ну же, ловись рыбка! Мне нужно место для ночлега. Тут он прищуривается и смотрит мне в глаза.

— Я совсем забыл, — произносит он задумчиво. — Я ведь почти… сколько лет прошло! Когда-то я жил в фавелах[39].

— В Нью-Йорке трудно разыскать мексиканскую еду, — отвечаю я.

Паулу удивленно моргает и приходит в себя.

— Если ты не захочешь учиться и не поможешь мне, этот город рано или поздно погибнет, — говорит он. Он не повышает голос — в этом нет необходимости. Ему удалось привлечь мое внимание. Еда и жилье — почти все, что интересует меня в жизни. — Наступит момент, когда ты не справишься, и этот город постигнет судьба Помпеи, Атлантиды и десятков других, от которых

[39] notes: 39

Фавела — название городских трущоб в Бразилии. В настоящее время также используется для обозначения подобных районов и в других странах мира.

не осталось даже названия, несмотря на то, что с ними погибли сотни тысяч людей. А может, город останется, но будет мертвым, сохранив лишь свою оболочку, чтобы когда-нибудь возродиться, как Новый Орлеан — но и это убьет тебя, так или иначе. Ты — катализатор, источник как силы, так и разрушения.

Паулу рассказывал подобные вещи со дня нашей первой встречи — о несуществующих городах, небывалых вещах, пророчествах и знамениях. Как по мне — это все бредни, иначе он не рассказывал бы их мне, подростку, которого собственная мать выбросила на улицу. Она, наверное, до сих пор каждый день молится, чтобы я сдох. Она презирает меня. Бог презирает меня, а я в ответ презираю его — с чего бы ему выбирать меня для какой-то особой миссии?

Но именно потому я этим и заинтересовался — из-за Бога. Даже если ты в него не веришь, это не значит, что он не может испоганить тебе жизнь.

— Расскажи, что я должен сделать, — говорю я.

Паулу самодовольно кивает. Думает, что я у него в руках.

— Вижу, тебе не хочется умирать.

Я поднимаюсь, снова потягиваюсь, чувствуя, как близлежащие улицы растягиваются и изви-

ваются от жары (мне кажется, или это правда происходит? А если это правда происходит, то почему мне кажется, что это как-то связано со мной?).

— Иди в жопу. Дело не в этом.

— Значит, тебе и на собственную жизнь наплевать? — по его тону не ясно, утверждение это или вопрос. Скорее вопрос.

— Быть живым и жить — разные вещи, — отвечаю я. Когда-нибудь мне суждено умереть с голоду, замерзнуть до смерти зимней ночью или подхватить какую-нибудь заразу, с которой меня положат в больницу даже несмотря на то, что у меня нет ни денег, ни документов. Но я не перестану воспевать, рисовать, танцевать, трахать и оплакивать город до конца своих дней, потому что он мой. Он, мать вашу, мой. Вот так. — Я устремляю на Паулу уничижительный взгляд. Если он не понимает, то пусть поцелует меня в зад. — Расскажи, что я должен сделать, — повторяю я.

Выражение его лица меняется. Наконец-то он услышал меня. Он поднимается и ведет меня на первый урок.

Урок таков: великие города — все равно что живые существа; они рождаются, взрослеют,

стареют и умирают, когда приходит срок. Сельские жители неспроста испытывают неприязнь к большим городам — города действительно сильно отличаются от деревень. Они — тяжелая ноша для мира, они… как черные дыры, разрушающие материю и строение самого мироздания. Вроде того. (Я изредка хожу в музеи — там прохладно. А еще я без ума от Нила Деграсса Тайсона[40].) Население городов растет, люди отдают городам свои причуды, затем их сменяют новые люди, и ткань мироздания рвется все сильнее. В конце концов формируется своего рода карман, соединенный тонкой нитью из… чего-то… с чем-то. Короче, с той фигней, из которой созданы города.

Начинается процесс, в результате которого отдельные части города, находящиеся в этом кармане, делятся и множатся. Водопровод тянется туда, где нет нужды в воде. У трущоб вырастают зубы, у художественных галерей — когти. Самые простые процессы, вроде дорожного движения или стройки, начинают идти в особом, напоминающем сердцебиение, ритме. Это можно услышать, если записать звуки и быстро воспроизвести в обратном порядке. Город… ускоряется.

---

[40] notes: 40

Нил Деграсс Тайсон (р. 1958) — американский чернокожий астрофизик, доктор наук, писатель и телеведущий.

Не все города доживают до этого момента. В Северной Америке была пара великих городов, но потом Колумб заварил кашу с индейцами, и все пришлось начать заново. Если верить Паулу, с Новым Орлеаном вышел облом, но город по крайней мере продолжает существовать, и вторая попытка у него еще будет. Мехико еще не дорос. Во всей Америке только Нью-Йорк достиг такой поздней точки в своем развитии. Созревание города может длиться двадцать лет, а может двести и даже две тысячи, но рано или поздно наступает момент, когда условная пуповина перерезается и город начинает существовать сам по себе, неуклюже поднимается на ноги и… короче, делает все, на что способен живой, разумный организм в форме огромного мегаполиса.

Как и в природе, городу угрожают хищники, выжидающие момент, чтобы наброситься на новорожденного и сожрать его целиком.

Вот поэтому Паулу и учит меня. Поэтому я освежаю дыхание города и массирую его асфальтовые конечности. Я — что-то вроде акушера.

Я контролирую город. Проверяю его каждый долбаный день. Паулу разрешает мне поселиться у него. Это съемная квартира в Нижнем Ист-Сайде, но я чувствую себя в ней как дома. Я пользуюсь

душем Паулу и без спроса ем еду из его холодильника, только чтобы посмотреть на его реакцию. Он никак не реагирует, просто курит сигарету за сигаретой, наверняка чтобы меня позлить. По соседству то и дело раздаются полицейские сирены. Не знаю почему, но мне кажется, что полиция разыскивает меня. Вслух я свои опасения не высказываю, но Паулу замечает мое беспокойство.

— Вестники врага могут прятаться среди городских паразитов. Будь настороже, — говорит он.

Он всегда несет какую-то околесицу. Иногда я улавливаю смысл — например, когда он рассуждает о предназначении великих городов и процессе их возникновения. Он говорит, что все действия врага — нападения, когда город наиболее уязвим, мелкое вредительство — лишь прелюдия к большой битве. А вот когда он настаивает, что мне нужно учиться медитации, чтобы лучше подстраиваться под нужды города, мне кажется, что он гонит пургу. Можно подумать, какая-нибудь йога, которой занимаются белые домохозяйки, мне поможет.

— Йога, которой занимаются белые домохозяйки, — кивает Паулу, — и йога, которой занимаются индийские гуру. А еще ракетбол, в который играют биржевые брокеры, школьный

гандбол, балет, латиноамериканские танцы, собрания профсоюзов и вечеринки в галереях Сохо. Ты должен воплощать город с миллионами его жителей. Тебе не нужно становиться каждым из них, но никогда не забывай, что они — часть тебя.

Я смеюсь.

— Ракетбол? Нет уж, чико, только не это дерьмо!

— Город выбрал тебя из множества людей, — говорит Паулу. — От тебя зависит их жизнь.

Может быть, и так, но я постоянно измотан, голоден и испуган. Я никогда не чувствую себя в безопасности. В чем прок от твоей ценности, если твои труды никто не ценит? Паулу замечает, что я больше не хочу об этом говорить, и отправляется спать. Я укладываюсь на диван и отрезаю себя от мира. В каком-то смысле умираю.

Во сне я вижу темное место в холодных морских глубинах, где, хлюпая, ворочается какое-то скользкое существо. Оно разворачивается и движется в сторону устья Гудзона, туда, где река впадает в море. Движется ко мне. А я слишком слаб, беспомощен, парализован страхом, и могу лишь дрожать под хищным взглядом твари.

Затем что-то появляется с южной стороны.

(Все кажется нереальным, происходящим на той тонкой грани, что отделяет реальность города от остального мира. Паулу говорит, что причина кроется во мне, а последствия ощущаются во всем мире.) Оно движется между мной, где бы я ни находился — и извивающейся тварью, где бы ни находилась она. Эта безграничная громада защищает меня, лишь в этот раз, лишь в этом месте — но я чувствую, как вдали неохотно поднимаются другие и готовятся вступить в бой. Предупреждают врага, что тому следует соблюдать неписаные правила, по которым с незапамятных времен ведется битва. Нельзя нападать на меня, пока не придет назначенный срок.

Мой защитник в этом невероятном сновидении — необъятный драгоценный камень с покрытыми засохшей грязью гранями, пахнущий черным кофе, примятой травой футбольного поля, шумом машин и знакомым сигаретным дымом. Он на мгновение демонстрирует врагу похожие на сабли стальные рельсы, но этого достаточно. Раздосадованная тварь скрывается в своей холодной пещере. Но она вернется, как предписано традицией.

Я просыпаюсь под теплыми лучами солнца.

Всего лишь сон? Я вхожу в спальню Паулу.

— Сан-Паулу? — шепчу я, но он не просыпается.

Я забираюсь к нему под одеяло. Когда он просыпается, то не трогает меня, но и не прогоняет. Я благодарю его и даю повод пустить меня в постель позже. Дальше дело не пойдет, пока я не достану презервативы, а он не почистит зубы и не прополощет пропахший куревом рот. Потом я снова забираюсь в душ, одеваюсь в постиранные в раковине вещи и выхожу на улицу, пока Паулу еще храпит.

В библиотеках безопасно. Зимой в них тепло, и всем наплевать, что ты сидишь там, если только ты не заглядываешься на детей и не смотришь порно на компьютерах. Библиотека на Сорок второй улице — та, что со львами — необычная. В ней нельзя взять книги на дом, но там безопасно, поэтому я сажусь в уголке и читаю все, что попадается под руку. Налоговый кодекс, «Птицы Гудзонской долины», «Как приготовиться к рождению ребенка-города, специальный Нью-Йоркский выпуск». Видишь, Паулу, я все-таки тебя слушал!

Когда я выхожу на улицу, уже смеркается. На ступеньках перед библиотекой сидят люди, сме-

ются, болтают, размахивают селфи-палками. У входа в метро полицейские в бронежилетах гордо выставляют напоказ пистолеты, чтобы туристы чувствовали себя в безопасности. Я покупаю жареную сосиску и съедаю ее у подножия одного из львов — того, что символизирует Стойкость, а не Терпение. Я знаю свои сильные и слабые стороны.

Набив живот мясом, я расслабляюсь и думаю обо всякой ерунде — например, как долго Паулу будет терпеть меня у себя дома и могу ли я заказать что-нибудь на его адрес — и теряю бдительность. По спине пробегают мурашки. Я понимаю, в чем дело, еще до того как реагирую — и снова допускаю ошибку, потому что оборачиваюсь. Какой же я дурак — ведь совсем недавно в Балтиморе копы сломали человеку позвоночник лишь за то, что он на них посмотрел! Но когда я замечаю двух полицейских на перекрестке напротив библиотеки — низкорослого бледного мужчину и высокую смуглую женщину в униформе, — я перестаю бояться, потому что обращаю внимание на странную вещь. В небе ни облачка, солнце светит, будто днем. Проходящие мимо копов люди отбрасывают совсем короткие, едва различимые тени. Но вокруг этих двоих тени

клубятся, будто они стоят на бурлящем грозовом облаке. На моих глазах коротышка начинает… вытягиваться, его силуэт искажается, а один глаз становится вдвое больше другого. На плече вырастает шишка, словно при вывихе со смещением, но его напарница, кажется, ничего не замечает.

Ох, нет уж. Я вскакиваю и пробираюсь через толпу, пользуясь привычным трюком — стараюсь отгородиться от взглядов. В этот раз не выходит. Мои воображаемые зеркала будто покрываются липкой, многократно пережеванной жвачкой. Я чувствую, что полицейские преследуют меня, и нечто огромное и неправильное также движется ко мне.

Я все еще не уверен — многие обычные копы буквально источают садизм, — но рисковать не собираюсь. Мой город еще не рожден, беспомощен, и рядом нет Паулу, чтобы защитить меня. Придется выживать самому, как я уже привык.

Не подавая вида, что заметил слежку, я сворачиваю за угол и делаю ноги — точнее, пытаюсь. Сраные туристы! Они заняли весь тротуар, разглядывают карты и фотографируют всякое дерьмо, на которое ни один здравомыслящий человек не обратит внимания. Я мысленно проклинаю

их и забываю, что от них тоже может исходить опасность. Когда я бросаюсь бежать со скоростью элитного игрока в американский футбол, кто-то хватает меня за руку. Рядом раздается мужской крик:

— Он хотел украсть ее сумочку!

Я вырываюсь. Вот сука, я же не вор! Оправдываться нет времени. Подруга туристки достает телефон и звонит 911. Через минуту все копы в округе устроят облаву на чернокожих моего возраста.

Нужно скорее убираться отсюда.

Рядом Центральный вокзал и вход в метро, но оттуда появляются трое полицейских, и я сворачиваю на Сорок первую. Толпы здесь поменьше, но я не знаю, куда бежать дальше. Я пересекаю Третью авеню, лавируя между машинами; места достаточно. Но я худой парень, который постоянно недоедает, а не профессиональный легкоатлет, и я устаю. В боку колет, но я не останавливаюсь, чувствуя, что полицейские — посланники врага — не отстают. От их тяжелых шагов содрогается земля.

В квартале от меня завывает сирена и приближается. Вот только этих уродов не хватало! Я бросаюсь в переулок налево и спотыкаюсь о дере-

вянный ящик. Это меня спасает — полицейский автомобиль проезжает, пока я валяюсь, и меня не замечают. Я лежу и стараюсь отдышаться, пока шум двигателя не стихает. Когда я решаю, что опасность миновала, то поднимаюсь. Оглядываюсь. Город вокруг меня бурлит, бетон трясется и вздымается. Все, начиная от фундаментов и заканчивая стропилами, изо всех сил подгоняет меня, говорит, чтобы я бежал. Беги. Беги.

За моей спиной в переулке собирается… собирается… что за хрень? Ее не описать словами. Множество рук, множество ног, множество глаз, смотрящих прямо на меня. Где-то посреди этого месива я узнаю пряди черных волос и клочок светлых, и понимаю, кто это — что это: пара тех самых копов, ставшая чудовищным монстром. Монстр протискивается в переулок, и стены трескаются.

— Ох, черт! Твою мать! — вырывается у меня.

Я срываюсь с места и бросаюсь прочь, не замечая появившуюся из-за угла патрульную машину. Спрятаться я не успеваю. Из громкоговорителя звучат какие-то неразборчивые угрозы, вроде «ты труп!», и я удивляюсь — неужели они не видят чудовище за моей спиной? Или видят, но не обращают внимания, потому что не могут привлечь

его к уголовной ответственности и получить премию? Я не хочу, чтобы меня сцапала та тварь. Уж лучше пусть копы меня пристрелят.

Я сворачиваю налево, на Вторую авеню. Полицейские в автомобиле не смогут преследовать меня по встречке, но копо-монстра это не остановит. Я пробегаю всю Сорок пятую улицу. Сорок седьмую. По ногам будто растекается раскаленная лава. На Пятидесятой я уже готов умереть: бедный мальчик, заработал инфаркт в таком возрасте, нужно было кушать больше овощей, не перенапрягаться, не злиться; никто и ничто не может тебе навредить, если ты попросту закрываешь глаза на любую мирскую несправедливость — по крайней мере пока эта несправедливость тебя не доконает.

Пересекаю улицу, осторожно оглядываюсь, и вижу, как по тротуару перекатывается нечто на восьми ногах, отталкиваясь от зданий тремя-четырьмя руками и виляя из стороны в сторону… а потом замечает меня и несется прямо вперед. Это, разумеется, Мегакоп, и он все ближе. Ох-черт-ох-черт-ох-черт, хватит! Выбор у меня невелик.

Поворот направо, на Пятьдесят третью, против движения транспорта. Тут дом престарелых, парк, променад… в жопу это все. Пешеходный

мост? И его в жопу. Я мчусь прямиком к шестиполосному убожеству, именуемому магистралью ФДР[41] — не переходите ее пешком, если не хотите, чтобы ваши ошметки собирали потом до самого Бруклина. А дальше? Дальше Ист-Ривер, если выживу. Я настолько напуган, что уже готов переплыть эту сточную канаву. Главное — не рухнуть посреди магистрали и не быть переехаанным полсотни раз, прежде чем кому-нибудь придет в голову затормозить.

Позади Мегакоп издает хлюпающий, клокочущий звук, будто откашливается. Я перемахиваю через ограждение, перебегаю участок травы и оказываюсь посреди сущего ада — первая полоса… серебристая машина… вторая полоса… гудки-гудки-гудки… третья полоса… ФУРА! ЧТО СРАНАЯ ГРУЗОВАЯ ФУРА ЗАБЫЛА НА ФДР? ОНА ПОД МОСТОМ НЕ ПРОЙДЕТ, ТУПАЯ ДЕРЕВЕНЩИНА! Визг тормозов… четвертая полоса… ЗЕЛЕНОГЛАЗОЕ ТАКСИ… снова визг тормозов… «смарт»… ха-ха-ха, как мило… пятая полоса… фургон… шестая полоса… синий «лексус» чиркает по мне, проносясь мимо, а тормоза

[41] notes: 41

Изначально магистраль носила название Ист-Ривер-драйв, но в 1945 г. была переименована в честь американского президента Франклина Делано Рузвельта.

визжат визжат, визжат и визжат…

Визжат…

…визжат шины, скрипит металл, реальность искажается, никто не тормозит перед Мегакопом — он не из этого мира, а ФДР — питающая город артерия, дающая силы и адреналин, автомобили — это лейкоциты, а тварь — зараза, инфекция, раздражитель, с которым у города разговор короткий, и Мегакопа рвут в клочья сначала фура, потом такси и «лексус», а потом и милашка-«смарт», который даже слегка меняет траекторию движения, чтобы переехать особенно бойко извивающуюся конечность твари. Я валюсь без сил на клочок травы, дрожа и хрипя, и мне остается лишь наблюдать, как десятки конечностей перемалываются, десятки глаз лопаются, а беззубый рот разрывается от нижней челюсти до нёба. Куски мелькают, как на неисправном экране, то пропадая, то снова обретая телесность, но движение на ФДР останавливается разве что по случаю проезда президентского кортежа или игры «Нью-Йорк Никс», а эта хрень ни капли не похожа на Кармело Энтони[42]. Еще чуть-чуть, и от нее не остается ничего кроме эфемерных пятен

[42] notes: 42

Кармело Энтони (р. 1984) — профессиональный американский баскетболист, выступавший за «Нью-Йорк Никс» с 2011 г. по 2017 г.

на асфальте.

Боже, я жив.

Я не в силах сдержать слез, и никакой мамин жених не врежет мне за это и не скажет «будь мужиком». Папа бы меня не ругал. Он всегда говорил, что слезы — признак того, что ты живой. Но папа умер. А я жив.

Я устало поднимаюсь, но ноги горят огнем, и я снова падаю. У меня болит все тело. Вдруг меня в самом деле хватил инфаркт? Меня тошнит. Перед глазами все расплывается и дрожит. Может, это не инфаркт, а инсульт? Они и с молодыми случаются. Я подползаю к урне, чтобы блевануть. Рядом на скамейке валяется мужик — на его месте лет через двадцать буду я, если доживу. Он приоткрывает один глаз, пока я давлюсь рвотой, и надменно глядит на меня, будто он — какой-то чемпион по блеванию.

— Время пришло, — внезапно произносит он и отворачивается.

Время. Я понимаю, что должен уходить. Несмотря на тошноту, несмотря на усталость что-то тянет меня на запад, к городскому центру. Я отрываюсь от урны, меня передергивает, и я ковыляю к пешеходному мосту. Прохожу над магистралью, которую только что перебежал, и с высоты вижу

поблескивающие кусочки мертвого Мегакопа, впечатанные в асфальт сотнями автомобильных колес. Некоторые еще подрагивают, и меня это беспокоит. Я хочу, чтобы от этой инфекции, от этой заразы не осталось и следа.

Мы хотим, чтобы от нее не осталось и следа. Верно. Время пришло.

Не успев и глазом моргнуть, я оказываюсь в Центральном парке. Как, вашу мать, я здесь оказался? Я настолько рассеян, что прохожу мимо еще одной пары копов, но замечаю это только когда мне на глаза попадаются их ботинки. Копы меня не пугают, хотя должны хоть как-то отреагировать на появление тощего парня, дрожащего в июньский день будто в мороз. Пускай все, что они сделают, — это оттащат меня куда-нибудь и засунут мне в задницу вантуз, они ведь не могут просто так меня пропустить. Но нет, они ведут себя так, будто меня не существует. Ральф Эллисон[43] был прав, чудеса случаются, и ты можешь спокойно пройти даже мимо нью-йоркских полицейских. Аллилуйя.

---

[43] notes: 43

Ральф Эллисон (1914–1994) — чернокожий американский писатель, литературовед и критик, автор единственного романа «Человек-невидимка» (1952), принесшего ему Национальную книжную премию США.

Озеро. Мост. Точка перехода. Здесь я останавливаюсь, стою и… понимаю все.

Все, о чем говорил мне Паулу. Это правда. Где-то за пределами города просыпается Враг. Он послал своих вестников, те потерпели неудачу, но все равно смогли заразить город. Теперь зараза распространяется с каждым автомобилем, подцепившим хотя бы крошку Мегакопа, и этим Враг может воспользоваться, чтобы подняться из тьмы к свету и теплу нашего мира, к помехе, которую представляю собой я, и к той растущей цельности, которую являет собой мой город. Одним нападением дело не ограничится. Это лишь малая толика древнего зла Врага, но и этого может хватить, чтобы убить бедного усталого паренька, на стороне которого нет настоящего, взрослого города.

Пока нет. Но время пришло. А что дальше — увидим.

На Второй, Шестой и Восьмой авеню у меня прорывает воду. То есть, водопровод. Потоп страшный, движение придется перекрывать. Я чувствую напряжение и ритм реальности, пульсацию вероятностей. Я тянусь, хватаюсь за перила моста и ощущаю его пульс. Все хорошо, малыш. Все хорошо. Что-то шевелится. Я расту,

поглощая все вокруг. Чувствую, как касаюсь плечами небесного свода, тяжелого, как городской фундамент. Рядом со мной другие — они стоят и смотрят на кости моих предков под Уолл-стрит, на скамьи Кристофер-парка, пропитанные кровью моих предшественников. Нет, это новые другие, мои новые люди, оставляющие свой след на пространственно-временной материи. Ближе всех Сан-Паулу, уходящий корнями в прах истлевшего Мачу-Пикчу, мудрыми глазами следящий за мной и изредка подрагивающий при воспоминании о своем относительно недавнем болезненном рождении. Париж без особого интереса смотрит издали, задетый тем, что город без чувства стиля вроде нашего оказался способен эволюционировать. Лагос рад новому приятелю, которому также не чужды энергичность, толкотня и боевитость. И многие, многие другие — все они наблюдают, ожидают прибавления в своих рядах. Если оно случится. Случись что не так — и мое, наше величие продлится лишь одно, пусть и триумфальное, мгновение.

— У нас получится, — говорю я, сжимая перила, и чувствую, как город сжимается. По всему городу люди настораживаются и растерянно озираются по сторонам. — Давай же, еще чуть-чуть! — я

напуган, но спешкой делу не поможешь. Чему быть, того не миновать — черт, теперь эта строчка звучит у меня в голове, как и у всех остальных ньюйоркцев. Все необходимое рядом, у меня под рукой, как и говорил Паулу. Между мной и городом больше нет пропасти.

И когда небосвод рвется, расползается, Враг восстает из глубин, сотрясая своим ревом реальность…

Но поздно. Пуповина перерезана, и мы появляемся на свет. Мы существуем! Мы встаем, цельные, здоровые и независимые, и наши ноги даже не подкашиваются. Мы смогли! Не стоит недооценивать город, который никогда не спит, сынок, и не смей соваться сюда со своей неведомой чешуйчатой фигней!

Я взмахиваю руками, и проспекты подпрыгивают (но в обычной реальности никакого землетрясения нет. Земля вздрагивает, и люди думают: «Ой, а чего это в метро так трясет?»). Я упираюсь ногами, которые становятся балками, якорями, фундаментом. Зверь из глубин верещит, и я смеюсь в ответ под влиянием послеродового выброса гормонов. Ну давай, попробуй. Когда он нападает, я шлепаю его веткой метро Бруклин-Куинс, отмахиваюсь Инвуд-парком и пришибаю

сверху Южным Бронксом, как рестлер локтем (потом в вечерних новостях сообщат, что сразу на десяти строительных площадках оборвались шары для сноса зданий, ай-ай-ай, куда смотрит комитет по строительной безопасности?). Враг швыряет в меня какую-то непонятную хренотень, сплошь состоящую из щупалец, но я огрызаюсь и впиваюсь в нее зубами — пусть знает, что ньюйоркцы едят не меньше суши, чем японцы в Токио, несмотря на ртуть в рыбе и прочее дерьмо.

Что скулишь? Поджал хвост и готов броситься наутек? Нет уж, сынок, не на того напал. Я топчу тварь Куинсом и что-то внутри нее хрустит и извергается кровью на все сущее.

Враг этого не ожидал — его уже много веков никто не мог ранить. Он отчаянно отбивается, и мне не удается отразить все атаки. Из засады, невидимое для большей части города, появляется щупальце высотой с небоскреб и обрушивается на гавань. Я с криком падаю, хватаясь за сломанные ребра, и тут, к моему ужасу, мощнейшее землетрясение встряхивает Бруклин впервые за десятки лет. Уильямсбургский мост изгибается и разламывается пополам словно щепка, Манхэттен стонет и трещит, но, к счастью, выдерживает. Каждую смерть я ощущаю как свою

собственную.

«Ну все, конец тебе, паскуда», — не-думаю я. Ярость и боль ввели меня в мстительный экстаз. Боль я переживу, не впервой. Несмотря на хруст ребер, я выпрямляюсь, широко расставляю ноги и пускаю на Врага струю Лонг-Айлендских радиоактивных отходов и сточных вод Говануса. Тварь дымится, ревет от боли и отвращения, но мне ее ни черта не жаль — тебя сюда не звали, убирайся, этот город мой! Чтобы закрепить урок, я кромсаю ее поездами Лонг-Айлендской железной дороги — длинными, шумными, а чтобы было еще больнее, сыплю на раны соль воспоминаний от автобусной поездки до Ла-Гуардии и обратно.

И чтобы окончательно унизить Врага, я шлепаю его по заднице Хобокеном, словно молотом богов, вкладывая в удар всю пьяную ярость десятков тысяч белых шовинистов. По портовому соглашению Хобокен считается частью Нью-Йорка, но по факту, урод, тебя только что отньюджерсили!

Враг — столь же неотъемлемая часть природы, как и любой город. Наше рождение невозможно остановить, но и Врага нельзя убить. Я ранил лишь его часть — но ранил сильно. Отлично. Когда придет время для решающей битвы, он сто раз подумает, прежде чем нападать на меня.

На меня. На нас. Да, именно так.

Когда я опускаю руки и открываю глаза, то вижу, как по мосту ко мне мчится Паулу с неизменной сигаретой в зубах. На мгновение я вижу его тем, кто он есть на самом деле — огромная, раскинувшаяся на многие мили штуковина из моего сна, с яркими шпилями, вонючими трущобами и украденными, переделанными с изысканным кощунством ритмами. Я знаю, что он тоже видит меня тем, кто я есть, и радуюсь, замечая в его взгляде восхищение. Он хватает меня под руку и произносит:

— Поздравляю!

Я улыбаюсь во весь рот. Я живу городом. Он процветает, и он принадлежит мне. Я — его достойный представитель, и вместе нам ничего не страшно.

Пятьдесят лет спустя.

Я сижу в машине на Малхолланд-драйв и любуюсь закатом. Машина принадлежит мне; теперь я богат. Этот город не мой[44], но ничего страшного. Скоро появится человек, который оживит его, поставит на ноги и поможет процветать, как завещано с древних времен… или нет. Я чту тра-

---

[44] notes: 44
Речь идет о Лос-Анджелесе.

диции и знаю свои обязанности. Каждый город должен родиться самостоятельно или погибнуть в процессе. Мы, старейшины, лишь направляем, обучаем.

Наблюдаем.

Вот солнце опускается за горизонт за бульваром Сансет. Я чувствую одиночество в душе той, кого я ищу. Бедное, одинокое дитя. Ждать осталось недолго. Еще чуть-чуть, и она перестанет быть одинокой — если выживет. Я обращаюсь к своему городу, оставшемуся далеко от меня, но неразрывно связанному со мной.

— Ты готов? — спрашиваю я Нью-Йорк.

— Еще бы, мать твою, — грубо, решительно отвечает он.

Мы отправляемся на поиски певца этого города и надеемся когда-нибудь услышать величественную песнь его рождения.

Все запретное загадочно. А все загадочное рано или поздно становится привлекательным, притягивающим. Чаще рано. Особенно в Нью-Йорке.

Кейтлин Р. Кирнан
La peau verte[45]

1

Ханна стоит в пыльной, заставленной антиквариатом каморке на Сент-Маркс-плейс. На стенах каморки — обои цвета спелой клюквы. Ханна разглядывает себя в огромное зеркало с рамой из красного дерева. Нет, уже не себя, а совершенно новое создание — творение тех мужчины и женщины. Они долгих три часа возились с красками, баллончиками, латексными накладками, порошками и гримировальным лаком, слаженно, уверенно и одновременно взволнованно работая в четыре руки над ее телом. Ханна не запомнила их имен. Быть может, они вообще не представились, а если и представились, то после пары стаканов бренди имена выветрились у Ханны из головы. Мужчина был высоким и худым, женщина — тоже худой, но заметно ниже мужчины. Теперь они куда-то подевались, оставив Ханну

---

[45] notes: 45

“Le Peau Verte” © 2005 Caitlin R. Kiernan. First publication: *To Charles Fort, With Love* (Subterranean Press).

одну. Вероятно, их работа на этом окончена; возможно, что им даже за нее заплатили, и теперь Ханна никогда больше их не увидит. Она чувствует себя обиженной. Ханна никогда не была склонна к спонтанной близости, но они были весьма спонтанны и довольно близки с ее телом.

Дверь распахивается, и в каморку врывается громкая музыка вечеринки. Мелодия незнакомая. Вероятно, какая-то безымянная, дикая импровизация с барабанами, флейтами, скрипками и виолончелями. Нестройная музыка, примитивная и плохо разученная. В дверном проеме появляется пожилая дама в маске с плюмажем и в переливчатой бархатной накидке. Она пристально разглядывает Ханну, улыбается и одобрительно кивает.

— Прекрасно, — произносит она. — Как ты себя чувствуешь?

— Не могу понять, — отвечает Ханна, снова глядя в зеркало. — Со мной раньше такого не делали.

— Правда? — удивленно спрашивает дама, и Ханна вспоминает ее имя — Джеки. Джеки Шейди? Джеки Сэди? Нет, совершенно точно ни то и ни другое. Кажется, она скульптор из Англии. Кто-то говорил, что в юности она была знакома с

самим Пикассо.

— Правда, — отвечает Ханна. — Для меня это впервые. Я могу выходить?

— Подожди еще минут пятнадцать. Я вернусь, чтобы тебя проводить. Успокойся. Может, еще бренди?

Еще бренди? Задумавшись, Ханна смотрит на суженный кверху хрустальный бокал на старом секретере у зеркала. Он почти пуст, янтарного напитка осталось лишь на донышке. Хватит на один глоток. Ей хочется выпить, чтобы избавиться от последних сомнений и стеснения, но она отвечает:

— Нет. Все хорошо.

— Тогда расслабься и получай удовольствие. Увидимся через пятнадцать минут, — говорит Джеки Как-ее-там и улыбается обезоруживающей, дружелюбной улыбкой, сверкая белоснежными зубами.

Ханна остается перед зеркалом, откуда на нее смотрит непонятное зеленое существо.

Расставленные по комнате старые лампы от Тиффани разливают лужицы света сквозь витражное стекло абажуров. Свет теплый, как бренди, как темно-шоколадное дерево резной рамы зеркала. Ханна нерешительно подходит

ближе к стеклу, и зеленое существо столь же неуверенно шагает ей навстречу. Я где-то внутри… Так ведь?

Ее кожа раскрашена множеством оттенков зеленого — всех не перечесть. Каждый оттенок плавно перетекает в другой, бесконечная зелень как бы течет по ее голым ногам, плоскому подтянутому животу, груди. Ее кожа покрашена полностью, превращена то ли в листву тропического леса, то ли в осенние волны уединенной морской бухты. Она покрыта панцирями жуков и листвой тысяч садов, мхом и россыпями изумрудов, нефритовыми статуэтками и яркой чешуей ядовитых змей. Ее ногти выкрашены темно-зеленым лаком и кажутся почти черными. Неудобные, непривычные линзы превратили ее глаза в зеленовато-желтые звезды. Ханна удивленно моргает при виде этих глаз, моргает этими глазами — зеркалом души, которой у нее нет. Души всего живого и цветущего, растущего и увядающего, души шалфея и болотной тины, малахита и медной ржавчины. За ее плечами — хрупкие прозрачные крылья, переливающиеся еще тысячей оттенков зеленого — и те места, где они были скрупулезно прикреплены к коже, скрыты столь умело, что Ханна сама не понимает,

где заканчиваются крылья и начинается она.

И одна, и другая.

— Надо было попросить еще бренди, — сбивчиво произносит Ханна вслух охряными, оливковыми, бирюзовыми губами.

Ее волосы — точнее, не ее волосы, а скрывающий их парик — похожи на какого-то паразита на коре гнилого дерева. Завитки паразитического грибка спускаются на ее раскрашенные плечи и далее по спине, до самого основания крыльев. Гримеры прилепили к ее ушам острые кончики, такие же темно-зеленые, как и ногти. Ее соски выкрашены в тот же бездонный оттенок зеленого. Ханна улыбается — даже ее зубы похожи теперь на зеленый горошек.

Меж ее бровей, будто поросших лишайником, приклеена зеленая хрустальная капля.

«Я наверняка растеряюсь», — думает Ханна и тут же жалеет об этом.

«Пожалуй, я уже растеряна».

Наконец Ханна находит силы отвернуться от зеркала, берет бокал с бренди и делает последний глоток. Впереди еще целая ночь, и совершенно не стоит так переживать из-за костюма. Ей многое предстоит сделать. На кону слишком большие деньги, чтобы теперь отступать. Допив бренди,

Ханна чувствует, как по нутру разливается приятное, успокаивающее тепло.

Поставив пустой бокал на секретер, Ханна вновь осматривает себя. Теперь она действительно видит себя — под макияжем проступают знакомые черты лица. Но перевоплощение вышло на славу. Удачное вложение денег для того, кто его заказал — кем бы этот человек ни был.

Снаружи каморки музыка начинает звучать еще громче, приближаясь к финальному крещендо. Струнные состязаются с флейтами, барабаны выстукивают ритм. Старушка Джеки скоро вернется. Ханна делает глубокий вдох, наполняя легкие воздухом, пахнущим старой пыльной мебелью и краской. И немного — летним дождем, барабанящим сейчас по крыше дома. Она медленно выдыхает и оглядывается на пустой бокал.

— Надо сохранять здравый рассудок, — напоминает она себе.

«Температуру, что ли, померить?» — усмехается она, но обстановка комнаты и собственное отражение в зеркале давят на нее, и изо рта вырывается лишь невеселый кашель.

Ханна снова обращает взгляд на немыслимо прекрасную зеленую женщину, которая смотрит на нее из зеркала, и ждет.

2

— Все запретное загадочно, — произносит Питер, берясь за единственного оставшегося на доске слона, но не передвигает его. — А все загадочное рано или поздно становится привлекательным, притягивающим. Чаще рано.

— Что это? Какой-то неписаный общественный закон? — рассеянно спрашивает Ханна, отвлекаясь на музыку Бетховена, которую Питер включает каждый раз, когда они играют в шахматы. Ханна уверена, что Питер делает это специально, чтобы мешать ей сосредоточиться. На этот раз звучит увертюра из «Творений Прометея».

— Нет, милая. Просто констатация очевидного, черт бы его побрал, факта.

Питер опять тянется к черному слону и едва не съедает ее ладью, но в последний момент передумывает. Он на тридцать с лишним лет старше Ханны, его борода с проседью, усы почти белые, а серые глаза напоминают зимнее небо, но именно он был первым из друзей, которыми она обзавелась на Манхэттене.

— А, — произносит она, желая, чтобы он съел наконец чертову ладью и закончил ход.

Через два хода лишь божественное вмешательство спасет его от мата. Но «Отсрочка неизбежного» — еще одна из любимых игр Питера. Ханна думает, что где-то в квартире у него спрятана пара наград за успехи в ней. Убогие позолоченные кубки за «Мастерство и успехи в затягивании времени».

— Запреты порождают желания. Жадность же порождает равнодушие.

— Боже, нужно где-то это записать! — восклицает Ханна, и Питер ухмыляется, покачивая слоном в дюйме над доской.

— Запиши. Может, составить большой сборник «Нудных истин Питера Маллигана»? Мой агент нашел бы для него подходящую аудиторию. Он наверняка продавался бы лучше, чем мой последний роман. Меньше, чем…

— Может, прекратишь болтать и походишь? Ешь уже долбаную ладью!

— Этот ход может быть ошибочен, — говорит Питер и откидывается в кресле, с притворным подозрением глядя на Ханну. Вздернув бровь, он указывает на ее ферзя. — Тут какой-то подвох. Ты как те хищники, что притворяются мертвыми, чтобы сбить с толку жертву.

— Кончай молоть чепуху.

— Это не чепуха. Ты прекрасно понимаешь, о чем я. Ты как раз из тех зверей, что любят притворяться мертвыми.

— Ты меня утомил. Будешь дальше тянуть — я пойду домой, — Ханна вздыхает, понимая, что Питер прекрасно знает, что никуда она не уйдет.

— Значит так, — говорит он. — Мое дело предложить тебе работу. Хочешь — соглашайся, хочешь — нет. Это просто вечеринка. Сущий пустяк, как по мне.

— У меня дела во вторник утром. Не хочу провести всю ночь на ногах.

— Еще одна съемка у Келлермана? — спрашивает Питер и хмурится, отводя взгляд от доски и почесывая подбородок кончиком шахматной фигуры.

— Что в этом плохого?

— Да так, слухи разные ходят. Ты ничего вокруг себя не замечаешь, а вот я замечаю.

— Пит, мне нужны деньги. Я продала свою последнюю картину, когда президентом еще был Линкольн. Написание картин приносит гораздо меньше денег, чем позирование.

— Бедная Ханна, — говорит Питер.

Он опускает слона на доску и закуривает сигарету. Ханна едва не просит у него одну для себя,

но одумывается. Питер считает, что она бросила курить три месяца назад. Пускай останется хоть что-то, чего он о ней не знает. Быть может, когда-нибудь это пригодится.

— По крайней мере, у тебя всегда есть запасной план, — бормочет Питер и выдыхает. Дым повисает над шахматной доской, словно туман над бранным полем.

— Ты хоть знаешь этих людей? — спрашивает Ханна, нетерпеливо поглядывая на часы над раковиной.

— Лично не знаком. Они не совсем моего круга. Как бы это сказать, совсем… — Питер замолкает, подбирая нужное слово, но не найдя его, продолжает: — Француз, хозяин дома на Сент-Маркс-плейс, мистер Ординер — простите, месье Ординер — антрополог. Если не ошибаюсь, он даже издавал какой-то из своих трудов.

— Может, удастся уговорить Келлермана перенести съемку на вечер, — рассуждает Ханна себе под нос.

— Ты правда никогда не пробовала абсент? — внезапно спрашивает Питер, угрожающе направляя слона на половину доски Ханны.

— Нет, — отвечает она, слишком глубоко задумавшись о том, согласится ли фотограф ради

нее изменить расписание, и не обращая внимания на то, как Питер играет в кошки-мышки с ее ладьей.

— Редкостная дрянь, — Питер корчит мину, какая бывает у ребенка, впервые попробовавшего брюссельскую капусту или пепто-бисмол[46]. — С тем же успехом можно выпить стакан дешевой водки с растворенными в ней лакричными конфетами. Хрен там, а не «зеленая фея»!

— Думаю, что хрена там точно нет, — шутливо парирует Ханна, молниеносно выхватывая слона из пальцев Питера. Он не сопротивляется. Это далеко не первый раз, когда Ханне надоело его ждать. Она убирает с доски белую ладью и ставит слона на ее место.

— Милая, ты ведь понимаешь, что это сущее самоубийство, — Питер хмурится и качает головой.

— Слышал когда-нибудь о животных, которые своим бездействием усыпляют жертву?

— Нет, не думаю.

— Тогда тебе стоит почаще высовывать голову из дому.

— Может быть, — отвечает он, ставя ладью ря-

---

[46] notes: 46

Субсалицилат висмута, препарат для лечения расстройств желудка, диареи и нарушений пищеварения.

дом с остальными съеденными фигурами. — Так что, пойдешь на вечеринку? Там все будет по высшему разряду.

— Тебе легко говорить — не ты же будешь раздеваться перед толпой пьяных незнакомцев.

— К великому счастью всего человечества, не я.

— Есть у тебя номер этого француза? — спрашивает Ханна, сдаваясь. После провала ее художественной выставки выбирать не приходится — за одну ночь ей обещают достаточно, чтобы заплатить за квартиру на месяц вперед.

— Вот умница, — говорит Питер, затягиваясь сигаретой. — Бумажка с номером у меня на столе. Напомни, когда соберешься домой. Твой ход.

3

— Сколько вам было, когда это произошло? Когда умерла ваша сестра? — спрашивает психолог, доктор Эдит Валлотон.

Ее аккуратно подстриженные черные волосы напоминают Ханне то жидкий битум, то старый, твердый, плавящийся на солнце, чтобы устроить ловушку ни о чем не подозревающим ползучим насекомым. Ханна посещает психолога, когда ее мучают ночные кошмары — то есть в тех случаях,

когда ей не удаются картины или когда ее долго не приглашают позировать. Или и то и другое сразу. Ей она может доверить свои секреты и знает, что ее всегда выслушают, пока она платит за сеансы. Этакая альтернатива исповеди для тех, чья вера окончательно подорвана, а общение со священниками — одно из дурных воспоминаний.

— Почти двенадцать, — отвечает Ханна, глядя как Эдит Валлотон записывает это в желтом блокноте.

— У вас тогда уже начались менструации? Помните?

— Да. Они начались, когда мне исполнилось одиннадцать.

— Давайте вернемся к вашим снам и тем камням, о которых вы говорили. Вы еще кому-нибудь о них рассказывали?

— Только маме однажды.

— Она вам не поверила?

Ханна откашливается в кулак и старается скрыть улыбку — кислую, саркастическую улыбку, которая может выдать то, чего ей не хочется показывать.

— Она вообще не стала меня слушать, — говорит она.

— Вы больше не рассказывали ей о феях?

— Вроде бы нет. Мама всегда четко давала понять, когда ей не хотелось слышать определенные вещи. Мы знали, когда стоило промолчать.

— Вы говорили, что смерть вашей сестры стала для нее сильным ударом, от которого она так и не оправилась.

— Она не хотела оправляться. Отец пытался, я пыталась, и мама считала нас чуть ли не предателями. Будто это мы убили Джудит или как минимум насильно положили ее в могилу.

— Когда человеку сложно с чем-то смириться, немудрено, что он видит вещи таким образом.

— Как бы то ни было, ответ «нет», — Ханна злится, что человек, которому она платит деньги, сочувствует ее матери. — Я больше никому ничего не рассказывала.

— Но вы готовы рассказать мне? — психолог отпивает воды из бутылочки, не сводя глаз с Ханны.

— Вы попросили рассказать обо всех кошмарах, и о том, что я считаю таковыми. Насчет этих снов я не уверена.

— Не уверены, что они кошмарны, или не уверены, сон это или явь?

— Да, мне всегда казалось, что я бодрствую.

Мне долгое время не приходило в голову, что это могли быть всего-навсего сны.

Эдит Валлотон молча смотрит на Ханну. По ее натренированному, по-кошачьи спокойному лицу невозможно ничего прочитать. За ее темными глазами ничего не видно. Она держится отстраненно, но не высокомерно, и при этом заинтересованно, чтобы не казаться равнодушной. Ханна подозревает, что доктор может быть лесбиянкой, но, быть может, это лишь потому, что ее Ханне порекомендовала подруга-лесбиянка.

— Вы все еще храните эти камни? — спрашивает психолог, и Ханна по привычке пожимает плечами.

— Наверное, где-то лежат. Я никогда ничего не выбрасываю. Может, они у папы дома. Там осталось много моих детских вещей.

— Вы не искали их?

— Не уверена, что хочу их найти.

— Когда вы последний раз их видели? Помните?

Ханне приходится хорошенько задуматься. Она принимается грызть и без того обкусанный ноготь, следя за тем, как секундная стрелка описывает круги на часах на столе психолога. Каждая секунда — это цент, пятак, десятка…

«Ханна, тебе не мешало бы разобраться с этим поскорее, — мысленно говорит она себе голосом, больше похожим на голос доктора Валлотон, нежели на ее собственный. — Время — деньги».

— Не помните? — спрашивает психолог, приближаясь к Ханне.

— Я хранила их в старой коробке от сигар. Кажется, мне ее дал дедушка. Хотя нет, неправда. Он дал ее Джудит, а я забрала ее после несчастного случая. Думаю, она бы не возражала.

— Если вы их найдете, мне бы хотелось на них взглянуть. Если камни настоящие, не означает ли это, что все происходило не во сне, а наяву?

— Может, и так, — бормочет Ханна, не выпуская изо рта палец. — А может, и нет.

— Почему вы так считаете?

— Нацарапать на камнях слова может даже ребенок. Я могла сама их сделать. Или кто-нибудь мог подбросить их мне, чтобы подшутить. Кто угодно мог их там оставить.

— И часто над вами подшучивали? Устраивали розыгрыши?

— Не припомню. Думаю, не чаще, чем над другими.

Эдит Валлотон записывает что-то в желтом блокноте и смотрит на часы.

— Значит, камни всегда появлялись после сновидений? Не до?

— Нет. Только после. Они всегда появлялись на следующее утро, в одном и том же месте.

— У старого колодца, — говорит психолог таким тоном, будто Ханна могла об этом забыть и нуждалась в напоминании.

— Верно, у старого колодца. Папа постоянно говорил, что с ним нужно что-то сделать — до несчастного случая, как вы понимаете. Положить сверху пару жестяных листов, например. А после происшествия ему пришлось полностью засыпать чертову дыру.

— Ваша мать винила его в случившемся, потому что он так ничего и не сделал с колодцем?

— Она винила всех — его, меня, тех, кто вырыл этот колодец… Бога — за то, что тот создал подземные реки и источники, чтобы люди копали колодцы. Поверьте, мама блестяще владела искусством обвинения.

Наступает очередная продолжительная пауза — тщательно выверенная, выдержанная психологом специально для того, чтобы посеять семена, из которых потом вырастут будущие откровения.

— Ханна, постарайтесь вспомнить слово, что

было написано на самом первом камне, который вы получили. Получится?

— Я прекрасно его помню. Это слово «следуй».

— А что было написано на самом последнем найденном вами камне?

Теперь Ханне приходится поднапрячь память, но ненадолго.

— «Падай», — отвечает она. — Там было написано «падай».

4

Полбутылки «Мари Майанс», взятой у подруги Питера, внешний вид которой никак не вязался с представлениями Ханны о подругах Питера. Готичного вида девица подрабатывала диджеем в клубе, в котором Ханна никогда не была, потому что в принципе не ходила в клубы. Она не танцует и никогда не питала слабости к музыке и моде. Днем готичная девица работает в «Трэш и Водевиль» на Сент-Маркс-плейс, торгуя ботинками «Док Мартенс» и синей краской для волос. Магазин всего в паре кварталов от места, где пройдет вечеринка, на которую Ханну отправил Питер. На крошечной белой карточке написано «La Fête

de la Fée Verte»[47], внизу указан телефон. Ханна уже позвонила и согласилась прийти. Ровно в семь часов вечера, без опозданий. Ей объяснили все, что от нее потребуется. Дважды.

Ханна сидит на полу у кровати, рядом дымятся две свечи с ванильным ароматом. Ей хотелось создать хотя бы какое-то подобие атмосферы, соответствующей событию. Мистические штучки ее не интересуют, но она все же решила раздобыть по случаю бутылку настойки. Девушка передала ей бутылку в коричневом бумажном пакете, совершенно не скрываясь, и внимательно уставилась на Ханну едва виднеющимися из-под густо накрашенных черными и фиолетовыми тенями век глазами.

— Так ты, выходит, тоже подруга Питера? — подозрительно спросила она.

— Вроде того, — ответила Ханна, принимая пакет не без удовольствия от совершаемого ей противоправного действия. — Партнер по шахматам.

— Ты художница, — сказала девица.

— В основном.

— Питер — прикольный старикан. Пару лет

[47] notes: 47
Праздник зеленой феи (*фр.*).

назад он внес залог за моего парня.

— Правда? Он действительно замечательный, — Ханна неловко покосилась на разглядывающих кожаные сумки и корсеты посетителей и перевела взгляд на входную дверь, за которой светило яркое солнце.

— Не дергайся. Держать в руках бутылку абсента — не преступление. Даже пить его — не преступление. Незаконно лишь ввозить его в страну, но ты же этого не делала. Так что не парься.

Ханна кивнула, сомневаясь, что девушка сказала правду.

— Сколько с меня? — спросила она.

— Нисколько, — ответила девица. — Ты же подруга Питера. К тому же мне привозят его из Джерси по дешевке. Если не допьешь — верни, что останется.

Ханна отвинчивает пробку, и резкий запах мгновенно бьет ей в ноздри — она даже не успевает поднести бутылку к носу. Как и утверждал Питер, пахнет лакричными конфетами. Ханна никогда их не любила. В детстве она всегда откладывала их — а заодно и вишневые — и отдавала сестре. Ее сестра обожала лакричные конфеты.

У нее припасен бокал из купленного на рож-

дественской распродаже неполного набора, заготовлена коробка с сахаром, графин дистиллированной воды и доставшаяся от матери старинная серебряная ложка. Ханна наливает абсент медленно, по капле, пока искрящаяся желтовато-зеленая жидкость не покрывает дно бокала. Затем она устанавливает потускневшую от времени ложку на край бокала и кладет в нее кубик сахара. Она вспоминает, как Гари Олдмен и Вайнона Райдер проделывали то же самое в «Дракуле». Фильм она смотрела с парнем, который потом бросил ее ради другого мужчины. Ханна останавливается и просто смотрит на бокал, переваривая возникшие неприятные ассоциации.

— Наверное, я сошла с ума, — произносит она, но та ее часть, что вечно чувствует себя виноватой за то, что приходится соглашаться на работу, не связанную с живописью, чтобы оплатить счета, та ее часть, что вечно стремится логически обосновать и оправдать ее действия, предлагает ей считать грядущее событие своего рода исследованием. Открывающим новые горизонты опытом, если угодно. Кто знает, вдруг необычные впечатления помогут ей направить творчество в новое русло?

— Бред, — шепчет Ханна, хмуро глядя на совер-

шенно несоблазнительный бокал испанского абсента. Ханна читала «Абсент: история в бутылке» и «Художники и абсент», читала она и дневники Ван Гога, Рембо, Оскара Уайльда и Поля-Мари Верлена, в которых описывались взаимоотношения этих знаменитых людей с дурно пахнущим напитком. Ханна не питала большого уважения к творцам, чьей музой были те или иные наркотические вещества: героин, кокаин, гашиш, алкоголь — что угодно. Она не видела в этом никаких различий. Все это было уловкой, удобным оправданием художнику, неспособному отвечать за собственные творения. Это было настолько же бесполезно и глупо, как и непосредственное понятие «музы». Особенно скептически Ханна относилась к абсенту, этому наркотику, столь прочно связанному с искусством и вдохновением, что даже на этикетке «Мари Майанс» красовалась работа Ренуара — или нечто весьма на него похожее. Но раз уж она решилась, то надо хотя бы попробовать. Совсем чуть-чуть, чтобы утолить любопытство и понять, что же в этом напитке такого притягательного.

Ханна отставляет бутылку и берет графин. Наливает воду в ложку, поверх сахарного кубика. Абсент тут же меняет цвет на молочно-зеленый.

Ханна ставит графин на пол, замешивает полурастворившийся сахар в бокал и кладет ложку на фарфоровое блюдце.

«Расслабься и получай удовольствие, — сказала ей готичная девица на прощание. — Это очень крутая штука».

Ханна подносит бокал к губам, принюхивается и, поморщившись, делает осторожный глоток. Напиток куда слаще и пикантнее, чем она ожидала. Он сладко обжигает горло, и в животе мгновенно распускается семидесятиградусный горячий цветок. Настойка оказывается не настолько мерзкой, как предполагала Ханна, несмотря на крепость и лакричный привкус. Она чувствует легкую горечь и полагает, что это из-за полыни. Второй глоток уже не производит столь яркого впечатления, отчасти потому, что язык Ханны слегка онемел.

Она открывает «Абсент: история в бутылке» на случайной странице и видит на развороте репродукцию «Зеленой музы» Альбера Меньяна. Златоволосая девушка с мраморно-бледной кожей в воздушном оливково-зеленом одеянии словно пушинка парит над деревянными половицами, лаская руками лоб опьяненного поэта. Тот сухощав, с осунувшимся лицом, и находится

то ли в трансе, то ли в экстазе, то ли просто в бреду. Правой рукой он царапает себе лицо, а левой тщетно пытается отгородиться от потусторонней компаньонки. А может, он тянется к чему-то. На полу у ног поэта разбитая зеленая бутылка, а на письменном столе — полный бокал абсента.

Ханна делает еще глоток и перелистывает страницу.

Там фотография. Верлен пьет абсент в кафе «Прокоп».

Еще один, уже более смелый глоток. Ханна привыкает ко вкусу. Теперь он кажется ей довольно приятным.

Новая страница. «Бульвар Монмартр, ночь, за театром Варьете» Жана Беро.

Когда бокал пустеет, Ханна чувствует в голове легкий гул, словно там кружит пчела, завернутая в мед и паучий шелк.

Ханна берет из коробки еще кусочек сахара и заново наполняет бокал.

5

«Феи.
“Кресты фей”
Цит. по “Харперс уикли”, 50-715
К северу от округа Патрик, штат Вирги-

ния, в точке соединения Голубого хребта и Аллеганских гор, обнаружено множество миниатюрных каменных крестов.

Раса крошечных существ.

Они распинали тараканов.

Утонченные создания – но вспомните о свойственной всему утонченному жестокости. Они были прямо как люди, пусть и крошечные. Они распинали.

“Кресты фей”, как стало известно “Харперс уикли”, весят от четверти унции до унции, но при этом в “Саентифик Американ”, 79-395, утверждается, что некоторые из них были размером не больше булавочной головки. Эти кресты также были обнаружены в двух других штатах, но в Виргинии зона их распространения ограничивается Бычьей горой и ее окрестностями…

…Я полагаю, их там рассыпали».

Чарльз Форт, «Книга проклятых» (1919)

6

Во сне, который никогда не повторяется один

в один, Ханне двенадцать лет. Она стоит у окна спальни и смотрит во двор. Уже почти стемнело, солнце заходит, и из сумерек появились желто-зеленые светлячки. В высоком сине-фиолетовом небе горят первые звезды, а в лесу жалобно кричит козодой.

Ему отвечает другой.

Трава колышется. Она высокая, потому что отец Ханны больше ее не подстригает. Дело не в ветре; стоит полный штиль, кроны деревьев в полном покое, и ни одна веточка, ни один листочек не шевелится от дуновения. Только трава.

«Наверное, кошка, — думает Ханна. — Кошка, скунс или енот».

В спальне становится темно, и ей хочется включить лампу. Движение травы пугает ее, пусть и понятно, что виной всему лишь маленькая зверушка, вышедшая ночью поохотиться и проложившая маршрут через их задний двор. Ханна оглядывается, чтобы попросить Джудит зажечь свет, но видит лишь пустую комнату. Кровать Джудит пуста, и Ханна все вспоминает. Она заново переживает, как в самый первый раз, все то удивление, потрясение и боль, словно от свежей раны. Следом наступает оцепенение.

— Ты не видела сестру? — спрашивает мать с

порога.

Дверь в спальню открыта, но ночь заполонила собой дом, и Ханне видны лишь мамины глаза цвета янтаря, по-кошачьи светящиеся во тьме.

— Нет, — отвечает Ханна, чувствуя в комнате запах горелых листьев.

— Ей нельзя гулять допоздна, завтра в школу.

— Да, мама, — двенадцатилетняя Ханна удивляется, почему ее голос звучит как у тридцатипятилетней. А тридцатипятилетняя Ханна вспоминает, каким чистым, нетронутым временем и горем, был голос двенадцатилетней Ханны.

— Сходи поищи ее, — говорит мать.

— Я каждый раз хожу ее искать. Но позже.

— Ханна, ты не видела сестру?

Снаружи, трава начала виться, скручиваясь в кольца. В нескольких дюймах от земли заплясали зеленоватые искры.

«Светлячки», — думает Ханна, хоть и знает, что это неправда. Знает она и то, что трава шевелится не из-за кошки, скунса или енота.

— Твоему отцу стоило давно заделать чертов колодец, — ворчит мать, и запах горящей листвы становится сильнее. — Столько лет прошло, а он палец о палец не ударил.

— Конечно, мама. Надо было тебе его заставить.

— Нет, — резко отвечает мать. — Я тут ни при чем. Я ни в чем не виновата.

— Разумеется.

— Когда мы купили этот дом, я сразу попросила его заняться колодцем. Сразу сказала, что колодец опасен.

— Ты была права, — говорит Ханна, глядя на мерцающее зеленое облако над травой. Оно не больше баскетбольного мяча, но уже очень скоро вырастет. Ханне уже слышна мелодия — дудочки, барабаны и флейты, как в отцовских альбомах народной музыки.

— Ханна, ты не видела сестру?

Ханна оборачивается и вызывающе смотрит прямо в светящиеся, упрекающие глаза матери.

— Мама, ты уже третий раз спрашиваешь. Уходи. Прости, но таковы правила.

Ее мать повинуется и уходит — вспышка, тяжелый вздох, и фантом пропадает, не проходит и полсекунды. Тьма будто разворачивается, и запах горелой листвы исчезает следом.

Сияние во дворе становится ярче, отражается от окна, кожи Ханны и белых стен спальни. Музыка звучит еще громче, не желая уступать.

Теперь рядом с Ханной Питер. Ей хочется взять его за руку, но она не делает этого, не уверенная, что ему место в этом сне.

— Я зеленая фея, — говорит он, и голос его звучит усталым, грустным, совсем стариковским. — Мое одеяние — цвета отчаяния.

— Неправда, — возражает Ханна. — Ты всего лишь Питер Маллиган. Ты пишешь книги о странах, где никогда не был, и людях, что никогда не появятся на свет.

— Не стоит тебе больше сюда приходить, — шепчет он в ответ, и свет со двора отражается в его серых глазах, придавая им мшистый зеленоватый оттенок. — Никто кроме тебя сюда не приходит, и больше не придет.

— Но это не означает…

Питер безмолвно устремляет взгляд во двор.

— Я должна найти Джудит, — говорит Ханна. — Ей нельзя гулять допоздна, ведь завтра в школу.

— Помнишь картину, что ты написала прошлой зимой? — бормочет Питер, будто пьяный или полусонный. — Голуби на подоконнике, заглядывающие в квартиру.

— Это не я написала. Ты путаешь.

— Дрянная картина. Терпеть ее не мог. Так обрадовался, когда ты ее продала.

— Я тоже, — отвечает Ханна. — Питер, мне пора ее искать. Сестру. Скоро ужин.

— Я — горе и гибель, — шепчет он.

Зеленый свет начинает вращаться, отбрасывая блики, которые тут же принимаются плясать и кружить вокруг, словно планеты вокруг звезды, новорожденные миры и целые вселенные, столь малые, что могут уместиться у Ханны на ладони.

— Я жажду крови, — произносит Питер, — алой, горячей, трепещущей плоти моих жертв.

— Боже, Питер, это даже для тебя чересчур по́шло, — Ханна протягивает руку и прикасается к стеклу. Оно теплое, как весенний вечер, как яркие глаза ее матери.

— Не я это написал[48].

— А я никогда не писала голубей.

Она прижимает пальцы к стеклу и не удивляется, когда оно трескается и разлетается на осколки. Сверкающий алмазный вихрь охватывает ее, разрывая на куски вместе с остатками видения, погружая в крепкий, пусть и неровный, сон.

---

[48] notes: 48

Действительно, Питер цитирует строчку из песни *Absinthe* американской группы *Blood Axis*.

7

— Нет настроения, — говорит Ханна, отодвигая на край стола картонное блюдце с тремя жирными кусками рыжеватого сыра и парой недоеденных крекеров. Стол завален объявлениями о разнообразных выставках, открывающихся в других галереях. Ханна переводит взгляд с Питера на белые, увешанные картинами стены комнаты.

— Я лишь хотел, чтобы ты куда-нибудь сходила. Ты же все время сидишь дома.

— Я хожу к тебе.

— О том и речь, милая.

Ханна отпивает теплого мерло из пластикового стаканчика и думает, что с бóльшим удовольствием выпила бы пива.

— Ты же говорила, что любишь работы Перро.

— Да, — отвечает она, — но сегодня мне не хотелось никуда идти. В последние дни я паршиво себя чувствую. Одиноко.

— Так случается с людьми, которые отказываются от секса.

— Питер, я ни от чего не отказывалась.

В итоге она вынуждена следовать за ним, медленно обходя помещение, останавливаясь, чтобы

перекинуться парой слов с малознакомыми людьми и теми, с кем ей не хотелось встречаться — с людьми, которые знают Питера лучше, чем ее, чье мнение имеет вес и кого она вовсе предпочла бы не знать. Она вежливо кивает, улыбается, пьет вино и старается не слишком задерживаться перед огромными темными полотнами, напоминающими масляно-акриловые окна поезда.

— Он стремится продемонстрировать нам изначальную сущность старых сказок, — говорит Питеру женщина по имени Роуз, хозяйка галереи в Аптауне, о выставке в которой Ханна может только мечтать. — «Красная шапочка», «Белоснежка», «Гензель и Гретель», — продолжает Роуз. — У него к ним постфрейдистский подход.

— Это заметно, — отвечает Питер, но Ханна понимает, что несмотря на показной интерес, ему на это плевать.

— Как продвигается новый роман? — спрашивает Роуз.

— Медленно пережевывается, как полный рот соленых канцелярских кнопок, — отвечает Питер, вызывая у женщины гомерический хохот.

Ханна отворачивается к ближайшей картине. Это лучше, чем слушать, как Питер и женщина болтают, притворяясь, что общество друг друга

им приятно. На картине мрачный хаос черных, красных и серых мазков, пестрота, с трудом складывающаяся в образы. Нужно очень тонкое восприятие, чтобы понять, что изображено на полотне. Ханна вспоминает, что видела снимок этой картины на «Артфоруме».

Маленькая бежевая карточка справа на стене гласит, что картина называется «Лесная ночь». Ценника нет — работы Перро не продаются. Ханна слышала, что он отклонял предложения в миллионы, даже десятки миллионов долларов, но ей это кажется преувеличением и пиаром. Современные художники любят создавать вокруг себя легенды, к тому же всем известно, что недостатка в деньгах Перро все равно не испытывает.

Роуз несет что-то о рассмотрении вероятностей, сказках и о том, как дети благодаря им избегали опасности в реальной жизни — что-то прямиком из Бруно Беттельгейма[49], как кажется Ханне.

— А я всегда болел за волка, — говорит Питер. — И за ведьму, и за трех медведей. Мне всегда казалось глупым сопереживать девочкам, у ко-

[49] notes: 49

Бруно Беттельгейм (1903–1990) — американский психолог и психиатр австрийско-еврейского происхождения, бывший узник концлагерей Дахау и Бухенвальда, известный в том числе трудами о роли волшебных сказок в воспитании детей.

торых недостаточно мозгов, чтобы не шастать по лесам без взрослых.

Ханна едва слышно смеется и отступает от картины, чтобы внимательнее рассмотреть. Над лесными дебрями — мрачное безлунное небо. Через лес тянется тропинка, а во мраке поджидает некто костлявый, сутулый. Пара выверенных алых мазков на месте глаз. На тропинке никого, но намек ясен — скоро кто-то появится, и затаившееся среди деревьев существо терпеливо ждет.

— Вы уже видели камни? — спрашивает Роуз, и Питер отвечает, что нет.

— Это работа в новом направлении, — объясняет женщина. — Они выставляются всего второй раз.

«Если я когда-нибудь смогу так рисовать, — думает Ханна, — то к черту доктора Валлотон. Если я напишу нечто подобное, можно будет считать, что из меня изгнали всех демонов».

Роуз отводит их в сумрачный уголок галереи, к нескольким ржавым клеткам, в каждой из которых лежит по камню. Крупные булыжники и мелкая галька, отполированные водой куски гранита и сланца, на каждом из которых коряво написано слово.

На первом — «следуй».

— Питер, я хочу уйти, — выдыхает Ханна, не в силах отвернуться от желто-коричневого камня и отвести взгляд от выбитых на нем букв. Смотреть на остальные она не осмеливается.

— Тебе плохо?

— Мне нужно уйти, вот и все. Немедленно.

— Если вам нехорошо, — нарочито услужливо говорит Роуз, — то можете воспользоваться ванной комнатой.

— Нет, все хорошо. Мне просто нужно подышать воздухом.

Питер заботливо обнимает ее, поспешно прощаясь с Роуз. Ханна так и продолжает смотреть на камень, лежащий за решеткой, словно маленький злобный зверек в зоопарке.

— Удачи в работе над книгой, — улыбается Роуз.

Ханне кажется, что ее вот-вот стошнит, и уже собирается бежать в туалет. Во рту металлический привкус, а сердце стучит, словно деревянная колотушка по замороженному куску мяса. Адреналин кипит, голова кружится.

— Рада была знакомству, Ханна, — добавляет женщина, и Ханна с трудом выдавливает улыбку и кивает.

Питер выводит ее из переполненной галереи

на тротуар Мерсер-стрит, где их встречает теплая ночь.

8

— Хотите поговорить о событиях того дня? — спрашивает доктор Валлотон, и Ханна прикусывает растрескавшуюся нижнюю губу.

— Нет. Не сейчас, — говорит она. — Достаточно.

— Уверены?

— Я рассказала все, что помню.

— Если бы ее тело нашли, — говорит психолог, — вероятно, ваши родители смогли бы рано или поздно смириться и жить дальше. Такой финал лучше неопределенности. Они больше не питали бы тщетных надежд на то, что она могла остаться в живых, на то, что кто-нибудь мог ее найти.

Ханна тяжело вздыхает, поглядывая на часы в ожидании освобождения, но до конца приема еще почти полчаса.

— Джудит упала в колодец и утонула, — уверенно заявляет она.

— Но тело так и не нашли.

— Нет, но нашли достаточно улик, чтобы быть в этом уверенными. Она упала в колодец. Утонула.

Там было очень глубоко.

— Вы упомянули, что она звала вас на помощь.

— Я в этом не уверена, — Ханна перебивает доктора, прежде чем та выскажет свои предположения и использует слова Ханны против нее. — Я уже говорила, что так и не поняла, слышала ли ее на самом деле.

— Прошу прощения за настойчивость, — говорит доктор Валлотон.

— Не вижу причин дальше это обсуждать.

— Тогда давайте вернемся к снам. Ханна, расскажите, когда вы впервые увидели фей.

9

Сны — или день, с которого они начались — возвращаются, когда они уже наполовину забылись. В сущности, нет большой разницы, сны это или уже явь. Разум живет моментом — одним мимолетным моментом, будь то текущим или воскрешенным в памяти, во сне, наяву или где-то посередине, в драгоценной предательской иллюзии настоящего, застрявшей в дыре между прошлым и будущим.

Сон о том дне или сам день: высокое, крошечное белое солнце, то ослепительное июльское солнце, раскидавшее столпы света среди высо-

ких деревьев в лесу позади дома Ханны. Ханна гонится за Джудит; сестра на два года старше и ноги у нее длиннее, поэтому Ханна никак не может ее догнать. «Не догонишь, копуша, как ни старайся!» Ханна едва не падает, запнувшись о спутанную лозу дикого винограда, и ей приходится остановиться, чтобы освободить ногу.

— Стой! — кричит она, но Джудит не отвечает. — Подожди! Я тоже хочу посмотреть!

Лоза не желает отпускать теннисную туфлю Ханны и до крови царапает кожу. На лодыжке выступают яркие алые капли. Спустя секунду Ханна все же освобождается и бросается бежать по узкой тропке в тени дубов, нагоняя сестру.

— Я нашла кое-что интересное, — сказала Джудит после завтрака, когда они сидели на заднем крыльце. — На полянке у старого колодца.

— Что? Что ты нашла?

— Не знаю, стоит ли тебе говорить. Пожалуй, нет. Ты все разболтаешь маме с папой.

— Не разболтаю! Я ничего им не скажу! Никому не скажу!

— Не верю. Ты же совершенно не умеешь держать язык за зубами!

В конце концов Ханне пришлось отдать Джудит половину своих карманных денег за то, чтобы та

ей рассказала, и вторую половину за то, чтобы показала. Сестра пошарила в кармане джинсов и выудила оттуда блестящую черную гальку.

— Я что, отдала тебе доллар за какую-то каменюку?!

— Нет же, тупица! Смотри! — Джудит протянула камень.

На камне были выцарапаны буквы — ДЖУДТ — пять кривых букв, составляющих почти полное имя сестры, и Ханна взаправду удивилась.

— Подожди меня! — кричит она сердито, и голос эхом отражается от стволов вековых деревьев.

Под ногами хрустит сухая листва. Ханна начинает опасаться, что все это розыгрыш, один из обычных фокусов Джудит. Сестра наверняка спряталась где-нибудь, и тихонько посмеивается над ней. Ханна прекращает бежать и останавливается посреди тропы, прислушиваясь к шороху леса.

Откуда-то доносится слабый ритмичный звук, похожий на музыку.

— Это еще не все, — сказала Джудит. — Поклянись, что не расскажешь маме с папой!

— Клянусь!

— Если проговоришься, я сделаю так, что ты на всю жизнь пожалеешь.

— Я никому не расскажу.

— Давай камень обратно, — потребовала Джудит, и Ханна немедленно протянула черный камень обратно. — Только попробуй рассказать…

— Да не расскажу я! Сколько раз повторять?!

— Ладно, — сказала Джудит и отвела Ханну в небольшой сарай, где отец хранил садовые инструменты, мешки с удобрениями и старые газонокосилки, которые любил разбирать и собирать заново.

— Надеюсь, это стоит доллара, — сказала Ханна.

Она стоит неподвижно, прислушиваясь к музыке, которая становится громче. Ей кажется, что звук идет с полянки впереди.

— Джудит, я возвращаюсь домой! — кричит она безо всяких шуток, потому что внезапно чувствует, что не хочет знать, было ли существо в банке всамделишным.

Солнце уже не греет так сильно, как минуту назад.

А музыка становится все громче.

И громче.

Джудит достала из пустой клетки для кроликов банку из-под майонеза, подняла к солнцу, с улыб-

кой глядя на ее содержимое.

— Покажи! — потребовала Ханна.

— Даже не знаю. Думаю, это будет стоить еще доллар, — с усмешкой ответила сестра, не отводя глаз от банки.

— Еще чего! — возмущенно произнесла Ханна. — Даже не мечтай! — она попыталась выхватить банку, но Джудит ловко увернулась, и рука Ханны схватила лишь воздух.

Посреди леса Ханна разворачивается и глядит в сторону дома, затем опять в сторону полянки, манящей из-за деревьев.

— Джудит! Это уже не смешно! Я иду домой!

Ее сердце громко стучит, едва не заглушая музыку, но музыка все же чуть громче. Флейты и дудочки, барабаны и бубны. Ханна делает шаг по направлению к полянке. Сестра просто разыгрывает ее, чего бояться? К тому же Ханна знает лес как свои пять пальцев.

Джудит скрутила с банки крышку и протянула Ханне. Внутри оказалось крошечное, высушенное, скрюченное существо. Мумифицированный серый трупик, который, казалось, готов был в любой момент рассыпаться в прах.

— Это же дохлая мышь, — с отвращением произнесла Ханна. — Ты содрала с меня доллар за

какую-то каменюку и мышиный труп в баночке?

— Это не мышь! Посмотри внимательнее, тупица!

Так Ханна и поступила. Наклонившись ближе, она разглядела прозрачные, как у стрекозы, переливчатые крылья, едва заметно мерцающие на солнце. Прищурившись, Ханна поняла, что у существа есть и лицо.

— Ой, — выдохнула она, бросая взгляд на триумфально улыбающуюся сестру. — Джудит, боже, что это?

— А ты не знаешь? — сказала Джудит. — Мне что, нужно все тебе объяснять?

Ханна перелезает через бурелом у полянки. В этом месте тропинка исчезает среди груды поваленных полусгнивших деревьев. Отец говорил, что давным-давно тут стоял дом, но теперь от него осталась лишь куча печных камней и колодец, прикрытый несколькими листами ржавого железа. Отец говорил, что в доме случился пожар, в котором погибли все его жильцы. Ханна переводит дух по другую сторону бурелома и выходит на свет, оставляя позади лесную тень и теряя последнюю возможность не увидеть то, что перед ней.

— Круто? — спрашивает Джудит. — Зуб даю, ты

ничего круче в жизни не видела!

Кто-то сдвинул железные листы, и колодец выглядит черным пятном. Солнечные лучи туда не проникают. Ханна видит широкое, абсолютно ровное кольцо красных мухоморов и губчатых коричневых сморчков вокруг колодца. На железе пляшут солнечные зайчики, воздух переливается, словно вода, а музыка буквально оглушает.

— Я ее нашла, — шепчет Джудит, закручивая крышку обратно как можно туже. — Я ее нашла, и теперь она моя. А ты помалкивай, иначе никогда больше ничего тебе не покажу!

Ханна отводит взгляд от грибов и колодца, и видит, как с края полянки на нее смотрят тысячи любопытных глаз. Глаза цвета голубики, глаза-рубины, глаза — капли меда, золотые и серебряные монеты, глаза — лед и пламень, глаза — чернильные пятна. Все они с неописуемой жадностью разглядывают Ханну, не добрые, но и не злобные, невероятные, но одновременно реальные.

Под сенью высокого тополя сидит нечто размером с медведя. Оно поворачивает темную косматую голову и улыбается.

— А эта тоже симпатичная! — рычит существо.

Ханна бросается наутек.

10

— Наверняка в глубине души вы понимаете, что на самом деле видели в тот день? — спрашивает доктор Валлотон, постукивая ластиком на конце карандаша себе по зубам. В ее выражении лица, манерах и этом непрерывном постукивании — тук-тук-тук — карандаша по идеально ровным белоснежным резцам Ханне видится до неприличия неподдельный интерес. — Вы видели, как ваша сестра упала в колодец, либо догадались, что она упала. Весьма вероятно, что крики о помощи вы действительно слышали.

— Может, я сама ее туда и столкнула, — тихо произносит Ханна.

— Вы так думаете?

— Нет, — Ханна потирает виски, чтобы прогнать первый приступ надвигающейся головной боли. — Но порой мне хочется, чтобы это было так.

— Вы считаете, что это более правдоподобно, чем то, что произошло на самом деле.

— Разве не так? Разве не проще поверить, что она разозлила меня, а я в отместку спихнула ее в колодец? А потом сочинила безумные сказки, чтобы избавиться от чувства вины. Может, мой

собственный разум рождает кошмары, чтобы заставить во всем признаться.

— В таком случае, откуда взялись камни?

— Может, я их сама себе подложила. Нацарапала на них слова и спрятала, чтобы потом «найти», зная, что так мне будет проще поверить в обман. Если у выдуманной истории есть материальное подтверждение, то в нее куда легче верить.

Наступает долгая пауза. Тишину нарушает лишь тиканье часов и постукивание карандаша о зубы психолога. Ханна с силой трет виски, чувствуя, как боль, полная и безраздельная, подкрадывается все ближе, выжидает за углом, грозя в любую секунду взорваться пурпурной вспышкой, отливающей черным и красным. Наконец доктор Валлотон откладывает карандаш и вздыхает.

— Ханна, это признание? — спрашивает она, и неприличный интерес сменяется то ли ожиданием, то ли предвкушением, то ли банальным любопытством, а может, и страхом. — Вы убили свою сестру?

Ханна закрывает глаза и мотает головой.

— Джудит упала в колодец, — спокойно отвечает она. — Она сдвинула железные листы и подошла слишком близко к краю. Шериф показал

родителям, где земля осыпалась под ее весом. Она упала и утонула.

— Кого вы хотите в этом убедить? Меня или себя?

— А какая разница? — отвечает Ханна вопросом на вопрос.

— Большая, — говорит доктор Валлотон. — Правда нужна вам.

— Какая именно правда? — спрашивает Ханна, улыбаясь, несмотря на нарастающую боль.

Психолог не отвечает, и Ханна остается сидеть с закрытыми глазами до конца сеанса.

11

Питер Маллиган ходит на две клетки черной пешкой, и Ханна съедает ее белым конем. Сегодня Питер даже не старается выиграть. Он притворяется, что удивлен, когда теряет очередную фигуру, и лишь изображает усердное размышление над ходами, не переставая при этом болтать. Ханну это раздражает.

— По-русски, — говорит Питер, — полынь когда-то звали чернобылем. Келлерман сильно возмущался?

— Нет, — отвечает Ханна. — Вообще не возмущался. Оказалось, что перенести съемку на вечер

ему даже удобнее. Все путем.

— Чудеса, — вздыхает Питер, берясь за ладью и тут же отпуская ее. — Значит, на вечеринку к антропологу ты пойдешь?

— Ага, — отвечает Ханна. — Пойду.

— Месье Ординер[50]. По-твоему, это его настоящая фамилия?

— Если он заплатит, сколько обещал, то мне плевать. Тысяча долларов за несколько часов в гриме? Только дураки от такого откажутся.

Питер снова берет ладью и болтает ей в воздухе, дразня Ханну.

— Кстати, я тут вспомнил название его книги, — говорит он. — А потом опять забыл. Она была о шаманизме, масках, оборотнях и тому подобном. Разошлась большим тиражом в шестьдесят восьмом, а потом куда-то пропала. В интернете наверняка что-нибудь о ней есть.

Питер ставит ладью на доску и разжимает пальцы.

— Даже не думай, — останавливает его Ханна. — Получишь мат.

— Милая, дай мне хоть раз проиграть по собственной воле, — ворчит он, притворяясь

---

[50] notes: 50
Ordinaire (*фр.*) — «обычный».

обиженным.

— Я еще не собираюсь домой, — отвечает Ханна, и Питеру Маллигану приходится снова склониться над доской.

Он продолжает рассуждать о забытой книге месье Ординера. Через некоторое время Ханна отправляется на кухню за кофе, и видит на подоконнике черно-серого голубя. Птица пристально глядит на нее желтыми глазами-бусинами. Голубь напоминает Ханне что-то, что та не хочет вспоминать, и она стучит кулаком по стеклу, прогоняя птицу.

12

Старушка Джеки не возвращается. Вместо нее появляется подросток лет четырнадцати-пятнадцати, максимум шестнадцати, с накрашенными алыми губами и ногтями, одетый в шелковый костюм с павлиньими перьями. Открыв дверь, он неподвижно стоит на пороге, молча разглядывая Ханну. На его лице восхищение, и Ханна впервые чувствует себя не просто раздетой, а абсолютно беззащитной.

— Все готово? — спрашивает она, стараясь хоть немного скрыть волнение, и в последний раз оборачивается, чтобы взглянуть на зеленую фею

в зеркале. Но в зеркале пусто. Никто не отражается в нем — ни Ханна, ни зеленая дева. Лишь пыльная комната, полная древностей, милые антикварные лампы и отслаивающиеся клюквенного цвета обои.

— Госпожа, — произносит мальчик звонким хрустальным голосом и кланяется, — Двор готов принять тебя.

Он отступает в сторону, пропуская Ханну. Музыка гремит, меняет темп, тысячи нот и ударов смешиваются, грохочут, наступают друг другу на пятки.

— Зеркало, — шепчет Ханна, указывая пальцем туда, где должно быть ее отражение. Когда она оборачивается, то на месте мальчика стоит девочка в точно таком же одеянии с перьями — возможно, его сестра-близнец.

— Это сущий пустяк, госпожа, — говорит девочка звонким, дребезжащим голосом мальчика.

— Что происходит?

— Двор собрался, — отвечает девочка. — Они ждут. Не бойся, госпожа. Я провожу.

Тропинка, ведущая через лес к колодцу. Тропинка к колодцу…

— Как тебя звать? — спрашивает Ханна, удивляясь тому, как спокойно звучит ее голос. Все

смущение, вся неловкость перед девочкой и ранее перед ее близнецом, испуг, что она испытала, не увидев своего отражения в зеркале — все это ушло.

— Звать? Госпожа, я не настолько глупа.

— Конечно, — соглашается Ханна. — Прости.

— За мной, — говорит девочка. — Ни обиды, ни вреда наша госпожа не знай!

— Ты очень любезна, — отвечает Ханна. — Я уже подумала, что обо мне забыли. Но это ведь не так?

— Нет, госпожа. Я же с тобой.

— Да, да. Ты со мной. А я здесь.

Девочка улыбается, сверкая острыми хрустальными зубками. Ханна улыбается в ответ и выходит из пыльной каморки, оставляя позади зеркало в раме из красного дерева. Она следует за девочкой по короткому коридору; музыка заполняет все уголки разума — музыка и тяжелый, не живой и не мертвый аромат диких цветов, опавшей листвы, гнилого дерева и свежевскопанной земли. В воздухе витает настоящая какофония запахов, как в парнике — пахнет весной, осенью, летом и зимой, — Ханна никогда не дышала столь приторным воздухом.

…тропинка к колодцу, черная вода на дне.

Ханна, ты меня слышишь? Ханна?

Здесь так холодно. Я ничего не вижу…

В конце коридора, сразу за лестницей, ведущей к выходу на Сент-Маркс-плейс, зеленая дверь. Девочка отворяет ее. Зеленый — цвет выхода.

Все в огромном, огромном зале — невероятной комнате, бесконечно тянущейся во все стороны и неспособной поместиться в любое из существующих на свете зданий и даже в тысячу зданий, — все топочущие, прыгающие, танцующие, кружащиеся, летающие, крадущиеся существа останавливаются и поворачиваются к Ханне. Та чувствует, что ей следует бояться, а лучше сразу развернуться и бежать, но все это для нее не ново. Она уже видела это место много лет назад. Ханна проходит мимо своего сопровождающего, снова ставшего мальчиком, и крылья у нее за спиной принимаются звенеть, жужжать, будто неистовые радужные крылышки шмеля, колибри, рыжей осы или голодной стрекозы. Во рту привкус аниса и полыни, сахара, иссопа и мелиссы. Липкий зеленоватый свет исходит от ее кожи, разливаясь по мху и траве под ее босыми ногами.

Спасение утопающих — дело рук самих утопающих. Нет ничего проще, чем представить

черную, ледяную колодезную воду, скрывающую лицо сестры, заполняющую рот и ноздри, потоком льющуюся в желудок, когда когтистые руки тянут ее на глубину.

Ниже.

Еще ниже.

Иногда, как говорит доктор Валлотон, иногда мы тратим всю жизнь на поиски ответа на один простой вопрос.

Музыка захлестывает ее ураганом.

Госпожа. Хозяйка бутылки. *Artemisia absinthium*, чернобыль,

apsinthion, Повелительница галлюцинаций, Зеленая госпожа эйфории и меланхолии.

Я — горе и гибель.

Мое одеяние — цвета отчаяния.

Все существа кланяются, и Ханна наконец видит того, кто ждет ее на терновом троне из переплетенных ветвей и птичьих гнезд — огромное создание с оленьими рогами и горящими глазами, человека-оленя с волчьими зубами, — и тоже кланяется.

В Нью-Йорке много опасностей. К счастью, существуют волшебники, такие как Мэттью Шчегельняк, защищающие жителей от самых… необычных угроз, вроде кокатриса, один вид которого убивает наповал — в самом прямом смысле.

Элизабет Бир
Камуфляж[51]

Первой его заметила Кэти. Он был почти голым, в одних лишь камуфляжных шортах и баскетбольных кроссовках. От плеч до лодыжек его бледную кожу покрывал черный лабиринт татуировок. Этим знойным сентябрьским вечером он успел вспотеть и блестел, будто фортепианная клавиша. Кэти схватила Мелиссу за рукав и потащила на пешеходный переход. Джина шла в трех шагах позади.

— Давайте посмотрим баскетбольный матч!

— Зачем? — тут Мелисса увидела, куда смотрит Кэти, и ахнула. — Черт побери, вот это тату! Издали можно за футболку принять!

Мелисса была родом из Бостона, но говорила без бостонского акцента.

— Тату — это еще ерунда, — сказала Кэти. — Ты на трицепсы взгляни!

Увидев ямочки с тыльной стороны его рук, Кэти тут же подумала, что, не будь он таким высоким,

---

[51] notes: 51

“Cryptic Coloration” © 2007 Elizabeth Bear. First publication: *Jim Baen’s Universe*, June 2007.

она могла бы облизать их, стоя на цыпочках, когда он поднял бы руки, чтобы получить пас. В лицо бросилась краска, во рту пересохло.

Мелисса наверняка подумала бы, что Кэти чокнутая, поэтому вслух о своих фантазиях она решила не высказываться.

Даже не принимая в расчет татуировку, этот парень обладал лучшей фигурой среди всех баскетболистов. Крепкий, мускулистый, удивительно подвижный при ускорениях и финтах, со светлыми волосами длиной до подбородка. Он пританцовывал, как боксер, разворачивался вокруг своей оси, прокидывал мяч между ног. Мускулы напрягались, словно канаты, когда он ловил мяч после отскока и подпрыгивал, воспаряя в воздухе. С локтей и подбородка слетали брызги пота, когда он бросал мяч. Трехочковый бросок шел по геометрически правильной дуге…

…Но в кольцо не зашел. Высокий чернокожий паренек лет восемнадцати смахнул мяч с дужки, со звоном ударив по кольцу рукой и тут же отпасовал вперед, но это было уже не важно. Кэти оглянулась на Джину.

— Боже, — довольно промурлыкала Мелисса, — как же я люблю Нью-Йорк!

Кэти ничего не могла на это возразить, и лишь

утерла потный лоб подолом футболки.

Несмотря на то, что была уже середина сентября, погода стояла жаркая. Думать в такую погоду было тяжело, и даже после короткой прогулки ты уже чувствовал себя грязным с головы до ног.

Дома в Эпплтоне таких парней не встретишь.

Мелисса была высокой веснушчатой девушкой. Рыжие волосы она заплетала в два хвостика, напоминавших витую пряжу. У нее была привычка привставать на носки, из-за чего она казалась еще выше и, поднимаясь на поребрик, она нависала над остальными пешеходами.

— Кажется, там тенек… боже, вы только посмотрите!

Кэти подпрыгнула, но среди футболок ничего не увидела.

— Мел!

— Ой, извини.

Они пошли дальше в двух шагах впереди Джины. Мелисса оказалась права — им удалось найти тенистое прохладное местечко, откуда хорошо было видно игру. Когда они подошли к площадке, блондин встал напротив смуглого латиноамериканца в белой футболке и красных потрепанных кедах.

— Спорный мяч, — заметила Джина, пристраи-

ваясь между Кэти и Мелиссой.

Парни одновременно взмыли в воздух. Их гибкие тела изогнулись, столкнулись, руки взметнулись вверх. Кэти увидела темные полосы на каждом пальце блондина, включая большой. То ли татуировки, то ли кольца — но разве можно играть в баскетбол в кольцах?

Латиноамериканец был выше, но блондин опередил его на пару дюймов. Крепко ударив по мячу пальцами, он выиграл его для своей команды. Затем он легко приземлился на полусогнутые ноги, перевел дух и, работая локтями, пригнулся.

Только теперь стало понятно, что он давно уже не юноша, а мужчина лет тридцати.

— Охренеть! — выдохнула Джина, которая обычно ругалась только по-испански. — Девочки, это же доктор Ш!

Днем в среду три непохожие друг на дружку первокурсницы, сидевшие в третьем ряду аудитории № 220, где преподавал Мэттью Шчегельняк, вели себя хуже обычного. Прежде они были типичными наивными первокурсницами без чувства юмора, которым постоянно приходилось напоминать, что ошибки — не конец света, и каждый человек им подвержен. Почти все эти девушки напоминали Мэттью молодых кошек:

они так усердно старались выглядеть изящными и благородными, что ничего вокруг не замечали и то и дело бились головой в стену.

А потом злились, если ты это замечал.

Это было весело.

Сегодня же они посмеивались, пихали друг дружку локтями и передавали записочки. Мэттью едва не решил, что перепутал здание университета со школой и попал к старшеклассникам. Он поймал рыжеволосую девушку за передачей записки, оборвав на полуслове свою сорокаминутную вступительную лекцию о поэтах-романтиках (в данный момент — о Байроне и Скотте), и уставился на нее испепеляющим взглядом.

Ее веснушчатое лицо залила краска. Даже обгоревший на солнце нос покраснел. Вместо смешка у девушки вырвался сдавленный писк.

— Мисс Мартинчек, у вас, должно быть, уже сложилось четкое представление о творчестве Джоанны Бэйли?

Девушка покраснела так, что можно было решить, будто у нее апоплексический удар. Уставившись в конспект, она несколько раз резко мотнула головой.

— Нет, доктор Ш.

Мэттью Шчегельняк почесал нос маркером

и поправил указательным пальцем очки. Он не был тираном, чтобы заставлять студентов зубрить его фамилию — даже ее упрощенное произношение, — а те студенты, что сами пытались ее выучить, обычно веселили его своими попытками ее произнести.

Вдобавок Мэттью был волшебником. Как человек, хорошо понимавший природу волшебства, он знал, что сложно придумать более бесполезное занятие, чем каждый семестр заставлять три сотни новых студентов учить его фамилию.

Мелисса выглядела настолько пристыженной, что Кэти сочувственно положила голову ей на плечо. Она то и дело украдкой поглядывала на доктора Ш, пытаясь разглядеть за очками, стянутыми в хвост волосами и надменным тоном его лекции того веселого полураздетого спортсмена, которого они видели вчера.

В конце концов она решила, что он гей.

Книжки, обложки, прочая дребедень… Невозможно было представить, чтобы он победно стряхивал с волос капли пота, пусть Кэти и видела это своими глазами, и при мыслях об этом чувствовала легкое возбуждение в низу живота. Она видела черные кольца на всех его пальцах. Когда он жестикулировал, они еле слышно сту-

кались друг о друга. Лишь сейчас она обратила внимание на то, как одевался на лекции доктор Ш. Несмотря на изнуряющую жару, он всегда носил свитера пастельных тонов, маскирующие его мускулистые руки, и бежевые, серые или черные пиджаки, скрадывающие очертания его плеч и широкую грудь.

Зная о том, что было под одеждой, она не находила себе места. Задумывалась, на всем ли теле у него татуировки, и краснела не меньше Мелиссы. А затем, почувствовав на себе взгляд профессора, даже больше. Вдруг он гадает, от каких мыслей она столь смущена?

Боже, но делать *там* татуировку наверняка очень больно!

С другой стороны, у него были татуировки на внутренней стороне рук и бедер. Это ведь самые болезненные места. Лишь теперь она заметила, что и левое ухо профессора было проколото сверху донизу, и в нем красовалось не меньше десяти, а то и двенадцати колечек. Кэти обмякла, думая о том, где еще у него может быть пирсинг. И почему она раньше не замечала всего этого — колец, сережек, мышц?

— Боже, — беззвучно прошептала она, — я не вытерплю до конца лекции!

Но она вытерпела. После лекции она изнуренно привалилась к стене плечом к плечу с Мелиссой, ожидая, пока выйдет Джина. Джина была тихоней, но среди них троих именно от нее стоило ожидать отважных или безумных поступков. Вот и сейчас Джина непринужденно болтала с профессором.

— Боже, — в очередной раз простонала Кэти, — я, пожалуй, запишусь на другой курс. Я из всей лекции ни слова не запомнила.

— Я кое-что запомнила. Ох, он знает, как меня зовут! — лицо Мелиссы снова окрасилось в цвет обложки ее тетради. Опустив голову, она весьма неплохо спародировала голос профессора: — Мисс Мартинчек, расскажите-ка мне о Джоанне Билливилли…

— Бэйли, — поправила ее неожиданно появившаяся Джина, поднимаясь на цыпочки и прилепляя к груди Мелиссы фиолетовый самоклеящийся листок. — Он записал для меня тему следующей лекции. Можешь его впечатлить.

Мелисса сорвала листок и уставилась на него.

— Ему нравятся фиолетовые?

— Ну точняк, — произнесла Кэти, — он гей.

— Хочешь проверить?

— И как нам это сделать? Проверить список

гостей на последнем университетском гей-балу? — Мелисса ехидничала, но глаза у нее загорелись.

Кэти сглотнула.

Джина взглянула на часы. Ее густые темные волосы были зачесаны назад и заколоты простой заколкой. Маленькие локоны перевернутыми дьявольскими рожками свисали над бледной шеей.

— Он работает до трех. Можем взять с собой ланч, оставить учебники и посмотреть, куда он пойдет.

— Ну не знаю, — Кэти прижала к груди тетрадь. — В конце концов, играть полуголым в баскетбол — не преступление.

— Посмотреть, куда ходит человек, тоже не преступление, — заметила Мелисса. — Мы ведь не собираемся… следить за ним.

— А что это, если не слежка?

— Кэти, прекрати!

— А что я не так сказала?

Мелисса умоляюще смотрела на нее, и… что ж, разве не за приключениями Кэти приехала на Манхэттен?

— Что если нас поймают? — спросила она.

— Поймают за то, что мы просто гуляем по

улице?

Верно. С этим сложно было поспорить.

— Не проще ли найти его адрес в телефонном справочнике?

— Я уже проверила. Его там нет, подруги. Может, он у своего бойфренда живет?

Даже Мелисса удивилась.

— Господи боже, Гомес, да ты настоящий преступный гений!

Девушки с непринужденным видом выстроились у стены. Мэттью вышел из аудитории и направился к лестнице, ведущей к верхнему выходу. Он прошел мимо, делая вид, что не замечает их, и не слышит сдавленных смешков за спиной.

Перед работой он успел захватить с собой только сэндвич. Был уже час дня, и в университетской столовой наверняка не осталось ничего, кроме яичного салата.

А ему нужен был протеин.

К сэндвичу он купил пару пакетов шоколадного молока, пачку кренделей и три пакетика дижонской горчицы. Вернувшись в аудиторию, Мэттью разложил все на столе и принялся оценивать работы по драме периода Ренессанса. При должном везении студенты не должны были его побеспокоить — разве что особенно нервные или

желающие снискать его расположение аспиранты, — и он мог успеть оценить половину работ.

Его лекции по драме посещали двадцать четыре студента второго и третьего курсов. Среди первых десяти лишь двое поняли, что «Виндзорские насмешницы» Шекспира задумывались как комедия. Из этих двоих один студент учился на факультете социологии. Да, хреновый из Мэттью преподаватель. Прикончив сэндвич, Мэттью сдул со стола крошки, вытер руки, чтобы не заляпать эссе майонезом, открыл упаковку кренделей и снова наточил красный карандаш.

Надо было взять медовую горчицу. А еще лучше купить про запас и положить в стол. Главное, чтобы она там не испортилась. Сами по себе ни мед, ни горчица не портились, а следовательно, их комбинация тоже не должна была.

Мэттью почувствовал ледяной укол — магические кольца на пальцах подавали сигнал. Укол был настолько болезненным, что Мэттью выронил крендель, разбрызгав горчицу по всему столу, и вскочил на ноги прежде, чем услышал вой полицейских сирен.

Он взглянул на часы. Оставалось еще пять минут.

— Обещанное — выполняй, — прошептал он.

Мэттью оставил обед на столе и, нашарив в кармане ключи, помчался к выходу.

Девушки еще не успели начать слежку, когда цель этой слежки едва не сбила их с ног. Кэти резко отскочила, ударив Джину левой рукой по груди, а Мелисса лишь в последний момент успела увернуться.

Доктор Ш бежал. Его вельветовый пиджак трепыхался за спиной, когда он лавировал среди прохожих и перепрыгивал одним махом по четыре ступеньки. Доктор Ш миновал скопления студентов с той же легкостью, какую демонстрировал на баскетбольной площадке. Кэти уже начала подозревать, что доктор Ш ошибся в выборе профессии, и то, как он уклонился от какой-то женщины с коляской, лишь укрепило ее подозрения. Такая сила и грация была несвойственна работникам научно-образовательной сферы.

Кэти бросилась за ним, схватив за руку Джину. Та без возражений подчинилась, и это было хорошо, так как обычно Джина упиралась как баран, и сдвинуть ее с места, несмотря на то, что росту в ней от горшка два вершка, было почти невозможно.

Мелиссе понадобилось больше времени, чтобы сообразить, что к чему, и побежать, но благодаря

своему росту она вскоре вырвалась вперед.

— Помедленнее! — прошипела Кэти, боясь, что профессор заметит, как они несутся за ним сломя голову, но тот двигался гораздо быстрее девушек и оглядываться не собирался.

Поэтому, поймав сердитый взгляд Мелиссы, Кэти сама ускорилась. А Джина вообще помчалась со всех ног.

Доктор Ш бежал на восток по Шестьдесят восьмой улице к парку. Он так ни разу и не оглянулся, лишь потирал руки, словно они у него болели. Кэти подумала, что кольца могли быть магнитными, от артрита или какой-то другой болезни, вроде хронического растяжения сухожилий.

— И как я раньше не замечала все эти кольца?

— И как я раньше не замечала все эти мускулы? — ответила Мелисса.

— Кольца? — удивленно переспросила Джина.

— Ну да, на всех пальцах, — Мелиссе мешали прохожие, и она не смогла бросить на Джину взгляд в духе «ты правда такая тупая или прикидываешься?».

Экономя силы, Кэти не стала ничего отвечать. Девушки мешали нормальному пешеходному движению, что в Нью-Йорке считалось смертным грехом. Кэти ежилась под неодобрительными

взглядами прохожих. Еще немного, и ей вслед понесутся крики «дура!» и «идиотка!».

Джина была ошарашена.

— Я не видела никаких колец!

Доктор Ш миновал Парк-авеню и бежал теперь мимо узких кирпичных зданий с бетонными карнизами. Когда он добрался до Мэдисон-авеню, у Кэти появилась уверенность, что его конечной целью является парк. Профессор двигался быстро, иногда вприпрыжку, но не срываясь на спринт.

…и он не направлялся в парк.

На полпути к Пятой авеню — которая, в отличие от Парк-авеню, действительно вела к парку — движение было остановлено полицией. Кругом были машины с мигалками. Доктор Ш замедлил шаг и сунул руки в карманы.

— Глядите! — воскликнула Джина, и Кэти поняла, что она наконец заметила кольца.

Доктор Ш ссутулился и смешался с толпой зевак. Кэти удивилась тому, как легко у него получилось скрыться — как богомолу на розовой ветке, притворяющемуся колючим зеленым побегом.

— Ну что, — Мелисса принялась продираться через толпу, стараясь не слишком толкаться, — поножовщина?

— Лепешка, — Джина выразилась так, как могла выразиться лишь коренная жительница Манхэттена, и указала пальцем вверх. Там, в открытом окне шестого этажа, виднелась голубая полицейская форма.

— Кто-то спрыгнул?

— Или кого-то столкнули.

— Господи!

Джина развела руками, двинув при этом Кэти в бок. Маленькая утешительная месть под видом нечаянной. И тут доктор Ш буквально растворился в толпе. Прическа выдавала его, и Джина могла бы с легкостью обнаружить его вновь, если бы только знала, где конкретно искать. Так или иначе, профессор скрылся из виду, словно его здесь и не было. Кое-что пришло Джине в голову — и Мелиссе, судя по всему, тоже, потому что та сказала:

— Девочки, а что он вообще забыл на месте преступления?

— Или несчастного случая, — добавила Джина, не спеша с выводами.

— Может, ему нравится разглядывать трупы.

— Ух, — Кэти потянула Джину за рукав. — Давай попробуем подойти ближе. Он не должен нас заметить, — тут она нахмурилась. — А откуда он

вообще узнал о происшествии?

— Может, у него в кабинете полицейский сканер?

— То есть он что-то вроде шпиона?

— Или частный детектив.

Кэти закатила глаза.

— Ага, наш профессор не только гей, но еще и Человек-паук.

Джина фыркнула.

— Эй! Всем известно, что Паучок неровно дышит к Питеру Паркеру.

Мелисса пригнулась, чтобы ее голова не слишком торчала из толпы. Ее прическа бросалась в глаза не меньше, чем у доктора Ш, а вот такой способности растворяться среди людей у нее не было.

— Джина, сходи посмотри, что происходит.

— Чика, я уже достаточно насмотрелась на мертвецов.

— Но этого-то ты раньше не видела, — сказала Мелисса. — Давай! Вдруг это важно?

Пожав плечами, Джина закатила глаза и шагнула вперед. Идея Мелиссы оправдалась — накрашенная латиноамериканка ростом всего пять футов легко смешалась с толпой.

— Говорю же, преступный гений, — произнесла

Мелисса.

Кэти усмехнулась и не стала возражать.

Эту часть своей работы Мэттью не любил сильнее всего. Она не приносила ни удовольствия, ни радости, ни чувства завершенности. Женщина на тротуаре была мертва. Она лежала лицом вниз, одна ее рука подогнулась под тело, другая откинулась в сторону. От удара женщину отбросило, и лежала она не на том месте, куда упала. На ней была розовая блузка. Кто-то в толпе неподалеку от Мэттью нервозно хихикал.

Мэттью сразу понял, что она не прыгнула сама. Он проверил, держится ли еще заклинание незаметности — не такое сильное, как заклинание невидимости, но требующее гораздо меньшей концентрации.

Его руки по-прежнему болели. Мэттью хотелось бы, чтобы кто-нибудь придумал такую систему определения зловредной магии, от которой ему не приходилось бы чувствовать себя персонажем дешевого ужастика, ковыряющим собственные пальцы холодным шилом.

Достав из кармана телефон, он застегнул пиджак и нажал кнопку быстрого вызова. Включая его, лишь у пятерых волшебников был личный номер прометеанской архимагессы, и Мэттью

звонил по нему только в чрезвычайных случаях.

— Джейн Андрасте слушает, — голос раздался еще до того, как установилось соединение. Мэттью не успел услышать даже одного гудка. — В чем дело?

— Предположительно самоубийство на пересечении Пятой и Шестьдесят восьмой, — Мэттью взглянул на часы. — Руки болят. Я на месте, собираюсь еще немного поразнюхать. Есть среди респондентов кто-нибудь из наших?

— Секунду, — Джейн понизила голос, задавая кому-то вопрос, и после короткой паузы сказала в трубку: — Марла говорит, что Марион Торнтон в пути. Вы знакомы?

— Поверхностно.

Это означало, что они встречались на прометеанских собраниях и ритуалах. Во всем Нью-Йорке проживало около двухсот волшебников и все они, как и Мэттью, вели двойную жизнь: ночами охраняли железный мир, а днем работали учителями, художниками, менеджерами или чиновниками. Они трудились не покладая рук и не испытывали нужды в деньгах. Прометеанский клуб обеспечивал их всем необходимым.

— Поищу ее, — сказал Мэттью.

— У нее допуск на место происшествия, — отве-

тила Джейн. — Есть догадки?

Мэттью присел, положившись на то, что никто из зевак случайно на него не наступит. Толпа находилась в постоянном движении, но толкотни не было. Тени мешали разглядеть асфальт, но когда пальцы Мэттью прошлись над крошечным, размером с центовую монету, пятном, волшебник вновь почувствовал ледяной укол.

— Придется подождать, пока толпа рассеется, — пробормотал он и отнял руку, чтобы ненароком не задеть пятно. — Скажите Марион, чтобы следовала плану и лично осмотрела место происшествия. Только предупредите, чтобы не трогала ничего мокрого голыми руками. Да и в перчатках пускай не трогает.

— Нашлись какие-то улики?

— Кажется, есть зацепка.

— Кровь?

От пятна шел едва различимый запах, но принюхиваться Мэттью не стал. Пахло мокрым камнем, гуано, утренней влагой и перегнившими под снегом листьями. Запах весны и курятника, едкий, выбивающий слезу и сопли. Мэттью не стал утирать слезы — в непосредственной близости от того, что он обнаружил, притрагиваться к лицу было опасно.

Переложив телефон в правую руку, левой он покопался в кармане. Спустя пару секунд он выудил оттуда стальной диск размером с серебряный доллар. Плюнув на внутреннюю часть, он зажал диск большим и указательным пальцами и перевернул. Полдюйма — минимальное расстояние, на которое он готов был приблизиться к пятну.

Мэттью выпустил диск. Лязгнув по асфальту, кусочек металла слился с поверхностью, запечатав пятно.

— Яд, — сказал Мэттью в трубку. — Я пометил место. Пришлите изоляторов. Мне пора.

Поднявшись, он оказался лицом к лицу с одной из своих любопытных первокурсниц.

— Не ожидал встретить вас здесь, мисс Гомес. Прошу прощения, но я тороплюсь.

Когда Джина вернулась, то не могла ни слова сказать без запинки.

— Вы видели? Вы видели?

Кэти не видела ничего.

— Через эти-то высоченные головы? Нет. Что случилось?

— Я старалась держаться от него подальше, но тут бац — и он появился прямо передо мной! Бац!

— Надо было лучше смотреть по сторонам, —

ответила Кэти, но Мелисса нахмурилась. — Что?

— Он действительно появился из ниоткуда, — сказала Мелисса. — Я наблюдала за Джиной, и он вроде как… материализовался прямо рядом с ней. Как будто сидел и резко выпрямился.

— Дьявольщина какая-то, — покачала головой Джина. Голос ее звучал неуверенно.

Кэти похлопала ее по плечу, прикрытому хлопковой тканью.

— Может, он шнурки завязывал?

— Угу, — Джина отстранилась и указала в направлении толпы. — Тогда куда он теперь подевался?

Даже под действием заклинания он не мог просто так сбежать с места преступления. Для сотворения магии требовались определенные символы и концентрация. Нарушив концентрацию, он мог спровоцировать нежелательную реакцию и привлечь внимание полицейских, русской хозяйки дома и пьяниц из ближайших пятнадцати кварталов. Поэтому он спокойно пошел прочь, опустив руки и стараясь выглядеть так, будто идет домой со свидания.

На самом деле он шел по ядовитому следу.

Мэттью нашел еще несколько капель на значительном расстоянии друг от друга. Местами

они уже начали разъедать асфальт и бетон. Токсичная жидкость замедляла его продвижение — приходилось то и дело останавливаться и запечатывать опасную субстанцию.

Здесь не было ни посевов, которые можно погубить, ни колодцев, которые можно отравить зловонным дыханием.

Тем не менее тварь могла нанести много вреда.

Некоторые из подобных существ питались плотью и кровью. Некоторые питались смертью, страхом, страданиями, хмелем, одиночеством, любовью, надеждой, искренней радостью. Одни навлекали несчастья, другие давали страдальцам успокоение.

Угадать было нельзя.

Мэттью неспешно следовал за целью на север. По пути попадалось слишком много прохожих, слишком много гражданских. Встреча с чудовищем в центре Манхэттена среди бела дня его не пугала, но чем плотнее становилась застройка, тем сильнее в воздухе пахло помойкой, тем больше переулков и подворотен попадалось на пути. А вот подземных гаражей не было.

Если бы Мэттью был кокатрисом, то устроил бы логово где-то здесь — среди мусора, битого стекла

и бетона, отходов человеческой жизнедеятельности и прочей отравы.

Чтобы пройти здесь незамеченным, ему, как и чудовищу, нужна была маскировка.

Колющая боль в руках не проходила. Он был близок к цели. Мэттью сбавил шаг, попутно укрепив защитные глифы. Действия были сродни нервному тику — он пригладил волосы, проверил, застегнут ли пиджак и завязаны ли шнурки. Тварь как-то умудрилась перебраться из логова в Верхний Ист-Сайд, никого не убив. Может, она слепая? Или передвигается под землей — Мэттью уже двенадцать кварталов не видел ни одной капли яда. Совсем плохо будет, если она невидима. Иногда… да что там, довольно часто — потусторонние существа могли контактировать с железным миром лишь при помощи посредника — волшебника или медиума. Если таким было и искомое им чудовище, то неудивительно, что оно смогло остаться незамеченным. Оно могло перемещаться, не причиняя никакого вреда, не считая пагубного действия своей ауры. С другой стороны, откуда тогда взяться яду, способному разъесть камень?

Мэттью, расслабься. Ты ведь не знаешь на сто процентов, что это кокатрис. Это лишь пред-

положение, и первое впечатление может быть обманчиво.

Слепая вера в собственную догадку может стоить ему жизни.

Но что это, если не василиск или кокатрис? Мэттью смущало лишь одно: почему жертва этого коронованного змея, чешуйчатого ворона, выбросилась из окна? И почему никто больше не погиб и не превратился в камень? Ведь василиски и некоторые кокатрисы способны обращать живых существ в камень.

Глаза начали зудеть, слезиться, словно он надышался хлорки или травильного раствора. Запах был одновременно настоящим и потусторонним. Мэттью ощущал его сильнее, чем простые люди, чье обоняние было проникнуто типичным уличным зловонием. Запах нес долгую, мучительную смерть.

Он проморгался. Ресницы слиплись от слез, даже в очках окружающий мир казался размытым. Походный арсенал волшебника был разнообразным, но обычно подбирался для конкретной цели, и Мэттью никогда прежде не приходило в голову брать с собой соляной раствор. Аптек по пути тоже не попадалось.

Так как же передвигается тварь?

Запах становился все сильнее, боль в руках — острее, особенно в левой. Мэттью свернул в загаженный переулок, настоящий кирпичный туннель, низкий и узкий, в котором не поместился бы мусоровоз. Впереди оказалась незапертая решетчатая калитка, через которую Мэттью попал в адски грязный двор. Перед ним выстроились ряды мусорных баков — и, разумеется, ни одного контейнера, — у которых валялись двое бомжей. Один спал на картонке, другой читал, лежа на спине, грязный номер журнала «Максим» двухмесячной давности. Зловоние кокатриса — если то был кокатрис — здесь было столь сильным, что Мэттью едва не стошнило.

Он не знал, что делать дальше.

Тут зазвонил телефон.

— Джейн? — шепотом ответил Мэттью.

— Окно было открыто изнутри, — сообщила архимагесса. — Никаких следов взлома. Хозяйка квартиры — пятидесятивосьмилетняя женщина по имени Джанет Стаффорд. Самое интересное, что…

— Я слушаю.

— Она лишь недавно вернулась к светской жизни. Невероятно, но последние тридцать четыре года она провела в монастыре.

Мэттью уставился на телефон, переваривая информацию.

— Она совсем отошла от церкви, или просто покинула монастырь?

— Первое, — ответила Джейн. — Марион выясняет причину. Не звони ей, я сама передам все, что нужно.

— Это будет удобно, — согласился Мэттью. — Спасибо.

Не было никакой нужды им обоим отчитываться перед Джейн и друг другом, если Джейн посчитала дело настолько важным, что взялась руководить сама.

— Ты понял, с чем мы имеем дело? — спросила она.

Мэттью осторожно обошел дворик, пользуясь глифом незаметности.

— Думаю, это кокатрис, — ответил он. — Но я не уверен. Какая еще тварь плюется ядом и может подтолкнуть бывшую монахиню к самоубийству?

В трубке слышалось шипящее дыхание Джейн.

— Гарпия.

— Да, — согласился Мэттью, — но почему тогда она не летает?

— Что собираешься делать дальше?

— Сейчас опрошу парочку местных, — сказал Мэттью, направляясь к бомжу с журналом.

Услышав приближение Мэттью, бомж отвлекся от журнала. Мэттью приложил все силы, чтобы не сморщиться от вони. На лице бомжа была воспаленная ссадина, гной капал на бороду. Многие бездомные были психически больны, но государство не оказывало им никакой поддержки. Многие из них также видели потусторонние вещи, как будто, не найдя себе места в реальном мире, обрели способность заглядывать в мир сумрачный.

Как бы он ни выглядел, бездомный человек оставался человеком. Он принадлежал сам себе. Помочь им всем было невозможно, но у него были родители, прошлое и душа — как у любого человека.

Город, столь горячо любимый Мэттью, давно лишился душевного тепла. Мэттью считал своим долгом вернуть городу его душу — иначе на что ему дар волшебника? Это было все равно что быть женатым на алкоголичке. Тебе приходилось постоянно извиняться.

— Привет, — сказал Мэттью. Он не присел, а просто протянул руку. — Я Мэттью. Мы незнакомы, но мне нужна информация, которую больше

нигде не найти. Может, я куплю вам поесть и попить?

Бомж смотрел на волшебника с недоверием.

Позже, за молочным коктейлем, Мелисса сказала Кэти:

— Не могу поверить, что мы его упустили.

Несколько мокрых прядей выбились из косички и лезли Мелиссе в глаза.

Кэти выпустила изо рта трубочку, поцарапав губу.

— Точнее, он от нас удрал.

Мелисса хмыкнула. Слева от нее Джина неистово поглощала картошку фри, щедро посыпая ее солью, которую растирала по всей длине ломтика пальцем.

— Он появился из ниоткуда. Прямо рядом со мной. А потом исчез. Я с него глаз не сводила.

— Да, не вышел из тебя преступный гений, — без особого энтузиазма заметила Кэти.

Джина вздрогнула, и Кэти вместо извинений утащила у нее картофелину. Девушки принялись шутливо бороться, и в конце концов Кэти удалось сунуть картошку себе в рот. Она еще хрустела солью, когда Мелисса сказала:

— Это не кажется вам немного странным?

Кэти дожевала, забыв слизнуть с нижней губы

полоску жира.

— Нет, — сказала она, запивая картошку шоколадным коктейлем. Волосы защекотали шею, и ей представилось, будто кто-то до нее дотронулся. По телу пробежали мурашки, как и тогда, когда они преследовали доктора Ш. Подобное ощущение Кэти испытывала лишь изредка, целуясь со своим парнем. Она заерзала на стуле. — Это кажется мне еще каким странным!

Она не стала рассказывать подругам о своих ощущениях. У Мелиссы был парень, который учился в Гарварде и приезжал к ней только на выходные. А Джина была… Джиной. Могла подцепить любого парня, повстречаться с ним немного и бросить. Кэти не хотела, чтобы подруги считали ее милой невинной девочкой. Нет, они бы не перестали с ней дружить, но наверняка посмеялись бы.

— И что нам теперь делать? — спросила она, заметив взгляд Мелиссы. — Ничего противозаконного он не совершил.

— Но ты же не видела труп.

— Нет. Но он никого не убивал. Мы знаем, где он был, когда та женщина упала.

Джина поджала губы, но кивнула и тут же уткнулась лицом в стакан.

Мелисса снова откинула непослушные волосы.

— Он очень спешил, — сказала она, — а сейчас сыро и влажно.

— И что?

— Да ничего. Вдруг дверь разбухла и плохо закрывается?

— Даже не думай! Нас отчислят!

— Мы ничего не возьмем, — Мелисса покрутила стакан в руках и перевела взгляд на лежащую на столе винтовую крышку. — Просто посмотрим, есть ли у него полицейский сканер. И попробуем узнать адрес доктора Ш.

— Без меня, — сразу сказала Кэти.

— Давай хотя бы проверим, заперт ли его кабинет.

Мелисса взглянула на Джину. Та пожала плечами.

— Такие замки можно кредиткой открыть.

— «Нет» значит «нет».

— Ну хоть на стреме постой, — довольно резко сказала Джина, и Кэти аж подскочила. Сглотнув, она кивнула. Ладно. Она постоит на стреме.

— Доедать будешь? — спросила она.

Джина подтолкнула к ней свою недоеденную картошку.

— Нет, детка, мне хватит.

Бездомного звали Генри. Он сожрал целое ведерко жареной курицы, которое принес ему Мэттью. Сам Мэттью сидел рядом на корточках, тяжело дыша. Едкие испарения твари, за которой он охотился, перебивали вонь давно не мытого бомжа и грязи. Глаза по-прежнему слезились, а нос заложило. Мэттью подумал, что так его организм протестует против сложившейся ситуации. Однако с заложенным носом ему было даже легче.

— Нет, — сказал Генри. Он изъяснялся путано, постоянно вставлял в свою речь междометия и отклонялся от темы, но сумасшедшим не был. Впрочем, если б и был, для Мэттью ничего бы не поменялось. — То есть… ладно, что там. Я кое-что вижу. Сейчас — значительно чаще, чем когда принимал лекарства, — Генри пожал плечами, и к его бороде приклеились крошки от панировки. — То есть, это, я не псих, но бывает, что я вижу нечто краем глаза, а когда поворачиваюсь, там уже ничего нет. Понимаешь?

Говоря это, он смотрел через левое плечо Мэттью, и тому даже захотелось обернуться.

— Понимаю, — ответил он.

Бетон раскалился так, что в джинсах и пиджаке Мэттью стало невыносимо. Он скинул пиджак,

повесив его на металлический столбик, и засучил рукава.

— Ого, — поразился Генри, срывая с куриной косточки кусок мяса, — крутые татухи.

— Спасибо, — сказал Мэттью, осматривая свои руки.

— Больно было? Вот уж не подумал бы, что у тебя такие наколки.

— Немного больно, — признал Мэттью. — А что вы видите? Краем глаза?

— Каких-то суетливых тварей. Иногда летающих, — Генри развел руками. — Их лучше видно, когда я выпью.

— Может, это крысы? Голуби?

— Змеи, — заявил Генри, бросая обглоданные кости в ведро. — И петухи.

— Точно не вороны или стервятники?

— Да нет, — уверенно сказал Генри. — Петухи и змеи, цвета как вон та стена.

— Черт, — Мэттью влез в пиджак. — Спасибо, Генри.

Значит, это все-таки кокатрис.

Разумеется, Кэти не смогла просто так стоять на стреме и следить за лестницей. Она и сама прекрасно знала, что не удержится и пойдет с подругами. Просто ей не хотелось сдаваться сразу.

В итоге она оказалась у дверей кабинета доктора Ш, прикрывая Джину. Та постучала в дверь и, не получив ответа, просунула в щель кредитную карточку и отодвинула защелку. Это вышло у нее так быстро, что Кэти сперва показалось, будто Джина просто подергала ручку. На всякий случай постучав еще раз, Джина открыла дверь.

Кэти решила, что Джина переигрывает, и поскорее скользнула внутрь, чтобы случайные прохожие не заподозрили, что они лезут в пустой кабинет.

Мелисса вошла последней, закрыв за собой дверь. Кэти услышала, как щелкнул замок.

Вряд ли он кого-то остановит.

Кэти прижалась спиной к двери и обхватила себя руками, сдерживая дрожь. Джина, будто зачарованная, разглядывала кабинет; остановившись посреди тесной комнаты, она покрутилась на месте, сунув руки в карманы и неуклюже выставив локти. Мелисса проскользнула мимо нее — настолько аккуратно, насколько могла «проскользнуть» рыжеволосая девушка шести футов ростом — и принялась осматривать письменный стол, ничего при этом не трогая.

— Здесь наверняка должны быть какие-то счета — все ведь на работе их заполняют…

Тут Джина прекратила крутиться, уверенно, как стрелка компаса, указывающая на север, устремив взгляд в сторону книжных шкафов. Сначала она дернулась, потом замерла, потом поежилась. Вытянув шею, она стала изучать названия книг.

Но не она, а Кэти, собравшаяся с силами и заглянувшая ей через плечо, первой увидела ряд небольших черных книжиц с ленточками и выбитыми серебристой краской датами на корешках.

— Девочки, — произнесла она, — может, его адрес есть в этих дневниках?

Джина посмотрела, куда указывает Кэти, и разразилась градом испанских слов, от которых Кэти наверняка сгорела бы со стыда, если бы понимала по-испански. Впрочем, ругательства были обращены к самой Джине, и после секундного ступора Кэти сняла с полки самый свежий дневник.

— Лучше сесть за стол.

Книжица похрустывала в ее руках и на ощупь казалась корявой, погнутой, словно между страницами что-то было засунуто. Кэти не хотелось это уронить.

Мелисса встала у нее за спиной. Кэти аккуратно положила книгу на свободный край стола и сня-

ла резинку, стараясь не задеть разложенные на столе бумаги и еду. Обложка резко распахнулась, будто дневник сам желал, чтобы его прочли. План Кэти соблюдать осторожность провалился. Почерк в дневнике был знакомым — она дважды в неделю видела его на доске. Но не это захватило внимание Кэти.

Слева на странице был приклеен засушенный цветок, напротив которого в столбик был комментарий. В тусклых солнечных лучах, пробивавшихся сквозь пыльные ставни, лепестки цветка отливали синевато-фиолетовым.

— Матерь божья, — выдохнула Джина. — Что тут написано?

Кэти пригляделась.

— Четырнадцатое октября тысяча девятьсот девяносто пятого, — прочитала она. — Джина, это дневник за прошлый год.

— Наверное, новый у него с собой. Видишь что-нибудь интересное?

— «Сойдет за десять», кажется. И какой-то адрес на Лонг-Айленде. Фланаган, Дир Парк-авеню, Вавилон. Какие-то имена. Потом — «вследствие исчезновения Шона Робертса — в кассовом аппарате клуба для подростков найдены несколько дубовых листьев и цветок». А дальше — «Деньги

фей»? Так и написано — «фей».

— Да он псих, — решила Джина. — Шизик. Совсем поехавший.

— Может, он фэнтезийный роман пишет? — Кэти не знала, откуда в ней взялось желание защитить преподавателя, но она была настроена решительно. — Мы читаем его личные записи, вырванные из контекста. Не стоит спешить с выводами.

Джина пихнула ее локтем; Кэти отмахнулась и перевернула страницу. Еще один отчет об исчезновении, на этот раз без приклеенных к странице улик. Этот отчет занимал шесть страниц. Следом шли заметки об убийстве при невыясненных обстоятельствах, затем о похищении… и еще несколько страниц об исчезновении Робертса. К одной из страниц было прикреплено сломанное бронзовое перо, которое зазвенело от прикосновения. Кэти отдернула руку. Внизу страницы было всего одно слово: «раскрыто», и дата — следующий день после Рождества. Похоже, доктор Ш считал себя полицейским… каким-то волшебным полицейским.

— Ник Найт[52] какой-то, — заметила Мелисса.

---

[52] notes: 52

Ник Найт — вампир-полицейский, главный герой одноименного телефильма 1989 г. и сериала, выходившего с 1992 по 1996 гг.

Кэти удивленно моргнула, и только теперь поняла, что читала все вслух.

— Психопат какой-то, — парировала Джина.

Кэти собралась было возразить, но тут по ее спине пробежали мурашки. Слова застряли в горле, и она перелистала дневник обратно к форзацу. Там действительно оказался адрес, дом на Западной Шестидесятой улице.

— Он не псих, — сказала Кэти, а про себя подумала: «Не психованней меня».

— С чего ты так решила? — голос Мелиссы был спокойным, а вот Джина смотрела на Кэти не с подозрением, не с ехидством, а с любопытством. Она ждала объяснений.

— Послушайте, — сказала Кэти. — Он волшебник или что-то в этом духе. Как иначе он скрылся от Джины? А что насчет его татуировок, которые то видны, то нет? А невидимые кольца?

Мелисса закусила губу и тут же отпустила.

— Так это он убил ту женщину, или нет?

— Не знаю, — ответила Кэти. — Хочется верить, что он хороший.

Джина похлопала ее по плечу и потянулась к дневнику.

— Поедем к нему домой и узнаем.

Жизнь членов круга магов, куда входил Мэттью,

не была безоблачной. Во-первых, их никто не любил. На то были веские причины: прометеанский клуб был полон снобов, капиталистов и политиков. Вдобавок, основной задачей клуба стояло ограничение и контроль дикой магии, что автоматически делало Мэттью врагом всех независимых ведьм, сатанистов, травников, жрецов вуду и последователей сантерии, у которых можно было раздобыть необходимые для ритуалов предметы.

Вроде молодого белого петушка, еще не знавшего курочки.

В Нью-Йорке хватало птичьих рынков, но учитывая специфичность заказа, Мэттью не хотел соваться куда попало. Было бы весьма неприятно в последний момент узнать, что у его птички выщипали несколько цветных перьев, чтобы сделать ее белой. Или что петушок был, скажем так, чуть поопытнее самого Мэттью.

Добавим к этому недавнюю эпидемию гриппа, из-за которой многие рынки закрылись. Нет, Мэттью нужно было добыть птицу нелегально. Бойцовый петух подошел бы идеально.

Включив компьютер, он по памяти ввел ай-пи адрес, подождал, пока закончится загрузка и спросил совета на доске сообщений прометеан-

ского клуба.

В клубе наверняка были те, кто мог подсказать Мэттью интересующую его информацию.

Вечером, перед самым закрытием, он пришел к обшарпанной зеленой двери тускло освещенного склада, где воняло птичьим пометом, опилками, перьями и кукурузой. Этот запах окончательно выбил из носовых пазух Мэттью слезоточивое зловоние кокатриса. Глубокий, насыщенный, он был даже приятен ему. Мэттью сделал несколько частых глубоких вдохов, но закашлялся и прикрыл лицо рукой. Затем он чихнул, и впервые за много часов почувствовал, что его разум не затуманен.

Через окошко в двери была видна клетка — не такая, в каких сидели многочисленные петухи и цыплята, а большая. Она примостилась у перегородки в противоположном конце помещения. Внутри клетки стоял стол. Мэттью пригляделся. За столом сидела плотная женщина с седыми, собранными в тугой пучок волосами, и раскладывала пасьянс.

Мэттью откашлялся.

— Мне нужен петух.

— У меня есть бентамки, — ответила женщина через решетку, — а еще пара род-айлендских

красных. Вам есть, где их держать? Могу предложить что-нибудь.

Женщина не выдавала себя. Все это были не бойцовые породы петухов.

— Мне нужен исключительно белый, — Мэттью задумался. — Или черный.

Женщина встала и задвинула створку дверного окошка. Как и ожидалось. Вздохнув, Мэттью принялся стучать, пока не оставил на двери вмятину. Ответа не последовало.

Пять минут спустя женщина сдалась и заглянула в щель для бумаг и денег, что располагалась внизу двери. Мэттью заметил темные глаза и морщинистый нос.

— Не продам я тебе петуха, чертов сатанист! — заявила женщина.

«А для кровавых боев продашь?» — подумал Мэттью, снова вздыхая. Резко опустив руку, он сунул ее в щель, едва не схватив старуху за нос. Та отпрянула, но Мэттью успел поймать створку, прежде чем она захлопнулась. Его мускулы напряглись. Женщина крепко давила на створку; запястье Мэттью дрогнуло, но не подалось.

— Молодой человек, я вас предупреждаю, — ровным тоном произнесла старуха.

Она ни капли не испугалась. Ладно, черт с

ним.

— Я ловлю кокатриса, — признался Мэттью.

Хватка женщины ослабла, и створка подалась, с глухим ударом достигнув верха.

— А чего сразу не сказал? Давно пора разобраться с этой тварью! Пока она болталась в Восточном Гарлеме, вы и палец о палец не ударили.

Мэттью отвел взгляд. Как обычно, полиция обо всем узнавала последней.

Старуха задумалась.

— Тебе и девушка понадобится.

— Не волнуйтесь, — сказал он, закусывая щеку. — Об этом я уже позаботился.

Дома Мэттью поджидала женщина. Само по себе это было не удивительно — у Джейн был ключ и пароль от замка. Но это оказалась не Джейн, а детектив из отдела убийств Марион Торнтон.

У нее были шелковистые каштановые волосы, обрамлявшие вытянутые скулы, что делало ее похожей на афганскую борзую. Смотрела она с прищуром, типичным для людей, долгое время проводящих на улице. Показав Мэттью значок, она кинула ему ключи, не дожидаясь, пока он разуется.

— Жертва — алкоголичка, — сказала Марион, запирая дверь, пока Мэттью ставил петуха на

стол.

Птица была в картонной коробке. Из проделанных в верхней части дырок то и дело высовывался черный клюв и выглядывали злобные глаза. Петух брыкался. Когда Мэттью двигал коробку подальше от края стола, птица даже умудрилась цапнуть его за руку. Мэттью вспомнил строчку из русской сказки: «Ты лети-ка, ворон, за живой и мертвой водой…»

— Монахиня была алкоголичкой?

— Грубо говоря. Мы нашли еще один похожий случай. Три дня назад. Старик, никогда не был женат, жил один, пил как сапожник. Продолжаем проверять, — Марион перелистала блокнот. — Интересная штука: в детстве с ним произошел несчастный случай, в результате которого его кастрировало.

— Хм. Кругом девственники и девственницы.

— Драконам и единорогам только их и подавай, — ответила Марион. — Ты прав. Второй момент — алкоголь. Вероятно, они обладали какими-то способностями. По крайней мере, между жертвами есть связь, которую не установят мои… светские коллеги. Согласно архивам прометеанского общества, в юности их обоих рассматривали в качестве кандидатов на вступление.

— Значит, у них были видения, — сказал Мэттью, вспомнив о Генри, жившем бок о бок с чудовищем. Возможно, беднягу спасло то, что тварь предпочитала сексуально неопытных жертв, но Мэттью решил оставить на потом это предположение. — Думаешь, их убили потому, что они крепко пили, или же они пили, чтобы заглушить видения?

— Пока что разрабатываем первую версию, — Марион подошла, склонилась над коробкой и тут же отдернула голову. Петух метил клювом точно ей в глаз. — Злобная птичка.

— На то и расчет.

— Джейн сказала, что ты идентифицировал тварь?

Мэттью присел у стены и начал скатывать ковер.

— А черный петух тебе ни о чем не говорит?

— Значит, василиск.

— Какие мы догадливые. Думаю, кокатрис. Не знаю только, как он заставил жертву выброситься из окна. Судя по твоим словам, жертва была весьма специфической личностью.

Марион с хрустом выпрямилась. Подняла со столешницы ложку и покрутила ее, глядя на отразившееся в ней солнце.

— Таких, как они, один человек на десять тысяч. На весь Нью-Йорк — тысячи две?

— Где-то так, — согласился Мэттью, зажимая нос.

Комок пыли прицепился к его руке, и он сдул его на пол. Когда он открыл глаза, то заметил, что Марион хищно смотрит на него и облизывается.

— Может, убедимся, что мы в безопасности? — соблазнительно улыбаясь, спросила она, не выпуская из руки ложку. — Моя смена уже закончилась, а твой петушок подождет, — протянув левую руку, она продемонстрировала ему золотое кольцо на пальце. — Никаких обязательств.

Мэттью закусил губу. Он долго практиковался, годами сублимировал свои желания, понимая, что искусство — а в его случае совершенствование владения магией — требует жертв. Он научился обходить гей-радар, заставляя женщин думать, что он гей, а гомосексуальных мужчин — что натурал. Все это было частью маскировки.

Он терпеть не мог отказывать.

— Прости. Предложение заманчивое, но кокатриса нужно приманивать на девственников или девственниц, а я не могу заказать их по телефону.

Марион, конечно же, рассмеялась.

Ему никогда не верили.

— Давай лучше попробуем подружиться с цыпой, — сказал он.

Доктор Ш жил в Западном Мидтауне, на Шестидесятой улице неподалеку от Коламбус-авеню. Не ближний свет, но девушки добрались туда до заката. До наступления темноты оставался еще час; дни в это время года были долгими. Когда они оказались на месте, у Кэти заурчало в животе. Одним молочным коктейлем весь день сыт не будешь.

Они выбрали место, откуда хорошо было видно входную дверь многоквартирного кирпичного дома, где жил доктор Ш.

— Неплохое местечко для молодого профессора, — заметила Мелисса, не скрывая на этот раз бостонский акцент.

Кэти умоляюще смотрела на Джину, но в магазин за хот-догами, чипсами и газировкой отправилась Мелисса. Устроившись в тени с северной стороны здания, они поели. Кирпичная стена раскалилась от солнца, волосы девушек стали жирными и блестящими. Кэти почесала щеку и заметила, что под ногтями осталась черная кайма.

— Брр!

— Добро пожаловать в Нью-Йорк, — сказала Джина. Она повторяла это каждый раз, когда Кэти на что-нибудь жаловалась.

Впрочем, в последнее время Кэти редко жаловалась. Она поскребла ногтями о джинсы, пока не избавилась от грязи, доела хот-дог, вытерла салфеткой губы и руки. Получилось не очень — по крайней мере, пока Мелисса не плеснула всем в руки ледяной воды из бутылки, и Кэти не умылась. Теперь она больше не чувствовала себя так, будто упала лицом в лужу.

Следующую пригоршню воды она выпила, и только тогда осознала, что от жары у нее весь день болела голова. Вода прогнала боль.

— Так, — сказала Кэти, хватая у Мелиссы бутылку и брызгая водой себе на голову. — Теперь я готова!

— Вот только доктор Ш, кажется, не готов, — ответила Мелисса, забирая бутылку. Запрокинув голову, она принялась жадно пить. Из уголка рта побежала тонкая струйка воды. — Постой, похоже, я поторопилась.

Кэти шмыгнула за фонарный столб, в чем не было нужды — доктор Ш даже не смотрел в их сторону. Она видела, как светлый хвостик его волос мелькает в толпе. На нем по-прежнему был

костюм, только другой — элегантный, серый, с фалдами. Кэти задумалась, как он одевается в свободное время. С ним была женщина в голубом брючном костюме. Ее пышные волосы трепыхались вокруг узкого, тонкого лица. Женщина показалась Кэти знакомой. В руке у нее была картонная коробка с ручкой для переноски животных. Кэти не видела, был ли кто-то внутри коробки, но по легкому колебанию предположила, что был.

— Это не женщина-полицейский, которая была на месте самоубийства?

Кэти посмотрела на Джину, потом снова на женщину. Точно, она самая. Другой костюм, другая прическа, но сходство налицо.

— Что ж, — сказала Кэти, сама от себя такого не ожидавшая, — давайте посмотрим, куда они направляются.

Мэттью и Марион не слишком горели желанием нападать на кокатриса ночью. Им пришлось ехать через весь остров на метро (к счастью, петух не буйствовал, спокойно сидя в коробке), но на поверхность они вышли еще засветло. Птица забеспокоилась; Мэттью услышал, как петух затрепыхался, и Марион предусмотрительно отдернула пальцы от отверстий в коробке. Как было

обещано, петух вел себя агрессивно. Мэттью гнал от себя жалость и сочувствие птице. Волшебники черпали силу из жертвоприношений, другого выхода не было.

Нужный двор они нашли легко — Мэттью хорошо запомнил узкий, напоминающий туннель, проход и сломанную калитку, ржавчина с которой запачкала ему костюм. Он решил не надевать привычную рабочую одежду — камуфляжную куртку и зачарованные на незаметность и бесшумность ботинки. На нем был серый костюм и льняная рубашка с полосатым красно-сине-серебристым галстуком. Во внутреннем кармане болталась фляжка. Он был похож на доткомовского миллионера, опаздывающего на жизненно важную встречу с инвестором, которого наверняка взбесит его хвостик.

Его сегодняшнее одеяние, а также недолгий подготовительный ритуал, проведенный дома, должны были не скрыть его, а напротив, привлечь к нему внимание. В глазах потусторонних существ Мэттью сиял, был своего рода маяком. Не считая колец, сережек и краски под кожей, на нем не было ничего металлического. Металл помогал против фей и прочих подобных созданий, но против кокатриса был бесполезен, за

единственным исключением. В кармане брюк Мэттью лежали две завернутые в салфетку стальные шпоры. Он нежно потрогал их через ткань, будто ребенок любимую игрушку, и убрал руку, когда они звякнули.

— Пришли, — сказал он.

Марион опустила коробку.

— Милое местечко. Мэттью, ты сам интерьер подбирал? — она поморщилась, почувствовав едкое зловоние чудовища.

Генри с приятелем не было видно. Мэттью надеялся, что они последовали его совету и перебрались в другое место. Не было ничего хуже, чем работать в присутствии гражданских.

Не ответив Марион, он раскидал ногами мусор, освобождая место посреди подворотни. В окнах соседних домов никого не было видно, но если бы кто-то и появился, полицейский значок Марион быстро бы их отвадил.

Марион помогла Мэттью нарисовать желтым мелом пентаграмму на асфальте. Один конец звезды — южный, если верить компасу Марион — они оставили незамкнутым. Закончив, Мэттью отряхнулся, вытер руки носовым платком, достал из карманов шпоры, фляжку и кое-что еще — кожаный клобук вроде тех, что используют

сокольничие, тренируя птиц.

— Готова?

Марион кивнула.

— Где логово?

Мэттью ударил себя в грудь, как бы говоря — сукин сын сам к нам придет. Марион опешила. Только сейчас до нее дошло, что Мэттью не шутил.

Что ж, не она первая.

Быть может, когда-нибудь у него получится поймать единорога.

— Не переживай, — сказал он, заметив, как Марион наливается краской. — Лучше помоги мне приодеть нашего цыпу.

Только совместными усилиями они смогли открыть коробку и надеть на птицу клобук, не навредив ей. Стоило Марион открыть створки, как петух бросился наружу; Мэттью поймал его и в отместку был исклеван. Петух предстал настоящей черной фурией, но Мэттью как-то удалось прижать его к груди. Взяв птицу за крылья и лапы, он держал ее, пока Марион надевала клобук, одновременно уворачиваясь от острого клюва. Оказавшись во тьме, петух успокоился, и Марион смогла прицепить трехдюймовые стальные шпоры поверх собственных шпор петуха. Когда дело

было сделано, вид у петуха стал суровый и злобный. Сталь сверкала на фоне черного оперения. Марион погладила птицу по спине; задев пальцы Мэттью, она почувствовала, как тот вздрогнул.

— Вот мерзость, — произнесла она, имея в виду не птицу, а петушиные бои.

Мэттью отпустил петуха и резко отдернул руки. Петух спокойно уселся на асфальт.

— А как я, по-твоему, себя чувствую?

Марион пожала плечами. Не поднимаясь, она достала из своей кожаной сумочки наручники и шелковый клобук, похожий на тот, что был надет на птицу. Мэттью взял свою фляжку.

— Ненавижу это делать.

Свинтив крышку, он опрокинул содержимое фляжки в рот. Пары семидесятипятиградусного рома шибанули в нос; сделав три глотка, Мэттью согнулся и закашлялся, едва не захлебнувшись.

Он не любил алкоголь.

Но для заклинания этого хватит.

Чувствуя себя немного опьяненным, Мэттью передал Марион фляжку и свои очки. Без них он чувствовал себя неуютно. В носу щипало — теперь не только он запаха кокатриса. Вытерев рот рукой, он сделал четыре шага сквозь открытый луч пентаграммы.

Он развернулся лицом к Марион. Повесив клобук на руку, он надел на себя наручники. Накрепко — нельзя было допустить, чтобы его тело освободилось и сбежало, пока самого Мэттью в нем не будет.

Заменить тело было невозможно.

Сделав глубокий вдох, он закрыл глаза и скованными руками натянул на лицо шелковый клобук.

В клобуке все звуки были приглушены. От рома глаза Мэттью слезились, но по крайней мере он больше не чувствовал зловония кокатриса. Он услышал шорох мела — Марион закрыла пентаграмму. Раздался звук отвинчиваемой пробки и плеск — она вылила остатки рома на пентаграмму. Мэттью подергал наручники, а когда Марион начала произносить заклинание, оцепенел.

Магу казалось, что он выпил слишком много. У него подкосились ноги, но он удержался. Кости сводило. Мэттью продолжил дергать наручники. Привычное возбуждение от пронизывающей все тело магии во тьме усиливалось. Мэттью вновь пошатнулся — а может, качнулся окружающий мир — и едва не задохнулся от наполняющего жилы жа́ра.

У магии и страсти было много общего. Во мно-

гом поэтому воздержание помогало ему.

Следующий вздох вышел чище. К лицу больше не липла ткань, воздух стал свежее, аромат рома уже не был столь удушающим. Судя по звуку, Марион переместилась. Тяжесть перетекла от ног к запястьям, и Мэттью плашмя растянулся на неровном асфальте.

Опершись на руки, он попытался подняться. Заклинание оборвалось; кто-то крепко, но аккуратно обхватил его за грудь.

— Мэттью?

Он повернул голову в поисках источника звука. Эхо мешало. Державшие его руки отстранились.

— Мэттью, махни один раз, если слышишь меня.

Неуклюже вытянув руки, Мэттью взмахнул ими. Через мгновение множество, как ему показалось, рук стянули с него клобук. Он заморгал от ударившего в глаза света, и в конце концов понял, что находится лицом к лицу с Марион. Ее лицо было просто огромным. Отскочив назад, он едва не уселся на шпору. К счастью, острый край прошел между перьями, не вонзившись в крыло. Мэттью остановился, вернул себе равновесие и полусогнул крылья.

И кукарекнул.

Захлопав крыльями, он к собственному удивлению оторвался от земли. Подлетев к Марион, он неуклюже приземлился ей на плечо, едва не выбив крылом глаз. По крайней мере ему хватило ума и ловкости не ткнуть ей шпорами в горло. Стараясь не впиться когтями в кожу, Мэттью развернулся в непривычном теле и уселся поудобнее.

Лишь сейчас он понял, что его теплое плечо, которым он прижался к теплой щеке Марион, было покрыто перьями. Чувствовать лапами удары ее сердца, как шаги крадущегося зверя, было странно. Цвета, которые Мэттью сейчас видел, были яркими и насыщенными — у него даже не нашлось для них названия. Еще более удивительным было то, как у него получалось балансировать на ее плече во время движения. Легче, чем сидеть на суку дерева.

— Ничего себе, — произнес Мэттью, и услышал протяжное кудахтанье.

Марион вздрогнула и положила руку ему на крыло.

— Мэттью, успокойся. Пожалей мои уши!

Он стыдливо нахохлился и прокудахтал «извини», надеясь, что она поймет.

Тело Мэттью стояло посреди залитого ромом

мелового круга. Временно переселившийся в него петух вел себя спокойно, сдерживаемый клобуком и наручниками. Мэттью покрутил головой в поисках лучшего обзора, но у него ничего не вышло. В теле петуха он обладал периферийным зрением, и лишь покрутив головой вправо-влево мог приблизительно понять, насколько он далеко от своего настоящего тела. О бинокулярном зрении можно было забыть. Но к своему удивлению он обнаружил, что может видеть едва ли не до затылка.

Это было непривычно и требовало тренировки. Враг мог появиться в любую минуту, поэтому Мэттью требовалось как можно скорее решить, как вести себя в маленьком теле и как пользоваться его инстинктами.

Марион отступила, укрываясь в нише недалеко от калитки. Мэттью прижался к ней и почувствовал, что ее сердцебиение участилось. Он закудахтал ей в ухо.

— Тсс.

Было бы хорошо, если бы кокатрис появился как можно скорее. Если чары развеются, он может оказаться в весьма неловкой ситуации. Но все компоненты были представлены — алкоголь, талант, невинность — и, образно говоря, поднесе-

ны твари на ее собственном дворе. Где бы сейчас не гнездился кокатрис, он обязан был прийти посмотреть.

Не успел Мэттью подумать об этом, как услышал пение.

Девушки вели слежку уже очень долгое время, когда доктор Ш с женщиной заговорщицки переглянулись и вошли через ржавую калитку в какую-то подворотню. Джина осторожно, чтобы ее не заметили, перешла дорогу и укрылась в дверном проеме ближайшего подъезда. Спустя мгновение Кэти услышала звон бьющегося стекла и глухой стук.

Кэти пристроилась к Джине, нервно потирая руки. Этот район пользовался дурной славой.

— Тупик, — сказала Джина, когда к ним присоединилась Мелисса. — Либо они войдут внутрь, либо останутся здесь.

— Прямо здесь?

Джина подмигнула.

— Хочешь заглянуть?

Кэти с Мелиссой обменялись взглядами, и Мелисса решилась:

— Давай.

Друг за дружкой они вышли на тротуар, стараясь не наступить на жвачку и непонятные

маслянистые пятна. Вышло так, что Кэти оказалась впереди, а Джина с Мелиссой — на шаг сзади. Кэти приходилось то и дело оборачиваться, проверяя, не отстали ли подруги.

Остановившись в паре футов от сломанной калитки, она постаралась успокоиться. Не вышло, и Кэти, собрав волю в кулак, двинулась дальше.

Стоя у стены и вытянув шею, она могла видеть сквозь решетку все происходящее в подворотне. Доктор Ш и полицейская начертили на асфальте пентаграмму, достали из коробки черного петуха и что-то сделали с его головой и лапами. Кэти вздрогнула, ожидая, что за этим последует кровавое обезглавливание, но вместо того доктор Ш отправился в центр пентаграммы и надел на себя наручники. Кэти стало немного смешно. Затем профессор надел на голову клобук, женщина еще что-то начертила и обошла круг, поливая асфальт из фляжки.

Вскоре петух принялся брыкаться, а вот доктор Ш стоял смирно. Женщина освободила петуха и он тут же вскочил ей на плечо.

— Бред какой-то, — прошептала Мелисса, прижимаясь к Кэти, чтобы лучше разглядеть происходящее.

— Ничего себе, — довольно громко сказала

Джина. — Вы только послушайте!

Кэти обернулась, чтобы попросить Джину вести себя тише, но в этот момент тоже услышала. Она сделала глубокий вдох, словно вдыхая саму мелодию. Ее футболка натянулась на груди. Музыка распирала легкие, живот, буквально надувая ее. Мелисса заскрежетала зубами и схватила Кэти за плечо.

— Черт, что происходит? — спросила она.

— Какая красота, — Кэти шагнула вперед, освобождаясь от хватки Мелиссы.

Она направилась к женщине, петуху и профессору. Подняв руки, она закружилась, чувствуя в ногах удивительную легкость. Кэти будто шла по цветочной поляне. Не глядя под ноги, она прошла прямо по куче мусора, которую волшебники собрали, расчищая двор, и наступила на стекло.

Наполовину разбитая бутылка окончательно раскололась под ее ногой. Стекло впилось в мягкую подошву теннисной туфли, но Кэти не обратила на это внимания и сделала еще шаг. Снова раздался хруст стекла.

Из-за музыки Кэти его даже не услышала. Хор звонких голосов становился все громче.

— Звучит так, будто крысу сунули в мешок с молотками и потрясли, — простонала Мелисса

и едва не взвизгнула. — Черт, Кэти, что с твоей ногой?!..

В туфле было что-то влажное и липкое. Кэти решила, что наступила в грязную лужу. Она опустила голову, чтобы взглянуть. Или в лужу крови.

Что ж, ноги она уже промочила, а невидимые певцы были где-то рядом. Она шагнула дальше. Мелисса попыталась схватить Кэти за руку, но пальцы лишь скользнули по запястью. Кэти услышала, как подруга забавно всхлипывает, будто только что пробежала длинную дистанцию и никак не может перевести дух.

Каким-то образом Джина обогнала ее и шла впереди, пиная мусор сандалиями. Под ногами Джины хрустело стекло, за ней оставались кровавые следы. Такой грязной подворотни Кэти никогда прежде не видела. Здания вокруг были чахлыми, насквозь изъеденными плесенью. Некогда красный кирпич был покрыт копотью и цементной крошкой. У стены что-то пошевелилось. Вспыхнул свет, будто солнечный луч пробился сквозь занавеску, и тут же глазам Кэти предстало прекрасное, яркое, переливающееся нефритовым, фиолетовым и лазурным, пышное оперение, какому позавидовали бы павлины и

райские птицы. Увенчанная гребнем голова чудесной птицы была запрокинута, из горла лилась прекрасная песня. Крылья укутывали птицу, словно мантия, а на перьях скакали солнечные зайчики.

Джина по-прежнему была впереди, заслоняя ее от птицы. Кэти потянулась, чтобы оттолкнуть Джину, но та внезапно упала навзничь, и Кэти просто переступила через нее. Она в жизни не видела ничего более прекрасного. Не слышала ничего более прекрасного.

Ах, она же слепая, бедная птичка слепая! Кто-то выбил ей глазки! Старые раны затянулись серыми шрамами. Птица ничего не видела, но все равно пела.

Кэти протянула руку, чтобы прикоснуться к птице, не понимая, почему кричит Мелисса.

Мэттью заметил, как две девушки бегут по камням и стеклу, но он не успел бы до них добраться, даже если бы сильно постарался. Даже если бы заметил их раньше и мог летать быстрее, чем это делает петух. Он увидел, что его тело также отреагировало — бросилось к границе пентаграммы, принялось кружиться, но тщательно выставленные защитные глифы сдержали его, и тело, ударившись о невидимый барьер, соскользнуло

на асфальт. Наблюдать за собой со стороны было необычно.

Марион и рыжеволосая девушка рухнули на землю. Марион пыталась ползти к бегущим девушкам, зажимая руками уши, а Мелисса Мартинчек свернулась клубком и закричала.

Тут Мэттью наконец увидел кокатриса.

Сперва, краем глаза — движение. Легкое колебание чего-то кирпично-красного и цементно-серого. Шкура кокатриса была окрашена неровными пятнами, сливавшимися с темной стеной. Тварь была крупнее петуха, но не намного. Петушиное сердце Мэттью закипело гневом при виде красного гребня и ниспадающего водопадом хвостового оперения кокатриса. Забив крыльями, он ринулся на него, будто самец куропатки, выскакивающий из укрытия.

Кокатрис тут же сбросил маскировку, окрасившись яркими красками. По его оперению, как по бензиновой пленке, потекли радужные разводы. Девушки потянулись к нему; их ноги кровоточили, пронзенные множеством острых осколков, руки дрожали.

Мэттью увидел, как они упали. Яд уже глубоко проник в их организм; тела девушек забились в конвульсиях, на губах выступила пена.

Он издал воинственный, исполненный гнева клич. Его охватила кровавая ярость. Шпоры висели на ногах тяжким грузом, но крылья были сильнее, мощно разрезая воздух. Мэттью ударил со всех сил, метя твари в горло.

Радужные и черные перья сплелись воедино; уворот, удар, стремительный косой выпад. Шпора Мэттью зацепила лишь оперение, и кокатрис нанес ответный удар, по-змеиному вытянув шею. Жемчужно-желтые капли брызнули с чудовищных, не сочетающихся с острым клювом, клыков; петушиный хвост кокатриса сложился, открыв серое, свитое кольцами змеиное тело.

Мэттью прижал крылья, но яд все равно прожег в них несколько дыр. Отпрянув, он контратаковал, целясь кокатрису в глаз, и лишь теперь заметил, что в этом не было смысла — на месте глаза была старая, давно зарубцевавшаяся рана. Черный петух был устойчив к яду и смертоносному взгляду кокатриса, и все, что нужно было Мэттью — это ранить тварь.

Вот только это был не кокатрис, точнее, не совсем кокатрис. Кокатрисы не умели выводить соловьиные трели и маскироваться. Мэттью решил, что его, должно быть, высидел хамелеон, а не змея, как обычно. Он взлетел, понимая, что

сейчас не лучшее время для долгих раздумий.

Перед ним был какой-то странный гибрид.

Везет как утопленнику.

Тварь взлетела за ним, и Мэттью ринулся вниз, спасаясь от преследования. Тело петуха особой аэродинамичностью не отличалось. Он наносил удар за ударом — в спину твари, в крыло, в грудь. Грудные кости кокатриса-гибрида были крепкими, словно бронированными, пробить их шпорами было невозможно. А вот ударить между ребер сверху…

Чудовище сместилось в сторону, и Мэттью промахнулся. Слепая тварь ухватила его зубами за крыло. Боль, горячая и тягучая, растеклась по плечу до самых костей. Увлекаемый монстром, Мэттью устремился вниз, громогласно кудахтая. Сплетясь в клубок, они покатились по асфальту. Кокатрис ослабил хватку, и Мэттью заверещал — одновременно от боли и гнева. Поврежденное крыло волочилось за ним; брызгала кровь, рана дымилась от яда, но Мэттью заставил себя взмахнуть им и подняться, чиркнув шпорами по камню. Это не осталось незамеченным, и кокатрис грозно зашипел.

Они вновь схлестнулись, грудь к груди. У Мэттью были шпоры, на стороне кокатриса было

преимущество в массе, а также когти и витой, словно кнут, хвост. Крылья с шумом сталкивались и переплетались. Кокатрис прекратил петь, и Мэттью услышал плач — человеческий плач.

Когти кокатриса поспевали за каждым его выпадом. Влево, вправо. Крылья колотили Мэттью по голове, клюв то и дело норовил ударить в лоб. Что-то лопнуло, и кровь залила клюв и лицо Мэттью. Он перестал видеть правым глазом. Освободив левую лапу, он нанес несколько отчаянных ударов. Шпора легко пронзила плоть; прохладная, не теплее воздуха, кровь кокатриса брызнула на Мэттью. Высиженные змеями, кокатрисы были хладнокровными.

Кокатрис выл и отбивался; Мэттью едва не потерял второй глаз. Его заливало кровью кокатриса. Перья слиплись, приклеились к коже. Кровь тоже была ядовитой, и не только она — дыхание, взгляд, пение. Чудовище буквально сочилось ядом.

Наконец кокатрис упал, прижав Мэттью своим телом. Повернув голову, Мэттью единственным глазом увидел, как Марион тащит Мелиссу, подхватив под мышки. Мелисса сопротивлялась, рвалась к отравленным телам подруг. Прикасаться к ним было нельзя — зараженные кокатрисом,

они теперь тоже были ядовиты. Даже камень, на который попала капля крови чудовища, мог убить.

Яд был смертелен, и спасения от него не было. Даже его самопожертвование, даже неосознанное самопожертвование черного петушка, не имело значения.

Со сломанным крылом, с единственным глазом, Мэттью повалился на спину, даже не выдернув из брюха врага шпору, и зарыдал.

Квартал оцепили, близлежащие здания закрыли, гибель людей списали на разлив химикатов. Обеззараживание территории взяли на себя другие члены прометеанского клуба. Вернувшийся в привычное тело Мэттью отнес израненного петушка к знакомому ветеринару. По настоянию Мэттью (процедуры в любом случае оплачивала Джейн) птице ампутировали одно крыло и прочистили глазницу. Спасенный от эвтаназии, петушок был отправлен на ферму, где ему предстояло провести остаток дней в облике кривого, хромого пирата. При должной удаче у него впереди была еще долгая жизнь и много, много отпрысков.

Не самая плохая участь для петуха, решил Мэттью.

Всю бумажную волокиту взяла на себя Марион. В благодарность Мэттью сводил ее в ресторан. Она больше не пыталась к нему приставать, и они расстались друзьями. Это наверняка была не последняя их встреча.

Самым тяжелым испытанием стала церемония прощания со студентками. Они были первокурсницами, и Мэттью не успел близко с ними познакомиться. Он чувствовал ответственность за их гибель, но выступать с речью казалось ему лицемерным, поэтому он лишь подписался в гостевой книге и всю церемонию молча просидел на заднем ряду, одетый в свой лучший черный костюм.

Кэтрин Берквист похоронили в ее родном Эпплтоне, штат Висконсин, и Мэттью не смог там присутствовать. А вот похороны Реджины Гомес проходили на католическом кладбище во Флашинге. Гроб был украшен белыми искусственными цветами. Собралась вся семья Джины — женщины в черных вуалях, мужчины в черных шерстяных костюмах. Друзья — в черных или темно-синих. На Мелиссе Мартинчек были надеты приталенное платье и кардиган. У могилы она робко и едва заметно улыбнулась Мэттью.

На кладбище стоял столь терпкий запах лилий,

что на обратном пути Мэттью дважды вырвало.

На следующий день Мелисса зашла к нему в перерыве между занятиями. Мэттью сидел за столом, задумчиво обхватив голову руками. Услышав стук в дверь, он приподнялся, но, подумав, уселся обратно. Спустя полминуты запертая дверь открылась. Петли скрипнули, и на пороге появилась Мелисса со студенческим удостоверением в руке.

— Замок отодвигается, — сказала она. — Джина меня научила. Я услышала, как скрипнул стул, и поняла, что вы на месте.

Произнося имя Джины, она запнулась.

— Входите, — сказал Мэттью, приглашая Мелиссу присесть в пыльное оранжевое кресло. Та заперла за собой дверь и села. — Хотите кофе?

Мэттью заварил себе кофе в кофеварке, но так и не налил. Мелисса покачала головой. Мэттью хотелось накричать на нее — «Как вы там оказались?!», «Зачем вы туда потащились?!», — но вместо этого он лишь поник головой. Взяв в руку нож для бумаги, он провел по тупому краю пальцем и произнес:

— Я сожалею.

Его голос дрожал. Слова не сразу сорвались с языка.

Мелисса сделала пару глубоких вдохов. У нее вырвался смешок — истерический, не веселый.

— Вы ни в чем не виноваты, — сказала она. — Я до сих пор не могу понять, что случилось, — она подняла руку, не давая ему вставить слова. — Я не… я не хочу знать. Просто помните, что я вас не виню.

Мэттью поднялся. Взял кружку, налил кофе себе и Мелиссе, не спрашивая добавил сливок и сахара. Кофе пойдет ей на пользу. Белки глаз девушки были красными, веки опухли так, что было отчетливо видно слизистую оболочку. Мелисса машинально взяла кружку.

— Я был приманкой, — сказал Мэттью. — Внутри круга мне ничто не могло навредить, а вот Джине и Кэти не повезло. Тварь искала специфических жертв, и они как раз подходили. В той или иной степени.

— Что значит… специфических?

— Подобные твари набираются сил, убивая, — Мэттью подсыпал себе еще сахару, чтобы как можно дольше оттянуть объяснение. — Некоторые предпочитают, чтобы у жертв был определенный… вкус. Например…

Он не смог закончить. Возможно, тварь хотела заманить и его самого — иначе зачем покидать

уютное убежище на окраине и отправляться туда, где непременно попадешься на глаза прометеанцам? Мэттью заскрежетал зубами. Если бы его организация патрулировала неблагополучные районы, то с кокатрисом уже давно бы разобрались. А если бы сам Мэттью отправился в его логово без защиты, чудовище могло бы ограничиться им и не тронуть девушек.

Он долго не сводил глаз с выступившей на поверхности кофе пенки.

Мелисса сглотнула, затем выдохнула, но не осмелилась взглянуть Мэттью в глаза.

— Доктор Ш…

— Мэттью, — сказал он, и поступил так, как не следует поступать уважающему себя и свою работу учителю. — Мисс Мартинчек, идите домой. Уделите больше внимания другим предметам. От своих лекций я вас освобождаю; зачет получите автоматически, если придете на него в конце семестра.

Это было трусливо. Аморально. Ему не хотелось видеть ее.

Мэттью положил руку Мелиссе на плечо. Девушка прижалась к ней щекой, и он не стал отстраняться. Ее кожа была горячей и влажной. Дыхание — тоже.

Прежде чем убрать руку, он услышал:

— Почему не я?

— Потому что вы уже потеряли невинность, — ответил Мэттью и тут же пожалел об этом.

Мелисса вздрогнула и облилась кофе. Мэттью ретировался за стол, взял свою чашку и задумчиво подпер голову. Если она теперь начнет винить себя, то это тоже будет его вина.

— Тварь искала исключительно девственниц и девственников, — как можно спокойнее объяснил он. — Скажите спасибо вашему молодому человеку.

Мелисса снова и снова всхлипывала. Она взглянула Мэттью в глаза, чтобы не смотреть мимо него и не видеть перед собой лиц своих погибших подруг. К облегчению Мэттью, она не стала задавать вопрос, который его смущал. Допив кофе, Мелисса успокоилась, облизнула губы и пробормотала:

— Но ведь Джина… Джина же…

— Люди, — ответил Мэттью настолько мягко, насколько мог человек, на чьих руках была кровь, — не всегда такие, какими кажутся. И не такие, какими хотят казаться.

Поблагодарив Мэттью, Мелисса ушла. Он достал из пальто фляжку и влил половину ее со-

держимого в остатки кофе. Вечером заведующая кафедры сказала, что он прочитал свою лучшую лекцию. Возразить Мэттью не мог — он не помнил ни слова из того, что рассказывал.

Уже в ближайший понедельник Мелисса Мартинчек появилась на его лекции. Она села на третьем ряду, между двух пустых парт. Рядом не сел никто.

Сами не зная как, они с Мэттью выжили.

Когда Бруклинский мост открылся в тысяча восемьсот восемьдесят третьем году, его назвали восьмым чудом света. Он был построен не только из гранита, стали и бетона. Он стоил строителям пота, крови, здоровья, а иногда и жизни. Но одному строителю мост подарил нечто особенное.

Карл Бункер
Кессон[53]

Я встретил Мишке зимой тысяча восемьсот семьдесят первого года. Он стоял на коленях и агукал ребенку. Ребенок сидел на коленях у матери, пухленькой молодой женщины, по выражению лица которой было ясно, что она не знает, как реагировать на здоровяка, тыкающего мозолистым пальцем в щечку ее малыша. Женщина зашла в таверну несколько минут назад и, перекинувшись с хозяином несколькими резкими репликами, уселась за стол. Женщины в нью-йоркских тавернах были редкостью, и ее появление вызвало небольшой ажиотаж. Но преклонившего колени мужчину интересовала не женщина, а исключительно ее ребенок. Младенец ничуть не возражал против поведения своего нового «друга», смеялся и махал ручонками, стараясь поймать щекочущий его личико палец. После нескольких попыток ему это удалось — он ухватился за бревноподобный палец, который

---

[53] notes: 53

“Caisson” © 2015 Karl Bunker. First publication: *Asimov’s Science Fiction Magazine*, August 2015.

не поместился в детскую ручку целиком. Мужчина с удвоенной энергией принялся играть с малышом и начал что-то взволнованно говорить на польском с примесью каких-то непонятных цокающих звуков. Я узнал кресовый говор, похожий на мазовецкий диалект польского языка, на котором говорили на моей родине, и меня охватила ностальгия. Тут подошел другой мужчина и сурово взглянул на поляка, но женщина тут же разразилась в адрес пришедшего гневной тирадой на английском с ирландским акцентом. Она так тараторила, что я ничего не смог разобрать. Женщина с мужчиной и ребенком ушли, и верзила-поляк поднялся с колен.

Я приехал в Америку недавно, и меня все еще напрягало новое и необычное окружение. Ночевал я в комнатушке над таверной на Нассо-авеню, деля ее еще с пятью незнакомыми мужчинами. Судя по всему, местные традиции не предусматривали, что мы должны были познакомиться, и мы относились друг к другу как к чужакам, даже несмотря на то, что спали бок о бок, едва не соприкасаясь. Порой казалось, что в Америке людям законодательно запрещалось знакомиться и дружить. В Гринпойнте, районе Бруклина, где я жил, в основном селились немецкие и ир-

ландские эмигранты. Были и поляки, и редкие представители еще десятка национальностей. Куда ни глянь были непохожие на меня люди, и я чувствовал себя пресноводной рыбешкой, заплывшей в большое соленое море. А этот новый человек, несмотря на знакомый язык, выглядел чуждым даже в этой стране чужаков. Подобно грубым столам и стульям вокруг, он был будто сколочен плотником-неумехой. Криво выпилен, неотесан, нескладен — словно наспех сбит гвоздями. Нос у него был кривой, один глаз больше другого. Он давно не брился, а волосы, казалось, были обрезаны ножом. Лицо его было морщинистым, но возраст не поддавался определению.

Я сидел за длинным столом в паре метров от ожидавшей мужа ирландки. Когда мой соотечественник встал, я окликнул его по-польски, пытаясь перекричать шум и гам.

— У тебя, должно быть, дома свой малыш?!

Еще не договорив, я понял, что зря это сказал. Мужчина взглянул на меня. Ни один мускул не дрогнул на его лице, но он заметно побледнел и осунулся. Взяв свободный стул, он сел напротив и уставился на меня с выражением, которое я счел пугающим, пока не понял, что смотрит он вовсе не на меня. Он вообще ни на кого не смот-

рел. Наконец он повел широченными плечами, словно скидывая с них тяжелую ношу, повернулся, позвал хозяина по имени и заказал водки и капустняк. Когда бутылка появилась на столе, он налил себе стакан до краев и осушил его в два глотка. Лишь тогда он обратил внимание на меня. Его глаза пристально изучали мое лицо.

— Мазовшанин, — угадал он область, откуда я был родом. — Варшава?

— Кутно, — уточнил я и по американскому обычаю протянул руку. — Стефан Дудек.

Собеседник пожал мою руку.

— Мишке, — представился он. За все время нашего знакомства я так и не узнал его имени — только фамилию.

Принесли суп и краюху хлеба, и Мишке принялся есть. Несколько минут он даже не взглянул на меня и не произнес ни слова, и я уже решил было, что он обо мне забыл, и я не добьюсь от него больше, чем пары слов.

Но тут он оторвался от еды и указал на миску пальцем.

— Это я научил здешнего повара готовить капустняк, — сказал он. — Получается недурно. — Он снова повернулся и попросил у хозяина еще миску супа «для земляка», после чего осмотрел

меня с головы до ног. — В порту работаешь?

Я кивнул.

— Крепкий ты парень, здоровый, — Мишке перешел на английский, и я подумал, что эту фразу он часто слышал в свой адрес от других.

Он снова наполнил стакан и осторожно, можно даже сказать, неподобающе для такого здоровяка, глотнул водки.

— Хочешь зарабатывать по два двадцать пять в день? — спросил он. — Пойдем завтра со мной, я тебе работу на мосту подыщу.

Должно быть, я состроил какую-то глупую рожу, потому что Мишке расплылся в улыбке. В порту я зарабатывал куда меньше двух долларов и двадцати пяти центов, но…

— На башнях? — спросил я, живо представляя головокружительную высоту недостроенных башен Бруклинского моста, которые были выше любого виденного мной рукотворного сооружения.

— Нет! — презрительно фыркнул Мишке, словно считая укладку огромных гранитных блоков на высоте нескольких десятков метров работой для сопляков. — Какие башни? Кессоны! Со стороны Бруклина все уже готово, а вот со стороны Нью-Йорка работы осталось на несколько ме-

сяцев.

— Кессоны?! — удивленно повторил я.

— Знаешь, что это такое?

— Кое-что слышал, — ответил я, не уточняя, что слышанное мной казалось страшным и невероятным. — Но я не вполне понимаю, что это. Работа ведется под водой?

— Точно! — глаза Мишке заблестели. — Под водой, но не в воде! Сейчас расскажу, — он обеими руками схватил миску с супом и придвинул ко мне. — Вот это Бруклин, — палец Мишке уткнулся в стол между ним и миской, — а это Нью-Йорк, — он ткнул с противоположной стороны миски. — А суп — это река, большая, широкая, сам знаешь. Вот. Чтобы построить такой большой мост, сперва надо построить две башни с каждой стороны, но не на берегу, а в самой реке, чтобы мост держался. Понятно? Вот! А как построить каменную башню с фундаментом глубоко под водой? — Мишке свел пальцы и опустил их в суп до самого дна тарелки. — Непростая задачка!

В американских тавернах к водке дают маленький стакан. Мишке осушил его, перевернул и стал медленно опускать в миску.

— Представь, что он деревянный, — сказал он, постучав пальцем по стеклу. — И большой,

очень-очень большой. Но он держится на воде! — он прикоснулся краем стакана к поверхности супа. — Теперь ты выводишь эту штуку на нужное место в реке и кладешь сверху каменные блоки, один за другим. Ты строишь башню. И что происходит дальше? Правильно, эта штука, — он показал на стакан, — тонет. Чем больше блоков ты кладешь, тем глубже она погружается. Когда камня достаточно, она опускается на самое дно, — он погрузил стакан в суп до дна.

— Хитро, — согласился я.

Мишке приблизился ко мне, таращась своими разными глазами.

— Нет! — воскликнул он. — Это еще не хитро, подожди, пока я закончу! — его более широкий глаз расслабился, а вот узкий по-прежнему глядел на меня с прищуром, скептически. — Дудек, что, по-твоему, на дне реки? Правильно, ил! А наши башни, которые должны держать мост, будут большими, высоченными! Выше, чем церковь Святой Троицы! Какой дурак будет строить их на илистом дне?

Я приехал в Нью-Йорк недавно, и еще не видел церковь Святой Троицы. Мишке перешел на заговорщицкий шепот и ухмыльнулся, словно только что удачно пошутил.

— Теперь-то и начинается самое интересное, мой юный друг Дудек. Теперь в игру вступаешь ты. Мы с тобой, — он снова указал на перевернутый стакан в супе. — Вот эта штука — кессон. Ящик по-французски. По сути это и есть ящик — большой деревянный ящик, открытый снизу. Внутри него воздух. Даже если его утопить в реке, в супе — воздух никуда не денется! Ха!

— Точно, — пробормотал я. — Воздух.

— Так вот что они придумали — полковник Реблинг придумал. Он там начальник, главный инженер. Полковник Реблинг сделал так, что в эту штуку, — Мишке постучал по стакану, — можно посадить людей. Они садятся туда и копают. Дышат воздухом, который качает помпа, и копают, копают, а ил выкачивается из кессона, и кессон опускается в него все глубже. Рабочие копают ил, землю и камни вокруг кессона, и он опускается все ниже и ниже в почву, а сверху на него накладывают каменные блоки. Кессон опускается, опускается… пока не достигает материкового грунта, — Мишке стукнул кулаком по столу. — Прочно!

Я уставился на опущенный в мутный суп перевернутый стакан.

— И ты работаешь в этом… ящике… под водой…

на дне реки?.. Копаешь?

Мишке не переставал улыбаться, демонстрируя крупные желтые зубы.

— Внутри, Дудек! Вот такая у меня для тебя работа. Я уже поработал в бруклинском кессоне. Теперь мы вместе поработаем в нью-йоркском. Полезем внутрь и будем копать, копать, копать! — он опустил два пальца свободной руки в суп рядом со стаканом и принялся перебирать ими, словно крот лапами. — Есть еще много всего, — улыбка Мишке стала чуть менее уверенной, — что тебе предстоит узнать. Но на первый раз достаточно. Я уже рассказал тебе больше, чем знал сам в первый день работы.

У меня было множество вопросов, и наверняка появилось бы еще больше, но я промолчал. Мне предложили работу, к тому же высокооплачиваемую. Где еще можно было заработать два доллара двадцать пять центов в день?

На следующее утро я стоял посреди настоящего каменного моря площадью в половину городского квартала. Там и тут высились мачтовые краны, паровые котлы плевались угольно-черным дымом и белым паром. Повсюду суетились люди, занятые сотнями, а то и тысячами задач. Мы с Мишке работали в первую смену, и наш

рабочий день начинался в шесть утра. Помимо нас у отверстия посередине каменного плато собралось еще человек сто. Большинство держались непринужденно, что говорило об их опыте, но несколько, включая меня, были новичками.

— Новички — за мной, — обратился к нам прораб. — Я зашлюзуюсь с вами.

— Что значит «зашлюзуюсь»? — спросил я у Мишке, немного напуганный этим непонятным словом.

— Это значит «пройду через воздушный шлюз». Разберешься.

Прораб повел нас вниз по длинной винтовой лестнице. Когда ступеньки кончились, внешний мир сжался до размеров маленького светлого диска высоко над головой. Мы стояли на окруженной каменными стенами железной платформе довольно большой площади. В полу был квадратный люк. Подойдя к нему, прораб открыл его и полез внутрь, призывая нас следовать за ним. Один за другим мы спустились вниз по лестнице и очутились в маленькой цилиндрической комнате с обитыми железом стенами. Со мной было еще человек десять, но поместиться здесь могло еще столько же. Прораб полез обратно, закрыл люк, через который мы спустились, и крикнул

Мишке:

— Микки, открывай клапан!

Мишке крутанул какую-то штуковину, похожую на огромный вентиль водопроводного крана, и раздался оглушительный рев. Через клапан в помещение рванулся горячий влажный воздух. Вскоре у меня заболели уши, и у остальных «новичков», очевидно, тоже. Прораб кричал нам что-то по-английски, но боль была столь сильна, что я не мог разобрать.

— Глотай! — перевел Мишке на польский. — Глотай, глотай!

Через несколько минут рев стих, и прораб открыл в полу другой люк. Вниз вела еще одна лестница. Прораб полез первым, за ним Мишке, за ним — все остальные.

Внизу был другой мир, будто созданный чьей-то горячечной галлюцинацией. Нам объяснили, что кессон разделен деревянными перегородками на шесть равных секций, и мы сейчас находились в одной из них. Она была довольно узкой, но очень длинной, на первый взгляд почти бесконечной. В туманном сумраке дальнюю стену невозможно было разглядеть. Потолок был в трех-четырех футах над головой, пол представлял собой утрамбованную землю с гравием. На стенах на равном

расстоянии друг от друга висели ослепительно яркие белые фонари — смотреть на них было больно. Но даже столь яркие лампы не могли пробиться сквозь густой пар; освещения все равно не хватало. Я заметил, что стены когда-то были побелены, но месяцы спустя потемнели от грязи почти до самого верха.

Один из моих соседей выругался по-английски, и его голос прозвучал настолько тихо и тонко, что все обернулись к нему. Он снова выругался, прислушиваясь к себе, и рассмеялся, заявив, что говорит теперь как его мать. Затем к нам обратился прораб, и его голос тоже превратился в тоненький писк.

Нам показали шкаф, где можно было оставить судки с обедом, и вешалки для одежды. Я заметил, что группа, которую «шлюзовали» перед нами, разделась до пояса. Стояло прохладное ноябрьское утро, но тут, внизу, было нестерпимо жарко и влажно.

Здешний воздух… Я так увлекся разглядыванием новой обстановки, что не сразу понял, как тяжело дышу — будто пробежал несколько километров. Воздух был тяжелым, густым, напрягать легкие для вдоха и выдоха было непросто. Казалось, я дышу водой. У меня началась лег-

кая паника, как бывает, когда боишься утонуть. Мишке похлопал меня по спине.

— Лучше не думай о здешнем воздухе, — сказал он. — Просто дыши, и все будет хорошо.

Даже низкий голос здоровяка Мишке стал здесь похож на женский. Я хотел было пошутить по этому поводу, но тут прораб прикрикнул на нас — ну, повысил голос, насколько это здесь было возможно. Пришла пора начинать работу.

Работа заключалась в том, что нам нужно было копать. В точности как Мишке изобразил с помощью стакана и миски супа, мы рыли почву у себя под ногами и под стенами огромной конструкции, внутри которой находились. Лопата за лопатой — мы копали, наполняли грунтом тачки и опустошали в котловину посреди кессона. В котловину спускалась труба с дночерпателем, который поднимал грунт наверх. Крупные камни необходимо было предварительно расколоть киркой. Особо крупные камни, с которыми кирка не справлялась, взрывали. Но большую часть времени мы с напарниками просто копали. Погружали лопаты в песчаную почву, поднимали, сбрасывали грунт в тачку. И так тысячи раз подряд, снова и снова. Наша задача казалась невероятной, безумной. Несколько десятков человек

создавали перевернутую гору, применяя лишь силу своих рук, чтобы опустить чудовищную конструкцию из дерева и камня в глубь Земли, подобно крестьянину, устанавливающему вокруг участка изгородь. Мишке рассказал, что по плану кессон за день должен уходить вглубь на несколько сантиметров, за неделю — на двадцать пять — тридцать, а за месяц — на метр, и рано или поздно наша работа будет выполнена. У башни будет фундамент, у моста — башня, и вскоре река получит свой долгожданный мост.

Поэтому мы продолжали копать.

За обедом Мишке сел на скамью у внешней стены кессона. Держа в одной руке огромный бутерброд, в другую он взял бутылку пива и постучал ей по стене. Звук был металлический.

— Внутри листовое железо, — объяснил он. — Когда ставили бруклинский кессон, до этого не додумались. Стены были просто деревянными. Как-то раз, незадолго до окончания работ, один рабочий поднес свечу слишком близко к уплотнению почти у самого потолка. Уплотнительный материал начал тлеть, и сначала этого никто не заметил. А когда заметили, в потолке уже дыра прогорела, — Мишке придвинулся ко мне, глядя прямо в глаза. — Тут внизу все ведет себя иначе,

чем наверху. А огонь… огонь ведет себя совсем не так, — он указал на потолок. — Ты ведь знаешь, что стены и крыша кессона очень толстые? Несколько слоев древесины общей толщиной почти пять метров. Хорошо, что было так. Огонь почти проел дерево насквозь. Возгорание началось с маленькой дырки шириной не больше ладони. Но внутри потолка пламя ожило и принялось сжирать дерево, проделав в потолке пустоту. Это еще не самое странное, и далеко не худшее. Когда пожар обнаружили, то не могли его ничем потушить. Заливали его водой из ведер, потом спустили вниз шланг и помпу, но как только мы переставали лить воду, огонь снова занимался. Казалось, он скоро сожрет всю верхушку кессона, и нам на голову обрушатся камни, а следом хлынет река, — Мишке усмехнулся, и я понял, что насмешила его моя побледневшая физиономия. — Тогда полковник Реблинг, главный инженер, сам спустился вниз. Приказал плотникам просверлить отверстия, чтобы понять, как глубоко въелся огонь. Они сверлили там, сям, и нашли горящие угли на глубине в полметра, метр, полтора… — Мишке доел бутерброд, достал из судка второй и взмахнул им. Даже для человека его комплекции он ел очень много, и уже

успел приговорить две бутылки пива из четырех, которые принес с собой. — Наконец полковник Реблинг принял решение: затопить кессон. Всех рабочих отправили на поверхность, воздух выпустили и заполнили кессон водой. Реблингу не хотелось этого делать; вода могла повредить кессон, но другого выхода не было. Иначе пожар было не потушить. Видишь? Огонь здесь, в этом воздухе, не гаснет, — Мишке снова провел в воздухе рукой.

— И это сработало? — спросил я. — Пожар в затопленном кессоне потух?

— Конечно! Полковник — умный мужик, свое дело знает. Кессон затопили и оставили на два дня. Пожар прекратился, а вода не повредила кессон. Когда они откачали воду, мы вернулись на работу и за две недели достигли материкового грунта, — на лице Мишке заиграла гордая улыбка. — Мы вкопали эту штуковину на полтора метра ниже уровня дна.

Раздался удар колокола, сигнализирующий об окончании обеденного перерыва, и мы отправились обратно за лопатами. Мишке схватил меня за руку.

— Ты должен понять, — сказал он, едва не касаясь меня носом, — здесь, внизу, все иначе, — он

показал на свой судок. — Видишь, как много я ем? Тут все столько едят. И ты скоро начнешь. Здешний воздух меняет тебя, твое нутро, и ты принимаешься уничтожать еду, как тот пожар уничтожал древесину. Здесь все по-другому! Жизнь другая, огонь другой. Даже камни!

Я взглянул на него, не понимая, что он имел в виду.

— Камни? — переспросил я, но опоздал; Мишке уже подхватил лопату и направился к своему участку.

Мы продолжали копать. Когда наша смена закончилась, мы разошлись по домам и вернулись на работу на следующий день, и на следующий, и на следующий. Как и предсказывал Мишке, в кессоне мой аппетит заметно вырос. По окончании рабочего дня, когда мы «расшлюзовывались» и поднимались по винтовой лестнице на поверхность, на холодный ноябрьский воздух, невероятная усталость накатывала на меня, буквально прижимая к земле. На прежней работе я такого никогда не испытывал. В другой ситуации я бы этого устыдился, но мои товарищи выходили в таком же состоянии, едва поднимая ноги на ступеньки. Атмосфера в кессоне имела странное свойство — покинув ее, ты терял энергию, как

теряет влагу разбитый сосуд.

И вот как-то вечером, пока мы ожидали баржу, которая должна была переправить нас на берег, один из рабочих внезапно вскрикнул и скрючился, схватившись за живот. Через мгновение он упал на колени с перекошенным от боли лицом.

— Ох, — простонал Мишке. — Кессонная болезнь.

Его слова подтвердили мою догадку. Я слышал об этой болезни, которой были подвержены те, кто работал в кессонах, но впервые видел ее симптомы. Как и многие болезни, она настигала человека внезапно. Невозможно было предсказать, кто и когда от нее пострадает. Говорили, что даже здоровый мускулистый мужчина может свалиться с ног на первый же день работы, а щуплый коротышка проработать месяцы без единого симптома. Сами симптомы тоже разнились. У кого-то могли заболеть колени или локти, кому-то сводило живот, у других отнимались ноги, а кто-то просто падал в обморок. Ходили слухи, что во время строительства моста через Миссисипи в другом американском штате рабочие даже умирали от кессонной болезни.

Двое мужчин — вероятно, друзья — бросились на помощь пострадавшему. Они отнесли его на

баржу и поддерживали всю дорогу до берега. Нельзя было предсказать, выйдет заболевший завтра на работу или нет.

Через несколько дней после этого происшествия Мишке подошел ко мне в обед, приглашая присесть с ним на его излюбленную скамейку в уголке.

— Смотри, — сказал он, доставая из кармана камень размером чуть меньше кулака и протягивая мне.

Сперва я не заметил ничего особенного, но Мишке настаивал: «Смотри, смотри!», и я пригляделся. Из камня частично выглядывал череп какого-то мелкого животного с острыми зубами. Если бы не зубы, его можно было принять за птичий, но я решил, что он принадлежит ящерице.

— Полковник Реблинг зовет такие штуки «окаменелостями», — объяснил Мишке. — Говорит, что они пролежали тут очень долго, еще с тех времен, когда здесь и реки-то не было. Еще он рассказал, что во многих уголках мира находят подобные кости, только огромные, принадлежавшие гигантским чудовищам, вымершим в незапамятные времена. Здесь находят только мелкие, но это все равно удивительно! — он забрал камень и уставился на него. — Я много таких

нашел. Специально поглядываю, пока копаю. Полковник иногда спускается вниз и покупает у меня интересные образцы, — Мишке ненадолго задумался и взглянул на меня. — Хочешь увидеть еще кое-что интересное, малыш Дудек? Смотри, — он приблизился, и мы вместе склонились над камнем в его руке. — Там, наверху, в нормальных атмосферных условиях, эти окаменелости — всего лишь камень. Камень в форме костей, но все равно камень. А здесь, внизу… пока они остаются здесь, в здешней атмосфере… — держа камень одной рукой, Мишке чиркнул ногтем большого пальца другой руки вдоль окаменелой челюсти, и кусочки камня отвалились, обнажив белую кость. — Видишь? — Мишке поднес окаменелость к моим глазам. — Кость остается костью, словно животное умерло не больше года назад! Здесь такой воздух, — он сделал паузу и прищурился так, что его меньший глаз полностью закрылся, — что ничто не умирает окончательно и бесповоротно. Как тот пожар в бруклинском кессоне. А сейчас мы еще глубже, чем бруклинский кессон.

— Мишке, — нерешительно произнес я, — к чему ты клонишь? Хочешь сказать, эти останки еще живы?

Я не мог понять, шутит Мишке или всерьез верит в подобную глупость. Американцы любили разыгрывать новоприбывших эмигрантов дикими, невероятными историями. Быть может, Мишке тоже решил разыграть меня.

— Нет, не хочу, — ответил он. — Эта зверушка мертва. Умерла еще до того, как оказалась погребена под землей. Дудек, уж я-то отличу мертвое от живого, не сомневайся.

С этими словами он отвернулся, убирая камень обратно в карман.

Несколько недель Мишке почти со мной не разговаривал. В просторной, разделенной на шесть отсеков кессонной камере было несложно держаться особняком, даже когда здесь работала сотня человек. Я работал. Копал почву, крошил булыжники киркой, научился сверлить отверстия для закладки пороха в больших камнях. После смены я ел, пил, спал и скучал по родине.

Но как-то вечером после смены Мишке подошел ко мне, пока мы ждали своей очереди, чтобы выйти из шлюза.

— Дудек, у меня к тебе просьба. Будь любезен, окажи мне услугу, — слово «услуга» он произнес стыдливо.

— Конечно, Мишке, — ответил я. — Чем тебе

помочь?

— Не мог бы ты перевестись во вторую смену? Понимаешь… — глаза Мишке непривычно бегали, — я присматриваю за ним в первую смену, а ты мог бы присмотреть во вторую. В третью и по ночам здесь не так много народу, и прораб постоянно пьян в стельку, так что риск невелик.

Я молчал, не желая обидеть Мишке лишними вопросами. Заметив мою нерешительность, он продолжил:

— Я… кое-что нашел. Может, это и ерунда. Наверняка ерунда… Но я должен посмотреть, попробовать, узнать…

— Мишке, что ты нашел?

Он молча смотрел на меня, после чего сложил руки на уровне груди, соединив пальцы так, что между ними мог поместиться предмет размером с яблоко.

— Яйцо! — прошептал он после непродолжительной паузы. — Я копал, нашел несколько новых окаменелостей, а затем три яйца. Одно разбитое, другое с трещиной, а вот третье… целое! Ни единой трещинки, гладкое, чистое! Дудек, вдруг оно… живое? Если я о нем позабочусь, отогрею… вдруг оно вылупится?!

У меня на родине люди верят в разные чудеса,

в которые, как мне говорили, давно перестали верить образованные американцы. В дурной глаз, который может убить ребенка, в чудодейственную силу красных нитей, в опасность черных кошек и просыпанной соли и в тысячи других суеверий, о которых рассказывают бабки. Но это было совсем из другой категории невероятных вещей, и мне стало жаль Мишке. После того, как он показал мне череп ящерицы, я тоже стал поглядывать вокруг и нашел много подобных окаменелостей. Все они были просто камнями в форме костей. Даже если Мишке действительно нашел окаменелое яйцо, что-то могло вылупиться из него с тем же успехом, что из обычного булыжника. Не зная, что сказать, я опасался взглянуть Мишке в глаза.

— Я спрятал его в жестянке, — не останавливался Мишке, — на полке рядом с судком, в котором ношу обед. Завернул в тряпку. Нужно, чтобы к нему поступал воздух. Там, наверху, ему тепло. Это важно, понимаешь? Но здешний воздух — это самое главное. Нельзя выносить яйцо на поверхность, пока оно не вылупится. Если кто-то унесет его, оно умрет!

— И что я должен буду сделать?

— Просто присматривай за ним! Следи, чтобы

никто не рылся в моих вещах, не передвигал жестянку и не заглядывал в нее! Если поставишь свой судок рядом, все решат, что она твоя.

Мне не слишком-то верилось, что кто-то из рабочих станет прикасаться к чужим вещам, и тем более красть у своих, но спорить я не стал. Чем больше Мишке говорил, тем безумнее становился его взгляд, и тем больше мне было жаль его.

Я попросился перевестись во вторую смену и получил согласие начальства. Рабочих рук не хватало: большинство пугала тяжелая работа, непривычные условия, и особо впечатлительные работники уходили после первого же дня. Я же считался здесь старожилом.

Как и говорил Мишке, у него на полке стояла завернутая в тряпку жестянка из-под табака, в которой были проделаны отверстия. Я не стал ни заглядывать в жестянку, ни даже прикасаться к ней. Я просто выполнял свою работу и уходил в конце смены.

Еще несколько недель мы с Мишке почти не встречались. Наконец я увидел его в кессоне во вторую смену.

— Привет, Мишке! — окликнул я. — Тоже перевелся во вторую?

— Да, — буркнул он, схватил меня за руку и

потащил в укромный уголок. — Слушай, Дудек, мне нужна еда. Я уже давно ничего… Можешь поделиться? Я с тобой потом рассчитаюсь.

— Конечно! — донельзя удивленный, ответил я, и передал ему свой судок с обедом. — Бери что хочешь.

Мишке достал один из пары моих бутербродов, развернул бумагу, посмотрел на него и, удовлетворенный, отломил половину и отложил остальное.

— Спасибо, Дудек, — сказал он, разворачиваясь.

Уходя, он держал кусок бутерброда так, будто тот был для него величайшей ценностью, и голод тут совершенно ни при чем.

В конце смены мы снова встретились.

— Не мог бы ты завтра захватить побольше еды? — спросил Мишке, скрючившись так, словно от изнеможения не мог держать ровно спину.

— Мишке, в чем дело? Почему ты не можешь достать еду?

— Я остаюсь на ночь. Мне нельзя выходить еще… какое-то время. Может, несколько дней. Оно не готово… То есть я думаю, что ему еще рано. Сил не хватает. Мне нужно его кормить!

Я сразу догадался, что это за «оно», и мне стало

дурно. Я не стал переспрашивать, чтобы подтвердить догадку, да и сомневался, что Мишке ответит.

— Мишке, нельзя оставаться здесь круглые сутки, — сказал я. — Прораб заметит…

Мишке схватил меня за руку.

— Умоляю! Мне нужна еда на каких-то несколько дней! Дудек, помоги!

Было непривычно и странно видеть этого огромного человека, чья сила и крепость казались мне неисчерпаемыми, столь беззащитным и умоляющим о помощи даже не для себя, а для…

— Конечно, Мишке, — ответил я. — Завтра я принесу больше еды.

Так продолжалось три дня. Я заметил, что Мишке забрал себе пустой ящик из-под пороха. Эти деревянные ящики часто использовались во время обеда вместо табуреток. Мишке проделал в нем несколько отверстий и накрепко, крест-накрест привязал крышку веревкой. Наблюдая за ним со стороны, я заметил, как он бросает в отверстия кусочки пищи. Каждый день, когда я уходил после смены, Мишке прятался в дальнем отсеке, чтобы не попасться на глаза прорабу.

На четвертый день ко мне подошел ирландец по фамилии Куинн, с которым я работал и в ком-

пании которого последнее время пропускал по нескольку кружечек пива.

— Твой чокнутый приятель Микки попался, — сказал он.

Из рассказа Куинна я понял, что Мишке заметили во время очередного пересменка. Прораб обложил его всеми известными ругательствами и выдворил из кессона.

— Он поднялся с нами, — сказал Куинн, — но стоило Микки оказаться на поверхности, как его скрутила кессонная болезнь. Он и нескольких шагов не успел пройти — рухнул как подкошенный. Пришлось отправить его в портовую больницу.

В больнице меня проводили в палату, где на узких койках вдоль стены лежали шесть человек. Кессонная болезнь настигала все больше рабочих, и в палатах всегда оставляли место для дополнительных коек.

— Малыш Дудек, — слабо улыбнувшись, поприветствовал меня Мишке. Его голова возвышалась над подушками, но тело выглядело обмякшим, словно тяжелый груз вдавил его в матрас. — Кто бы мог подумать, что и меня одолеет кессонная болезнь, а? Я работал не меньше других, но у меня даже ничего не болело, — он снова попробовал улыбнуться, после чего ему пришлось отдышать-

ся. — Скверная болячка, малыш Дудек. Я едва пошевелиться могу. Ноги — как палки. Говорят, я поправлюсь, но как-то неуверенно… Не все поправляются.

Я не знал, что ответить. Любое слово могло обидеть Мишке. Мы оба прекрасно знали, что за последние пару недель двое рабочих умерли от кессонной болезни.

Тут Мишке буквально пригвоздил меня взглядом.

— Дудек, послушай. Мне нужна твоя помощь. Мой ящик… точнее, то, что в ящике… надо, чтобы ты… — он замолчал, вероятно, потому что заметил, как я изменился в лице.

Прошло еще несколько минут. Я чувствовал, что Мишке собирается с силами. Но когда он вновь открыл рот, то перевел тему разговора.

— Здешние медсестры, — сказал он, поглядывая на двери палаты, — милые женщины, добрые, заботливые. Но они постоянно толкуют мне о молитвах; говорят, что молятся за меня и предлагают молиться самому. Дудек, а ты молишься?

— Редко.

— Раньше я молился. Чувствовал, что Бог где-то рядом, — Мишке с огромным усилием поднял руку и указал на место рядом с собой, — что он

где-то здесь. В детстве я даже хотел стать священником. Потом я вырос, женился, у нас… у нас…

Лицо Мишке будто окаменело, не выражая никаких эмоций. Закончить фразу он не смог. Наконец он поднял обе руки и сложил их так, как складывают, когда держат ребенка.

— Когда ты встречаешься со смертью, малыш Дудек, когда ты видишь ее и держишь ее на руках, когда у тебя нет сомнений в том, что она реальна и тверда как камень, когда ты понимаешь, что ее мрачный, жуткий силуэт всегда рядом с нами, что он пожирает жизнь изнутри… — Мишке со вздохом опустил руки. — Когда ты видишь такое, Дудек, то перестаешь тратить время на молитвы.

Мишке успокоился и затих. Я даже испугался, не перестал ли он дышать. Когда он заговорил вновь, его голос был непривычно робким.

— Дудек, я столкнулся с чем-то новым. Живым существом, которое не должно было быть живым. Оно красивое, я такого никогда прежде не видел. Оно ходит на двух лапах, как птица, но это не птица. Оно наблюдает за мной. Когда я открываю крышку ящика, оно смотрит на меня своими глазами и видит… меня. Считает меня живым существом, равным себе. Его взгляд как бы говорит: «Я живое, Мишке, как и ты, а ты живой, как и я».

Понимаешь, Дудек?

Мишке потянулся рукой ко мне, но от слабости уронил ее на матрас. Рука свесилась с края койки, и мне пришлось ее поправить. По левой щеке Мишке потекли слезы, оставив широкую влажную полосу от уголка глаза до уха.

— Как мне тебе помочь? — спросил я.

— Просто корми его. Бросай еду в отверстия в ящике. Немного хлеба и мяса. Можно вареное яйцо. Не давай ему голодать! Когда я смогу, я спущусь и заберу его из кессона. Не знаю, хватит ли у него сил пережить подъем, но попытка не пытка. Это все, что нам обоим остается.

В следующую смену я отыскал ящик Мишке. Он стоял в углу никем не потревоженный. Сбоку Мишке написал углем свое имя, но буквы вышли корявыми и неразборчивыми. Крышка была по-прежнему привязана веревкой. Я присмотрелся к ящику. В тусклом освещении невозможно было заглянуть в дырку и понять, есть ли там что-нибудь. Я даже не стал пробовать. Мне никто не мешал развязать веревку и снять крышку, но этого я тоже не сделал. Я просто стоял в углу и смотрел, пока прораб не скомандовал отправляться на работу. В обеденный перерыв я присел на корточки у ящика спиной к остальным ра-

бочим, быстро покрошил бутерброд и распихал куски по дыркам. Изнутри не донеслось ни звука, но я продолжал совать в ящик кусочки хлеба и мяса. Покончив с этим как можно скорее, я ушел.

Я проделывал это три дня, а на четвертый ящик исчез. Я расспросил других рабочих о судьбе ящика, и наконец, один смог ответить нечто вразумительное.

— Этот здоровяк, Микки, держал его под мышкой, когда расшлюзовывался утром. Ты что, не встретил его в пересменок?

Когда рабочий день кончился, я отправился в пансион, где жил Мишке, но не встретил его там. Другие жильцы рассказали, что еще утром Мишке собрал все пожитки и съехал. В следующий раз мы увиделись только через четыре года.

Стоял погожий летний денек. В тысяча восемьсот семьдесят шестом мост был еще далек от завершения, но нью-йоркский кессон был давно достроен. Помещение, где мы с Мишке и сотнями других рабочих трудились, теперь было зацементировано, а поверх кессона выстроили гигантскую каменную башню. Те дни остались далеко позади. Теперь я работал переплетчиком, а в тот день шел на концерт на открытой площадке в Центральном парке. Я прошел мимо

сидевшей на скамейке пары, не особенно приглядываясь и заметив лишь, что у женщины на коленях сидел ребенок. Но пройдя еще несколько шагов, я услышал, как кто-то зовет меня хриплым голосом. Я узнал, кто это, даже не оглядываясь.

— Мишке!

— Малыш Дудек! — ответил Мишке, широко улыбаясь.

Сперва я опешил. Я понимал, что передо мной Мишке, но как он переменился! Грубые, корявые черты лица никуда не делись, однако он выглядел гораздо свежее, а кожа его лица была розовой и гладко выбритой. Волосы были аккуратно острижены и причесаны. Одет он был опрятно. Даже его глаза казались почти одинаковыми по размеру, а взгляд — не таким суровым. У Мишке был вид абсолютно счастливого человека. В тот момент, когда я это осознал, Мишке представил мне свою спутницу.

— Это Розали, моя жена, — нежность в его голосе не оставляла сомнений в причинах его счастья. — А это моя малютка Анна! — добавил Мишке, прикасаясь к щечке девочки. — Кто бы мог подумать, что у меня будет такая прекрасная семья? А? Кто бы мог подумать!

Мишке буквально светился от гордости.

Несколько минут мы стояли среди деревьев, вспоминая работу в кессоне, обсуждая строительство моста и нашу нынешнюю жизнь. Мишке рассказал, что на сбережения купил долю в продуктовом магазине, где и встретил Розали.

— Она постоянно давала советы, как мне вести дела, и в конце концов я ответил: «Выходи за меня замуж и сама их веди!» — Мишке расхохотался, а его жена закатила глаза, давая понять, что это их давняя семейная шутка. О поспешном бегстве Мишке из кессона и ящике, что он забрал с собой, никто из нас не упоминал.

Пока мы разговаривали, дочка Мишке принялась теребить мать за руку. Она заметила тележку продавца сосисок, которые в последнее время наводнили Центральный парк.

— Ма, па, — взволнованно произнесла она, — сосиски для Щурки! Сосиски для Щурки!

Мишке улыбнулся дочери.

— Анна, у Ящурки хватает еды, — ответил он. — Покормишь ее, когда мы вернемся домой.

— Но она любит сосиски! — не унималась Анна, пока мать не опустила ее на дорожку. После нескольких ласковых слов они отправились гулять по лужайке.

Я понял, что непонятное мне слово было умень-

шительным от польского «ящурка» — ящерица. Но Мишке продолжил разговор, не дав мне опомниться, и принялся расспрашивать, чем я занимаюсь и встретил ли я «хорошую девушку». Я рассеянно что-то пробормотал. Заметив мой задумчивый и растерянный вид, Мишке лишь подмигнул, после чего устремил взгляд вслед жене и дочке. Я понял, что другого ответа не будет.

Вскоре мы расстались, и я продолжил свой путь. Солнце приятно согревало лицо, а ветерок был пропитан сладким ароматом жизни.

Нью-Йорк — место, где оживают сказки. Но помните, что в сказках правосудие всегда бьет в цель, а наказание всегда соразмерно преступлению.

Ричард Боус
Мимо шел охотник[54]

1

Добрый вечер! Я снова работаю охранником на закрытой вечеринке. Как в старые добрые времена! Давненько мы не встречались. Не знаю, видит ли вас хоть кто-нибудь в этом плаще из лунного света. А даже если и видят, то все равно никто не поймет, что к чему.

Как я вас узнал? Все просто — у меня дислексия. Благодаря ей я нашел себя, получил работу, женился и обзавелся детьми. Если бы я умел нормально читать, Бог знает, чем бы я сейчас занимался.

Я натренировал память, потому что не мог ничего записывать. Хоть я и не работал охранником уже много лет, но помню всю творческую братию Нижнего Манхэттена в лицо и поименно. Сегодня чествуют ушедшие семидесятые. Да, в те времена ни одно мероприятие в Даунтауне без меня не

---

[54] notes: 54

“A Huntsman Passing By” © 1999 Richard Bowes. First publication: *The Magazine of Fantasy & Science Fiction*, June 1999.

обходилось. Вот и теперь меня по старой памяти попросили охранять вечеринку по случаю выхода «Рафаэля!» Виктора Спарджера.

Вся эта затея меня смущала, и я хотел отказаться, но потом прочитал детям кое-что, и передумал. Ну и жена моя тоже велела соглашаться. Кстати, привет вам от нее. Мы все гадали, придете вы или нет.

«Рафаэль!» — это фильм одного художника о другом. Говорят, что это своего рода кульминация всей артистической жизни города. Действие происходит тридцать лет назад в Даунтауне, когда Нью-Йорк переживал бум живописи. Среди художников крутились большие деньги. Появлялись новые громкие имена. Виктор Спарджер сразу о себе заявил. Умный и весьма талантливый художник и скульптор, он был знаком со многими знаменитостями. Знал Пикассо, Брака, Уорхола и Гельдцалера. Он был, да и сейчас остается весьма дальновидным человеком — Спарджер грамотно вкладывал деньги, дорожил репутацией, покупал недвижимость. Но тут, откуда ни возьмись, появился Луи Рафаэль, и на его фоне имя Виктора Спарджера в художественных журналах превратилось в сноску.

Теперь Спарджер снял о Луи Рафаэле фильм.

Он хочет, чтобы поклонники Рафаэля узнали его с точки зрения Спарджера. В этом нет ничего нечестного или противозаконного, но по совести это не совсем справедливо.

Справедливость в таких ситуациях встретишь разве что в сказках. Полагаю, поэтому вы и предстали передо мной здесь, на Боуэри, в этом серебристо-синем наряде. И поэтому я впускаю вас в «Печенье судьбы». Вы всегда в списке гостей, даже когда сами организаторы этого не знают.

«Печенье судьбы» уже не то, что было во времена, когда вы последний раз появлялись в этих краях. Тогда тут была элитная баня для геев. Теперь здесь открылся китайский ресторан, все официантки в котором — переодетые парни-азиаты. Переодевание в женские шмотки сейчас в моде.

Сразу с порога нам попадаются на глаза постаревшие, побитые жизнью завсегдатаи давно закрытого клуба «Мадд» со своими более молодыми последователями. На стенах — кадры из фильма.

Некоторые из них повторяют работы Рафаэля. Латиноамериканские лица на фоне темных красок карнавала будто всматриваются из непроглядной тьмы в ярко освещенный зал. Они не

выражают ни злобы, ни радости, и смотрят не на зрителя, а сквозь него. На холстах — фразы на смеси испанского с английским и ломаном французском, слабо поддающиеся расшифровке слоганы, напоминающие рекламные. Вон тот гласит: «Дышите кислородом каждый день».

Сам Рафаэль, разумеется, помер. Спарджер еще не появился — наверняка хочет обставить свое появление драматично и с пафосом. На новоприбывших таращиться не принято, поэтому все лишь искоса поглядывают в сторону входа, когда двери отворяются. Очевидно, что всем им кажется, что я просто осматриваю зал. Кроме меня вас никто не замечает, и все возвращаются к разглядыванию убийц.

В зале таких двое. Ревнивый скульптор, выбросивший жену из окна тридцатого этажа, и галерист-кокаинщик, замучивший и порубивший на куски студентку-модельера. Столь большое событие они не могли пропустить. Прибыли поодиночке, без сопровождения, и как только встретились, так стали держаться друг от друга подальше, чтобы не ловить лишних обвиняющих взглядов.

Шанс встретиться с такими личностями тоже привлекает толпы. Настороженные, будто

дикие звери, люди наблюдают за мускулистым женоубийцей-скульптором, способным любого вышвырнуть из окна, и худым, жилистым садистом-галеристом, который в любой момент может на кого-нибудь броситься. Но ничего подобного не произойдет — уж точно не с людьми, прошедшими через «Канзас-Сити Макса», «Фабрику» и «Студию 54»[55]. Даже удивительно, что меня наняли пресекать возможные беспорядки.

В повседневной жизни правосудие представляет собой противостояние невезения и денег. Скульптора оправдали, а галериста в конце концов посадили за неуплату налогов, но не за убийство. Я им даже немного сочувствую — на фоне других гостей они выглядят жалко, а Охотника их проступки не интересуют.

В сказках правосудие всегда бьет в цель — пусть и не скоро, а наказание всегда соразмерно преступлению. Сегодня у меня лишь один вопрос: какая сказка будет рассказана? На мой вопрос вы лишь улыбаетесь — ослепительно, солнечно, пламенно.

Глядя на вас, я вспоминаю, как шел к своему месту в жизни. Я вырос в Пяти городах на Лонг-

---

[55] notes: 55

«Канзас-Сити Макса» — популярный в 1970-х годах ночной клуб.

Айленде. Удивительно, правда? Я был бедным, но крепким парнем среди мягкотелых богачей. В школе пару раз оставался на второй год. А здоровяком был с детства.

Поначалу дислексия доставляла мне одни проблемы. Моя старшая дочь тоже ей страдает. Теперь с этим можно справиться, а вот когда я был в девятом классе, меня отправляли к какой-то бабуле, у которой кабинет был в школьном подвале. Там мы с ней занимались с глазу на глаз.

Она просила меня читать и поправляла ошибки. Чушь какая. Конечно, мы читали не базовые учебники чтения, но все равно что-то простое. Сперва толку не было и я до смерти возненавидел бабулю. Но потом мы добрались до сказок братьев Гримм, и мне они понравились. Быть может, потому что я толком не читал ничего другого. А может, бабуля была колдуньей. Без обид — если вы вдруг из одного профсоюза или что-нибудь в этом роде. В сказках мне никогда не нравились всякие принцы и принцессы. Их там пруд пруди, и ничего особенного они собой не представляют. Бедные портняжки и честные дровосеки тоже меня не вдохновляли — я на собственной шкуре испытал, что значит быть бедным. А вот с честностью у меня складывалось не всегда.

Поначалу мне нравились отставные солдаты — находчивые, ушлые, прожженные, способные пойти на сделку с самим дьяволом. Это было своего рода пророчеством. У богатых детей не меньше проблем, чем у ребят из гетто. Они связываются с наркотиками, угоняют машины, вламываются в чужие дома — и для защиты им нужен был я. Но правила для богатых и бедных были разными. Сорок лет назад попавшие в переплет богатые ребята отправлялись к психологу. А бедные отправлялись в армию. То есть прямиком во Вьетнам. Мне довелось побывать там в очень плохое время. Так я сам стал отставным солдатом из сказок — угрюмым, побитым жизнью и язвительным. Если бы дьявол в тот момент активно скупал души, я не задумываясь подписал бы контракт.

Вместо этого я пару лет перебивался, чем мог, а потом начал разыскивать старых друзей. Многие из них не спеша закончили колледж и осели в Нью-Йорке. Вот и я перебрался сюда вслед за ними, взяв лишь армейскую сумку с одеждой и единственную книгу в своей жизни, прочитанную до конца.

Эта книжка описывала абсолютно все. Нью-йоркские таксисты-лягушки были заколдован-

ными принцами. Во всех барах столики обслуживали Золушки. Мои приятели обзавелись собственными королевствами: клубами, ресторанами, галереями. Иногда они располагались в районах с сомнительной репутацией, иногда посетители забывали о правилах поведения, иногда внутрь пытались попасть нежелательные персоны. В таких случаях звонили мне.

Набравшись житейской мудрости, я отказался от образа отставного вояки. В сказках часто появлялся еще один персонаж — второстепенный, но за славой я и не гнался. Имен и титулов у него много: лесничий, егерь, охотник. Его роль всегда чрезвычайно важна, и мне казалось, что в сказках он всегда незримо присутствует, даже когда не упоминается. Любым королям и королевам нужен королевский охотник. По крайней мере, так было в темных лесах Манхэттена.

2

Это моя тайная личность. Я принял ее благодаря Ринальдо Бопре. Благодаря ему я и вас впервые увидел в деле. Вон он, Ринальдо, оглядывает гостей с таким видом, будто ему нестерпимо больно. Годы его не пощадили. Он лечился от наркомании, какое-то время даже пробыл в пси-

хушке. Мистер Бопре словно готов разорваться надвое.

На экране знаменитости частенько выглядят выше, чем есть на самом деле. Это поистине удивительно. В случае Ринальдо все наоборот. Я всегда удивлялся его среднему росту и телосложению. При первом знакомстве он показался мне чудаковатым, но ни в коей мере не уродливым. А на деле он то ли гном, то ли тролль.

Это мистер Бопре написал сценарий для «Рафаэля!», и весьма вольно обошелся с собственной ролью в жизни Луи. Вышло, что он был наставником и примером для юного Луи. Да, каким удивительным образом меняется история!

Ринальдо был известной фигурой среди городской богемы. Поэт, лизоблюд и скандалист. О нем ходила легенда — куда же без нее с таким-то именем! Выходило, будто он был внебрачным сыном бойца французского Сопротивления и малоизвестной мексиканской художницы по фрескам. Отец его бросил, а мать умерла совсем молодой.

Ринальдо — критик. Тридцать лет назад художественные журналы использовали его в качестве постового на перекрестке классического и андеграундного искусства. Творческая ячейка Даунтауна начала привлекать к себе внимание

общественности, Виктор Спарджер начал набирать популярность. Виктор был осторожным бунтарем — рисовал граффити, прибивал стекло к доскам. Ринальдо Бопре немного ему посодействовал, но в целом Виктор добился всего сам.

К тому моменту я уже был знаком с Луи Рафаэлем благодаря Норе Классон, молодому фотографу. Нора обожала Луи, словно младшего брата. Он был тощим латиноамериканцем откуда-то с карибских островов, жил на улице, попрошайничал и просился на ночлег ко всем подряд.

Когда я первый раз увидел его работы, меня все равно что отправили в нокаут. Так было со всеми. Я с ума сходил из-за того, что у меня не было лишних пятидесяти баксов, которые он просил за портрет.

Открою секрет: когда Нора первый раз уговорила меня приютить Луи на ночь, я сильно рассердился, потому что он заляпал стены краской. Однако он извинился и все отмыл. Вскоре после этого Рафаэль попался на глаза Ринальдо. Выражаясь языком моей жены, Ринальдо «открыл его, как Колумб Америку». Правда, Америка существовала всегда — большая, богатая и неизведанная. В ней жили индейцы. А Колумб лишь рассказал о ней в подходящий момент.

Так и с Ринальдо. У других был товар, а у него — связи. Создать шумиху он умел как никто другой. Огласка — волшебный путь к обогащению. И когда мистер Бопре раскручивал тебя, то никогда не позволял об этом забывать. Со мной Ринальдо всегда был вежлив. Он прекрасно понимал, что оскорблять официантов и охранников — себе дороже. По крайней мере, в лицо. Я тоже был с ним предельно вежлив, пока не узнал, как он обошелся с Норой Классон.

Отдавая ему должное, нельзя не отметить, что он увидел ее талант и сделал все возможное, чтобы на него обратили внимание и другие. Разумеется, он хотел забрать себе ее первенца — а так как настоящих детей у Норы пока не было, это означало ее работы. Он забирал себе бóльшую часть. «О, как прекрасно! Дорогая, я это хочу!». В таком духе. Ринальдо рассказывал всем и каждому, что не просто открыл Нору Классон, а повлиял на ее искусство.

Мы с Норой тогда встречались. Для нее устроили выставку в Сохо. Ринальдо составил каталог работ и решил, что его репутация должна взлететь выше, чем ее. Когда Нора возразила, он отменил сделку. Как-то раз, пробираясь к толчку в забитой до отказа уборной клуба «Мадд», я

услышал характерный голос мистера Бопре. «На этой заправке я единственный шланг. Хочешь бензина — вставай ко мне в очередь. Ты стоишь на том самом месте, где я открыл Луи Рафаэля. Ты вообще знаешь, кто он такой?!»

Кто-то произнес нечто неразборчивое, была названа еще пара имен. Тут я услышал имя Норы. Ринальдо сказал: «Ни за что, даже если она на колени встанет. Мисс Классон — отработанный материал. Она трахается с вышибалами! Что дальше — уборщики?»

Я пришел в ярость, но осознавал, что убийством Ринальдо Норе не помочь. Это сейчас у меня есть лицензия частного детектива и право на владение огнестрельным оружием. Правда, обычно я обхожусь швейцарским ножом.

А тогда я еще учился, но уже знал, что лучшим выходом будет отойти в сторонку и ждать.

Когда Ринальдо вышел, он взглянул на предмет, который держал в руке и, скривившись, выбросил его. Из любопытства я поднял его и вышел на улицу. Устроившись под фонарем на Милк-стрит, я понял, что это спичечный коробок из гриль-бара «Ранчо Тандер» в Уилкс-Барре. Решив, что это шутка или розыгрыш, я уже готов был выкинуть коробок, но тут передо мной появилась

фигура, яркий силуэт. Сперва я подумал, что это галлюцинация, побочный эффект ЛСД, которым я баловался в шестидесятые, но тут вы произнесли одно-единственное слово.

Слово было *Румпельштильцхен*.

Мне казалось, что в этой сказке никаких охотников не было. Но я отправился домой и внимательно ее перечитал, как обычно задерживаясь на каждом слове. История о девушке, чье будущее зависело от ее умения плести из соломы золото, и злобном карлике, пообещавшем ей помощь, идеально подходила текущим событиям. Девушка стала королевой, но по уговору должна была отдать карлику своего первенца, если не угадает его имя. Вот только подходящей роли для себя в этой сказке я не видел, пока не дошел до места, где королева посылает гонца, чтобы выведать тайное имя.

Он возвращается за считаные минуты до появления карлика и начинает рассказывать: «…подошел я к высокой горе, покрытой густым лесом, где живут одни только лисы да зайцы…»[56]

Дальше он говорит, что видел, как карлик скакал через костер и напевал песенку, в которой

---

[56] notes: 56
Пер. Г. Петникова.

упоминал свое имя, Румпельштильцхен. Но важно не это, а упоминание лис и зайцев. Оно выдает гонца с потрохами. Он охотник. Все сходится. Кого еще посылать на разведку в леса?

Поэтому я делаю пару звонков и отправляюсь в Пенсильванию. Нахожу на окраине Уилкс-Барре трейлерный парк, где живет некая Мона Сплевецки.

А дальше были песни и пляски до утра. По четвергам в «Ранчо Тандер» вечера польки, и я напоил Мону так, что она не только пустилась в пляс, но и разболтала мне все о своем сыне Марвине.

Для людей вроде Ринальдо самым важным творением являются они сами. Был бы на его месте кто-то другой, и я бы посокрушался над печальной историей несчастного мальчика, решившего навсегда стереть свое прошлое. Но мистера Бопре я жалеть не стал.

В отличие от Румпельштильцхена, Ринальдо не застрял в полу, когда Нора Классон произнесла имя Марвин Сплевецки, — он просто взбесился. Но это имя имело над ним такую власть, что в конце концов он умолял Нору сохранить его в тайне в обмен на ее карьеру.

3

Сегодня в «Печенье судьбы» присутствует и одна из героинь моего второго дела. Вон та суровая дама, ожидающая появления Виктора Спарджера — продюсер «Рафаэля!» Эдит Кранн. Рядом с ней ее четвертый муж, итальянский промышленник. Лицо Эдит поистине удивительно — трагично, несмотря на отсутствие морщин, исполнено страдания, но в то же время холодно, безумно и одновременно сдержанно.

Финансирование фильма было для Эдит Кранн удачной инвестицией. Она одной из первых приобрела работы Луи, не понимая даже, что в них хорошего. Ей посоветовал это сделать Ринальдо и, разумеется, взял со сделки неплохую комиссию. В фильме Ринальдо и Виктор превратили Эдит в музу Луи Рафаэля. Изобразили все так, что потеря дочери заставила ее сочувствовать бедному юноше, выброшенному на улицу собственной родней.

Когда у Эдит и ее первого мужа Харриса Кранна пропала дочь, я как раз работал у них. Был шофером-телохранителем маленькой Алисии. Мне потребовалось не много времени, чтобы раскусить миссис Кранн.

Все в ее окружении знали, что она — то ли злая королева, то ли гадкая мачеха. Вопрос был в другом: из какой сказки? «Золушка»? «Гензель и Гретель»? Я неоднократно слышал, как работавшие у нее горничные и бармены обсуждали это на полном серьезе.

Нас познакомили с Алисией, когда той было семь лет. Тогда ее фотография мелькала во всех газетах. Алисия была на премьерах всех бродвейских постановок. Посещала балы в Метрополитен-музее. Все маленькие девочки любят наряжаться. Все дети любят, когда их водят на публичные мероприятия, и им не приходится рано ложиться спать. Любят чувствовать себя немного взрослыми. Но у большинства детей при этом нормальное детство. Отнять у ребенка детство — все равно что вырвать ему легкие и печень. Это равносильно смерти.

Однажды я подслушал, как миссис Кранн рассказывала о дочери репортеру: «Мы вместе решаем, что ей надевать. Я никогда ее не заставляю. Учитываю ее пожелания». Сама девочка молчала, просто разглядывала себя в зеркало и пудрилась, слегка прикасаясь пуховкой к лицу, будто речь вообще шла не о ней.

Будучи охотником, я наблюдал за зверями. Как

и в сказках, они никогда не лгали, в отличие от людей. У девочки был спрингер-спаниель по кличке Мистер Джимбо, белый с бурыми пятнами. Кличку придумала Алисия, когда ей было три. Стоило Эдит хотя бы прикоснуться к аккуратным кудрям дочери, как пес напрягался. Я понимал, что он таким образом говорит: «Мне стыдно выполнять свои обязанности».

В другой раз миссис Кранн сказала кому-то: «Я общаюсь с Алисией так, как никто никогда не общался со мной. Это удивительно. По утрам я захожу к ней в комнату и обсуждаю распорядок ее дня».

Еще у Алисии была персидская кошка Королева Милли. При появлении Эдит она соскакивала с коленей Алисии и живо смывалась из комнаты. Я понимал: даже кошка не выносит этой болтовни.

А вот попугай вполне умел говорить.

«Здравствуй, красавица!» — говорил он Эдит Кранн.

Та улыбалась своей самой пугающей улыбкой и спрашивала: «Кто на свете всех милее?»

«Ты! — отвечал попугай. — Ты, госпожа!»

Потом попугай летел в соседнюю комнату, садился на плечо Алисии и повторял: «Здравствуй,

красавица!»

«Краше…» — начал как-то раз попугай, но тут на пороге появилась Эдит, и он умолк.

Лицо миссис Кранн напоминало маску, но глаза полыхали гневом.

К окончательным выводам я пришел после еще двух событий. Во-первых, увидел, как Алисия прыгает. Все семилетние дети любят прыгать, вот только она делала это в туфлях на шпильке и упала. Во-вторых, я увидел ее фотографию в кожаном платье. Ее пытались изобразить в светском и утонченном образе. Замысел был в том, чтобы она выглядела милой. Но ее взгляд под накладными ресницами был потерянным и отчаявшимся.

В сказках кругом сплошные принцы и принцессы, а злые дела творят мачехи. В реальности нет никаких принцесс, а жизнь детям портят их же собственные родители. Отдельные эпизоды сказок остаются эпизодами; они перемешиваются и выстраиваются в сюжет у тебя на глазах.

Эдит Кранн усердно отнимала у дочери самое ценное сокровище — детство. Зная родителей Эдит, я понимал, что и у нее самой детства не было. Они были парой неспособных на любовь снобов. Я даже немного жалел Эдит. Алисия тоже терпеть не могла своих бабушку с дедушкой.

Когда я возил ее, она садилась рядом со мной на переднее сиденье, и мы постоянно болтали. Но если нам предстояло ехать к бабушке с дедушкой, Алисия молчала. А они ей даже не улыбались.

Семья со стороны отца была совсем другой. С каждым поколением семейство Харриса Кранна становилось больше и тупее. Харрис был шести футов ростом и играл за университетскую команду по футболу. Вечно недовольный зануда. Если он и понимал, что происходит с его ребенком, то виду не показывал.

Его отец и мать были еще на полголовы выше и любили ходить в музеи и в оперу. Они организовали благотворительный фонд и владели огромным кооперативным домом на Риверсайд-драйв — несколько этажей, бесчисленные комнаты. Помпезно — не то слово. Но при виде внучки у них буквально загорались глаза.

Как-то раз я отвез Алисию к ним, но их не оказалось дома. Алисия с улыбкой (что случалось чрезвычайно редко) поманила меня за собой, словно хотела рассказать или показать какой-то секрет. Мы поднялись по лестнице и оказались в отдельной квартире, встроенной внутри большого помещения. Так я встретился с ее прадедушкой и прабабушкой.

Теодор и Хедди Краннеки были древними и крошечными. Именно они давным-давно сколотили семейное состояние. Каждый год они проводили некоторое время на родине — поддерживали местное движение за независимость. В этот день они принимали гостей — таких же маленьких стариков, умными глазами глядевших на нас из-за стекол очков. Когда девочка бросилась к ним, клацая по полу шпильками, они смерили взглядом ее кожаное платье и взглянули на меня. И они, и я понимали, что нужно делать.

Таким образом, у нас уже была злая мачеха и волшебные гномы. И охотник, разумеется. Он же псарь. Большего в сказке не говорится. Как я понимаю, он служит королю. Однажды его просят увести девочку в лес, убить ее и в доказательство принести назад ее печень и легкие.

Приказ отдает жена короля. Но при одном взгляде на прелестную девочку псарь понимает, что неспособен ее убить. Полагая, что девочка все равно будет растерзана дикими зверями, охотник отпускает ее и приносит во дворец легкие и печень молодого оленя. Королева приказывает повару отварить их и съедает.

Стоит сказать, что кулинарные предпочтения Эдит Кранн все же были куда более утончен-

ными.

Наступил день, когда я должен был отвезти Алисию в отель «Пьер». Там нас должны были встретить родители Эдит и забрать девочку с собой на каникулы. Алисия совершенно не хотела никуда с ними ехать.

Несмотря на все то, что с ней вытворяла мать, Алисия обладала присущей всем детям прелестью, которую еще не успела исказить и извратить суровая реальность. Когда мы ездили в машине вдвоем, мы пели песни. Всякое старье, которое я теперь пою своим детям. *Singin' in the Rain* во время дождя, *With a Little Help from My Friends*[57], когда кто-то из нас грустил. А иногда я рассказывал ей сказки.

В этот день я решил рассказать ей сказку про Белоснежку. Конечно, Алисия уже слышала ее раньше, но я выбрал ее по той же причине, по которой сейчас рассказываю вам: чтобы окончательно определиться с причинами и последствиями ситуации, в которой мы все оказались.

Алисия все поняла. Когда я дошел до той ча-

---

[57] notes: 57

Singin' in the Rain (рус. «Поющие под дождем») — песня из одноименного музыкального фильма 1952 г. *With a Little Help from My Friends* (*рус.* «С помощью моих друзей») — песня группы *The Beatles* из альбома *Sgt. Pepper's Lonely Hearts Club Band*, 1967 г.

сти, где охотник уводил Белоснежку в лес, она разревелась. Мы подъехали к «Пьеру» и я увидел напротив отеля грузовик. Все в точности как мне сказали. Как и было условлено, я припарковался чуть ниже по улице. Девочка вышла на тротуар, а я полез в багажник за ее сумками. Думаю, в молодости Тед и Хедди Краннеки еще не так давали всем прикурить. День был пасмурным, но стоило мне отвернуться, как я увидел мелькнувший на зеркале заднего вида солнечный блик. Я взглянул назад, но как по волшебству, Алисии рядом уже не было.

В следующие две недели в Нью-Йорке только и говорили, что об этом происшествии. Журналисты донимали меня интервью. Никто не мог понять, сообщник я или просто идиот. Я этого ожидал. Фотография Алисии мелькала во всех газетах и на телевидении. Повсюду развесили плакаты. Вот только Эдит Кранн не смогла удержаться и выбрала фотографию дочери в сомнительном обтягивающим платье и с мученическим выражением лица.

Люди начали подозревать, что жизнь маленькой Алисии была вовсе не сахар. Тем летом прошли довольно противоречивые выборы мэра, Бруклин потрясло жестокое убийство на расовой

почве, «Нью-Йорк Метс» возродились из пепла и сражались за титул главной бейсбольной лиги, а некий Луи Рафаэль ворвался на художественную сцену и поразил всех своим искусством. Ходили слухи, что Алисию видели то там, то тут, но у следствия не было никаких зацепок. В конце концов шумиха затихла.

Тем же летом мы с Норой Классон расстались и начали встречаться с другими людьми. Я думал, что расставание прибавит мне счастья, но вышло наоборот. А у Норы не прибавилось времени на творчество. Поговаривали, что у нее начались проблемы с алкоголем. Обо мне, вероятно, говорили то же самое. Пара наших общих друзей пригласили меня на выходные в Хэмптонс, зная, что Нора тоже где-то неподалеку. Но когда я решился увидеться с ней, она уже уехала на Файер-Айленд. Пока я добирался туда паромом, она успела покинуть остров.

Ни в одной сказке не упоминают, получил ли охотник какую-нибудь награду — я проверял, можете верить мне на слово. Однако тем воскресным вечером я решил вернуться поездом на станцию Пенн. Идя по подземному переходу вдоль железнодорожной платформы, я не особенно смотрел по сторонам, но вдруг в душном

полумраке я увидел сияющий силуэт. Когда я взглянул на вас, вы указали на окно поезда, с которого я только что сошел.

Внутри была суматоха; проводники и зеваки сгрудились вокруг спящей женщины. Она была прекрасной и беззащитной, со струящимися длинными волосами. Я вскочил обратно в вагон и сказал, что знаю ее. Мне мало кто поверил, так что я нагнулся и поцеловал Нору. Она проснулась, обвила меня руками за шею и воскликнула: «Мой принц!» Тогда я подхватил ее на руки, вынес из вагона и донес до самого дома.

Кто сказал, что охотник не мог жениться на девушке более высокого положения? Кто сказал, что она не могла подарить ему трех прекрасных детей? В какой сказке говорится, что он не основал небольшую охранную компанию, а она не построила блестящую карьеру фотографа и преподавателя?

Когда наша старшая дочь была маленькой, я рассказал ей эту историю с некоторыми купюрами. Но даму в платье из лунного света я упомянуть не забыл. Когда дочь захотела узнать, кто вы такая, я велел ей спросить у мамы. Моя жена тоже росла на сказках — может, в этом еще один плюс нашего брака, — но она читала другие

сказки, французские. У братьев Гримм редко встречаются феи, а вот во французских сказках они везде. Особенно добрые феи-крестные. Даже когда их не упоминают, ты чувствуешь, что они все равно творят магию за кулисами.

Нора долгое время не рассказывала о своей фее-крестной. Но недавно она кое-что сообщила о вас. Как я уже говорил, Норе нравился Луи, и этот фильм серьезно ее обеспокоил. Поэтому вернемся к делам насущным. Вокруг меня все оживились — Виктор Спарджер вот-вот должен был появиться.

4

Луи Рафаэль очень быстро разбогател, и это сослужило ему плохую службу. Поначалу он был милым парнишкой. Со временем мне все больше нравилось его творчество — как, например, этот портрет в полный рост, кадр с которым висит на стене. Лицо, смотрящее на меня с картины, выглядит знакомым, а слова — как лозунги откуда-то из снов. Луи Рафаэль появился из ниоткуда и тут же привлек к себе всеобщее внимание. Тогда каждый хотел стать его другом, но стоило на художественном небосклоне зажечься новой звезде, как все о нем позабыли и бросили его,

обезумевшего и в долгах. Никто больше не хотел с ним знаться. А потом он умер, не дожив и до тридцати. Теперь же все вновь хотят быть с ним друзьями.

Все это уже история. Возможности были упущены, все, что могло случиться, случилось. Теперь любой, кто захочет снять фильм о Нью-Йорке восьмидесятых, обязательно сделает визуальный ряд похожим на картины Луи Рафаэля. Знаете, как музыку Гершвина пихают в каждый фильм о тридцатых.

Закон Даунтауна таков: если ты не шевелишься, то ты сдох. Вот, к примеру, Виктор Спарджер. Он всегда делал правильный выбор, оказывался в нужное время в нужном месте, говорил то, что люди желали слышать, жертвовал деньги правильным фондам, покупал недвижимость в самый подходящий для этого момент. При жизни Рафаэля Виктор не был ему другом, а как соперник он и рядом с ним не стоял.

Но стоило Луи умереть, как Виктор воспользовался моментом, чтобы сожрать его с потрохами. Он сделал так, что любой, кому был интересен Луи Рафаэль, должен был обратиться к Виктору Спарджеру.

Тут-то и пригодились его истинные таланты.

Он заполучил все права на жизнь Луи. Заручился помощью Ринальдо Бопре и Эдит Кранн. Курировал сценарий к фильму, превратившись в лучшего друга, старшего брата и наставника Луи. А о том, что Виктор наступал на пальцы всем, кто пытался выбраться из пропасти, написанная им история умалчивает.

Когда королева угадывает его имя, Румпельштильцхен со злости топает ногой так, что застревает в полу и разрывается пополам, пытаясь выбраться. Когда я вижу Ринальдо Бопре, то вспоминаю рассказ его матери о том, как Марвин Сплевецки отправился в Нью-Йорк, желая стать знаменитым поэтом и писателем. Вместо этого он стал персонажем второго плана в жизни других людей. И это разрывает его на части.

Обладание работами Луи Рафаэля придало Эдит Кранн значимости. Эдит — воплощение своего имущества. Она занимается стяжательством, потому что не может иначе. Даже душа собственной дочери была для нее лишь ценным объектом.

Вскоре после исчезновения Алисии на лице миссис Кранн появилась гнусная улыбочка, напоминавшая мне об отравленных яблоках и долгом, похожем на кому, сне. Я сильно беспокоился за малышку Алисию. Но сегодня Эдит нервничает.

По сюжету наложенные королевой чары разбиваются, Белоснежка просыпается и влюбляется. Злая королева получает приглашение на свадьбу и не может от него отказаться. Там она пляшет в раскаленных железных башмаках, будучи не в силах остановиться, пока у нее не разрывается сердце. Неужели Эдит получила сегодня приглашение на свадьбу Алисии? Мы с Норой свое получили.

Как я говорил, у моей жены в детстве была другая книга сказок. Некоторые истории в ней представляли собой другие версии известных мне сюжетов. Я читал их детям, и для меня они были не менее познавательны, чем для них. Пару дней назад я читал моему четырехлетнему сыну сказку, которую ранее пропустил — «Красную Шапочку».

Тогда меня уже пригласили поработать на премьере, и кое-что всерьез меня обеспокоило. Я и сам толком не понимал, что именно, но когда прочитал сказку, то понял, что не так: во французской версии не было проходившего мимо охотника. Ну, знаете, того, который врывается в избушку, вспарывает волку брюхо и спасает девочку с бабушкой. В книжке моей жены Шапочку и бабушку съедают, и на этом все. Это одна

из самых знаменитых ролей охотника в сказках, но во французской книге ее нет! Только какие-то заумные стишки с сомнительной моралью, предупреждающие о том, что нельзя разговаривать с незнакомцами.

Это беспокоило меня, пока я не вспомнил, что в «Румпельштильцхене» тоже не было никакой феи-крестной, подбрасывающей охотнику подсказки. Но вы же передо мной появились! В «Красной Шапочке» вас тоже нет, но раз сегодня вы здесь, то и для меня в этой версии сказки место найдется.

Поднимается ажиотаж. Виктор Спарджер, небритый по современной моде, проходит мимо в рабочем комбинезоне за две тысячи долларов. Его холеное лицо расплывается в улыбке. Должно быть, такой вид у всех, кто сжирает других целиком. Ума не приложу, как мне вспороть брюхо этому зверю.

С одной стороны, Луи Рафаэль и сам не был ангелом — его воспитала улица, и это читалось в его поведении. С другой стороны, сложно представить человека более доверчивого, чем уличный ребенок, вновь и вновь вручающий свою жизнь в руки чужаков, или художник, выставляющий все свое богатство напоказ. Не стоит удивляться,

что рано или поздно такого человека съедят.

Пока я размышляю, в вашей руке возникает волшебная палочка. Из нее вырывается луч, подобный лазерному. Я замечаю движение за спиной Виктора, и понимаю, что глаза на портрете Рафаэля изменили ракурс. Испуганные, обманутые, они пристально глядят на Виктора Спарджера. Надпись теперь гласит: «В темнице нечем дышать». А лицо на портрете принадлежит теперь самому Луи Рафаэлю.

Ринальдо, Эдит, убийцы, китайцы-официанты в женских платьях, ветераны богемного общества Даунтауна, которых вы, уверен, часто встречали, как один поворачиваются к Спарджеру и произносят фразы вроде «Виктор, какой у тебя большой фильм!».

Спарджер с притворной скромностью улыбается, но на его лице читается триумф.

Он отвечает: «Это чтобы съесть вас!» — или что-то подобное.

Тут люди замечают глядящий на них портрет и читают надпись над головой Виктора. Вы кивком подаете мне сигнал, и я сую руку в карман. Говорят, что есть дюжина способов убить швейцарским ножом. Я дал слово не пробовать ни один из них, но для того, что я собираюсь сделать,

нож подходит идеально. Я шагаю вперед и одним взмахом взрезаю портрет. И, как по волшебству, оттуда выпрыгивает тот, кто был в нем заточен.

Даже будучи проклятым, человек воспринимает Нью-Йорк как город безумцев. Чтобы жить здесь и добиваться успеха, требуется быть в определенной степени безумцем.

Кэт Ховард
Нарисованные птицы и хрупкие кости[58]

Под громкий, певучий перезвон соборных колоколов белая птица уселась в нише церковной стены. Звон продолжался, возвещая о начале службы.

Мэйв решила прогуляться, чтобы проветрить голову и взглянуть, что творится за окнами и стенами ее квартиры. В ее голове зарождалась идея новой картины — даже затылок чесался. Бродя по городу, погружаясь в его суматоху и красоту, она рассчитывала превратить идею в полноценный образ.

Этим утром суматохи в Нью-Йорке было куда больше, чем красоты. Чересчур шумно, чересчур людно — все чересчур. Мэйв казалось, что она вот-вот разойдется по швам.

Чтобы собраться с силами и духом, Мэйв отправилась в собор Иоанна Богослова. Она решила, что сможет побыть там в тишине и спокойно

---

[58] notes: 58

“Painted Birds and Shivered Bones” © 2013 Kat Howard. First publication: *Subterranean*, Spring 2013.

подумать, не будучи при этом вынужденной отвечать незнакомым людям, все ли с ней в порядке.

Середина зимы выдалась холодной, и за время прогулки к собору щеки Мэйв покрылись румянцем. Находиться внутри собора было невыносимо — он был просторным, но Мэйв все равно чувствовала, будто стены давят на нее со всех сторон. Она уселась на скамью напротив упавшей башни и укуталась в шарф.

Попивая латте, Мэйв то откидывалась на скамью, то выпрямлялась. Она закрыла глаза, а когда открыла их, то увидела у соборной стены голого мужчину.

Мэйв пошарила в сумочке в поисках телефона, вновь удивившись, как столь невместительное пространство в случае необходимости превращалось в настоящую черную дыру. Нащупав наконец телефон, она собралась снимать, но голого мужчины и след простыл.

На его месте была птица. Роскошные белые перья обрамляли ее, словно ореол полузабытых мыслей. Птица была великолепна, особенно в сравнении с привычными городскими голубями, но ничем не напоминала человека — голого или одетого.

Мэйв уронила телефон обратно в сумку и в

недоумении помотала головой.

— Пора завязывать с кофеином.

— Что-что тебе показалось? — рассмеялась Эмилия. — Дорогая, если тебе мерещатся голые мужчины, тебе не от кофе нужно отказаться, а хорошенько потрахаться.

— Встречаться с мужчинами не входит в мои ближайшие планы, — Мэйв считала свидания еще одним кругом ада, о котором Данте забыл упомянуть.

— Мэйв, тебе не нужно с ними встречаться. Выбирай любого, — Эмилия обвела бар рукой.

Мэйв оглянулась по сторонам.

— Я же никого из них не знаю.

— В этом и суть, — вновь рассмеялась Эмилия. — Пригласи кого-нибудь из них домой, а утром отправь восвояси — и больше не увидишь галлюцинаций с голыми мужиками.

— Ладно, — Мэйв отпила бурбона. — Я обдумаю твое предложение.

Никого не удивив — и в первую очередь женщину, что последние десять лет была ее лучшей подругой, — Мэйв отправилась домой одна, даже не подойдя ни к кому из мужчин в баре. Повесив пальто на вешалку, она взялась за краски.

Когда она отложила кисть и размяла затекшие плечи и шею, за окном уже забрезжил розоватый рассвет.

Холст был покрыт птицами.

С безумием легче справляться, когда в твоих перьях бушует ветер. Суини нырял в воздушные потоки, проносился сквозь расчертившие небо полосы звездного света, взмывал к скрытой облаками луне. На сумасшедший город внизу опускалась ночь. Люди общались — приветствовали друг друга или оскорбляли. Скрипели шины, ревели автомобильные гудки. В сумерках выли собаки, им подвывали кошки, а шорох мелких животных и привычное пение птиц дополняли эту городскую симфонию.

Суини им не подпевал.

Он молча боролся с ветром, летя над слепящими огнями города. Над ароматами цемента и гнили, над запахом жареного мяса и плесени, крови и любви, над страхами и надеждами миллионов городских жителей.

Над их безумием.

Даже в облике птицы Суини воспринимал Нью-Йорк как город безумцев. Нет, тебе не обязательно было сходить с ума, чтобы получить тут прописку, и, в свою очередь, проживание

здесь не обязательно приводило к психическим расстройствам какого-либо рода, но чтобы жить здесь и добиваться успеха, требовалось быть в определенной степени безумцем.

Суини до сих пор не решил, что было причиной, а что следствием.

Сам он прибыл сюда не по своей воле — его перебросил через соленый океан волшебник. Он был изгнан из своего королевства, пусть в Ирландии давно уже не было королей.

Он летел, сражаясь с небесами, сквозь дебри высотных зданий. Он летел над мостами и поездами, подобно драконам вырывающимися из недр земли. Он был выше любви, ненависти и бесчисленного множества безымянных людских секретов.

Подобрав крылья, Суини опустился на землю во дворе собора Иоанна Богослова. Колокольный звон сводил его с ума и заставлял топорщить перья. Но у безумия были свои правила, и внизу, в тишине он успокаивался. Он ночевал в башне-руине и питался зернами, которыми щедро усыпали церковные ступени во время свадеб.

Это место уже долгие годы было его пристанищем. Однажды он встретил женщину — кажется, ее имя было Мадлен, — которая пахла бумагой и

историями. Она была добра к нему — настолько, что Суини не раз задумывался, не видит ли она под перьями то проклятье, что на него наложили. Она всегда насыпала для него еды и приоткрывала оконную раму, чтобы он мог пробираться внутрь ее рабочего кабинета и смотреть, как она трудится над книгами.

Да, Мадлен. Приняв человеческий облик, Суини присутствовал на церемонии прощания с ней здесь, в соборе. Он разыскал и прочел ее книги, герои которых так же затерялись во времени, как и он сам. Она была добра к нему, и ее доброта была сильнее безумия.

Мэйв стояла у холста, протирая сонные глаза испачканными краской руками.

Картина вышла на славу. Мэйв удалось передать буйство перьев и полупрозрачность распахнутых в полете крыльев. Она решила, что сможет написать серию подобных картин.

— Кажется, у меня получилось то, о чем ты всегда просил, — сказала она по телефону Брайану, своему агенту. — Проявить амбиции, выйти из зоны комфорта, все такое.

— Да, но почему птицы?

— Это не натюрморт и не пейзаж, если тебя это беспокоит.

— Да нет, я не беспокоюсь… Пришли мне пару снимков текущих работ. Я попробую подыскать место, где их выставить. Если не выйдет, будем считать, что у тебя случился период куриных мозгов.

Это была не та похвала ее фантазии, какую Мэйв рассчитывала услышать, но и этого было достаточно. Теперь она могла спокойно писать картины, а энтузиазм — дело наживное.

Она всем нутром чувствовала позывы творить и видела образы будущих картин. Собрав карандаши и альбом, она отправилась в город делать наброски.

Суини сидел на скамейке в Центральном парке и выщипывал из рук перья. Перед тем, как перья начали появляться, он несколько дней чувствовал возвращающееся безумие. Он хорошо знал, что это такое. Его кожа зудела, и если дело было не в проклятых перьях, то, несомненно, в безумии.

Вот уже целую вечность нестерпимый зуд под кожей означал либо приступ безумия, либо рост перьев. Со дня наложения проклятия прошли сотни лет, но жизнь — долгая штука, как и проклятия.

Суини даже подозревал, что проклятия куда более долговечны.

У ножек скамейки ворковали и прыгали голуби, изредка поглядывая на Суини блестящими глазами. Суини ковырялся вокруг пера ногтем, пока не убедился, что хорошо подцепил. Перо выходило медленно, с кровью. Когда оно вышло, Суини тяжело вздохнул и выбросил его на землю. Голуби кинулись врассыпную.

— Могу вас понять. Меня тоже эта дрянь раздражает.

Суини принялся вытаскивать другое перо, торчавшее из кожи на локтевом сгибе. Выщипывание перьев не могло ни предотвратить превращение, ни замедлить его, но Суини было необходимо чем-то занять руки.

— Проклятье ждет меня! — процитировал он Теннисона.

Под ногтями образовалась кровавая кайма, пальцы тоже покрылись запекшейся кровью.

Это было правдой. Проклятие вновь и вновь настигало его, словно бесконечное наказание за грехи. Временами он становился безумен, временами превращался в птицу, но глупцом Суини не был. Он знал, что превращение неизбежно. Колокол ударит, и кожа стянет его кости, он согнется и примет облик птицы.

— Но даже перед лицом неизбежности не стоит

ей покоряться и поднимать лапки кверху[59], — Суини посмотрел на барахтающихся в грязи голубей.

Кто-то мог бы сказать, что упорство Суини — корень всех его нынешних бед, и почти в любой день Суини бы с этим согласился. В остальные дни его согласия и не требовалось, ведь за него наглядно говорил его птичий облик.

Если ты спокойный и уравновешенный человек, тебя вряд ли станут превращать в птицу и насылать безумие.

— Ребята, а вы правда птицы? Самые настоящие? — спросил Суини у собравшейся у ног стаи.

Голуби помалкивали.

Колокол ударил, призывая прихожан в храм, и между ударом и его отзвуком Суини превратился в птицу.

Когда Мэйв отвлеклась от альбома, закат уже окрасил манхэттенский пейзаж в ярко-алые и пурпурные тона. Она плодотворно поработала и собрала достаточно материала, чтобы начать писать серию картин. Вытерев заляпанные ладони о холодную ткань джинсов, она решила взять еды

---

[59] notes: 59

Здесь Суини вспоминает цитату из романа Джейн Остен «Гордость и предубеждение». «Покорность перед неизбежным злом — наш общий долг». (пер. И. Маршака).

навынос — своих любимых китайских паровых булочек — и отправиться работать домой.

Когда она поднялась, перед ней пролетела птица. В ускользающем дневном свете ее оперение казалось радужным и воистину прекрасным. Птица выглядела совершенно потусторонним существом…

— Ох, черт, опять! — на дереве Мэйв увидела не птицу, а человека, пытающегося угнездиться на слишком тонкой для себя ветке.

Мэйв зажмурилась, отдышалась и вновь открыла глаза. Ничего не изменилось. Голый мужчина. На дереве.

— Ну ладно. День был долгим, ты ничего не ела, в голове у тебя одни птицы. Иди домой, — скомандовала себе Мэйв, тем не менее включая камеру телефона. — А когда ты отдохнешь, то снова взглянешь на снимок, и вместо фотографии голого мужика увидишь фото птицы.

Если бы.

Суини наблюдал за тем, как женщина отложила кисть. Взяла телефон, посмотрела на него, запустила руку в волосы и потрясла головой, затем убрала телефон и снова вернулась к холсту. Эти действия она повторяла в произвольном по-

рядке все время, пока Суини сидел на пожарной лестнице за ее окном.

Он заметил, что она сфотографировала его, и хотел знать зачем. Люди, которые обращали на него внимание, обычно не придавали значения его превращениям, отворачивая голову, отводя глаза и ускоряя шаг. Большинство людей в принципе его не видели. Эта женщина точно видела. Превратившись в птицу, он легко смог проследить за ней с воздуха. Суини предполагал, что эта женщина, использовавшая вместо шпильки для волос художественную кисть и склонная разговаривать сама с собой, расхаживая взад-вперед по квартире, тоже могла быть безумна.

Сейчас, насколько он мог судить, она была вполне вменяема. Она писала картину. Суини расправил крылья и взмыл к холодному, но такому спокойному звездному небу.

В центре холста был изображен мужчина, из кожи которого лезли перья.

«Брайан будет в восторге, когда я ему об этом расскажу, — подумала Мэйв. — “Помнишь ту серию картин, против которой ты возражал? Так вот, я решила, что туда нужно добавить птицу-оборотня”. Ну да».

Впрочем, картина вышла удачной. Фокус на

неожиданном превращении, вокруг — городской хаос.

Превращение было шоком. Одной из тех вещей, в которую не поверишь, пока не увидишь своими глазами, и даже тогда не перестанешь сомневаться. Нечто невозможное, невиданное.

Быть может, это — связующее звено, которого не хватало ее серии картин.

Фантастические птицы, словно сошедшие со страниц сказок и средневековых бестиариев, пернатые беглецы из легенд и мифов, затерянные в современном городе, который отвергает их существование.

Да, это она и нарисует. Если получится, эта серия работ выйдет воистину впечатляющей.

Мэйв уселась за компьютер и разыскала множество изображений гарпий, василисков, фениксов и жар-птиц. Как вышло, что существует столько историй о мертвых мстительных женщинах, возвращающихся в наш мир в облике призрачных птиц, но при этом ни одной о мужчинах? Не то чтобы Мэйв считала, что видела привидение, и уж точно не пыталась обосновать появление человека-птицы псевдонаучным гаданием по книгам, но найти ответ было бы неплохо.

«Можно подумать, ответ тебя успокоит, —

подумала она. — Чем призрачная птица на Манхэттене лучше, чем голый мужик-оборотень? Что одно, что другое — галлюцинация».

Мэйв покачала головой. Нет, это не было галлюцинацией. Фотография в телефоне не оставляла никаких сомнений. Почему она решила, что лучше считать себя сумасшедшей, чем признать, что видела нечто невероятное? Мэйв не знала.

Распечатав изображения всех невиданных прежде птиц, чтобы использовать их в качестве справочного материала, Мэйв развесила их по стенам.

Вначале, когда раны, нанесенные проклятием, еще кровоточили, и Суини не мог вернуться к человеческому облику, он летал за Эран, которая была его женой до того, как он стал птицей. Она была его путеводной звездой.

Эран любила Суини, и первое время стремилась разрушить колдовские чары. Не произнося ни слова, плела она одежды из крапивы и бросала их на Суини словно сети, в надежде, что этот плод молчания и боли превратит птицу обратно в человека. Пусть даже на память об ошибках прошлого одна его рука навсегда осталась безупречным крылом, этого было бы достаточно. Более того, это был бы хоть какой-то покой, ка-

кой-то отдых от постоянных непредсказуемых перемен, в которых, как Суини выяснил, была настоящая суть проклятия.

Когда это не сработало, она заказала себе пару железных башмаков и исходила в них всю Ирландию, пытаясь их стоптать, но она уже находилась на запад от луны и на восток от солнца, душой всегда в тридесятом царстве, а в таких местах железные башмаки не изнашиваются.

Эран сплела солому в золото, а золото сплела в гибкую нить, которую зашила в платье, что было прекраснее солнца, луны и звезд. Она превратила свернувшееся молоко в свежее и вернула из мертвых корову, что стала давать его, не нуждаясь в пище и воде. Если чудеса, ритуалы или заговоры давали надежду на снятия с Суини проклятия, Эран их пробовала.

Пока не настал день, когда она перестала.

— Суини, у жены есть много обязанностей, но снимать с мужа проклятие, особенно когда он сам возложил его на себя — это бремя, которое она не должна нести.

Больше Эран не сказала ему ни слова. Мысленно обращаясь к тем временам, Суини понимал ее правоту. Но с высоты безмолвных небес он жалел, что она не стала его спасительницей.

— Что ж, они действительно не похожи на твои прежние работы, — сказал Брайан, обходя картины.

— Если «не похожи» означает «ужасны», то так и скажи. Я слишком устала, чтобы расшифровывать твои эвфемизмы.

Мэйв закончила лишь одно полотно — то, что с превращающимся мужчиной — и сделала наброски еще двух: феникса, возрождающегося из пылающего горизонта, и гарпии, защищающей женщину от опасности.

— Мрачновато, но сильно, — Брайан расхаживал туда-сюда перед полотном. — Хорошие работы. У меня на примете уже есть пара галерей, куда их могут принять. Я немедленно туда позвоню. Ты обязательно должна будешь присутствовать на открытии выставки.

— Нет, — ответила Мэйв. — Ни за что. И речи быть не может.

— Послушай, фишка с «художницей-затворницей» прокатывала, пока твои работы не пользовались большой популярностью, но за эти мы можем выручить кучу денег! Люди, готовые раскошелиться на картины, не покупают простые декорации для стен, они покупают историю, которая в них заложена.

Мэйв была уверена, что никто в здравом уме не захочет купить историю о художнице, которую на открытии собственной выставки охватила паническая атака. Хотя нет, кто-нибудь наверняка захочет. Она просто не хотела расставаться с картинами.

— Вот и расскажи им историю о том, что я живу отшельницей. Развожу цыплят. Сумасшедших одиноких кошатниц кругом пруд пруди, а я буду сумасшедшей одинокой птичницей. Наплети им что угодно. Но я не общаюсь с людьми, что покупают мои работы, и на открытия выставок не хожу.

— Повезло тебе, что я в своем деле специалист.

— А я в своем.

Брайан тяжело вздохнул.

— Не сомневаюсь, я даже не пытался намекать на обратное. Просто не понимаю, почему бы тебе не купить красивое платье и не наслаждаться тем, как богачи покупают тебе выпить и говорят, какая ты замечательная. У тебя есть повод праздновать, Мэйв, так воспользуйся им. Повеселись от души!

Мэйв никакого повода для веселья не видела. Разумеется, Брайану этого не понять. Она усердно скрывала, что страдает от панических атак. У нее

был целый арсенал способов держать их под контролем. Выходя на улицу, она чувствовала себя вполне терпимо, если при этом не приходилось ни с кем общаться. С незнакомыми людьми она встречалась на знакомой территории, либо с глазу на глаз, либо в компании друзей, с которыми чувствовала себя комфортно. Даже в этом случае ей всегда приходилось потом отлеживаться дома, чтобы отдохнуть, прийти в себя и заново обрести душевный покой.

Прийти на вечеринку, где вместо друзей ее будут окружать незнакомцы, которые станут оказывать ей внимание и заговаривать с ней, было для Мэйв невозможным.

Даже когда Эран сказала Суини, что не может его спасти, он не сразу осознал, что теперь сам должен спасать себя. А прежде чем он понял, что для спасения вовсе не обязательно снимать проклятие, прошли годы, полные бесконечного колокольного звона и несчетных линек.

В поисках себя, ответов, покоя Суини решил совершить какой-нибудь подвиг — и даже это было уже давным-давно.

Скитания и поиски — тяжелое испытание для любого. В этом их суть. Но Суини не знал, что и где ему искать, и желал лишь увидеть нечто,

что не будет напоминать ему о его теперешнем состоянии.

Святой Грааль был найден однажды, и потерян вновь, но значение имела лишь находка, не потеря. Суини мог бы разыскать одного из прятавшихся от людских глаз драконов, но рассудил, что убивать их нет никакой нужды.

У него не было карты, чтобы прокладывать путь. Он знал лишь один маршрут — туда, где его нет. Он взлетел. Над морем, над скалами, и снова над морем — в небо.

Мэйв снова встретила птицу у собора Иоанна Богослова.

Соборы, церкви, музеи, библиотеки были ее излюбленными местами. Когда домашние стены начинали давить чересчур сильно, она отправлялась в одно из этих мест и просто размышляла, не беспокоясь о том, что кто-нибудь потребует объяснений ее присутствия.

— Не подумай ничего такого, я просто отдыхаю. Я вовсе не хочу снова увидеть тебя нагишом.

Птица ничего на это не ответила.

Мэйв специально выбрала скамейку, с которой не был виден птичий насест. Конечно, птица могла перелететь в любой момент, но Мэйв был важен замысел. Она действительно не хотела

видеть, как птица становится голым мужиком.

Истории, в которых предметы вдохновения художника оживали, были занятными, лишь когда они оставались красивыми легендами. Когда они становились реальностью, это было жутко.

Птица слетела вниз и уселась на скамейку рядом с ней.

Мэйв перевела взгляд с птицы на альбом для рисования и снова на птицу.

— Ну ладно, ладно. Только не превращайся, пожалуйста, в человека. Я уже достаточно насмотрелась. Если собираешься, то лучше лети куда-нибудь подальше. Идет? — отломив кусочек круассана, она положила его рядом с птицей. — Идет?

Не услышав ответа, Мэйв испытала облегчение.

Когда она вернулась домой, то нашла на крыльце подарок от Брайана. На карточке было написано: «Сумасшедшей птичнице».

В коробке оказалась красивая бумажная птица. Журавль, но не в виде привычного оригами. Это была настоящая бумажная скульптура. Перья, крылья и клюв были изготовлены из отдельных кусков яркой бумаги — великолепная фантазия на птичью тему.

Мэйв поставила скульптуру на полку, чтобы та была на виду во время работы над картинами.

Сегодня он не ответил рыжеволосой художнице. Находясь в облике птицы, Суини мог говорить — даже покрытый перьями, внутри он оставался человеком, — но он познал цену молчания. Так было не всегда. Именно его язык навлек на него проклятие.

Он оскорбил Ронана. Произнес слова, которые не следовало произносить, и не унимался, хотя должен был прикусить язык и молчать.

Ронан ответил. От его слов вспыхнули небеса, а земля содрогнулась. Проклятие было искренним, жестоким. Тогда Суини впервые почувствовал безумие. Безумие, и ощущение, как твое тело ломается, а кости превращаются в легкие птичьи крылья.

Говоря начистоту, Суини сгубила гордыня. Та же гордыня, что сгубила Икара — вот только одного она наделила крыльями, а у другого их отняла. Гордыня и горячий нрав свойственны многим, но большинство людей живет с этими грехами всю жизнь, не меняя своей формы и не будучи обреченными на вечные скитания в наказание за единственную ошибку.

Проклятия не выбирают, на кого пасть. Они

ложатся на тех, на кого должны, и остаются их вечными спутниками.

Время от времени случались дни, когда Мэйв не приходилось прикладывать никаких усилий, чтобы сделать свою жизнь чуть более терпимой.

Этот вторник был явно не из их числа.

Она спустилась в метро, что делала крайне редко, предпочитая ходить пешком. Всему виной была внезапная метель, загнавшая ее в подземку вместе с доброй половиной жителей города.

Мэйв сошла на второй остановке, даже не зная, на какой улице. Ее пульс зашкаливал, перед глазами стоял серый туман, и она почти ничего не видела. Если бы она не выбралась из толпы, то наверняка потеряла бы сознание.

Ее альбом, вместе со свежими зарисовками, остался в вагоне поезда, следовавшего в Аптаун. Она не могла вспомнить другого места, где могла его забыть — только в поезде. Мэйв была уверена, что, уходя, положила его в сумку. Теперь его там не было.

Вернувшись домой, Мэйв сорок пять минут проговорила по телефону с сотрудником бюро находок метрополитена, но результата это не принесло. Шансы на возвращение альбома были мизерными.

Чтобы поднять себе настроение, Мэйв приготовила горячий шоколад, но молоко, несмотря на вполне нормальный запах, оказалось испорченным, и ей стало совсем плохо.

Пол ванной холодил щеку. Усталая, испытывающая приступы тошноты Мэйв свернулась клубочком, расплакалась, и так и уснула. Во сне она увидела птицу — и другие, куда более странные вещи.

По лавандовому небу чернильными пятнами были разбросаны облака.

Мимо растущего месяца проплыла голова.

Суини с удивлением присмотрелся и поерзал на ветке.

Другая голова описала в небе дугу, лениво поднявшись и опустившись.

Суини осмотрелся. Он не мог понять, откуда взлетают головы, и не слышал никаких посторонних звуков.

Тут же в небо стремительно взмыли еще три головы, и Суини решил, что окончательно спятил. Если бы он был в облике человека, то непременно откинул бы голову и взвыл.

Все пять голов выскочили прямо перед ним, словно поплавки на воде.

Они были одинаковыми — самыми странными

близнецами в мире. Выглядели они, как показалось Суини, довольными и веселыми. По крайней мере, куда довольнее, чем был бы он сам, если бы его голову отделили от тела. Все головы были аккуратно отрублены. Нет, не отрублены — они выглядели так, будто никогда и не были соединены с телами. Гладко выбритые, ясноглазые, они улыбались Суини. Никаких выступающих вен или костей, никаких ошметков кожи. И ни следа крови.

То, что головы левитировали, по мнению Суини было не более удивительным, чем то, что они не кровоточили, но именно отсутствие крови он никак не мог объяснить.

— Рады.

— Приветствовать.

— Тебя.

— Друг.

— Суини, — сказали головы.

— Э, привет, — ответил Суини.

— Дивная.

— Ночка.

— Не.

— Так.

— Ли? — на каждом лице были написана благожелательность.

— Вне всякого сомнения, — согласился Суини.
— Нам.
— Нужно.
— Кое-что.
— Тебе.
— Сказать.
Головы и так с ним говорили, поэтому Суини просто кивнул.
— Неужели.
— Ты.
— Нас.
— Не.
— Помнишь? — головы окружили Суини.
Суини призадумался, пытаясь представить, как бы они выглядели с телами. В головах не было ничего знакомого, а их вдвойне странный вид только мешал.
— Простите, джентльмены, но нет.
— Мы.
— И.
— Сами.
— Многое.
— Забываем.
— Или.
— Мы.
— Действительно.

— Не.

— Встречались, — головы снова выстроились в ряд. Последняя из них задела соседнюю, и та закачалась.

— Вы видите будущее? — это объяснение показалось Суини наиболее логичным, хотя во всей ситуации и не было ничего логичного.

— Да.

— И.

— Нет.

— Лишь.

— Иногда.

Суини оценил честность ответа наравне с его подробностью.

— Теперь.

— Слушай.

— Суини.

— Слушай.

— Внимательно.

— Никто.

— Сам.

— Не.

— Выбирает.

— Подвиг.

— Это.

— Подвиг.

— Выбирает.
— Своего.
— Героя.
— В конце.
— Каждого.
— Героя.
— Ждет.
— Смерть.
— Такова жизнь, — заметил Суини.
— Делай.
— Свой.
— Выбор.
— С умом.
— Суини.

Головы улыбнулись так широко, что Суини показалось, будто они сейчас проглотят сами себя. Они расхохотались и от смеха закружились в вихре. Они кружились все быстрее, и в конце концов превратились в размытое хохочущее пятно и исчезли.

Суини задумчиво наблюдал за пустым небом до самого рассвета.

Мэйв проснулась. Голова и шея затекли после сна на плиточном полу, а во рту стоял такой привкус, будто она целиком вылизала ту станцию метро, на которой была утром.

Ее ноги чувствовали себя непригодными для ходьбы макаронинами, но Мэйв все же доковыляла до кухни и вылила молоко в раковину. От этого символического жеста лучше ей не стало — разве что морально. Чтобы прийти в себя после отравления и безумного сна, понадобится больше времени, но вид утекающего в сток молока, безусловно, поднял ей настроение.

Летающие по Центральному парку головы, ведущие беседу с птицей, способной превращаться в человека, напомнили ей сцены из фильмов Джима Хенсона[60], только без качественного музыкального сопровождения.

С одной стороны, увлечься работой настолько, чтобы видеть о ней сны, было хорошо. С другой — все хорошо в меру. Рисовать отсеченные от тел головы Мэйв уж точно не собиралась.

Она нарисовала башню на фоне манхэттенских высоток. Древнюю, зловещую башню колдуна, со спиральными лестницами и шпилями, выстроенную при помощи заклинаний и не подчиняющуюся законам физики.

В небе она нарисовала жар-птиц, огненными

---

[60] notes: 60

Джим Хенсон (1936–1990) — американский режиссер, сценарист, мультипликатор и кукольник, создатель программы «Маппет-шоу» (1976), фильмов «Темный кристалл» (1982), «Лабиринт» (1986) и др.

всполохами кружащих среди облаков.

Пришел рассвет, не принеся ни перерождения, ни облегчения. Суини по-прежнему был покрыт перьями. Он повернулся к восходящему солнцу, на фоне которого вдруг возникла удивительная, словно нарисованная на небосводе башня.

Каждому уважающему себя волшебнику нужна башня, даже если он живет в Нью-Йорке двадцать первого века. Башня — обязательный атрибут, ведь магия живет по более жестким законам, чем что бы то ни было. Магия соткана из слов, воли и веры — иначе нельзя. Без обязательных атрибутов любые чары развеются и канут в небытие.

Суини раскрыл клюв и ринулся в многообещающую высь.

Башни волшебников всегда находятся под мощной защитой, а наибольшим могуществом обладают волшебные слова силы. Слова, произнесенные волшебником при сотворении заклинаний, сами по себе пронизаны магией, и их отзвуки повторяют заклинания до тех пор, пока не угаснет звук.

Слова не просто повисают в воздухе — сила притягивается к силе, и старые заклинания тянутся друг к другу, словно давние любовники. Связь между ними уже не столь прочна, они уже

не искрят и не сверкают, как в секунду произнесения, но стереть их полностью невозможно. Они собираются вместе, и в этих союзах рождается новая магия.

Ронан был волшебником уже много столетий, а то и тысячелетий — гораздо дольше, чем Суини был птицей. Он покинул Ирландию на корабле, который нельзя было назвать иначе как старой калошей, в окружении множества голодных, босых соотечественников. Узы проклятия потянули Суини за ним.

Спустя много лет после прибытия в Америку, магия оплела башню Ронана, словно сказочный терновник, и обеспечила ему защиту от вторжений, покой и одиночество. Башня была средоточием силы и, будто песня сирены, манила Суини, потерянного в своих поисках.

Суини трижды облетел башню, затем еще трижды, и еще, желая расплести магические путы. Но проклятие, как обычно, никуда не делось.

— Сколько у тебя готовых картин?

— Пять.

— Сможешь написать еще пять, а лучше семь?

— Зачем?

— В «Заливных лугах» согласны выставить твои работы, но мне кажется, что они слишком

хороши, чтобы выставлять их среди других полотен. Было бы здорово, если бы у тебя хватило картин на персональную экспозицию.

— Когда нужно будет их закончить?

Услышав ответ Брайана, Мэйв поморщилась и с грустью вспомнила потерянный альбом с многочисленными зарисовками. Тем не менее она ответила:

— Место хорошее. Я успею.

— Отлично. Перешлю тебе их контактные данные.

— Так вот как выглядит этот твой голый птицемужик? — Эмилия разглядывала первую картину в серии, на которой был изображен превращающийся в птицу человек. — Неудивительно, что ты видишь его на каждом шагу. Он красавчик!

— Обычно он появляется в облике птицы.

— Какая разница, он все равно хорош! А эта часть тела у него действительно такого размера?

Мэйв фыркнула.

— Ладно, как увижу его в следующий раз, передам твой номер телефона.

Эмилия рассмеялась, но при этом подозрительно покосилась на Мэйв.

— А остальных существ с картин ты тоже видишь?

Эмилия перешла к самому свежему полотну, изображавшему василиска среди стендов на «Неделе моды» в Брайант-парке и обратившихся под его взглядом в камень моделей.

— Если бы я на самом деле встретилась с птицей, способной взглядом превращать людей в камень, мы бы с тобой сейчас не обсуждали привлекательность птицечеловека и не жрали эфиопскую еду, — Мэйв взглянула на Эмилию. — А, понятно, ты не всерьез. Просто проверяешь, не спятила ли я окончательно.

— Не думаю, что ты спятила. Просто перед выставками ты всегда забываешься. А этот твой рассказ о птице, превратившейся в голого парня…

— Да, согласна, звучит странно. Но не волнуйся, я не собираюсь открывать в Нью-Йорке филиал Клуба наблюдателей за фениксами.

— Звучит как что-то из «Гарри Поттера». Ты случайно волшебников в городе не встречала? Не считая тех, что любят размахивать в метро своими «волшебными палочками»? — Эмилия состроила кислую мину.

— А ты еще удивляешься, почему я редко выхожу из дома.

— Значит, никаких волшебников?

— Никаких.

В Нью-Йорке были волшебники. Буквально повсюду. Боевые маги меняли историю за игрой в быстрые шахматы. Хрономанты крали секунды у поездов метро. А онейроманты, которых в городе было великое множество, воплощали сны в реальность.

Даже волшебник, наложивший проклятие на Суини, в ходе сотворения заклинаний, наложения чар и превращения одних предметов в другие по их собственной воле или вопреки ей, следил за городским транспортом.

Несмотря на то, что Ронан все время был здесь, поблизости, Суини не собирался просить его снять проклятие. Лишь в самом крайнем случае волшебники соглашались развеять собственные чары. Магия, которую они практиковали, всегда противоречила энтропии. Она была способна не только восстановить порядок из хаоса, но и искажать естественные законы природы. Так, назло физике, человека можно было превратить в птицу и наоборот.

Может показаться, что для превращения нужно всего лишь произнести заклинание и сотворить непонятные пассы руками, но это не так; магия требует усилий и воли. Когда же заклинание

наложено, его нелегко обратить. Но волшебники отказываются снимать проклятия не потому, что это невозможно.

Просто для этого требуется куда более сильная магия, чем та, что подвластна им.

В квартире Мэйв повсюду были птицы. На стенах были развешены коллажи из наклеенных одна поверх другой фотографий — бесконечные, напоминающие творения Эшера спирали и каскады крыльев невиданных птиц, что никогда не летали вместе.

Подаренная Брайаном скульптура разбавляла собой коллекцию подвижных птичьих скелетов, чьи тонкие хрупкие кости изображали всевозможные стадии полета.

Кости самой Мэйв болели так, будто и у нее резались крылья.

Холст перед ней был огромен, шести футов в высоту и в полтора раза шире. Таких масштабных картин Мэйв прежде не писала. На картине стая скворцов летела в грозовом небе.

Среди скворцов были и другие крылатые существа. Мстительные, призванные грозой и призывающие грозу. Эринии.

Милостивые.

Разрушительные, будто молнии, они терзали

нью-йоркский пейзаж.

Кисти рук Мэйв скрючило спазмами, но она с горящими глазами продолжала наносить все новые яркие мазки на холст.

Как ей самой казалось, она заканчивала картину в приступе безумия. Она никогда не писала ничего подобного, но мышечная память диктовала ей, куда добавлять штрихи. Покалывание в голове подсказывало, что она все делает верно, точно. Адреналин в ее теле бушевал, и Мэйв не могла ни есть, ни спать, ни даже сесть, пока не закончила работу.

Безумие? Пожалуй. Окрыленное, триумфальное безумие.

В нью-йоркском небе творились странные вещи. Суини привык к необъяснимым небесным феноменам, и не считал себя единственным существом, способным обращаться в птицу.

Но теперь в Центральном парке поселилась стая жар-птиц, а целая туча жаворонков щебетала по-китайски на колокольне собора святого Патрика.

Однажды ему показалось, что он увидел феникса, но мог спутать его с чересчур ярким закатным солнцем.

Волшебство творилось там, куда его не звали, и

все оно было пернатым.

Возникло оно отнюдь не само по себе.

Суини перелистал альбом — не потерянный, как считалось, в поезде, а аккуратно украденный из сумки. Ему просто хотелось знать, как она его видит.

Оказалось, что ни на одном наброске его нет.

Однако страницы альбома были полны магии. Она таились в штрихах, тенях, линиях. Суини не знал, было ли это волшебством в привычном понимании, но чувствовал в рисунках силу — быть может, достаточную, чтобы снять проклятие.

— Значит, мне тебя не переубедить? По-прежнему не хочешь прийти на открытие? — спросил Брайан. — Мэйв, посетителям наверняка хотелось бы обсудить с тобой твои работы, и не смей говорить, что твое искусство «говорит само за себя».

— Ты сам напросился.

— Мэйв.

— Если меня там не будет, шансы на продажу только возрастут.

— С чего ты взяла?

«Потому что, если я приду, то весь вечер проведу в туалете, где меня будет рвать от нервного напряжения», — подумала она.

— Если я не приду, то всем покажусь загадочной. Или даже уникальной. Прояви красноречие, говори им то, что они желают услышать, не беспокоясь о том, что я могу появиться, с головы до ног измазанная краской.

— Я ни разу не видел тебя измазанной с головы до ног. Да если и так — почти все художники рассеянны и эксцентричны. В этом твоя прелесть.

— Ты сам сказал, что мне нельзя быть рассеянной и эксцентричной, помнишь? Не в этой галерее, не тогда, когда за мои работы назначена такая цена.

— Наверное. Как бы то ни было, Мэйв, это твой вечер. Если хочешь прийти — приходи хоть в краске, хоть в чем.

— Брайан, поверь мне, я не хочу.

Хорошенько постаравшись, Суини мог предотвратить трансформацию из человека в птицу. Обычно он этим не занимался — рано или поздно превращение все равно случится, и за столько лет Суини уже свыкся со своими крыльями.

Но в этот раз ему хотелось увидеть картины. Всех тех птиц, которых Мэйв мазками своей кисти поселила в нью-йоркском небе.

Кроме того, он хотел предстать перед ней в облике и одежде обычного человека.

Но больше всего ему хотелось узнать, наполняла ли картины та же магия, что и страницы альбома. Узнать, сможет ли она нарисовать его свободным. Если его просьба исполнится, он перестанет быть обреченным на вечное одиночество существом в чужой шкуре, чье единственное утешение — одинокий полет. Он вновь станет человеком.

Сложность была в одном: пока Суини усилием воли удерживал себя от превращения, в его сознание все глубже проникало безумие. Чем дольше он боролся, чем больше стремился оставаться человеком, тем меньше человеческого оставалось в его мыслях.

Суини надел куртку, проверил, одинаковые ли на ней пуговицы, застегнута ли молния и не перепутаны ли ботинки. Затем он поймал такси и с надеждой на счастливый исход отправился на выставку.

В день открытия Мэйв не пришла в галерею. Она заглянула туда заранее, чтобы проверить, как висят картины, убедиться, что не случилось непредвиденных изменений, и лишний раз сказать Брайану, что вечером ждать ее не стоит.

— Поступай как знаешь, но если не хочешь меня расстраивать, хотя бы надень платье и при-

гласи домой подругу на бокал шампанского.

— Для тебя — все что угодно, — солгала Мэйв, широко улыбаясь и обнимая Брайана.

В момент открытия выставки Мэйв сидела за столом в дырявой футболке и поглощала паровые булочки. Бокал дорогого шампанского, присланного Брайаном, она все же выпила. Пришло сообщение от Эмилии из галереи: «Твои картины — просто супер! Горжусь тобой!». Что может быть лучше, чем разделить радость с подругой, пусть это и не совсем то, что предлагал Брайан?

Сейчас ей было странно даже думать о том, что эта выставка, которая по мнению Брайана могла стать поворотной в ее карьере, началась с видения о превратившейся в человека птице. Если Мэйв когда-нибудь спросят о том, где она черпала вдохновение, рассказывать об этом она уж точно не станет.

Она уже давно не видела птицу — и, к своей радости, голого мужчину тоже. Некоторые странности этого города лучше и не пытаться обосновать. Чем больше знаешь, тем меньше волшебства остается вокруг, а Мэйв хотелось видеть больше волшебства в своей жизни. Оно компенсировало все неудобства и разочарования повседневной жизни.

Освещение было слишком ярким, людей — слишком много. Прикусив щеки изнутри, Суини вошел в галерею, словно шагая по стеклу.

Картины. Он решил, что они показались бы ему красивыми, если бы у него получилось спокойно стоять и внимательно их рассмотреть. Но он ходил кругами по галерее, и видел на месте полотен лишь размытые пятна. Ему было невыносимо жарко, тесно в собственной коже, и его сердце трепыхалось, как у птицы.

Суини сжал кулаки, впившись ногтями в ладони, и отдышался.

Так-то лучше.

Теперь он чувствовал себя практически нормальным человеком.

Он медленно обошел зал, тратя достаточно времени, чтобы рассмотреть каждую картину.

Перья под кожей зудели и рвались на поверхность.

Наконец он увидел себя.

В центре полотна, с рвущимися из-под кожи перьями, но с видом не безумным, а возвышенным.

У Суини вырвался громкий вздох.

— Впечатляющая работа, не правда ли?

Суини обернулся на подошедшего к нему чело-

века, который, судя по всему, не догадался, что стоящий перед ним мужчина — тот же самый, что изображен на картине.

— Вы знакомы с творчеством Мэйв? Мэйв Коллинз, художницы? — спросил Брайан.

— О, совсем немного. Узнал о ней недавно. Она здесь?

— Пока нет, но надеюсь, что позднее появится. Если вас заинтересовала эта картина, то обращайтесь ко мне.

— Если я куплю ее, то смогу встретиться с Мэйв?

— Ваш вопрос понятен, но, как правило, при продаже картин мы такие вопросы не обсуждаем.

Тут Брайан отступил и задумчиво окинул Суини взглядом.

— Постойте! Постойте-ка! Это же вы! Вы позировали для этой картины! Невероятно!

Перья под кожей Суини окончательно проснулись.

— В таком случае, вы уже должны быть знакомы с Мэйв? — удивленно произнес Брайан.

— Нет, — Суини прикрыл правой рукой левое запястье, на котором уже появился белый пух. — Но мне необходимо с ней встретиться.

Разжав пальцы, он протянул покрытую перьями руку между собеседником и полотном, на котором был он и одновременно не он.

Брайан вытаращился на перья.

— Я немедленно ей позвоню.

— Брайан, меня не волнует, что у вас там весело, я не приеду.

— Тут твоя модель. Очень хочет с тобой встретиться.

— Что за чушь? Ты что, уже успел всю водку с тоником вылакать? Для этой серии мне никто не позировал.

— А как же парень с перьями? Вон он стоит напротив картины, один в один. Не говоря уже о том, что у него из рук растут перья. Мэйв, какого черта тут творится?

— Что ты сказал? — руки Мэйв покрылись гусиной кожей.

— Что слышала. Приезжай немедленно.

Мэйв взяла такси и попросила водителя высадить ее у служебного входа, где несколько дней назад выгружала картины.

— Брайан, в чем… это ты!

— Я, — произнес Суини и, оперившись, превратился в птицу.

Его одежда упала на землю.

Мэйв сидела с птицей, пока в галерее не закончилось торжество. Она подобрала одежду Суини и аккуратно сложила, засунув носки в ботинки и свернув ремень.

Брайан принес из бара почти полную бутылку водки. Мэйв сделала пару глотков и намеревалась повторить, но решила, что лучше оставаться трезвой. Иначе и без того странный вечер мог стать совсем безумным.

Птица тоже не рвалась к выпивке.

Склонив голову, Мэйв завязала волосы в пучок. Когда она выпрямилась, Суини уже натягивал брюки.

— Прошу прощения за недоразумение. От волнения мне сложно общаться с людьми.

Мэйв едва слышно усмехнулась.

— Могу понять.

Подошел Брайан.

— О, замечательно, вы снова… одеты. Разобрались, что творится?

— На мне лежит проклятие, — ответил Суини. — Я думаю, что Мэйв может написать мое освобождение. В ее работах скрыта сила, которую можно назвать волшебной. Я хотел бы заказать у нее картину и проверить, возможно ли это.

— Это… — Мэйв не нашлась, что сказать дальше.

— Невозможно? Безумно? — Суини взглянул ей в глаза. — Я тоже безумен.

— Я не волшебница, — сказала Мэйв.

— Это вполне вероятно. Спустя столько лет и столько превращений, я так и не стал птицей, пусть иногда и выгляжу как птица. Магия искажает истину.

Мэйв видела птицу в чертах человека. В его манере держаться, в очертаниях воздуха за спиной, который будто специально оставлял там место для крыльев.

Также она видела невозможность того, о чем ее попросили.

— Умоляю, — сказал Суини, — попытка не пытка.

— Тогда тебе придется мне позировать, — ответила Мэйв.

— Никогда прежде не заключал таких странных контрактов.

— Брайан, этот парень был птицей большую часть вечера. Пусть все переговоры свелись к тому, что тебе просто сунули бумажку с надписью «подпишите здесь», это все равно ничего не меняет.

— Да уж.

— Удивительно, что он не ограничил меня в сроках, — Мэйв подняла с пола белое перо и покрутила пальцами. — Не установил дату, чтобы узнать, сработает ли план. Неужели он готов ждать сколько угодно?

— Мэйв, ты говоришь так, будто в самом деле веришь, что у вас что-то получится. Безусловно, вечер сегодня необычный, но в магию я не верю. В конце концов ты напишешь замечательный портрет человека, который каким-то неведомым образом превращается в птицу, и не перестанет превращаться в нее даже после того, как картина будет подписана и повешена в раму. А после этого мы никогда больше не станем об этом заговаривать, потому что все это какой-то бред. Мэйв, ты хорошая художница, но не волшебница. Не забивай себе голову мыслями о том, что в твоих работах таится какая-то магия. Это не так.

— Ты говорил, что люди покупают не картины, а историю, которая в них заложена, — сказала Мэйв.

Брайан кивнул.

— Суини купил историю, которая может окончиться чем-то волшебным. Он купил надежду. А это я могу написать.

Мэйв взяла альбом и отправилась к собору Иоанна Богослова. Начать оттуда было логичным, пусть она и не собиралась изображать на картине сам собор. Таким образом история как бы замыкалась — где еще положить конец превращению, как не в месте, где она впервые его увидела?

Весна пришла рано, на деревьях уже распустились зеленые почки. Внизу раскрывали пурпурные лепестки крокусы, а кое-где желтели храбрецы-нарциссы. Мэйв подумала, что цветы тоже проходят через превращение — более регулярное и менее впечатляющее, чем внезапно покрывающийся перьями человек, но превращение.

Под пение птиц Мэйв уселась под деревом и выбросила из головы необходимость творить магию. Если человек-птица — Суини — был прав, то магия сотворится естественным образом.

Она открыла альбом и принялась рисовать.

Суини шел по улице. Он нечасто гулял пешком, предпочитая странствовать в полете. Но сегодня ему не хотелось возвышаться над ароматами дыма и жира от готовящейся в передвижных фургонах пищи, над хрустом битого стекла под ногами.

Ему хотелось проникнуться духом людей, среди

которых он никогда не чувствовал себя своим, почувствовать их пульс. Если Мэйв справится, эти люди станут ему родными. Быть может, он почувствует себя среди них, как дома.

Может быть ему стоило провести еще одну ночь в полете, отдавая дань тем дням, которые останутся в прошлом, как только он потеряет возможность летать. Он не забудет эти дни, как не забудет ветер, теребивший перья, когда он отправлялся в полет. Но теперь у него будет нормальная жизнь.

Суини взял себе на редкость мерзкого кофе в чашке с надписью «Я люблю Нью-Йорк», потому что в эту минуту действительно любил этот город всеми фибрами тела.

— Можно спросить? — нерешительно произнесла Мэйв.

— Как это со мной случилось? — угадал Суини.

Она оторвалась от альбома.

— Ну, да. Не хочу показаться невежливой и наступать на больные мозоли, но мне, возможно, лучше удастся передать твое освобождение из птичьего облика, если я буду знать, как ты вообще превратился в птицу.

— На меня наложили проклятие.

— Я думала, проклятия существуют лишь в

сказках.

Суини развел руками и тут же извинился.

— Ничего страшного, — сказала Мэйв. — Мне не нужно, чтобы ты удерживал одну позу. К тому же я сама постоянно тебя отвлекаю.

Она вновь принялась рисовать.

— В сказках есть доля правды. Я был зол, наговорил всякого, не подумав, и оскорбил волшебника. В отместку он меня проклял. Я живу так вот уже больше тысячи лет.

— Печально слышать. Даже если ты и был в чем-то виноват, тысячелетняя месть — это слишком жестоко.

Суини напрягся. Кожа натянулась. Он сжался в клубок, скрючив пальцы.

— В чем дело?

Суини показал покрывшуюся перьями руку.

— Я надеялся, что этого больше не случится.

— Тебе больно?

— Физической боли я не чувствую, уязвлена лишь моя гордость. Думаю, в этом и был смысл проклятия.

Он задышал ровнее, и Мэйв заметила, как он понемногу, мускул за мускулом, расслабился. Перья опали, остался лишь небольшой оперенный участок у запястья.

— Можно? — спросила Мэйв.

Суини кивнул.

Мэйв нежно провела рукой по перьям, чувствуя их мягкость и жар кожи Суини. Ее сердце затрепыхалось, как у голубки. Она приблизилась и поцеловала Суини.

Тук. Тук.

Пальцы Суини вплелись ей в волосы, и он выдохнул ей в рот. Мэйв с трудом освободилась от одежды, не желая прерывать поцелуя и контакта.

Пальцы Мэйв нащупывали то перья, то голую кожу, а Суини гладил ее лопатки, будто у нее тоже были крылья. Пока они двигались в такт, Суини не покрывался перьями и не чувствовал приближения безумия. Мэйв не чувствовала паники, находясь в такой близости с чужим телом, напротив — она чувствовала радость.

Пол под ними был укрыт покрывалом из белых перьев.

Мэйв взглянула на Суини.

— Мне кажется, картина не сработает.

— Почему? — он заправил непослушную прядь ее волос ей за ухо.

— Она получится хорошей, но не волшебной.

— Хуже мне от этого не станет. Мэйв, все, о чем

я прошу, — хороший портрет. Если получится нечто большее, — улыбнулся он, — это будет означать, что магия свершилась.

В среду она получила по почте пакет. Внутри оказался потерянный альбом. К обложке была прикреплена записка: «Прости за кражу. Стоило уже давно его вернуть. С.». К записке прилагалось белое перо.

Перелистав страницы, Мэйв задумалась, что именно в ее работах заставило Суини поверить в то, что они волшебные. Какое именно волшебство могло ему помочь? Она не понимала.

Мэйв сохранила перо, а альбом упаковала в новый конверт, чтобы вернуть Суини. Если у нее не получится вновь даровать ему свободу, то пускай у него останутся хотя бы рисунки.

Закончив с этим, Мэйв сняла со стен все фотографии, все изображения мифических и фантастических птиц, которые использовала при работе над картинами для выставки. Она закрыла бестиарии, убрала перья в прозрачные глянцевые конверты. Получилось что-то вроде калейдоскопов, в которых запечатлен прерванный полет.

Она убрала панно, скелеты, скульптуры. Поставила обратно на полки книги сказок.

Возвращение альбома напомнило ей кое о чем. Если и существовала магия, подвластная ей, то она крылась в карандашных штрихах на бумаге и мазках краски на холсте. Она, и никто иной, была источником этой магии.

Мэйв не стала убирать лишь белое перо, скачанную с телефона фотографию обнаженного человека на ветви дерева и карандашные наброски портрета Суини. Наконец она развесила в студии самые свежие рисунки, сделанные в соборе. Перед тем, как закончить работу, ей нужно было еще раз туда сходить, но не сейчас. Лишь в самом конце.

Поначалу Суини решил, что безумие вновь охватило его. Кожа чесалась, будто перья опять рвались наружу, но он не видел их и никак не мог выковырять из-под кожи.

Кости терлись одна о другую, будучи слишком легкими и деформированными, хрупкими, ненадежными. Он не был ни человеком, ни птицей, и не был уверен, кем именно должен быть.

Резкий взлет окончился головокружительным падением, и Суини шмякнулся на тротуар, едва успев выставить вперед руки.

Теперь он понял.

Мэйв писала картину. Писала его, быть может,

окончательное превращение.

Будто одурманенный, он бросился бежать туда, где впервые увидел ее. К собору Иоанна Богослова.

Мэйв терпеть не могла работать в публичных местах. Ненавидела. Люди постоянно подходили слишком близко, задавали глупые вопросы, высказывали свое дилетантское и бесполезное мнение, и при этом даже не пытались понизить голос.

Укромное местечко, куда она обычно мысленно удалялась при рисовании, подвергалось постоянной атаке голосов, а кожа ощущала каждый взгляд как укол.

Мэйв раздражало все вокруг, но она должна была закончить портрет Суини здесь, в соборе, и нигде больше. Конец должен был стать началом.

На холсте тень Суини поднималась, чтобы поприветствовать его: человеческий силуэт, невзрачный и едва различимый на фоне птицы. Сам Суини в вихре из перьев превращался из птицы в человека. Из белой, кружащей над молчаливой разрушенной башней собора, птицы. В небе Мэйв изобразила всевозможных невиданных птиц.

На лужайке перед собором женщины играли

в шахматы, и когда одна поставила другой шах, некий человек где-то далеко решил не идти на мировую.

За спиной Мэйв Суини охнул, споткнулся и упал. Она продолжала писать. В этот раз рисование действительно казалось магией.

Боль была невероятной. Суини не мог ни говорить, ни думать, и едва мог дышать. Его развоплощало. Мэйв не снимала с него проклятие, она писала для него отдельную реальность.

Перья вырывались из-под кожи, то накрывая его тело волнами, то исчезая.

Он взглянул на холст, затем перевел взгляд на Мэйв, замечая следы магии в каждом мазке ее кисти. На деревьях сидели три птицы с головами и телами женщин — сирены, готовые пропеть о его участи.

Зазвенели церковные колокола, возвещая о наступлении святого часа, и Суини понял, чем все закончится.

Он ожидал иного, но магия всегда непредсказуема.

Мэйв отложила кисть и потрясла затекшими, онемевшими руками. Перед ней мелькнула белая птица и опустилась на окно над хорами.

— Мэйв.

Обернувшись, она увидела Суини лежащим на траве. Суини-человека.

— Господи. Я задумывала совсем иное!

Мэйв села рядом с ним, взяв его за руку.

— Как я могу это исправить?!

— Просто посиди со мной.

— Когда ты заказывал портрет, то знал, чем это кончится?

— Я не исключал такого исхода. Он был вероятен. Я жил слишком долго и подозревал, что, освободившись от заклинания, я могу совершить последний перелет — в царство мертвых, — Суини задумался и тихо добавил: — Никто не выбирает себе подвиг. Подвиг выбирает своего героя, — он закрыл глаза. — Это всего лишь новый полет.

Мэйв повесила готовую картину на стену. Снаружи, на дерево за открытым окном, села белая птица.

Старый кубинский музыкант устраивается работать в ночную смену в ночлежку для детей, и к нему приходят необычные гости.

Даниэль Хосе Олдер
Salsa Nocturna[61]

Говорят, что участь всех гениальных музыкантов — умереть в сточной канаве. Я с этим уже смирился, как бы глупо это ни звучало. Сейчас я сижу в котельной, но давайте по порядку. Ночные концерты в барах и клубах стали терять популярность примерно тогда, когда великое бегство белых приняло великий обратный поворот. Большинство моих любимых мест закрылись, либо стали подавать капучино вместо коктейля «Эль президенте». Пара моих друзей перебрались в Филли. По правде говоря, будущее казалось весьма мрачным. Я-то понимал, что в конце концов все утрясется — оптимистом меня назвать нельзя, но иногда я просто знаю, что должно произойти, — а вот ближайшие перспективы были безрадостными. Для всех нас.

Когда Джейни, подружка моего сына, пригласила меня поработать в ночлежке, я отнесся к

---

[61] notes: 61

“Salsa Nocturna” © 2010 Daniel José Older. First publication: *Strange Horizons*, 20 December 2010.
Ночная сальса *(исп.)*.

предложению со всей серьезностью. Надо сказать, эта Джейни — особенная. Лучшей девушки для Эрнесто и представить нельзя. Она следит, чтобы он не отбивался от рук, но в то же время напоминает, чтобы он не терял своих корней и не превращался в безликого парня в модном костюме, который он надевает каждое утро. С чувством юмора у нее тоже полный порядок. И вот приходит она, значит, как-то утром, когда я завтракаю яичницей с беконом и *papas fritas*[62]? в процессе закидывая в рот свои утренние таблетки, и запиваю все это кофе с молоком. Чтобы вы знали, я всегда принимаю таблетки от высокого давления с гарниром из бекона или сосисок — для баланса.

— Гордо, — обращается ко мне Джейни.

Вообще-то мое имя тоже Эрнесто, но все зовут меня Гордо, и вовсе не потому, что я толстый. Хотя кого я обманываю? Именно потому, что я толстый.

— Гордо, — говорит она, — я хочу, чтобы ты сходил на собеседование в наш центр на Лоример-стрит.

Видите, как она это обставляет? Так, будто оказывает мне услугу. Умница Джейни!

---

[62] notes: 62
Картофель фри (*исп.*).

Я недоверчиво посмотрел на нее и заправился еще парой ломтиков бекона.

— Там требуется человек, способный присматривать за детьми по ночам. А с утра ты мог бы учить их музыке.

— Какими еще детьми? — спросил я. — С чего ты взяла, что я захочу с ними возиться?

Ко мне буквально притягивает два типа людей: детей и мертвецов. И наркоманов, но они не в счет, потому что лезут ко мне с корыстными целями. А вот дети липнут ко мне, будто я из конфет сделан. Они подбегают ко мне, цепляются за меня и шагу не дают ступить. Может, это потому, что я с ними не сюсюкаюсь и не говорю ерунды вроде «ой какие милые детки», а принимаю их всерьез. Если я вдруг захожу на детскую площадку, поверьте мне, я никогда не затеваю с ними игры по своей воле. У детей как будто есть негласное правило: видишь толстяка — бросай игры и беги к нему. А как насчет семейных праздников, спросите вы? Пустые застольные разговоры я не люблю, а дети всегда прямолинейны.

— Дядя Гордо, а почему ты такой толстый? — спросят они.

А я напущу на себя серьезный вид и отвечу:

— Потому что я ем маленьких детей!

Тогда они с криком разбегаются, а я гоняюсь за ними, пока не начнется одышка.

Все лучше, чем отвечать на вопросы вроде «Как дела на музыкальном фронте?» и выслушивать бесконечные «Неужели?!» и «Как интересно!». Буду честен: мне плевать, какие у чьих-то отпрысков успехи в университете и где бы то ни было еще.

Не хочу хвастаться, но меня любят даже подростки. Вслух они ни за что не признаются, но я и так вижу. Они ведь просто переросшие пятилетние дети, точно так же не умеющие болтать по пустякам.

Джейни объяснила, чего ожидать на собеседовании и что отвечать на вопросы. Она в этих делах собаку съела, и с легкостью способна влезть в шкуру белой женщины. Манеры той дамочки, Нэнси, она тоже назубок знала, начиная с улыбки до ушей и заканчивая осторожным рукопожатием и певучими извинениями. Все прошло так, как она и сказала. Я неуклюже произносил заученные слова, с трудом пережевывая их, будто огромные куски пищи, и думал, что Нэнси даст мне от ворот поворот — но она вдруг сказала:

— Звучит замечательно, мистер Кортинас.

— Зовите меня Гордо, — ответил я.

Организация считается некоммерческой, но все сотрудники определенно зашибают кучу денег. Дети считаются «представителями меньшинств» и «ограниченно эмоционально развитыми», но почти все из них проявляют куда больше эмоций, чем персонал. Учреждение считается медицинским, но окна в нем заколочены. Список можно продолжать бесконечно, но несмотря на это, работа мне по душе. Здание старое, в готическом стиле, расположенное в еще не перестроенном районе Лоример-стрит. Если не ошибаюсь, раньше здесь был оперный театр, поэтому акустика тут вполне сносная, а дух музыки все еще живет внутри. Я прихожу на работу ровно в девять вечера. Джейни сказала, что мое кубинское чувство времени здесь не прокатит, и мне приходится убеждать себя, что на самом деле смена начинается в восемь — и это работает.

Для меня поставили стол прямо в холле пятого этажа. Из окна виден двор и уголок парка. Сначала я курил сигары (исключительно «Малагенья») посреди коридора, но обнаружил, что запах остается до утра, и получил за это нагоняй-внушение от Нэнси, а Джейни обругала меня так, что лучше вам не знать. Так что теперь я курю исключительно у окна.

Когда я прихожу, большинство детей уже спит, и это не может не радовать. Мое присутствие ощущается в здании, словно скачок напряжения, и с этим ничего не поделать. Иногда какие-нибудь сопляки встают, чтобы сходить по-маленькому или по-большому, а потом не желают укладываться обратно. Но стоит мне притвориться, что я собираюсь задать им порку, как они мигом разбегаются по комнатам. Интересно, как скоро они меня раскусят?

А сразу после полуночи появляются *muertos* — мертвецы. Всегда одетые, как говорится, с иголочки, в костюмах в тонкую полоску и роскошных платьях, а кто и в красных юбках для фламенко. На них дорогие шляпы и белые перчатки. Пока дети спят, *muertos* собираются вокруг моего стола на пятом этаже и занимаются своими делами. Большинство просто танцует, но некоторые приносят инструменты: старые деревянные гитары, контрабасы, барабаны, трубы. Изредка я вижу незнакомые мне инструменты — должно быть, африканские — и тогда мне приходится размышлять, как переложить их партии на привычные мне фортепиано или валторну.

Знаете, их музыка весьма похожа на ту, что я сам сочиняю. Мертвецы — либо порождение

моего подсознания, либо невероятное, сверхъестественное совпадение. А может, пятьдесят на пятьдесят. Поэтому я не испытываю угрызений совести, записывая их мелодии. Я даже стал приносить с собой игрушечное пианино и подыгрывать им — разумеется, как можно тише, чтобы не разбудить малышню.

Стройной музыку мертвых не назовешь. В ней одновременно слышится и радость и грусть, вот что я имею в виду. Сами ноты почти совершенно гармоничны, но в то же время нет. Все музыкальные фразы заканчиваются диссонансом. Ноты растворяются в легкой, ненавязчивой, непрерывной партии ритм-секции, аккорды беспорядочно налезают друг на друга, и когда тебе уже кажется, что вся мелодия вот-вот развалится, она вновь собирается воедино и начинает звучать так же нежно, как колыбельная вашей мамы. Музыка мертвых того сорта, что заставляет вас притопывать в такт ногами, задумчиво потягивая напиток, даже не задумываясь о таящемся в ней гении. Нет, гениальность этих извилистых мелодий откроется лишь годы спустя. Я пишу такую музыку, и мертвецы тоже. Мы с ними соавторы.

Однако сегодня все иначе. *Muertos* не видать. Они меня не пугают, напротив — с ними в ноч-

ные часы веселее. А вот тишина повергает меня в дрожь. Мне кажется, будто я один во всем мире под пристальным взглядом тысяч недружелюбных глаз. Я осмотрел пустой холл, представляя, как ко мне маршируют мои новые и одновременно давно потерянные друзья, но в сумраке так никто и не появился.

Чтобы хоть как-то себя занять, я устроил обход. Все проблемные дети были на месте. Иногда, когда у меня нет настроения музицировать, я читаю их досье — настоящие драматические саги, сюжет которых раскрывается с помощью характеристик и взволнованных писем. Хулио занимается рукоблудием за едой. Девона нельзя подпускать к зеркалам в годовщину его изнасилования. Тиффани ворует ножи и прячет их, чтобы защищаться от безликих людей. Но каждую ночь все они сворачиваются клубком, как маленькие жучки, и спокойно засыпают.

Одна кровать была пуста. Наклеенные на дверь буквы из строительного картона гласили: МАРКОС. Парнишка из Эквадора, если я правильно помнил. Бесчисленные ужасы в досье. Почти всегда молчит. Отсутствие *muertos* было плохо для моего душевного состояния, в сверхъестественном смысле, а вот отсутствие Маркоса

грозило мне суровой-Нэнси-с-утра и вероятной потерей работы. Что было хуже, я не знал. Прекратив обход, я быстро вернулся в холл. Сперва я перепроверил все комнаты, которые уже обошел, на случай, если парнишка притаился где-то в углу. Но я уже знал, что не найду его. Знал, что где бы ни был сейчас Маркос, рядом с ним пляшут саваны. Помните, я говорил, что иногда просто знаю, что должно произойти? Это как раз такой случай. К тому же в совпадения я не верю — только не тогда, когда речь идет о детях и мертвецах.

Добравшись до конца коридора, я остановился и целую минуту потел и пытался отдышаться. Тогда я услышал шум с нижнего этажа — едва различимый, призрачный звук, который то затихал, то вновь возвращался, словно далекая мелодия из музыкальной шкатулки.

Для невооруженного взгляда я выгляжу неуклюжим. Мои мозолистые руки кажутся несуразными. Для человека, создающего душещипательные, нежные мелодии я не слишком утончен. Но если посмотреть на меня в замедленной съемке, станет ясно, что в действительности я — настоящая пантера. Медлительная, грузная пантера, но в то же время движущаяся плавно, грациозно. Моя огромная фигура по-кошачьи соскользнула

по лестнице на пять этажей вниз, останавливаясь в конце каждого пролета, чтобы перевести дух и убедиться, что в ближайшие секунды мне не грозит инфаркт или потеря сознания. По-испански «потеря» — *pérdida*, что добавляет к и без того неприятному симптому ощущение, будто тебя вырубает чьими-то вонючими газами.

По всей приемной расклеены плакаты, которые в теории должны помогать детям почувствовать себя лучше после того, как над ними издевались. Акварельные рисунки с изображением мило играющих зверушек. По-моему, выглядят они жутковато.

Звук по-прежнему шел откуда-то снизу, из подвала. Это меня не обрадовало; я-то надеялся, что *muertos* собрались в приемной (например, чтобы полюбоваться вдохновляющими картинками), но удивляться было нечему. Я открыл старую деревянную дверь, за которой скрывалась еще одна лестница вниз, и собрался с духом. Каждый шаг громко возвещал о моем приближении. Добравшись до последней ступеньки, я потянулся в темноту, пока не нащупал свисающий шнур. Лампа была тусклой. Неровный, мрачный свет озарил тесную каморку, заваленную сломанной мебелью, картотечными ящиками и забытыми

поделками из папье-маше. Сквозь сумрак я проследовал на звук. Теперь я четко мог различить мелодию — заунывную, минорную, но красивую, как одноглазая девушка у кладбищенской ограды. Свернув за угол, я замер. Передо мной были мои друзья — *muertos*. Они стояли спиной ко мне, так плотно, что за ними ничего не было видно. Тихо, как мышь, я подкрался ближе и смешался с толпой. Прикосновения их холодных, мертвых теней то и дело заставляли меня вздрагивать.

Muertos сгрудились у двери. Войдя в нее, я очутился в сырой котельной, о которой упоминал в начале. Вдалеке у стены, среди пыльных труб и кабелей сидел Маркос с моим игрушечным пианино в руках. Закрыв глаза, он перебирал пальцами по клавишам. Между мной и Маркосом собрались около тридцати маленьких мертвецов, мальчиков и девочек. Не сводя глаз с Маркоса, они качали головами в такт музыке. Знаете, я никогда не задумывался о том, что приходится переживать блуждающим душам мертвых детей. Кто приглядывает за ними? Кто проверяет по ночам, лежат ли они, свернувшись клубочком? Эти призрачные дети были зачарованы; я чувствовал их восхищение, их любовь к мальчику и его музыке столь же отчетливо, как чувствовал

пульсацию крови в своей голове.

По правде говоря, сначала я тоже потерялся в водовороте нот, извергавшемся из моего маленького пианино. Меня непросто поразить, тем более десятилетнему пареньку, но я не настолько самовлюблен, чтобы отказаться это признать. Мелодия, заполнившая собой душную котельную, была одновременно знакомой и свежей. Это было мамбо, переплетенное с самыми печальными звуками, что я когда-либо слышал — этакий внебрачный союз Моцарта и Переса Прадо, напоминавший мне о вечерах, проведенных в пьяном угаре, и нашептанных на ухо обещаниях. Музыка вгрызалась в меня, разрывала на куски и соединяла заново.

Мелодия оборвалась, выведя нас из безмолвного транса. На ее месте осталась зияющая, болезненная пустота. Минуты упоения закончились, и мы вернулись в котельную, умереть в которой ничем не хуже, чем в канаве.

С силой воли у меня все отлично, никаких зависимостей нет, и мне хватает лишь тряхнуть головой, чтобы прийти в себя и привыкнуть к воцарившейся тишине. Но мертвые дети — другое дело. По их рядам проносится сердитый гул, и крошечные тени движутся к Маркосу. Мальчик

открывает глаза и таращится на меня. Он вновь принимается играть, но ему страшно, и он не может исполнить мелодию от души. Призраки это чувствуют, и приближаются, наседают на него.

Я знаю несколько молитв разным святым, и обычно они помогают мне, когда базовые человеческие инстинкты — например, осторожность — подводят. Эта ситуация как раз из таких. Я врываюсь (как пантера!) в толпу своенравных детских призраков. Их холодные пальцы липнут ко мне, словно паутина, но я не останавливаюсь. Хватаю мальчика и чувствую, как тепло его тела согревает меня после прикосновений мертвецов. Он не выпускает из рук пианино и не открывает глаз. Его маленькое сердце будто отстукивает сигнал SOS.

Я решаю, что любое промедление непременно закончится гибелью нас обоих в ледяных объятиях, и действую как лайнбекер в американском футболе. Ложное движение влево, финт вправо (медленный, болезненный, но грациозный), и рывок по прямой. Призраки наготове, и на этот раз я их рассердил. Воздух насыщен их гневом до такой степени, что неудачное столкновение молекул может поднять котельную на воздух. Мне не удалось получить желаемого преимуще-

ства. Я чувствую, что холод проникает в меня, проскальзывает в самые укромные уголки моего тела, оплетает паутиной святыни, что я храню в душе. Это ощутимо замедляет меня.

Но у меня еще есть ненаписанные мелодии. Я вряд ли доживу до тех времен, когда мое музыкальное наследие получит признание, но мне бы хотелось сочинить еще кое-что перед смертью. Кроме того, я люблю проводить время с семьей, играть с моей группой в домино после субботних репетиций, пить по утрам кофе с молоком и завтракать яичницей с беконом, жареным картофелем и изредка сосисками. У меня есть Эрнесто-младший, пусть он уже и не столь юн, и они с Джейни наверняка рано или поздно заделают какого-нибудь безумного сорванца, и мне хочется посмотреть, что из него вырастет. А прямо здесь, у меня на руках лежит будущий музыкальный гений, которого ждет долгая и успешная карьера — одинокий гений, но талант такая штука, что может стать единственным необходимым другом — нужно только его приручить.

Я могу позволить себе взять ученика и, прорываясь сквозь ряды этих суккубов-недомерков, я понимаю, что многое могу рассказать Маркосу. Дать ему практические советы, объяснить то,

чему не научат школьные учебники.

«Проволакиваться» — есть такое слово? Если нет, то нужно его ввести в обиход. Я проволакиваюсь сквозь мертвецов, отбиваясь от их ледяных щупалец. Дверь возникает передо мной быстрее, чем я ожидал, и немного сбивает с толку, ведь я еще не успел до конца обдумать все те прекрасные и печальные вещи, которые поведаю Маркосу, когда мы окажемся в безопасности. Поэтому я просто пинаю ее, и не останавливаюсь, чтобы узнать, что думают о сложившейся ситуации мамы и папы *muertos.* Я миную их как можно скорее.

Возле угла я наконец оборачиваюсь. Кажется, происходит какое-то разбирательство. Взрослые *muertos* окружили юных. Я могу лишь догадываться, но верю, что они устроят им хороший нагоняй и дадут ремня, как поступил бы мой папи (да благословит Господь его беспокойную душу), если бы я запер младшего брата в подвале и собрался его убить.

Добравшись до эй-будь-веселей приемной, я замечаю, что близится рассвет. Солнце уже показалось из-за горизонта. Должно быть, Маркос играл дольше, чем я думал. Я опускаю мальчика, но лишь потому, что у меня отнимаются ноги,

а рубашка промокла от пота так, что хоть выжимай. Ухватившись за перила, я медленно, тяжело дыша поднимаюсь за ним по лестнице. Останавливаюсь на площадке второго этажа и прислушиваюсь к его шагам, поднимающимся еще на три пролета выше. Когда я доберусь до третьего этажа, он уже уляжется в кровать, и к восходу солнца крепко уснет.

В шесть часов придет утренняя смена, и я как ни в чем не бывало расскажу им, что ночь прошла без приключений. А завтра вечером я покажу моему юному ученику пару приемов, чтобы он не терялся в присутствии моих друзей. Они, как всегда одетые с иголочки, возникнут из сумрака пятого этажа. И на этот раз с ними будут их дети.

Питер Бигл возвращается в Ван-Кортланд-парк своего детства и знакомит нас со своим закадычным другом. Он клянется, что эта история «действительно произошла, когда им с Филом Сигуником было по тринадцать лет. Есть вещи, которые невозможно придумать».

Питер С. Бигл
У камня в парке[63]

Ван-Кортланд-парк начинается в нескольких кварталах вверх по Ганхилл-роуд; за бывшим пустырем, где мы, будучи детьми, вели решительные бои за границы «садов победы» наших родителей, за больницей Монтефиоре, что возвышается сейчас над городским ландшафтом, за Джером-авеню, где по-прежнему грохочут поезда «Ай-Ар-Ти», но уже давно не сидят у кошерных мясных лавок сердитые старушки и не ощипывают неистово кур. В Нью-Йорке есть только три парка больше этого; на его территории поместились поля для гольфа, бейсбольные площадки, велосипедные дорожки, тропы для конных прогулок и бега по пересеченной местности, ледовый каток и даже площадка для крикета. Она была там, сколько я себя помню, эта площадка.

Но сердце Ван-Кортланд-парка — несомненно старая дубовая роща. Там не слышно гула машин — деревья поглощают весь шум, — да и

---

[63] notes: 63

“The Rock in the Park” © 2010 Peter S. Beagle. First publication: *Mirror Kingdom: The Best of Peter Beagle* (Subterranean Press).

воздушные трассы проходят в стороне. В роще живут самые разные зверушки, например, черные белки, которых я больше нигде не встречал, опоссумы, кролики и еноты. Как-то раз я даже встретил койота, и пускай Джек сколько угодно утверждает, что это была просто собака, уж я-то знаю.

Мне непросто это признать, но красивее всего роща осенью. Сложно оценить красоту туманов и сочный аромат плодов, когда начинается чертов учебный год, и никому даже в голову не придет сравнивать осенний сезон в Бронксе с до бесстыдства ослепительными, пламенными октябрьскими Нью-Гемпширом или Вермонтом, где деревья за одну ночь будто бы превращаются в хрусталь, сверкая такими красками, от которых болят глаза, а разум отказывается верить в увиденное. Однако дубовая роща Ван-Кортланд-парка ежегодно, без заминки, вспыхивала, словно здания, охваченные внезапным огнем, и именно ее я вспоминаю каждый раз, когда кто-нибудь заводит речь об осени или цитирует Китса.

Для меня и моих друзей эта роща была настоящим Шервудским лесом.

У нас с Филом был в Ван-Кортланде свой камень; мы застолбили его за собой, как только

выросли достаточно, чтобы на него залезать — то есть в четвертом классе. Цветом и размером камень напоминал африканского слона; наверху его пересекала борозда, куда прекрасно помещался среднестатистический худощавый школьник. Право улечься туда получал тот, кто быстрее залезал; проигравшему же приходилось сидеть рядом. Мы сочинили легенду, что сами за много лет протерли в камне эту борозду, но, разумеется, это было неправдой. Это было предупреждением другим: камень наш, найдите себе другой. Мальчишки защищают свои границы куда ревностнее многих стран.

По вечерам после школы или по выходным мы всегда ходили к нашему камню. К вечеру его поверхность нагревалась до комфортной температуры; мы ложились на спину под кронами деревьев и часами обсуждали новых художников, которых открыл Фил, и писателей, чьи книги я успел прочитать за неделю, а также девчонок, к которым ни один из нас не мог найти подход. К моему счастью, нам нравились разные девочки — ведь Фил был в этом вопросе опытнее и смелее меня. Мы оба были романтиками, но меня манили недоступные принцессы, а Фил довольно рано смирился с мыслью, что девочки — такие же лю-

ди, как и мальчики. Я категорически отказывался в это верить, и мы частенько спорили.

И я, и Фил знали, что дубовая роща была волшебной, но никогда не обсуждали это. Нет, мы не ожидали встретиться здесь с пляшущими феями или заметить с нашего нагретого местечка единорога, волшебника или лепрекона. Мы знали, что это невозможно: у коренных ньюйоркцев вроде нас черствость и прагматичность в крови. Но, каждый по-своему, мы ждали от нашего камня и рощи чего-то удивительного и волшебного. И вот одним жарким сентябрьским вечером, когда нам было по тринадцать лет, дождались. Я жаловался на то, что финальные игры Мировой бейсбольной серии между «Янкис» и «Доджерс» назначены на раннее время, пока мы в школе, а значит, прокрасться на «Эббетс-филд» можно будет лишь в выходной[64]. Фил, не великий любитель бейсбола, нежился на солнышке, отвечая лишь по необходимости («Я бы написал портрет Кейси Стенгела[65], рожа у него выразительная!»).

---

[64] notes: 64

Речь идет о серии 1952 года между «Нью-Йорк Янкис» и «Бруклин Доджерс». «Эббетс-филд» — домашняя арена «Доджерс», пять лет спустя переехавших в Лос-Анджелес.

[65] notes: 65

Чарльз Диллон «Кейси» Стенгел (1890–1975) — американский бейсболист и тренер, в 1950-х годах — главный тренер «Нью-Йорк Янкис».

Я обдумывал, как незаметно пронести на уроки переносной радиоприемник с наушником, чтобы хотя бы послушать репортаж о первом матче, когда раздался стук копыт. Само по себе это не было удивительным — на западе парка располагалась конюшня, — но этот стук был осторожным, неуверенным. Мы с Филом подскочили, и я воскликнул:

— Олень!

Нынче белохвостые олени частенько объедают огороды в Северном Бронксе, встречаясь не реже, чем кролики или белки, но тогда, когда я наизусть знал все книги Феликса Зальтена о Бэмби, встреча с оленем была событием. Фил покачал головой.

— Это лошадь. Олени ступают бесшумно.

Он был прав: олени появляются неожиданно, и в этом у них есть нечто общее с кошками. Стук копыт приближался, и даже мои уши городского жителя готовы были признать, что на оленя, как и на лошадь, это не похоже. Мы выжидали, глядя в сторону молодой платановой рощицы, пока не заметили очертания движущегося вниз по склону животного.

— Посмотри на ноги. Это точно лошадь, — повторил Фил и улегся обратно.

Я готов был последовать его примеру, но тут передо мной показалась голова.

Я не сразу понял, что с ней не так — да и как я мог? Сперва я подумал — а скорее, убедил себя в том, что передо мной мальчик на темно-гнедом коне, едва ли больше жеребенка. Но спустя мгновение с моих губ сорвалось: «Господи Иисусе!», и я понял, что передо мной вовсе не мальчик на маленьком коне — мало того, мальчик вообще не ехал на коне. Они были единым целым — талия мальчика соединялась с плечами коня. Да-да, передо мной был настоящий кентавр — в Бронксе, в Ван-Кортланд-парке, в двадцатом веке.

Должно быть, кентавры, как и люди, из всех чувств полагаются прежде всего на зрение, потому что мы с мальчиком заметили друг друга одновременно. Он мгновенно остановился; на его лице читался ужас, смешанный с любопытством. Резко развернувшись, он скрылся за деревьями. Я провожал его взглядом, слыша затихающий стук копыт.

— Только не надо мне лапшу на уши вешать, — сказал Фил. — У тебя галлюцинации.

— И это говорит мне человек, который до сих

пор считает Линду Дарнелл[66] горячей штучкой! Ты сам все прекрасно видел.

— Ничего я не видел. Я даже не смотрел.

— Ладно. Значит, и я тоже. Мне пора домой, — съехав с камня, я подобрал с земли свой новый портфель. С начала учебного года не прошло и месяца, а мой блокнот для записей уже выглядел так, будто я ежедневно его грыз.

Фил последовал за мной.

— Эй, подожди! Это плод твоего воображения, ты не можешь просто так его бросить и рассчитывать на доброту первого встречного! — в прошлом году мы с Филом посмотрели «Трамвай “Желание”» с Марлоном Брандо и до сих пор время от времени орали «СТЕЛЛА!!!» в коридорах нашей средней школы № 80. — Ты их видел, видел, и я всем расскажу, что Пити видел кентавра, ах-ах, Пити видел кентавра!

Я замахнулся на Фила портфелем и погнался за ним до самого выхода из парка.

Вечером мы с Филом — теоретически — обсуждали по телефону домашнее задание по биологии,

---

[66] notes: 66

Линда Дарнелл (1923–1965) — американская актриса, известная по фильмам «Знак Зорро» (1940), «Письмо трем женам» (1949) и др. В период, описываемый в рассказе, страдала алкоголизмом и сильно располнела.

и он спросил меня:

— И что греческие мифы говорят о кентаврах?

— Во-первых, они не умеют пить, а если напьются — начинают буянить. Никогда не угощай кентавра пивом.

— Заметано. Еще что-нибудь?

— Ну, у греков есть две версии их происхождения, но обе запутанные, так что нет смысла рассказывать. Легенды сходятся в том, что кентавры агрессивны и воинственны: у них была жестокая битва с лапифами — они вроде как их дальние родичи, только люди, — в которой почти все кентавры погибли. Но некоторые из них были добрыми и благородными, например, Хирон. Остальные рядом с Хироном и близко не стояли. Он был целителем, астрологом и учителем — учил Одиссея, Ахилла, Геракла, Ясона, Тесея и много кого еще, — я задержался, перелистывая потрепанный томик «Мифологии» Булфинча, подаренный мне отцом на десятый день рождения. — Вроде все.

— Хмм… А про бронкских кентавров в твоей книжке что-нибудь написано? Или хотя бы про кентавров из Западного полушария?

— Нет. Но помнишь, как пару лет назад в Ист-Ривер заплыла акула, и полицейские ее за-

стрелили?

— Это вообще из другой оперы, — Фил вздохнул. — Я все-таки считаю, что это ты виноват. Особенно меня бесит, что под рукой даже карандашей не было, чтобы его зарисовать. Другая возможность вряд ли представится.

Однако такая возможность представилась. Правда, не на следующий день, когда мы решили прогулять физкультуру и поспешили в парк, а через день. На улице сильно похолодало, осень больше не прикидывалась бабьим летом. Мы с Филом почти не переговаривались; я осматривал территорию в поисках кентавров (даже миниатюрную фотокамеру и бинокль захватил), а Фил, бубня что-то себе под нос, раскладывал вокруг альбомы для рисования, цветные карандаши, акварельные краски, гуашь и мелки. Я пошутил, что его барахло почти не оставляет мне места на камне, но Фил метнул в меня такой взгляд, что мне едва не стало стыдно за это «почти».

Не помню, как долго нам пришлось ждать, но уж точно не меньше двух часов. Солнце уже клонилось к закату, поверхность камня ощутимо похолодела, а у нас с Филом не осталось тем для разговора. Тогда-то и появились кентавры. Трое: мальчуган, которого мы уже видели, и, судя по

всему, его родители. Вместе они стояли на склоне внизу платановой рощицы. Кентавры даже не пытались прятаться. Они смотрели на нас, а мы на них. Спустя некоторое время они вместе побрели вниз.

Дрожа от волнения, Фил принялся рисовать. Я не решался взять фотоаппарат, чтобы ненароком не спугнуть кентавров. Они, включая ребенка, двигались к нам с меланхоличной грацией, подходящего определения которой я не мог тогда подобрать. Они напоминали мне монаршее семейство в изгнании: не забывая о своих корнях, они знали, что уже никогда не вернутся на родину. У самца — то есть мужчины — была короткая, густая черная борода, смуглое скуластое лицо и глаза странного медового цвета. А вот женщина…

Напоминаю, что все трое кентавров были по пояс голыми, а нам с Филом было по тринадцать лет. Что касается меня, то я с раннего детства видел в дядиной студии обнаженных натурщиц, но эта женщина, эта *кентаврида* (я отыскал нужное слово в книге, когда вечером вернулся домой) была прекраснее всех известных мне женщин. Дело было не только в голой округлой груди, но и в изящной шее, ровных, выразительных плечах,

утонченных ключицах. Фил даже бросил рисовать, что само по себе говорит о многом.

У мальчика-кентавра были веснушки. Некрупные, они золотистой пылью усыпали его лицо. Его волосы были такого же золотистого цвета с рыжеватым отливом, как у матери. На вид ему было лет десять-одиннадцать.

Мужчина обратился к нам:

— Незнакомцы, будьте добры, скажите — кого-нибудь из вас случайно не зовут Магистраль Джерси?

Голос у него был низкий, спокойный, без малейших «лошадиных» призвуков, ни капли не похожий на ржание или фыркание. Разве что легкое горловое клокотание присутствовало, но если не прислушиваться, то его и не заметишь. Пока мы с Филом стояли, разинув рты, женщина добавила:

— Мы никогда самостоятельно не путешествовали так далеко на юг и, кажется, заблудились.

Ее голос тоже был низким, но певучим, слегка сбивчивым. Он зачаровал нас не меньше ее невинной наготы. Я смог лишь выдавить:

— На юг? Вам нужно на юг? А на юг — это на юг штата или совсем на юг?

— Вроде Флориды или Мексики? — предполо-

жил Фил.

Кентавр навострил уши.

— Верно, в Мексику. Все время забываю название. Мы и вся наша родня каждый год путешествуем туда следом за перелетными птицами. В Мексику.

— В этом году нам пришлось задержаться, — нараспев объяснила его жена. — Наш сын заболел, и сперва мы пошли на восток, к целителю. Когда сын выздоровел, все остальные уже отправились в путь.

— А еще отец перепутал дорогу, — вставил мальчик, судя по голосу, скорее обрадованный, нежели расстроенный этим. — Мы пережили невероятное приключение!

Мать одним взглядом заставила его умолкнуть. Волевое лицо мужчины-кентавра тронул стыдливый румянец, но он кивнул.

— И не одно. Я привык путешествовать в компании, и плохо знаю эти земли. Боюсь, мы окончательно заблудились. Я помню лишь одно имя, которое мне кто-то подсказал — Магистраль Джерси. Верно, этот человек может подсказать нам путь в Мексику?

Мы с Филом переглянулись. Фил ответил:

— Магистраль Джерси — не человек, а дорога.

Скоростное шоссе. Оно ведет на юг, но не в Мексику. Мексика совсем в другой стороне, извините.

— Так и знал, — пробубнил себе под нос мальчик, но без ехидства; по нему было заметно, что он уже устал от приключений.

Его отец был обескуражен. Он сокрушенно покачал головой, а его яркая гнедая шкура потускнела до самых копыт. А вот женщину новости, похоже, не напугали. Она лишь приблизилась к мужу и нежно прижалась к нему светло-серым боком, чтобы утешить и подбодрить.

— Вы забрели слишком далеко на восток, — сказал я. — Придется срезать через Техас.

Кентавры непонимающе смотрели на меня.

— Техас, — повторил я. — Сначала вам нужно в Пенсильванию, потом в Теннесси, а может, а в Джорджию… — тут я остановился, заметив, что кентавры с каждым новым названием все больше поникают духом. — Вам понадобится карта. Завтра принесу.

Но кентавров это не воодушевило.

— Мы не умеем читать, — признался мужчина.

— Разучились, — с жалостью сказала женщина. — Давным-давно нас с детства учили греческому, а потом, по необходимости, и латинскому. Но древнего мира больше нет, и знания,

которым нет применения, канули в Лету… Теперь лишь несколько старейшин способны прочесть карты на вашем языке; остальные из нас ориентируются по памяти и звездам, как птицы.

Ее глаза не были похожи на медовые глаза мужа: они были как темная вода, в глубине которой поблескивало темно-зеленое любопытство. С того дня Фил много раз пытался их рисовать, но так и не смог найти нужный цвет.

— Я могу нарисовать вам, — тихо сказал он.

Не помню, как отреагировали кентавры — сам я вытаращился на Фила. Тот продолжил:

— Нарисовать вам дорогу, обозначить путь в Мексику.

Мужчина раскрыл было рот, но Фил предвосхитил его вопрос.

— Не карту. Рисунок. Без слов.

Я помню, как он сидел, скрестив ноги, словно йог или индийский гуру, и склонялся вниз, к кентаврам. Казалось, он един с камнем, растет из него, как человеческие торсы кентавров росли из лошадиных тел. Сам того не замечая, Фил уже машинально рисовал невидимые фигуры пальцем на ладони.

Мне он тоже не дал ничего сказать.

— Послезавтра вас устроит? Мне придется ри-

совать день и ночь, чтобы все получилось.

Женщина удивленно смотрела на Фила.

— Ты сможешь нам помочь?

Фил самоуверенно ухмыльнулся.

— Я художник. А дело художника — запечатлеть странствия других.

Я добавил:

— Если хотите, можете подождать прямо здесь. Кроме нас сюда мало кто ходит. Разумеется, если вам будет удобно, — я сообразил, что не имею ни малейшего представления о том, чем питаются кентавры и как они вообще выживают в условиях двадцатого века. — Принести вам еды?

Мужчина-кентавр улыбнулся, обнажив крупные белоснежные зубы.

— Даже в это время года еды здесь в достатке.

— Желудей много! — воскликнул мальчик. — Обожаю желуди!

Его мать обратила взгляд своих темных глаз ко мне.

— А ты тоже умеешь рисовать?

— Нет, — ответил я, — но могу написать для вас стихотворение.

В тринадцать лет я только и делал, что писал стихи девочкам. Кентаврида осталась довольна. Фил собрал свои вещи и спустился с камня, на-

стойчиво зазывая меня за собой.

— Бигл, кончай дурака валять, работа ждет!

Вблизи кентавры казались если не устрашающими, то, вне всякого сомнения, внушающими трепет. Даже мальчик был значительно выше нас, а его родителям мы едва доставали до места, где лошадиное тело переходило в человеческое. Мне всегда нравился запах лошадей — в отличие от многих других животных, на них у меня не было аллергии, — но от кентавров пахло грозой, надвигающейся бурей, и у меня немного закружилась голова. Фил на всякий случай повторил:

— Ждите нас послезавтра на этом же месте!

Мы были на полпути к вершине холма, когда Фил, щелкнув пальцами, воскликнул:

— Черт!

Бросив вещи, он кинулся обратно к кентаврам. Я остался ждать, наблюдая, как он крутится вокруг них, но никак не мог взять в толк, что он делает. Вернулся Фил быстро, и я успел заметить, как он сунул что-то в карман рубашки. На вопрос «что там у тебя?» он ответил «ничего особенного» и посоветовал мне не ломать над этим голову. Понимая, что в нынешнем состоянии Фил уперт как баран, я решил не донимать его. Почти всю дорогу домой он молчал, а я изо всех сил сдержи-

вал любопытство. У самого дома я не выдержал.

— Значит, ты нарисуешь картинку, благодаря которой семейство кочевых кентавров попадет в Мексику? И как ты намереваешься это сделать?

Как обычно, мы оба несли ответственность за обещания одного из нас, и поэтому я считал, что в данном случае высокомерие мне позволительно.

— Сделаю. Это делали, — на лице Фила появилось решительное и даже свирепое выражение, которое я обычно видел у него в уличных драках с толстяком Стиви Хаузером и Милти Меллингером, не упускавшим случая поддразнить моего друга, — еще в Средние века. Роджер Бэкон, например. Я читал об этом. Но тебе придется добыть для меня карты. Чем больше — тем лучше. Мне нужно до хрена карт, целая тонна, и чтобы на них подробно был изображен каждый клочок земли отсюда — да-да, прямо от твоего дома — до техасской границы. Понял? Найди мне карты. А еще зайди к Бернардо и одолжи у него свечку его матери. Он говорит, что она получила ее от ведьмы в Сан-Хуане. Хуже не будет.

— Но они говорят, что не умеют читать…

— Бигл, я уже давненько не вспоминал про те два бакса…

— Карты, понял тебя. Карты. Думаешь, они из

Канады? Лето проводят там, а зимуют в Мексике? Я в этом не сомневаюсь.

— Карты, Бигл!

Следующим днем была суббота, и Фил не придумал ничего лучше, чем разбудить меня в семь утра и скомандовать, чтобы я поднимал свою ленивую задницу и шел искать карты. На это я ответил несколькими емкими выражениями, подхваченными у Анхеля Саласара, моего «наставника» в иностранных языках, и к половине седьмого отправился к заправочной станции вверх по улице. К десяти утра я объехал на велосипеде все заправки в окру́ге, прихватил толстенный дорожный атлас моих родителей и торжествующе шмякнул все добро — включая ведьминскую свечу мамаши Бернардо — Филу на кровать.

— И что ты скажешь теперь, о верховный главнокомандующий?

— Теперь сходи выгуляй Дасти, — Фил уже подготовил свой любимый мольберт и теперь подыскивал подходящую бумагу. — Потом отправляйся писать свою поэму, а когда закончишь, возвращайся и прогуляйся с Дасти еще раз. Потом делай что хочешь. Работенка не пыльная, у тебя получится.

Дасти была старым коккер-спаниелем Фила, и за неимением собственной собаки я обходился ей. После прогулки я вернулся домой и уселся за стол, чтобы написать стихотворение для кентавриды. Я до сих пор помню первые строки:

Если б я был ястребом,
Слал бы тебе письма,
Шутки бестолковые
Ветром в облаках.

Если б я котом был,
Ходил бы за покупками.
Был бы я собакой,
Косы б тебе плел.

Был бы я медведем,
Приносил дрова тебе,
Следил за очагом твоим,
Раздувал огонь.

Если б я верблюдом был,
Мусор выносил тебе.
Был бы я лисой,
С тобой бы говорил…

Дальше было еще много довольно дурацких четверостиший, но что поделать — в тринадцать лет я был настоящим романтиком и никогда не встречал красавиц, подобных ей. К тому же времени у меня было в обрез. Ладно, вот вам еще немного — мне понравилось, как я закончил стихотворение:

Если б я был тигром,
Я бы пел тебе.
Если б я был мышью,
Я бы пел тебе.
Если б я был рыбой,
Я бы пел тебе…

Вечером я вернулся к Филу, чтобы снова выгулять Дасти. Фил заперся в комнате и работал; под дверью стояла тарелка с давно остывшим ужином. Его родители более-менее привыкли к причудам сына, но все равно беспокоились, равно как и моя мать беспокоилась по поводу моей «антисоциальности» и порой в самом прямом смысле подкупала Фила и Джейка, чтобы те брали меня с собой гулять. Я поспешил успокоить родителей Фила, объяснив, что у того серьезный и сложный проект, взял собаку и поводок и от-

правился на улицу. Когда я вернулся, было уже темно, но Фил так и не вышел из комнаты.

Не объявился он и на следующее утро; лишь после полудня раздался звонок:

— Все готово. Приходи.

Голос его звучал кошмарно.

А выглядел он еще хуже. Глаза красными кратерами зияли на бледном лице — настолько бледном, что стали отчетливо видны даже мелкие веснушки. Фил, словно дряхлый старик, едва волочил ноги и, судя по всему, испытывал боль во всем теле.

— Идем, — сказал он.

— И думать забудь. Ты до «Лапена»-то не дойдешь, — это был магазинчик на противоположной стороне улицы, торговавший сладостями и газетами. — Выспись, ради бога, а уж потом пойдем.

— Нет, идем сейчас, — Фил откашлялся, издавая такие же звуки, как двигатель машины моего отца зимним морозным утром.

Он взял металлический тубус, в котором когда-то хранились теннисные мячи. Я хотел взглянуть, но Фил не позволил.

— Увидишь все вместе с ними.

В тот момент он казался каким-то другим, не

таким, как обычно.

Мы кое-как доковыляли до Ван-Кортланд-парка. Фил не мог идти быстро, и на это ушел почти весь вечер. Должно быть, он несколько часов просидел в одной позе, и теперь затекшие конечности противились любой физической активности. То и дело он останавливался, встряхивал руками и ногами и, пока мы добирались до парка, ему стало полегче.

Говорил он по-прежнему мало, и прижимал тубус к груди так, будто это был бесценный трофей или спасательный круг.

Кентавры ждали нас у камня. Мальчик заметил нас с холма и помчался к нам, крикнув родителям:

— Они идут!

На полпути он вдруг засмущался и повернулся обратно к родителям. Руки мужчины-кентавра были сложены на груди, а шкура кентавриды была покрыта темными влажными пятнами — погода портилась, приближались тучи. Они встретили нас молча.

— Я принес, что обещал. Вот, смотрите, — сказал Фил.

Кентавры осторожно приблизились, стараясь не пугать Фила. Тот открыл воздухонепроница-

емый тубус, извлек скрученный лист бумаги и попросил кентавра подержать за конец.

— Видите? Вы вот здесь. А вот так вам нужно идти, чтобы попасть в Мексику.

Вытянув шею, я увидел роскошный акварельный рисунок дубовой рощи, выполненный в мельчайших подробностях. Нарисован был не только наш камень, но и сущие мелочи вроде птичьего гнезда на самом высоком платане. Я не мог сказать, какие птицы там жили, но был уверен, что Фил знает наверняка. А вот сами кентавры были изображены схематично; мальчик был меньше родителей, и только. Они казались мне фишками в настольной игре.

Мужчина-кентавр не мог скрыть замешательства.

— Очень красиво. Вне всякого сомнения, очень красиво. Но я не вижу дороги.

— Подождите, это не все, — ответил Фил. — Возьмите бумагу с обеих сторон, — он протянул весь рулон кентавру. — А теперь держите, раскручивайте потихоньку и идите вперед по дороге. Просто идите!

Кентавр медленно пошел вперед, не сводя глаз с рисунка. Не успел он пройти и нескольких шагов, как воскликнул:

— Она движется! Движется!

Его жена и сын — и я — бросились к нему, чтобы посмотреть. Мне отдавили ноги, но это был сущий пустяк. Акварельный рисунок изменился, но совсем чуть-чуть. Теперь стала видна тропа, по которой шли кентавры — та же самая, по которой мы ходили в рощу и обратно. Кентавр полушепотом повторил:

— Она движется…

— И мы тоже, — заметила его жена. — Эти фигурки движутся вместе с нами.

— Не всегда, — голос Фила звучал заметно громче и увереннее. — Поверните налево и сойдите с дороги, и посмотрите, что будет.

Кентавр сделал как было сказано, но фигурки не шелохнулись, будто укоряя его за то, что он сбился с пути. Когда кентавр вернулся на тропу и сделал несколько шагов, фигурки снова двинулись за ним, скользя по листу как магнитные игрушки, которые были в ходу в те времена. Только теперь я заметил, что в хвосты нарисованных кентавров вклеены настоящие волоски — гнедой, темно-гнедой и серый.

Изумленный кентавр повернулся к Филу, не выпуская из рук бумагу.

— И на этом листе проложен весь наш путь?

Нам лишь нужно следить за нашими… марионетками?

Фил кивнул.

— Смотрите внимательно, и не ошибетесь. Я устроил так, что они доведут вас до городка Ногалес в Техасе — это на самой границе с Мексикой. Дальше сами сообразите, — Фил устало, но твердо посмотрел в волевое бородатое лицо кентавра. — Путь неблизкий, почти две тысячи миль. Уж простите.

— Нам случалось совершать и более долгие путешествия, — кентавр расхаживал туда-сюда, с восхищением следя, как фигурки на бумаге повторяют его перемещения, — и без помощи такого замечательного проводника. В жизни не видел ничего подобного, — пробормотал он, остановился и вновь обратился к Филу. — Человек, мудрый настолько, чтобы создать подобную вещь, должен понимать, что мы будем благодарны ему до скончания дней. Спасибо.

Фил пожал кентавру руку.

— Главное — будьте осторожны. Держитесь в стороне от автомобильных дорог. Я специально проложил путь так, чтобы вам не пришлось идти по шоссе. И не потеряйте картинку — другой такой вам не найти!

Забравшись на камень, Фил мгновенно уснул. Кентавр, как показалось, тоже задремал стоя, как обычный конь, а мальчик помчался собирать остатки желудей в роще. Я принялся декламировать кентавриде свое стихотворение, пока она не запомнила его наизусть.

— Никогда его не забуду, — сказала она. — В последний раз для меня сочиняли стихи еще на греческом — древнегреческом, на котором теперь никто не говорит.

Она процитировала мне стихотворение на древнегреческом. Я не понял ни слова, но был уверен, что узнаю его, если вновь услышу.

В сумерках кентавры отправились в путь. Фил по-прежнему спал; я попробовал разбудить его, чтобы он с ними попрощался, но он лишь пробубнил что-то невнятное и снова отключился. Я проводил кентавров взглядом, пока они не скрылись за дубами. Мужчина шел впереди, следя за фигурками на картинке Фила, мальчик трусúл за отцом, явно предвкушая новые приключения, будь они к добру или худу. Оглянувшись напоследок, женщина последовала за ними.

Не помню, как мне удалось довести Фила до дома; было уже поздно, и наши родители хорошенько нас отчитали. На следующий день нужно

было идти в школу, потом мне понадобилось к врачу, а у Фила начались уроки игры на флейте, и до следующих выходных у нас не было времени нормально поговорить. К камню мы не пошли — погода вконец испортилась, и мы, поеживаясь от холода, словно нахохлившиеся птицы на проводах в разгар зимы, устроились на крыльце моего дома. Я спросил Фила, добрались ли наши кентавры до Мексики, но он лишь пожал плечами.

— Вряд ли мы когда-нибудь это узнаем, — сказал он, и через мгновение добавил: — Знаю одно: моя комната по-прежнему завалена дурацкими картами, а тело все еще ломит. Больше я на такое не подписываюсь. Сам разбирайся со своими галлюцинациями.

— Не думал, что ты такое умеешь, — сказал я. — Как ты это сделал?

Фил уставился на меня.

— Ты же видел волоски в хвостах у фигурок? Точно видел.

Я кивнул.

— Я надергал их из хвостов Папы, Мамы и Мальчугана, — объяснил Фил. — Еще несколько вплел в свои кисти. Вот и все волшебство. Пусть у кентавров туго с ориентированием на местности, они все же волшебные существа. Иначе ниче-

го бы не вышло, — заметив мой настойчивый взгляд, Фил вздохнул. — Говорю же, художник — не волшебник. Он — тот, кто способен увидеть магию, распознать ее. Сама магия просто так не покажется, это дело художника. Мое дело.

Я с большим трудом пытался понять и впитать то, что он мне говорил.

— Значит, все это — движущиеся фигурки, указывающие направление, и все остальное…

Фил улыбнулся кривой, обманчиво искренней улыбкой, которой иногда одаривал меня еще с тех пор, когда нам было по пять лет.

— Я хороший художник. Очень хороший. Но не настолько.

Некоторое время мы сидели молча. Мимо пролетали листья, на лицо капали редкие колкие капли дождя. Вскоре Фил заговорил снова, но так тихо, что мне пришлось наклониться к нему.

— Мы ведь тоже в какой-то степени волшебные. Ты скупил все карты в магазинах отсюда до самого Йонкерса, а я… — Фил ссутулился, обхватив руками колени — сам того не замечая, он делает так до сих пор. — Я пыхтел у чертова мольберта с кистью в одной руке, картой в другой, пытаясь превратить Джерсийскую магистраль в произведение искусства. Оживляя дороги и шоссе для

семейки мифических, несуществующих… час за часом страдал, гнул спину ради какой-то нелепости, а еще и эта сан-хуанская свечка смолила и капала где попало…

Фил перешел на знакомый ворчливый шепот.

— Бигл, не спрашивай, как у меня это получилось. Я сам не знаю. Просто я решил, что нельзя позволять кентаврам шататься по Бронксу — неправильно это. Я должен был им помочь.

— Они обязательно доберутся до Мексики, — сказал я. — Уверен.

— Ага, — ухмылка Фила сменилась непривычно печальной улыбкой. — Одно странно… нет, я не стал лучше или добрее, но изменился. Я больше не стану делать ничего подобного, боже упаси, да и наверняка не смогу, даже если захочу. Но теперь мне в голову приходят вещи, о которых я прежде не додумывался. У меня куча новых идей, которые я обязан попробовать, даже если из них ничего и не выйдет. Все равно, — улыбка сошла с его лица, и Фил, разведя руками, отвернулся. — Это все благодаря им.

Я подтянул повыше воротник пальто и сказал:

— Я как-то читал о мальчике, который так хорошо рисовал кошек, что они оживали и помогали ему сражаться с демонами.

— Японская сказка, — кивнул Фил. — Мне она тоже нравится. Послушай, никому не говори о том, что случилось. Даже Джейку и Марти. Если они прознают, то начнут упрашивать сделать для них что-нибудь. Магия ведь непостоянна, она — не твоя собственность, даже если ты хорош в своем деле. Лучшее, что ты можешь — единственное, что ты можешь, — хорошенько подготовиться к моменту, когда волшебство свершится. Если свершится, — тон Фила помрачнел, взгляд устремился вдаль, куда-то, где я не мог ничего различить. Но тут мой друг снова повеселел. — По крайней мере, у меня остались кисти. Буду хранить их до удобного случая.

Вестон любит Нью-Йорк всем сердцем и предлагает авторские экскурсии по городу, но ни при каких условиях не водит туристов на недостроенные подземные объекты — туннели, станции метрополитена, заброшенные шахты.

Кит Рид
Прогулки с Вестоном[67]

Когда твоя жизнь совершает настолько крутой поворот, что выбивает у тебя почву из-под ног, единственный выход — начать планировать дальнейшие действия. Ты клянешься себе: больше никогда. После похорон Лоуренс Вестон уселся в слишком большое для него бархатное кресло и выслушал, как нотариус зачитал завещание его родителей. Было неважно, сколько денег ему оставили; он знал лишь, что пережил огромную потерю, и поклялся никогда больше не переживать ничего подобного.

Ему было четыре года.

Как феодал во время чумы, он поднял мост и запер свое сердце от незваных гостей. Вестон никого не впускал в свою глубоко личную, тщательно спланированную жизнь, чтобы никто не мог больше разбить ему сердце.

И поглядите, что из этого вышло.

Когда твои деньги приносят тебе еще больше де-

---

[67] notes: 67

“Weston Walks” © 2011 Kit Reed. First publication: *Naked City: Tales of Urban Fantasy*, ed. Ellen Datlow (St. Martin’s Griffin).

нег, тебе и делать-то ничего не нужно — поэтому Вестон обычно ничего и не делает, за исключением суббот, когда он выходит на улицу, чтобы показать тебе город. Дело не в деньгах — даже не спрашивайте о величине его состояния, — ему просто хочется услышать людскую речь. Он живет один, потому что ему так нравится, но он чувствует одиночество, что уж греха таить.

Так родились «Прогулки с Вестоном».

Он мог бы позволить себе рекламу на огромном экране на Таймс-сквер, но довольствуется тремя строчками в «Виллидж Войс»: «Нью-Йорк с глазу на глаз. Откройте город с неизвестной стороны».

Он покажет вам места, которых вы не увидите, пробираясь, как форель на нерест, вверх по Бродвею или Сорок второй улице, или кутаясь в пуховик на Пятой авеню. Пешие экскурсии Вестона проходят по местам для посвященных.

Все хотят стать посвященными, поэтому вы звоните ему. Трубку он не возьмет. Телефон будет звонить и звонить в каком-то месте, о существовании которого вы, будучи туристами, и не подозреваете. Вы упорно не станете класть трубку, шепча «ну возьми же, возьми», и будете благодарны, услышав автоответчик. Даже обрадованы. Обещание Вестона устроить вам

«экскурсию индивидуального пошива» звучит вдохновляюще.

Ваши пожелания он выслушивает на предварительном собеседовании за чашечкой кофе — либо в «Бальтазаре» за его счет, либо в «Старбаксе» за ваш — в зависимости от вашего внешнего вида и от того, понравились ли вы ему достаточно, чтобы провести с вами целый день. Если да, то платить вам. Он оставляет за собой право отказать вам в экскурсии. Вы можете быть одеты в самый модный костюм или лохмотья; если ему не понравится общаться с вами, он бросит на стол «Бальтазара» или «Старбакса» сотню или двадцатку соответственно и уйдет. Не его вина, что его обучение и воспитание (включая основы этикета) проходило пассивным методом. Не ваша вина, что вы приехали из города — большого или маленького, — где Вестон бы не согласился жить даже под страхом смерти. Он покажет все, что вам хочется увидеть, а если вы не уверены в своих желаниях, то вам повезло: Вестон решит за вас. Вас ждет экскурсия для посвященных!

Вам не терпится отправиться на «Прогулку с Вестоном», но вам придется подождать, пока он подготовит программу экскурсии. Вестон весьма дотошен. И вот, наконец, вы встречаетесь на

условленном перекрестке. У вас с собой поясные сумки, фотоаппараты, огромные пенопластовые пальцы, кошачьи ушки на голове, а на ваших детях — короны статуи Свободы. А может, вы разодетый южанин или вообще тощий иностранец в черных строгих туфлях. Вестон же непременно одет в черные джинсы и свитер, а в руках у него табличка с аккуратной надписью.

Он куда более молод и менее разговорчив, чем вы рассчитывали. В хорошем смысле сдержан — не чета рекламным агентам с Таймс-сквер, автобусным зазывалам с Пятой авеню и кучерам, предлагающим прокатиться в карете по Центральному парку. Он покажет вам доселе невиданные вещи, начиная с клубов и грязелечебниц в деловом центре, о которых никто никогда не слышал, и заканчивая парками, где ваши любимые звезды катаются на роликовых коньках, и закрытыми для рядовой публики корпусами Американской академии искусств и литературы на самой окраине Аптауна. Он покажет вам даже величественную мраморную лестницу в клубе «Метрополитен», открытом Джей-Пи Морганом после того, как его перестали пускать в другие городские клубы.

Обратите внимание, что Вестон обязательно

попрощается с вами либо на Центральном вокзале, либо на месте старого Всемирного торгового центра, либо на северо-восточном углу площади Колумба — то есть в людном месте, где он может быстро пожать вам руку и скрыться в толпе. Вам может захотеться обнять его, но ничего не выйдет — он не любит, когда к нему прикасаются. Пока вы собираетесь задать ему вопрос напоследок и решаете, стоит ли благодарно хлопнуть его по плечу, он уже скроется из виду.

Он исчезнет прежде, чем вы поймете, что экскурсия закончена.

Вам уже стало казаться, что вы с Вестоном друзья, но у него на этот счет другое мнение. Он считает, что вы вполне можете проследить за ним, ворваться к нему домой, сорвать со стены Ван Гога, перебить все его ценности, а то и вовсе убить его, спрятать труп и занять его место. Даже не пытайтесь звонить — его телефон всегда в беззвучном режиме, на столе работы Пьюджина в прихожей. Если не знаете, кто такой Пьюджин, то дома у Вестона вам точно не место.

Дом Вестона — воплощение всех его мечтаний. Мебель идеально подобрана, ценные экспонаты аккуратно расставлены. Настоящий гимн одиночеству. Элитное общежитие в престижных

Сент-Поле и Гарварде было для Вестона тюрьмой, и он был счастлив оттуда освободиться. Никаких больше шумных соседей, так и норовящих сунуть нос в твои дела, никаких чужих проблем. Время от времени он встречается с женщинами и ни в чем им не отказывает, но домой не приглашает, а потому о длительных отношениях не может быть и речи. Вестон привередлив, но в этом нет его вины — помните, он ведь сирота. Чтобы выжить, все должно быть идеальным: солнце должно играть на лакированной мебели из красного дерева в библиотеке, утренние газеты должны быть аккуратно сложены, кофе готов, а экономка должна покинуть дом прежде, чем он встанет с постели. Вся семья Вестона погибла в авиакатастрофе, когда ему было четыре года, а чужаков в доме он не терпит.

С утра до вечера он сидит за компьютером, удаляя больше информации, чем набирая. Он обедает в закрытом клубе, о котором не знают даже коренные ньюйоркцы, выискивает редкие предметы искусства в художественных галереях и букинистических лавках, и может позволить себе ужин в самом роскошном ресторане, но девушки…

Нет уж, он ждет ту, что полностью разделит его

интересы.

На его беду, вместо туристки с приятным голосом, в которую он с первого взгляда влюбился на собеседовании, на последней «Прогулке с Вестоном» появляется Уингз Жермен. Пока тринадцать счастливых туристов собираются у билетной кассы на перекрестке Семьдесят второй и Бродвея, Уингз дожидается в другом месте — внизу.

Вестон не знает, что его ждет. Стоит солнечный осенний денек, дует легкий ветерок — идеальная погода для классической прогулки по Центральному парку. Что может быть проще и удобнее? Да и до дома рукой подать.

Все, что ему нужно, — забрать группу у киоска. Туристы стоят, растерянно улыбаясь, но тут же оживляются, заметив его аккуратную рекламную табличку. Улыбнувшись им, Вестон убирает табличку в задний карман джинсов. Больше она не пригодится — если, конечно, кто-нибудь из туристов не потеряется.

Эта группа из «Старбакса». С фотоаппаратами и болтающимися поясными сумками, им было бы неуютно в дорогом «Кафе артистов» за углом возле дома Вестона. Не их вина, что у них нет чувства стиля. Эта компания слишком разношерстна. Вестон с беспокойством замечает, что

одного туриста не хватает. Где та девушка, что ему так понравилась? Как ни печально, им пора двигаться. Быть может, она еще успеет нагнать группу. День хороший, люди тоже — за исключением разве что здоровяка в черной спортивной куртке с золотой эмблемой морской пехоты. Он шагает молча, горбясь и хмурясь. Ну и черт с ним. Погода прекрасная, а Вестон тут главный. Довольные, послушные туристы минуют место, где был застрелен Джон Леннон, и зигзагом углубляются в парк, двигаясь на восток, где над деревьями мастодонтом возвышается Метрополитен-музей. Вестон оживленно рассказывает истории, и туристы с улыбками кивают, кивают, и кивают — все, кроме хмурого мужчины, который то и дело поглядывает на часы.

Вестон осматривается. Черт. Бывший морпех, будто укрючный конь, увел табун в плохое место.

Пора отсюда убираться. Он отведет их на юг по Пятой и покажет дома людей, с которыми когда-то был знаком.

— Так, — бодро объявляет он, — пора посмотреть, как живут здешние богачи.

— Подожди, — здоровяк преграждает ему путь, словно готовый пойти на таран носорог. — И это

ты называешь «экскурсией для посвященных»?

Вестон, продолжай улыбаться.

— Разве я не…

Морпех указывает на тропинку среди кустов; Вестону она слишком хорошо знакома.

— ОТВЕДИ НАС ТУДА, МАТЬ ТВОЮ!

Нет! За этими кустами открывается скальный пролом, куда ему ни в коем случае нельзя! Вестон изо всех сил придерживается типичного тона экскурсовода.

— Что вы хотите увидеть?

— Туннели.

Под парком действительно проходят туннели, оставшиеся со времен нереализованных городских проектов — например, так и не построенных станций метро. Для туристов они закрыты, и Вестон это прекрасно знает.

— А, — с облегчением выдыхает он, — тогда вам в бюро спелеотуризма. У меня есть их номер, и…

— На кой они мне сдались? Меня интересуют туннели, вырытые настоящими людьми. Ветеранами Вьетнама, старыми хиппи…

— Я не зна…

Здоровяк обезоруживающе ухмыляется и договаривает:

— Безумцами вроде меня. У меня там друзья.

— Там ничего такого нет, — Вестон вздрагивает, понимая, что не может обидеть клиента. — Это все сказки, каких много. Если вас интересуют легенды, могу порекомендовать похоронное бюро Фрэнка Э. Кэмбпелла — там хоронят знаменитостей, или дом, где Гарри Тоу застрелил Стэнфорда Уайта…

— Нет. ВНИЗ! — рявкнул турист-диссидент, будто командуя взводом, и вся группа тут же построилась, как солдаты-новобранцы. — За мной, шагом марш!

Подняв над головой свою табличку, Вестон воскликнул:

— Стойте!

Было уже поздно. Участники последней «Прогулки с Вестоном», словно лемминги, потянулись за бывшим морпехом.

Впереди их ждет очень неприятное место, Вестон даже не хочет о нем упоминать. Он размахивает руками, как сигнальными флажками.

— Не туда! Там ничего нет!

Здоровяк кричит в ответ:

— Ты прекрасно, мать твою, знаешь, что там есть!

Еще бы Вестон не знал. Он присматривается к туристам в своей группе. Вот молодожены,

вот угрюмая парочка, отмечающая годовщину свадьбы, вот толстушка-библиотекарша с сыном в свитере Дерека Джитера. Остальные глядят на него холодно, оценивающе. Несмотря на их бестолковый туристический вид, люди они неглупые; конфликт для них — возможность увидеть нечто необычное, недоступное другим. Авторитет экскурсовода поколебался, и они ждут, как он отреагирует. Повисает неловкая пауза.

— Ну что?

Еще минута, и последняя «Прогулка с Вестоном» закончится гибелью всех участников от слишком долгой задержки дыхания.

Если бы вам было известно то, что Вестону, вы бы тоже испугались. Его единственный друг из Сент-Пола бесследно пропал во время поездки с классом в Нью-Йорк. Только что чудаковатый Тед Бишоп сидел на ступеньках Музея естественной истории, кутаясь в теплое шерстяное пальто, коричневое, как спинка таракана, и, несмотря на жару, застегнутое до ворота, и вдруг исчез.

Прошлой зимой Вестон встретил Теда на Третьей авеню. На Бишопе было то самое пальто, облезлое и грязное. Вид у него был удручающий, и Вестон сделал все, чтобы помочь старому другу. Он отвел его в ресторан и накормил горячей

едой, стараясь не смотреть, как Тед распихал по карманам все, что не успел съесть.

— Я увидел нечто безумное, — с улыбкой заявил Тед. — Мне пришлось спрятаться, потому что я не хотел, чтобы ты об этом узнал.

— Я бы не стал тебя осуждать, — Вестона затошнило.

— Сперва я испугался, но потом… Вестон, если б ты знал! Ох!

Такое неприкрытое выражение чувств пугало, и Вестон съежился, словно безумие Теда было заразным.

— А потом они меня нашли, — бледное лицо Бишопа прояснилось. — Дружище, да там целый мир! Ты, наверное, думаешь, что я спятил.

— Вовсе нет, — Вестону не терпелось узнать подробности. — Я подумал, что ты нашел для себя более комфортное место.

— Вот именно! — Тед просиял, будто алебастровый светильник. — Я с первого взгляда понял: эта компания и это место мне по душе! Ты обязательно должен это увидеть!

— Попробую.

Так он и поступил. Проследовав за беднягой ко входу — вот здесь, прямо за этими кустами, он остановился.

— Постой…

Они с Тедом заговорили одновременно.

— Постой. Надо предупредить, что ты со мной. Подожди, хорошо?

Вестон старался не трусить, но врать не мог.

— Постараюсь.

Остановить Теда он тоже не мог. Стены туннеля сомкнулись за спиной его друга, будто челюсти какого-то огромного чудовища — из дыры даже вырвалось его зловонное дыхание. Вестон почувствовал дрожь земли, готовой следом проглотить и его. Моля Теда простить его, он убежал.

Жуткое место, куда он поклялся не… Но группа ждет.

— Хорошо, — говорит он наконец, бросаясь в кусты, ныряя в кусты, будто в бассейн с акулами. — Хорошо.

Туристы следуют за ним по пятам. Вестон заглядывает в дыру. Внутри темно, как в склепе. Он с облегчением оборачивается.

— Простите, но сегодня не получится. Без фонариков там делать нечего. А теперь…

— Я обо всем позаботился, — ветеран достает откуда-то целый мешок налобных фонариков с галогеновыми лампами и раздает остальным. — Всегда… готов, — произносит он банальный

девиз.

Вестон стонет сквозь зубы.

Он ждет, пока туристы по одному спустятся в туннель. Что он скажет их родственникам, если кто-нибудь из них не вернется? На него подадут в суд? Отправят в тюрьму? Он бы с удовольствием так и остался обдумывать это у пролома, но экспехотинец подталкивает его к дыре.

— Твоя очередь.

Морпех спускается следом за Вестоном, заслоняя выход своим огромным телом. Теперь у Вестона один путь — вниз.

Со дня гибели родителей Лоуренсу Вестону стоило большого труда контролировать свое окружение. Теперь он оказался в месте, которое и представить себе не мог. Жизнь продолжается, но держать ее под контролем он уже не может. Углубляясь под землю, он перестает быть частью собственной системы.

Вестон ожидает встретить здесь кого угодно: крыс, затаившихся драконов, бандитов с дубинками, слепых мутантов, а то и целую коммуну хиппи, живущих в грязных подземных берлогах. От центрального входа идут сразу несколько туннелей, оканчивающихся пещерами, где есть свои входы и выходы. Вестон опасался, что подземное

царство будет огромным, но оно оказалось еще больше, чем он предполагал. Он также не думал, что оно окажется настолько древним. Повсюду из земли торчит поверхностный мусор, которым подпирали своды туннелей для защиты от обвалов. Это словно школьная выставка артефактов разных эпох. Из стен торчат фрагменты трамваев 1890-х годов, куски стекла и пластика от неоновых скейтбордов «Дей-Гло» из 1990-х, материнские платы, старые кинескопы, автомобильные бамперы — слишком новые, чтобы их возраст можно было определить с помощью углеродного анализа. Стены укреплены деталями внедорожников и подсвечены светодиодными лампами, но Вестон все равно осторожно крадется, боясь, что потолок в любой момент обвалится ему на голову — что, возможно, будет не так плохо, учитывая, каким смрадом ему здесь приходится дышать. В туннелях чувствуется небольшой приток свежего воздуха, но запах грязи и разложения под землей просто невыносим. К удивлению Вестона, мочой и экскрементами в туннеле не воняет, однако затхлый аромат, какой бывает в местах, где тесно живет много людей, здесь чувствуется весьма отчетливо.

Сперва Вестон никого не замечает и не слышит

ничего внятного. Он лишь повторяет себе, что не должен находиться в этом ужасном месте.

Тяжелый воздух — испарения множества людских душ — давит на грудь, и он едва может вздохнуть. Затем впереди слышится голос — звонкий, девичий, почти радостный. Вестон больше не главный — теперь последнюю пешую экскурсию Вестона ведут та самая девушка и здоровяк-морпех.

Чем дальше уходил туннель, тем шире становился проход. Вдоль земляных стен выстроились люди; луч фонаря то и дело выхватывал из тьмы их бледные лица, повергая Вестона в ужас. Человек, всю жизнь придерживавшийся неизменного порядка вещей, полностью потерял контроль; сирота, осознанно выбравший одиночество как единственно безопасный путь существования, был замурован под землей, окружен десятками — нет, сотнями — других людей, у каждого из которых были свои желания, свои неприятные воспоминания, свои тайны и свои эмоциональные потребности.

Груз их надежд едва не раздавил Вестона.

Пребывавший до этого момента с одиночном полете Вестон мгновенно понимает, что прочел в тот день на лице Теда Бишопа, и понимает,

почему сбежал. Образованный, осторожный, сдержанный и дисциплинированный человек, каким стремился быть Лоуренс Вестон, на самом деле лишь на волосок отличается от этих людей.

Теперь они окружали его со всех сторон.

«Я не могу, — думает Вестон, и через поры на его коже проступает холодный пот, как в приступе клаустрофобии. — Я не пойду дальше».

Он забывает, как дышать. Еще минута и… Он не знает, что произойдет. Взмыленный, он крутится по сторонам, готовый драться хоть с самим дьяволом, если это поможет выбраться отсюда. Он предложит здоровяку-ветерану кучу денег, а если будет нужно, разорвет его на куски одними зубами и ногтями, убьет — или сам погибнет в драке. Чтобы покинуть эту потайную подземную цитадель влекущих нищенское существование, но стойких людей, он готов на все.

Выходит так, что ему не приходится делать ничего вышеперечисленного. Морпех с медвежьим рыком протискивается вперед.

— Верен долгу всегда, — произносит он.

Откуда-то из потемок отзывается неровный хор голосов:

— Верен долгу всегда!

Ветеран отпихивает Вестона.

— Я нашел того, кого искал. Теперь проваливай и гражданских с собой забери.

Каким-то чудом Вестону это удается. Он достает из кармана табличку «Прогулки с Вестоном», поднимает над головой и направляет на нее свет фонаря так, чтобы людям было видно. Затем он дует в серебряный свисток, который всегда носит с собой на чрезвычайный случай, и который еще ни разу не использовал.

По туннелям разносится пронзительный свист.

— Так, — говорит он, собравшись с последними силами. — Пора возвращаться! Нас ждет Пятая авеню и… — Вестон всячески старается выдерживать тон экскурсовода, от безысходности он готов на все, — русская чайная! Я угощаю. А также ужин и ночевка в «Уолдорфе» за счет «Пеших экскурсий Вестона».

Когда они выходят на свет — боже, еще не стемнело — и свежий воздух, Вестон с недоумением осознает, что группа хоть и изменилась, но не стала меньше. Он целую минуту не может понять, что не так, но потом соображает. Здоровяка-морпеха с ними ожидаемо нет, но выстроив туристов на автобусной остановке (да, он закидывает четвертаки в билетный автомат городского авто-

буса!), Вестон насчитывает все те же тринадцать человек: молодожены, парочка, отмечающая годовщину свадьбы, библиотекарша, прыщавый пацан, непримечательные, но довольные средние американцы… Кажется, группа та же, но это не так. Вестон слишком потрясен и сбит с толку, чтобы определить, кто…

Оказавшись в безопасности в русской чайной, он наконец понимает, кого в группе раньше не было. Незнакомка чувствует себя здесь, как рыба в воде. Прелестная девушка со взъерошенными волосами и спортивной фигурой в сером свитере с натянутыми до кончиков пальцев рукавами; когда она тянется к самовару и предлагает налить ему чаю, он с удивлением замечает черные полоски грязи под ее ногтями. Он не придает этому большого значения; быть может, так сейчас модно.

Вестон не отводит туристов на Таймс-сквер или Центральный вокзал, чтобы после ритуала прощания скрыться в толпе. Он оставляет их в «Уолдорфе», где они стоят перед лифтами, разинув рты, ожидая, пока портье проводит их в номера.

Вконец измотанный и напуганный столь близким контактом с людьми, Вестон сбегает.

Вернувшись домой, он первым делом удаляет отовсюду свою рекламу и разбивает рабочий телефон, а затем делает то, что обычно делают в фильмах убийцы и жертвы насилия: долго моется под горячим душем, стараясь смыть с себя все следы пережитых событий. Чтобы окончательно прийти в себя и вновь выйти на улицу, ему понадобится несколько дней. Вестон успокаивает нервы, пересчитывая предметы искусства в своем тайном хранилище, заливает горе многочисленными чашками кофе, читает утренние газеты в солнечной библиотеке и утешается привычными повседневными ритуалами. Он ежедневно любуется принадлежавшей еще отцу акварелью Уильяма Тернера, гладит мраморный бок скульптуры Бранкузи и разглядывает свою любимую бронзовую статуэтку работы Ремингтона.

Когда же спустя несколько дней он выходит из дома, то едва не разворачивается, не успев ступить и шагу. На крыльце его поджидает соблазнительная девица с экскурсии. Тот же свитер, та же растрепанная прическа. От такого вторжения у него едва не останавливается сердце, его передергивает, но девушка, которая так любезно наливала ему чай в русской чайной, приветствует его радостной улыбкой.

— Думала, ты уже никогда не выйдешь.

— Вы не имеете права, вы не имеете права… — начинает Вестон, но ее улыбка настолько приятна, что он меняет тон.

— Что вы здесь делаете?

— Я живу неподалеку, — девушка одаривает его еще более сногсшибательной улыбкой.

Как объяснить красивой девушке, что она не имеет права следить за тобой? Как довести до понимания ньюйоркца, что твое крыльцо — частная собственность? Как убедить ее в том, что его личная жизнь закрыта для посторонних, к которым она, безусловно, относится?

Вестон не знает как.

— Мне пора!

— Куда ты?..

Сразу вспомнив туннель и как будто вновь глотнув тамошнего воздуха, Вестон слишком нервничает, чтобы принести вежливые извинения и посигналить своему водителю, и напрочь забывает все фразы, заученные на случай, если нужно от кого-то отвязаться.

— В Китай! — выпаливает он и бросается наутек.

На углу он оборачивается, желая убедиться, что скрыться удалось, и теряет дар речи.

— Ох!

Бросившаяся за ним со всех ног девушка врезается в него с треском, от которого сердце Вестона буквально выпрыгивает из груди наружу и разбивается. О, этот чуть сколотый зуб, который ему видно, когда девушка улыбается.

— Гм, прямо сейчас в Китай?

Вестон сконфужен.

— Ну, не сию минуту, конечно. Сначала кофе.

Просияв, девушка одергивает рукава свитера.

— Давай! Я заплачу́!

Пока они пьют капучино, Вестон раздумывает, как избавиться от девушки, не нагрубив, но неожиданно приходит к выводу, что влюблен.

Как влюбляется человек вроде Вестона?

Непредвиденно. Быстро. Он не может контролировать это чувство, но все же находит в себе силы расстаться с Уингз Жермен без дрожи в руках и слез в глазах. Ничто не должно указывать, что это их последняя встреча. Он даже обнимает ее отстраненно, пусть и терзается при этом.

— Рад был встретиться, — говорит он. — Мне пора.

— Ничего страшного. Ничто не вечно, — отвечает она, демонстрируя чуть сколотый зуб.

Готовый провалиться под землю, он отвечает

сдержанной улыбкой. Это необходимо, если он и дальше хочет жить привычной жизнью, которая далась ему с таким трудом, но прощаться тяжело.

— Ну, пока.

Ее густой голос обволакивает его, словно туман.

— Всего хорошего.

Теперь они друзья — или вроде того — и он верит, что она не пойдет за ним. На часах всего четыре, но Вестон запирает дверь, занавешивает окна и включает сигнализацию.

Эта прекрасная девушка, казалось, читала его мысли. Когда они обменивались историями из жизни, она почувствовала всю боль, скрытую за заученными фразами, которые он говорил каждому. Ее улыбка разбила ему сердце.

— Мне так жаль, — сказала она.

— Не сто́ит, — ответил он. — Ты ни в чем не виновата.

— Нет, — сказала она. — Конечно, нет. Но я знаю, что ты чувствуешь. Я сама прошла через такое.

Он предположил, что она тоже сирота. Такая же, как и он — но она другая. Ее назвали в честь отца, пилота истребителя. Она сказала, что учи-

лась на искусствоведа, но не упомянула когда. А ее фраза «у тебя удивительная коллекция» совсем сбила Вестона с толку. Неужели он рассказал ей о скульптуре Александра Колдера или прадедушкином портрете работы Джона Сарджента? А может, о масляном наброске Мане? Он снова и снова прокручивает разговор в голове, но не может его вспомнить.

Ночью, даже несмотря на то, что дом под защитой, а сам он заперся в спальне, Вестон никак не может уснуть. Он несколько раз встает и повторяет обход. Он осматривает освещенные лишь тусклым светом уличных фонарей комнаты, расхаживая из одной в другую в футболке и пижамных штанах, прикасается пальцами к столешницам, гладит мраморный бок скульптуры Бранкузи, убеждаясь, что все его ценности на своих привычных местах.

И днем, и ночью Вестон — властелин своего маленького мира, убежденный в своей безопасности. Пусть сегодня он попал в засаду, устроенную незнакомой оборванкой, пусть он поддался ее желаниям вопреки своим, он все равно держит этот мир в руках.

Тогда почему ему не спится?

Когда он спускается вниз в четвертый раз, то

находит ее в гостиной. Сначала он думает, что его куратор под покровом ночи привез новую бронзовую скульптуру Дега. Затем понимает, что это Уингз Жермен, усевшаяся на его фамильном парчовом диване, обхватив руками колени, будто статуя.

— Что? — восклицает он, одновременно радостно, испуганно и сердито. — Что?!

Уингз плывет в его объятия, и все остальное происходит спонтанно, как в невероятно живом сне.

— Вот, мимо проходила.

Они сменяют множество невероятных поз, пока Вестон не вскрикивает от удовольствия и не падает без сил, отпуская ее. Все еще чувствуя ее прикосновения, он мгновенно засыпает.

Когда экономка будит его утром, Уингз рядом нет.

Днем Вестон остается собой; все идет привычным чередом, а вот ночи превращаются в бесконечную пляску образов с участием Уингз Жермен, которая затыкает Вестону рот поцелуями каждый раз, когда он спрашивает, кто она такая, как проникает в его дом и не снится ли ему все то, чем они занимаются. Как он ни умоляет, она ничего не объясняет.

— Живу по соседству, — вновь и вновь отвечает она, и удовольствие от близости успокаивает его.

Вестон не исключает, что девушка может быть просто-напросто порождением его воображения и, как ни удивительно для человека, помешанного на контроле и порядке, решает, что это не так уж плохо.

Пока дни идут своим чередом, пока ничего не меняется, все будет хорошо. Так он думает.

Каждый раз, когда Уингз появляется, она делает совершенно потрясающие вещи, и Вестон даже не всегда понимает, что происходит. Он выжат как лимон — но полностью удовлетворен. Затем Уингз исчезает. Ночи Вестона чудесны; он знает, что к утру Уингз уйдет, и потому не усложняет их отношения ненужными, но столь типичными для любовников ожиданиями. Она всегда уходит. Он просыпается в одиночестве; его встречает лишь привычный утренний кофе, газеты и солнечные зайчики на полированном красном дереве. После безумия ночи Вестон возвращается в дневной мир, который всю жизнь подлаживал под свои предпочтения, и где все неизменно.

В этом он себя убеждает. В это хочет верить. Если бы он непредвзято взглянул на все происходящее, ему пришлось бы немедленно принять

меры, но Вестон не хочет, чтобы дурманящие ночные игры кончались.

До сегодняшнего дня. Он в панике пробуждается в четыре утра. Кровь стучит в висках. Его синапсы то ли проходят крэш-тест, то ли бьются стенка на стенку. Он выбирается из постели и в потемках бросается вниз, мечась от одной комнаты к другой, словно громом пораженный осознанием — что-то изменилось.

Не «что-то». Изменилось *все*.

В поисках он ощупывает столы, рамы картин, творения знаменитых скульпторов. На его счастье, все на месте. Тогда в чем же дело?

Боже, пропали керамические тарелки Пикассо! Настоящие сокровища, которые еще прадед Вестона получил лично от мастера в его студии. Шесть подписанных тарелок за тысячу долларов, плюс неизгладимые воспоминания о знаменитой улыбке великого художника. Вестон в ужасе включает свет. На обоях, где висели тарелки, виднеются лишь бледные круги; пустые подставки глядят на Вестона с укоризной.

Он ничего не говорит Уингз, когда та приходит к нему вечером; лишь обнимает ее и дышит в ее прекрасные волосы, думая, что это не могла быть она. Только не она, только не Уингз. Затем

он растворяется в ней, понимая, что это не так.

Не дожидаясь рассвета, она оставляет завороженного и благодарного Вестона дремать в смятой постели. Эти ночи — будто сказка. Одинокий богач-затворник, зацикленный на том, чтобы не допускать в свою жизнь посторонних, принимает шальную девушку несмотря на то, что ему приходится со многим расстаться. Любовь приносит ему страдания, но он полностью удовлетворен. Они проводят время вместе, и Вестон не упоминает ни о пропаже георгианского серебряного сервиза, ни об исчезновении нэцкэ династии Кан[68], ни о канувшей в неизвестность великолепной картине Миро. «Я слишком люблю ее, — повторяет он каждый раз, когда замечает новую пропажу. — Я хочу, чтобы это не кончалось никогда».

Он проводит новую проверку. Все охранные системы работают, сигнализация включена, следов взлома нет. Кажется, будто предметы его коллекции, ценившиеся им больше любой женщины, необъяснимым образом проваливаются сквозь землю.

---

[68] notes: 68

Автор допускает сразу две ошибки: во-первых, династии Кан никогда не существовало, а во-вторых, нэцкэ — произведение японского, а не китайского декоративно-прикладного искусства.

Вестон убеждает себя, что проживет без них. Он сможет! Ценность вещей условна, а любовь есть любовь.

Так он думает до исчезновения его любимого Бранкузи.

Его сердце опустошено от горя.

Уингз не догадается, что сегодня он занимается с ней любовью лишь по необходимости — а может, догадается. Прямолинейный Вестон не слишком подкован во лжи. Он входит в нее, одним глазом поглядывая на дверь, полагая, что она планирует исчезнуть, как только его сморит сон — как делала каждую ночь.

Будь внимательна, Уингз. Сегодня все будет иначе.

Для Вестона она — непостижимая загадка.

Он должен раскусить этот крепкий орешек и разгадать ее тайну.

Вестон чувствует вину и стыд за то, что осмелился в ней сомневаться. Он обескуражен, потому что еще одна пропажа его доконает. Он не отпускает Уингз и старается не заснуть. Целую вечность он, прищурившись, наблюдает за ней. Она дремлет; он ждет. Ночь проходит, будто тяжелая, не дающая покоя мысль. Ожидание ужасно. Когда тусклый луч света проникает сквозь што-

ры, Вестон уже готов умереть. Его возлюбленная со вздохом выскальзывает из объятий. Вестон с горечью следит за ней и, отсчитав двадцать секунд, выходит следом.

Он знает дом лучше, чем Уингз; она наверняка спустится по задней лестнице, поэтому он спешит к передней. Когда она прокрадется в зал, чтобы отключить сигнализацию и стащить новый экспонат, он застигнет ее врасплох. Укрывшись в нише позади пьедестала, на котором прежде стояла скульптура Бранкузи, Вестон приседает, и его колени хрустят так, что слышно по всему дому. Уингз так и не появляется, и он не понимает, как ей удалось улизнуть.

«Вот дурак», — думает он, не зная, на кого зол больше — на себя или неуловимую Уингз Жермен.

Страхи Вестона рассеиваются, когда после полуночи они с Уингз вновь оказываются в постели. Никаких слез, никаких взаимных обвинений. Но тут на него находит страшная мысль — что если она не появилась, потому что знала?

Знала, что он проследит за ней? Неужели?

Она привычно падает в его объятия, и он со вздохом прижимает ее к себе. Что ему делать, когда все закончится? Что еще она украдет, и как

поступит, если он обвинит ее? Вестон не знает, но это уже не имеет значения. С первым лучом света, как только Уингз выбирается из постели, он дает ей время спуститься по задней лестнице и начинает слежку. Он тенью проскальзывает по темным комнатам, замечая, что девушка движется уверенно, и понимает, что Уингз успела изучить дом, пока присваивала его ценности.

Ощупав остатки коллекции с быстротой и проворством матерого грабителя, Уингз оставляет все на местах.

Черт! Он ведь ждет, пока она что-нибудь стащит! Почему она медлит? Почему не возьмет хотя бы какую-то мелочь, чтобы дать ему повод выйти и со всем покончить?

С пустыми руками Уингз следует на темную кухню.

Когда она открывает люк в закоптелый каменный погреб и спускается вниз, у Вестона волосы встают дыбом.

Он падает духом. Так вот кто она такая? Просто бездомная девица, устроившая логово в его сыром подвале? Когда Уингз Жермен навещает его вечерами, она всегда чисто вымыта; от нее едва различимо пахнет дымом и свежей землей, и Вестон фантазирует, представляя, что она толь-

ко-только спустилась из собственного сада на крыше или вернулась из поездки в загородное поместье.

Вот идиот.

У него два варианта: он может вернуться в постель и дальше притворяться, чтобы сохранить все как есть, несмотря на чудовищные потери — а может проследить за ней до ее логова.

Но вот вопрос! Что случилось с пропавшими ценностями, предметами искусства? Где сейчас его ненаглядный Бранкузи? Успела ли Уингз вынести их из дома и продать, или они по необъяснимым причинам до сих пор сложены где-то в углу погреба? Только бы Миро не пострадал! Только бы ничто не пострадало! Вестон должен все выяснить.

О, любовь моя! Прости, но мое сердце разрывается.

Вестон решает спуститься.

Погреб пуст. Ни следа Уингз. Вестон светит фонариком экономки по углам, ищет под стеллажами и в пустых нишах, где прадедушка хранил вино. Никого. Чтобы окончательно в этом удостовериться, Вестон тратит все утро. Приходит экономка и готовит завтрак на кухне у него над головой, ставит на поднос дымящийся кофейник,

кофейную чашку, стакан апельсинового сока и тост с корицей — и вазочку с розой, потому что на дворе сезон роз. Вестон отсчитывает минуты, пока экономка относит поднос в библиотеку, где он завтракает, и ждет, пока она сменит простыни в спальне, как делает ежедневно без лишних слов и комментариев. Дождавшись, когда женщина закончит работу, включит обратно сигнализацию и покинет дом, Вестон еще час не решается выйти из погреба.

Лишь окончательно удостоверившись, что дома действительно остался лишь он один, Вестон поднимается наверх, чтобы разыскать купленные родителями в год их смерти кинематографические прожекторы, которыми они собирались освещать дом для документальной съемки.

Они яркие, но даже с их помощью Вестон не находит ничего подозрительного в старом погребе. Коробки с книгами, пачки любовных писем, которые он боится читать. Родительские лыжи, сани, его детские коньки — подарок на Рождество того же года, когда ему исполнилось четыре. Пережитки давно забытого прошлого. Это был обычный погреб обычного человека — только не выдающего своих чувств и постоянно застегнуто-

го на все пуговицы. Вестон тяжело вздохнул.

Возможно, Уингз Жермен действительно ему привиделась.

Но не успевает Вестон окончательно признать ее игрой воображения, и списать пропажу вещей, включая драгоценного Бранкузи, на экономку или установщика сигнализации, как замечает, что пол перед винным стеллажом неровный, а на одном камне четко отпечатались следы пальцев.

Что ж, пора почувствовать себя Спиком, идущим по следам Бертона, или Ливингстоном, отправляющимся вверх по Замбези. Панцирь, в который Вестон себя заключил, становится все тверже; в конце концов он не будет слышать ничего, кроме звука собственного разбитого сердца. Он останется один.

Вестон ждет Уингз; та обычно появляется далеко за полночь. На этот раз Вестон подготовился. Он догадался, куда уходит Уингз, и поэтому заранее раздобыл кирку и шахтерский фонарь, а также наручники и моток веревки. Он проследует за ней. Главное — отбросить мысли, что приходили ему в голову, пока он как воришка прятался в собственном погребе, и забыть все рассерженные, гневные, угрожающие, горькие и жалобные речи, которые он прежде придумал.

Как только камень сдвинется, он набросится на нее. Если получится, то схватит, как только она появится. Если же она окажется проворнее и успеет скрыться внизу, тогда он пантерой бросится в дыру. Он повалит Уингз, прижмет ее коленом, выкрутит руки и добьется объяснений. Вестон знает, что в итоге смягчится и даст ей возможность исправиться, но на его условиях.

Ей придется собрать вещи и остаться жить в его доме, разделить его жизнь, потому что он любит ее. Тогда все, что он ценит, все, что находит прекрасным, будет в безопасности.

И, он клянется Богом, что она вернет все украденное! Иначе и быть не может!

Он так долго таращится на камень, что едва не забывает погасить фонарь, когда замечает движение. Он успевает в последний момент, когда камень сдвигается, как крышка канализационного люка, и из дыры показывается голова.

— Ох, — выдыхает Уингз, и Вестон не понимает, как она могла заметить его в темноте. — Вот черт!

До дна колодца далеко. Падение тяжелее, чем Вестон предполагал. Когда он приземляется на грязный пол подземного туннеля, Уингз Жермен уже не видно.

Он один в узком проходе, который вполне может окончиться тупиком, откуда нет выхода. Когда он замечает тусклый свет, говорящий о том, что выход есть, то пугается еще сильнее. Чтобы догнать Уингз, ему придется ползти в неизвестность. На четвереньках, пачкаясь в грязи, Вестон ползет нескончаемо долго, пока не оказывается в достаточно широком месте, чтобы встать. Место похоже на дыру, куда его затащил тот странный турист, но в то же время отличается. По стенам этого рукотворного грота тянутся провода, повсюду тусклые фонари, а запах такой же мерзкий, как в дыре, где исчез Тед Бишоп. Грот выглядит заброшенным. Впереди развилка; туннель разветвляется в пяти направлениях, и Вестон понятия не имеет, как далеко они ведут и в каком из них скрылась Уингз.

Он не находит ничего лучше, чем крикнуть:

— Уингз?!

Здесь, внизу, кипит жизнь. Уингз тоже где-то здесь, но как узнать, где она прячется? И прячется ли вообще? Человек в здравом уме, даже убитый горем любовник, вернулся бы назад тем же путем, которым пришел, выбрался бы наверх, приказал экономке охранять выход с ружьем во избежание постороннего вмешательства, и зацементировал

бы люк, чтобы воровка никогда больше не смогла проникнуть в дом.

Вместо этого он снова кричит:

— Уингз! Эй, Уингз!

Ждать нет смысла, это он понимает. Если хочешь чего-то добиться, нужно действовать.

Вестон боится. Нет, он в ужасе. Здесь ведь не только они с Уингз, есть и другие.

Впервые в своей рациональной и размеренной жизни осмотрительный, поклявшийся никогда больше не терять дорогих себе людей и вещей Вестон находится в растерянности.

Грот пустует, но в непосредственной близости от него кто-то живет. Вестон слышит движение в скрытых от глаз пещерах, чувствует, как что-то бежит по туннелям, будто кровь по артериям. Приближается к нему.

У него перехватывает дух. Человек, которому как воздух было необходимо одиночество, осознает, что здесь, глубоко под землей, существует настоящая цивилизация, от которой бог знает чего можно ожидать. Прирожденный одиночка, он ошеломлен тем, что столько людей может жить здесь, оставаясь неизвестными и не подчиняясь законам и правилам внешнего мира.

Он здесь чужак. Боже!

Дрожа от страха, он повторяет еще раз:

— Уингз?

Так она и ответила.

В туннелях ничего не видно. Вестону хочется бежать за Уингз, но он не знает куда. Еще хуже то, что в ее глазах Вестон может выглядеть не настойчивым любовником, а огромной крысой, желающей отобрать у нее пищу. Поиски — дело хорошее, но Вестон боится того, что может найти. Ему жаль утраченных вещей, но совершенно не хочется знать, что Уингз — и ее сообщники — с ними сделали.

В смятении он возвращается к началу туннеля, ведущего к дому, и садится подумать.

Вокруг него люди! Множество людей! Привыкнув к своему окружению, Вестон чувствует их, слышит голоса, чует их запах. Где-то в глубине лежат сокровища, которые он так рьяно защищал. В подземном лабиринте кипит жизнь, но Вестон не спешит знакомиться с ней ближе. Быть может, те люди, как и он, оказались заперты под землей и сидят теперь, несчастные и беспомощные, сами вырывшие себе ямы. Как знать, вдруг они убивают друг друга или сплетаются в безумных оргиях в пещерах страсти. Кто-нибудь наверняка философствует, пишет стихи или строит револю-

ционные планы. Другие медитируют, сидя в позе лотоса в отдельных нишах, ежесекундно приближаясь к нирване. А может, они все — какой ужас! — потехи ради уничтожают его коллекцию. Вестон даже думать об этом не хочет.

Ему достаточно знать, что он один в тупике, и в каком-то смысле ему от этого легче.

Вот так сюрприз. Со дня, когда безумный турист завлек его под землю, когда появилась Уингз и принялась рушить его жизнь, Вестону впервые некуда податься. Но он не чувствовал себя настолько в безопасности с тех пор, когда ему было четыре.

Спустя некоторое время он берется за привязанную к рюкзаку кирку и принимается копать.

Проходят часы, а может, дни. Вестон не забывает о еде, но к тому времени, как яма оказывается достаточно большой, чтобы туда поместиться, его запас злаковых батончиков на исходе, а вода остается лишь на донышке фляжки. Тем не менее возвращаться домой он не готов. Время от времени он бросает копать и спит — по крайней мере, так ему кажется.

Он по-прежнему неустанно думает, и его мозг попросту отключается, оставляя Вестона на границе. Границе чего? Непонятно. Он слишком

озадачен и встревожен, чтобы гадать, чем все закончится.

И тут, когда он уже свыкся с этим укромным, тесным местечком и потерял всякую надежду вновь увидеть Уингз, она появляется, словно призрак, из ниоткуда, и улыбается своей загадочной, одновременно соблазнительной и раздражающей улыбкой.

— Уингз!

Будь проклято ее дикое обаяние, будь проклята копна растрепанных волос и ее необъяснимо высокомерный тон!

— С чего ты взял, что я на самом деле здесь?

Девушка сгибается, будто треножник, и усаживается по-турецки в выкопанную Вестоном яму напротив него. Он смотрит на нее, ожидая, что будет дальше.

Он старается не смотреть ей в глаза. Сначала он должен все обдумать. На осмысление вопроса уходит больше времени, чем он рассчитывал.

— Что ты сделала с моими вещами?

Черт бы побрал ее ответ!

— Какое тебе дело? Это ведь просто барахло.

Все, что было для него важным, теряет значимость. Они сидят молча на маленьком клочке земли. Тишина длится чересчур долго. Уингз не

уходит, но и ничего не объясняет. Она не издевается над ним и не предлагает ему себя. Просто сидит, разглядывая его. Это невыносимо.

В голове Вестона зарождается вопрос, и словно червь, прокладывает путь к выходу. Наконец он вырывается наружу.

— Кто ты? Дьявол во плоти?

Уингз смеется.

— Как тебе угодно, милый. Сам-то как думаешь?

— Я не знаю! — кричит он. — Не знаю!

— Придется с этим смириться.

Он не может. Не станет. Вполне удовлетворенный своим положением в собственноручно вырытой узкой яме, Вестон отвечает:

— Уходи.

Девушка медлит, и он выталкивает ее наверх и тащит к развилке — единственному месту, где они могут стоять в полный рост лицом к лицу. Она охает от удивления и отбивается. К собственному удивлению, Вестон замахивается на нее киркой. Схватив девушку за плечо свободной рукой, он, не зная еще, как поступить дальше, разворачивает Уингз Жермен и отталкивает ее. Прежде чем вернуться на свою территорию, Вестон ясно дает понять, что между ними все

кончено. Его тон не терпит возражений.

— Даже не вздумай возвращаться!

Позади его ждет погреб, но Вестон не уверен, что хочет возвращаться к прежней жизни. Сперва нужно кое-что сделать. Теперь он твердо знает, что, и решительно принимается крушить киркой проход, откуда последний раз появилась Уингз.

В альтернативной вселенной «Диких Карт» наша реальность отклонилась от курса 15 сентября 1946 года, когда над Манхэттеном был распылен инопланетный вирус, впоследствии распространившийся по всей ни о чем не подозревающей планете. Девяносто процентов заразившихся умерли страшной смертью, вытянув даму пик, девять процентов оказались изуродованы и стали джокерами, и лишь один процент счастливчиков получил сверхъестественные способности — эти люди стали зваться тузами.

Джордж Р. Р. Мартин
Черепашьи игры[69]

Переехав в сентябре в общежитие, Томас Тадбери первым делом повесил на стену фотографию президента Кеннеди с автографом и помятую обложку журнала «Тайм» за тысяча девятьсот сорок четвертый год с портретом Джетбоя, выбранного тогда Человеком года.

Уже к ноябрю фотография Кеннеди была истыкана дротиками Родни. Род украсил свою половину комнаты флагом Конфедерации и десятком разворотов «Плейбоя». Он терпеть не мог евреев, негров, шутников и Кеннеди — ну и Тома не слишком жаловал. Весь первый семестр он развлекался как мог: мазал кровать Тома пеной для бритья, засовывал простыни под матрас, прятал очки и подкладывал в ящик стола собачье дерьмо.

В день, когда Кеннеди застрелили в Далласе, Том вернулся в комнату, едва сдерживая слезы. Род оставил ему подарок — красной ручкой раз-

---

[69] notes: 69

“Shell Games” © 1987 George R. R. Martin. First publication: *Wild Cards*, ed. George R. R. Martin (Bantam Spectra).

рисовал макушку Кеннеди, чтобы было похоже на кровь, глаза зачеркнул крестиками и подрисовал вывалившийся изо рта язык.

Томас Тадбери долго не мог отвести глаз от этого кощунства. Он не плакал — плакать не позволяло чувство собственного достоинства. Он просто начал паковать чемоданы. Парковка для первокурсников была прямо посередине кампуса. Замок багажника его «Меркьюри» пятьдесят четвертого года выпуска был сломан и не открывался, так что Том побросал веши на сиденье. Двигатель пришлось прогревать долго — в ноябре уже ударили морозы. Должно быть, вид у него был забавный: стриженный под ежик толстенький коротышка в роговых очках уткнулся головой в руль, будто собирался блевануть.

Выезжая со стоянки, он заметил блестящий «Олдсмобиль-катласс» Родни. Переключившись на нейтралку, Том призадумался. Огляделся. Вокруг никого не было, все сидели по комнатам и смотрели новости. Нервно облизнув губы, Том присмотрелся к «олдсмобилю». Вцепился в руль так, что костяшки пальцев побелели. Он уставился на автомобиль, нахмурился и напрягся.

Сначала подались дверцы, медленно вогнувшись внутрь под давлением. Фары взорвались

одна за другой с тихими хлопками. Хромированные решетки звякнули об асфальт, заднее стекло разлетелось фонтаном осколков. Крылья гнулись и ломались, несмотря на протестующий скрежет металла. Оба задних колеса лопнули разом, стенки и крышка капота ввалились внутрь, лобовое стекло рассыпалось в пыль. Треснул картер, а за ним и топливный бак. Брызнули масло, бензин и тормозная жидкость. Воодушевленный и все более уверенный в своих силах Том Тадбери представил, будто сжимает «олдсмобиль» огромным невидимым кулаком, и принялся стискивать его сильнее и сильнее. Хруст стекла и скрежет металла раздавался на всю стоянку, но никто ничего не слышал. Том методично превращал автомобиль в комок металла.

Когда дело было сделано, он включил передачу и навсегда оставил позади колледж, Родни — и свое детство.

Где-то плакал великан.

Тахион очнулся, не понимая, где находится. Его тошнило, голова с похмелья пульсировала в такт с громогласными всхлипами. Очертания предметов в темной комнате были незнакомыми и причудливыми. Неужели убийцы снова здесь, и его семье грозит опасность? Нужно найти отца.

Пошатываясь, Тахион поднялся на ноги. Голова закружилась, и ему пришлось опереться рукой о стену. Стена была совсем рядом. Он не у себя в комнате, что-то не так, а этот запах… Тут он вспомнил, в чем дело. Лучше б это были убийцы.

Он понял, что снова видел сны о Такисе. Голова трещала, в пересохшем горле саднило. Пошарив в потемках, он нащупал шнур от лампы, дернул за него, и одинокая голая лампочка закачалась, отправив тени в пляс. Тахион зажмурился и отдышался, чтобы успокоить разбушевавшийся желудок. Во рту стоял мерзкий привкус. Волосы на голове спутались, одежда помялась. А бутылка была пустой — вот незадача. Тахион беспомощно огляделся. Он был в крошечной, шесть на десять футов, меблированной комнате на втором этаже, в здании на улице Боуэри. Ангеллик как-то рассказала ему, что весь этот район одно время назывался Боуэри. Это было давно; теперь у него другое название. Тахион подошел к окну, отдернул штору. В лицо ударил желтый свет уличного фонаря. Через дорогу великан тянул руки к луне и плакал, потому что никак не мог ее достать.

Все звали его Крошкой. «Ну и юмор у людей», — подумал Тахион. Если бы Крошка выпрямился, в нем было бы добрых четырнадцать футов роста.

Его гладкое, простецкое лицо обрамляли мягкие темные лохмы. Ноги у него были стройные, пропорциональные — и в этом-то и заключалась проблема: стройные, пропорциональные ноги не могли удержать вес четырнадцатифутового человека. Крошке приходилось передвигаться по улицам Джокертауна в огромном механизированном деревянном кресле-коляске на четырех лысых колесах от старого полуприцепа. Заметив Таха в окне, Крошка проорал что-то невнятное, как будто узнал его. Тахион отошел от окна, дрожа. Впереди была еще одна джокертаунская ночь. Ему необходимо было выпить.

В комнате было холодно, пахло плесенью и блевотиной. Меблированные комнаты, которые назывались просто «Комнаты», плохо обогревались по сравнению с отелями, к которым Тахион привык. Он невольно вспомнил вашингтонский «Мэйфлауэр», где они с Блайз… ух, лучше об этом не думать. А который сейчас час? Вроде бы поздний. Солнце уже зашло, а ночью Джокертаун оживал.

Подобрав с пола шинель, Тахион накинул ее на плечи. Пусть и грязная, она все равно выглядела отлично — насыщенного розового цвета, с золотыми бахромчатыми эполетами на плечах

и золотыми петлями для многочисленных пуговиц. Чувак из «Гудвилла» сказал, что раньше она принадлежала какому-то музыканту. Тахион присел на край продавленного матраса, чтобы натянуть сапоги.

Туалет был в конце коридора. Тахион пустил струю, но его руки дрожали и он не смог точно прицелиться. Горячая моча ударила в ободок унитаза; от нее пошел пар. Поплескав на лицо холодной ржавой водой, Тахион вытер руки грязным полотенцем.

Оказавшись снаружи, Тах немного постоял под покосившейся вывеской «Комнат» и поглядел на Крошку. Ему было стыдно и грустно. Вдобавок он окончательно протрезвел. Помочь Крошке он был не в силах, а вот с трезвостью разобраться мог. Повернувшись спиной к хнычущему великану, он сунул руки в карманы шинели и быстро зашагал вниз по Боуэри. В подворотнях джокеры и пьяницы передавали друг другу коричневые бумажные пакеты, осоловело глядя на прохожих. В пивнушках, ломбардах и магазинчиках масок шла бойкая торговля. «Знаменитый десятицентовый музей дикой карты на Боуэри» (название не поменялось, пусть за вход брали теперь не по десять центов, а по двадцать пять) закрывался

на ночь. Тахион заходил в него пару лет назад от тоски; помимо полудесятка особенно чудаковатых джокеров, двадцати банок с плавающими в формальдегиде «чудовищными младенцами джокеров» и нашумевшего кинорепортажа со Дня дикой карты музей мог похвастаться диорамой с восковыми фигурами Джетбоя, четверки Тузов, «джокертаунской оргией» и… самого Тахиона.

Мимо прокатился туристический автобус; из автобуса, плотно прижавшись к стеклам, смотрели розовые лица. Собравшиеся под неоновой вывеской пиццерии ребята в черных куртках и резиновых масках враждебно поглядывали на Тахиона. Ему стало не по себе. Он отвел взгляд и погрузился в мысли ближайшего из них. «Жалкий педик, это ж надо было так выкраситься, небось думает, что он в уличном оркестре барабанщик, ух я бы ему настучал по его барабану, хотя нет, черт бы его побрал, лучше кого другого расплющим». Тах с отвращением оборвал контакт и поспешил дальше. Это было новое, но уже успевшее войти в моду увлечение: прийти на Боуэри, купить масок, поколотить какого-нибудь джокера. Полиции было наплевать.

Знаменитое «Ревю всех джокеров» в клубе «Хаос» как обычно собрало толпу. Когда Тахион

подошел, у обочины остановился длинный серый лимузин. Швейцар в черном фраке поверх пышного белого меха открыл дверь хвостом и помог выбраться из лимузина толстяку в смокинге. Спутницей толстяка была грудастая несовершеннолетняя девица в вечернем платье без бретелек, поверх которого сверкали жемчуга. Ее светлые волосы были уложены в пышную высокую прическу.

Через квартал к Тахиону пристала женщина-змея. Ее радужная чешуя блестела в свете фонарей.

— Не бойся, рыженький, — сказала она, — внутри я мягкая.

Тахион отрицательно помотал головой.

«Дом смеха» располагался в длинном здании с выходящими на улицу огромными панорамными окнами, стекла которых были заменены на односторонние зеркала. У входа стоял Рэнделл, кутаясь в хвост и маскарадный костюм.

Вид у него был вполне обычный, если не обращать внимание на то, что он никогда не вынимал правую руку из кармана.

— Привет, Тахи! — крикнул он. — Как тебе Руби?

— Даже не знаю, кто это такая, — ответил Та-

хион.

Рэнделл скривился.

— Не «такая», а «такой». Чувак, застреливший Освальда.

— Освальда? — смутился Тах. — Какого еще Освальда?

— Ли Освальда, убийцу Кеннеди. Его сегодня вечером застрелили прямо перед телекамерами.

— Кеннеди погиб? — опешил Тахион. Благодаря Кеннеди он смог вернуться в Соединенные Штаты, и с тех пор уважал все их семейство; они напоминали ему такисиан. Однако убийства и покушения — неотъемлемые спутники тех, кто у власти. — Его братья за него отомстят, — сказал он, но тут же вспомнил, что кровная месть была для землян пережитком прошлого, да и этот парень Руби, считай, уже отомстил за Кеннеди. Да, неспроста он сегодня вспоминал об убийцах.

— Руби упекли в тюрьму, — продолжал Рэнделл, — а я бы на их месте выдал ему медаль, — он взял паузу, после чего добавил: — Мне как-то раз довелось пожать Кеннеди руку. Он тогда только баллотировался в президенты и соперничал с Никсоном. Выступал вот здесь, в «Хаосе», а после выступления пожимал всем руки, — швейцар вынул правую руку из кармана. Рука была твердая,

будто покрытая хитиновым панцирем, а посреди кисти торчала кучка опухших слепых глаз. — Он даже не дрогнул, — сказал Рэнделл. — Только улыбнулся и попросил голосовать за него.

Тахион был знаком с Рэнделлом уже год, но ни разу не видел его руку. Ему захотелось повторить то, что сделал Кеннеди — схватить эту уродливую клешню, пожать ее, потрясти. Он потянул руку из кармана, но тут к горлу подкатила желчь, и все, что он смог сделать — отвести взгляд и пробормотать:

— Он был хорошим человеком.

Рэнделл спрятал руку обратно и вполне доброжелательно произнес:

— Тахи, заходи. Ангеллик пошла с кем-то встретиться, но Дес придерживает столик для тебя.

Тахион кивнул. Рэнделл открыл ему дверь. Войдя, Тахион отдал шинель и сапоги гардеробщице — худенькой девушке-джокеру с пернатой маской совы, скрывавшей все, что дикая карта сотворила с ее лицом. Он прошел внутрь, вновь отмечая, как легко его ноги в носках скользят по зеркальному полу. Опустив голову, он встретился лицом к лицу с другим Тахионом, будто выглядывающим у него между ног — и вдобавок невероятно толстым, с головой как надувной

пляжный мяч.

С зеркального потолка свисала хрустальная люстра, сверкающая сотнями огней. Огоньки отражались от пола и стен, плясали в зеркальных нишах, на серебряных кубках и кружках, и даже на подносах официантов. Некоторые зеркала точно передавали отражения, другие были кривыми, как в комнате смеха. Отсюда и название заведения — «Дом смеха». Здесь ты никогда не знал, что увидишь, обернувшись. Во всем Джокертауне не было другого места, в равной степени облюбованного джокерами и натуралами. В «Доме смеха» натуралы могли вдоволь насмотреться на искаженные версии себя, посмеяться и прикинуться джокерами. Сами джокеры, напротив, при должном везении могли найти подходящее зеркало и увидеть себя такими, какими были прежде.

— Доктор Тахион, ваша кабинка готова, — окликнул его Десмонд, метрдотель.

Дес был крупным, румяным мужчиной; его толстый хобот, розовый и морщинистый, держал винную карту. На конце хобота торчали пальцы; одним из них Десмонд указал Тахиону направление и пригласил следовать за собой.

— Вам коньяк, как обычно? — уточнил он.

— Да, — ответил Тах, сожалея, что у него не

было мелочи на чай.

Первый бокал он по традиции выпил за Блайз, а вот второй — за Джона Фицджеральда Кеннеди.

А остальные — за себя.

Единственное место, где Том мог укрыться, находилось в самом конце Хук-роуд, за брошенным нефтеперегонным заводом и складами, запасными железнодорожными путями с забытыми товарными вагонами, за поросшими сорняками и заваленными мусором пустырями и за огромными цистернами для соевого масла. Он приехал туда уже затемно; двигатель «Мерка» угрожающе барахлил, но Джоуи с ним разберется.

Свалка разместилась посреди грязных маслянистых вод Нью-Йоркского залива. Вдоль десятифутового забора из сетки-рабицы, увенчанного тремя рядами витой колючей проволоки, машину Тома сопровождала свора собак. Их приветственный лай напугал бы любого незнакомца, но только не Тома. В лучах заката горы искореженных, разбитых автомобилей, поля металлолома, холмы мусора и долины хлама отливали бронзой. Наконец Том добрался до широких раздвижных ворот. С одной стороны висела металлическая табличка с надписью «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН», с другой

болталась еще одна, гласившая: «ОСТОРОЖНО, ЗЛЫЕ СОБАКИ!». Ворота были на замке.

Том остановил машину и посигналил.

Прямо за забором виднелась хибара с четырьмя комнатами, служившая Джоуи домом. Над покрытой гофрированным железом крышей возвышался знак с желтой подсветкой: «Металлолом и автозапчасти Ди Анджелиса». За два десятка лет краска выцвела и облупилась от солнца и дождя, дерево потрескалось и обгорело с одного края. Рядом с хибарой выстроились в ряд древний желтый мусоровоз, тягач и главная гордость Джоуи — алый «Кадиллак-купе» пятьдесят девятого года, с «акульими плавниками» сзади и чудовищно мощным двигателем, торчащим из прорези в капоте.

Том посигналил снова. На этот раз он подал их тайный сигнал — мелодию из мультфильма о Могучем Мышонке, который они вместе с Джоуи смотрели в детстве.

Дверь хибары тут же открылась, пролив на землю квадрат желтого света, и на пороге появился Джоуи с двумя бутылками пива в руках.

У них с Джоуи не было абсолютно ничего общего. Они были слеплены из разного теста, жили в совершенно разных условиях, но это не мешало

им оставаться лучшими друзьями с третьего класса. Тогда в школе устроили выставку домашних животных, и в тот день Том, во-первых, узнал, что черепахи не летают, а во-вторых, понял, кто он такой и на что способен.

Стиви Брудер и Джош Джонс поймали его на школьном дворе и принялись перебрасываться его черепашками, как бейсбольными мячами. Томми в слезах метался между ними. Когда им надоело, они стали швырять черепашек в нарисованную мелом на стене мишень для панчбола, а одну скормили немецкой овчарке Стиви. Когда Томми попытался оттащить пса, Стиви врезал ему и повалил на землю, сломав очки и разбив губу.

От еще больших неприятностей Томми спас Джоуи-помоечник — щуплый парнишка с черными лохмами. Он был на два года старше Томми и его одноклассников, но уже дважды оставался на второй год и умел читать только по слогам. Его отец Дом владел свалкой, из-за чего все обзывали Джоуи вонючкой.

Стиви Брудер был заметно крупнее, но Джоуи было наплевать — что тогда, что сейчас. Он схватил Стиви за шкирку, встряхнул и со всей силы пнул по яйцам. Следом он наподдал и псине, а

вот Джош Джонс убежал, не дожидаясь, пока достанется и ему. Однако вслед ему все равно прилетела дохлая черепаха, смачно ударив в толстый красный загривок.

Джоуи заметил это

— Как ты это сделал? — изумился он.

Пока он этого не сказал, Томми и думать не мог, что его черепахи умели летать из-за его собственных способностей.

Этот секрет стал фундаментом их дальнейшей дружбы. Томми помогал Джоуи с домашними заданиями и тестами. Джоуи защищал Томми от хулиганов в школе и на игровых площадках. Томми читал Джоуи книжки комиксов, пока Джоуи сам не научился читать достаточно хорошо, чтобы не нуждаться в помощи. Дом, ворчливый мужчина с седеющими волосами и пивным пузом, но добрым сердцем, гордился успехами сына — сам-то он читать вовсе не умел, даже по-итальянски. Вместе Томми и Джоуи прошли путь от начальной школы до старшей; не окончилась их дружба и тогда, когда Джоуи все же исключили. Она не угасла, когда они начали встречаться с девочками, выдержала испытания смертью Дома ди Анджелиса и переездом семьи Тома в Перт-Амбой. Джоуи ди Анджелис оставался един-

ственным, кто знал Тома таким, каким он был на самом деле.

Джоуи поддел крышку еще одной бутылки «Рейнгольда» висевшей на шее открывашкой. Под его белой майкой уже начало вырисовываться пивное пузико на манер отцовского.

— И чего ты с твоими-то мозгами в телевизионной мастерской ковыряешься? — сказал он.

— Работа есть работа, — ответил Том. — Я и прошлым летом этим занимался. Думаю устроиться на полную ставку. Не важно, кем я работаю. Важно, какое применение я нахожу своему, кхм, таланту.

— Таланту? — передразнил Джоуи.

— Ты прекрасно знаешь, о чем я, макаронная твоя башка, — Том поставил пустую бутылку на оранжевый ящик у кресла. Мебель в доме Джоуи нельзя было назвать изысканной; почти всю ее он подобрал на свалках. — Я все думаю о том, что Джетбой сказал напоследок. Никак не могу понять, что он имел в виду. Вроде бы у него остались незавершенные дела, а ведь он в своей жизни, считай, вообще палец о палец не ударил. Только спрашивал, что я могу сделать для своей страны, хотя прекрасно, черт побери, знал ответ на этот вопрос. Мы оба его знаем.

Джоуи покачивался в кресле, потягивая «Рейнгольд» и качая головой. На стене за его спиной от пола до потолка высились книжные полки, сколоченные еще Домом десять лет назад. На нижней лежали мужские журналы, а на всех остальных — комиксы. Их комиксы. «Супермен», «Бэтмен», издания «Экшен Комикс» и «Детектив Комикс», журналы «Классика в картинках», которыми Джоуи пользовался для написания школьных сочинений, куча страшных, детективных и военных комиксов и, наконец, жемчужина коллекции — почти полное собрание комиксов о Джетбое.

Джоуи заметил взгляд Тома.

— Даже не думай, — сказал он. — Тадс, ты не гребаный Джетбой.

— Это правда, — согласился Том. — Я могу быть круче него. Я…

— Придурок, — закончил за него Джоуи.

— Туз, — серьезно произнес Том. — Как «Четыре туза».

— Это тот негритянский ду-воп-квартет?[70]

Том вспылил.

---

[70] notes: 70

Ду-воп — популярный в 1950–1960-х годах жанр популярной музыки с минимальным инструментальным сопровождением, где голоса заменяют собой многие инструменты.

— Тупой макаронник, они не певцы, а…

Джоуи резким жестом оборвал его.

— Да знаю я, кто они такие. Тадс, я тебя умоляю. Они все чокнутые, как и ты. Теперь они кто в могиле, кто за решеткой, кроме того сраного стукача, как там его? — Джоуи щелкнул пальцами. — Он еще в «Тарзане» играл.

— Джек Браун, — сказал Том. Однажды он даже писал реферат по «Четырем тузам». — Уверен, что есть и другие, просто они не высовываются. Как и я. Я привык прятаться, но теперь с меня хватит.

— Что, пойдешь в редакцию «Бейонн таймс» и устроишь там чертово представление? Идиот. С тем же успехом можешь признаться в том, что ты коммунист — тогда тебя живо отправят в Джокертаун, а в доме твоего папаши перебьют все окна. Или, того и гляди, в армию загребут, болвана.

— Нет, — уверенно сказал Том. — Я все продумал. «Четыре туза» были легкой целью. Я же не собираюсь выдавать, кто я и где живу, — он махнул пивной бутылкой в сторону полок с комиксами. — Я буду соблюдать анонимность. Как герои комиксов.

Джоуи расхохотался.

— Охренеть! Может, ты еще и трико натянешь, тупица?

— Черт бы тебя побрал, — вскипел Том. — Захлопни варежку!

Джоуи продолжал раскачиваться и посмеиваться.

— Пойдем выйдем, трепло! — разгневанный Том поднялся с кресла. — Поднимай свою жирную задницу и увидишь, какой я тупица. Тебе ли не знать, на что я способен.

Джоуи ди Анджелис встал.

— Ну давай, покажи.

Оказавшись снаружи, Том нетерпеливо переминался с ноги на ногу. Холодный ноябрьский воздух превращал его дыхание в пар. Джоуи подошел к большому металлическому ящику на стене дома и включил рубильник. Свалку озарил ослепительный свет прожекторов. Подошли собаки, принюхиваясь и следуя за Томом и Джоуи. Из кармана черной кожаной куртки Джоуи торчала пивная бутылка.

Свалка, как полагается, была полна всякого хлама, разбитых машин и металлолома; но этой ночью она казалась Тому волшебной, как будто ему снова было десять лет. На холмике над темными водами залива возвышался древний белый «паккард», напоминая призрачный форт.

Он остался на том же месте, что и тогда, когда

Том с Джоуи были детьми. Их убежище, их крепость, их аванпост кавалерии, рыцарский замок и космическая станция в одном лице. Он сиял в лунном свете, а позади него набегали на берег манящие волны. Игра света и тени превращала груды мусора и металла в таинственные темные холмы, между которыми тянулись серые сумрачные лабиринты. Том свернул в один из них, миновав высокую гору хлама, на которой они в детстве играли в царя горы и сражались на самодельных мечах. Они прошли мимо пещер с сокровищами, где находили кучу поломанных игрушек, цветные стеклышки, бутылки, а однажды — целую коробку комиксов.

Они шли вдоль пирамид из поставленных друг на друга ржавых, искореженных автомобилей: «фордов» и «шеви», «хадсонов» и «десото». Им встретился одинокий «корвет» со смятым в гармошку капотом, кучка дохлых «жуков» и даже строгий черный катафалк — давно мертвый, как и те, кого он когда-то перевозил. Том внимательно осматривал машины, пока не сделал выбор.

— Эта, — сказал он, указывая на останки старого «Студебекер-хоука» без двигателя и колес. Лобовое стекло представляло собой паутину трещин, а слой ржавчины на бампере и крыльях

бросался в глаза даже в темноте. — Она ведь ничего не стоит?

Джоуи открыл пиво.

— Вся в твоем распоряжении.

Том перевел дух и уставился на машину. Его руки сжались в кулаки. Он смотрел пристально, сосредоточенно. Автомобиль слегка дрогнул. Решетка радиатора неуклюже поднялась на пару дюймов от земли.

— Вуу-ууу! — насмешливо взвыл Джоуи, легонько стукнув Тома в плечо. «Студебекер» с лязгом упал, его бампер отвалился. — Я поражен до глубины души!

— Заткнись и не трогай меня, черт бы тебя побрал, — огрызнулся Том. — У меня получится. Я сделаю все, чтобы заткнуть твой поганый рот. Я тренировался. Ты и представить не можешь, чему я научился.

— Молчу-молчу, — ухмыльнулся Джоуи и сделал глоток пива.

Том вновь повернулся к «студебекеру». Он постарался не думать ни о чем, забыть о Джоуи, о собаках, о свалке. В его мире существовал только «студебекер». Все нутро Тома напряглось, сжалось. Он постарался расслабиться, отдышался, разжал кулаки. Ну давай же, давай, успокойся и

все получится, ты и не такое вытворял, это ведь легче легкого.

Автомобиль медленно поднялся и поплыл вперед, посыпались хлопья ржавчины. Том принялся крутить его на месте, все быстрее и быстрее, и наконец швырнул на пятьдесят футов, уложив поперек свалки. «Студебекер» ударился в пирамиду мертвых «шеви» и обрушил ее железной лавиной.

Джоуи допил свой «Рейнгольд».

— Неплохо. Несколько лет назад ты даже меня с трудом поднимал.

— Моя сила растет не по дням, а по часам, — ответил Том.

Джоуи ди Анджелис кивнул и выбросил бутылку.

— Отлично, — сказал он, — в таком случае ты легко со мной справишься.

Он пихнул Тома обеими руками. Том пошатнулся и нахмурился.

— Джоуи, прекрати!

— А ты заставь меня, — парировал Джоуи и снова пихнул Тома. В этот раз тот чуть не упал.

— Черт побери, хватит! — возмутился Том. — Джоуи, это не смешно.

— Как не смешно? — ухмыльнулся Джоуи. —

По-моему, это охренеть как весело. Не нравится? Так останови меня! Ты же можешь! Давай, примени свою чертову силу, — он отвесил Тому легкую пощечину. — Останови меня, тузик, — еще одна пощечина, на этот раз сильнее. — Давай же, Джетбой, останови меня! — третья пощечина, еще сильнее. — Чего медлишь? Давай! — четвертая пощечина была очень болезненной, а от пятой голова Тома откинулась назад.

Джоуи перестал улыбаться, из его рта разило пивом. Том попробовал перехватить его руку, но Джоуи был быстрее и сильнее, легко увернувшись, он в очередной раз шлепнул Тома по щеке.

— Хочешь со мной побоксировать, тузик? Да я из тебя собачий корм сделаю, урод! Говнюк! — следующая пощечина едва не оторвала Тому голову, и он заплакал. — Останови меня, мудила! — заорал Джоуи.

Сжав кулаки, он со всей силы ударил Тома в живот, перебив ему дыхание. Том согнулся в три погибели.

Том попытался сосредоточиться, схватить Джоуи, оттолкнуть, но все было как в школе — Джоуи мельтешил перед ним, и все, что оставалось Тому — выставлять руки, без особого успеха блокируя удары. Джоуи был намного сильнее и колотил его,

как боксерскую грушу, не переставая кричать. Мысли Тома путались, он не мог сконцентрироваться, не чувствовал ничего, кроме боли, и был вынужден отступать. Джоуи напирал, орудуя кулаками, и в конце концов наградил его таким мощным апперкотом, что зубы клацнули. Том повалился на землю; рот заполнила кровь.

Джоуи нахмурил лоб.

— Черт. Я не хотел тебе губы расквасить, — протянув руку, он помог Тому подняться.

Том вытер кровь с губы тыльной стороной ладони. Рубашка тоже была в крови.

— Посмотри, что ты наделал. Теперь не отстираешь, — брезгливо произнес он и гневно посмотрел на Джоуи. — Это было нечестно. Как я могу что-то сделать, когда ты непрерывно меня колотишь?

— Угу, — ответил Джоуи. — Ты думаешь, злодеи будут стоять и смотреть, пока ты концентрируешься и щуришь глаза? — он хлопнул Тома по спине. — Пока ты собираешься с силами, они тебе все зубы повышибают — если повезет. А если не повезет — просто пристрелят. Тадс, ты не Джетбой, — Джоуи поежился. — Пошли, а то холод здесь собачий.

Тах проснулся в теплой темноте, лишь смутно

помня, как напился — и его это вполне устраивало. Он с трудом поднялся. Простыни были бархатными, мягкими на ощупь, и сквозь вонь засохшей рвоты Тах чувствовал легкий аромат цветочных духов.

Пошатываясь, он скинул покрывало и придвинулся к краю кровати. На полу под босыми ногами лежал ковер. Тахион был раздет, и горячий воздух неприятно щекотал кожу. Потянувшись, он нащупал выключатель и тихо простонал от ударившего в глаза яркого света. На поверку комната оказалась кладовой со стенами, выкрашенными в розовый и белый цвета, викторианской мебелью и толстыми звуконепроницаемыми стенами. Над камином улыбался масляный портрет Джона Ф. Кеннеди, а в углу стояла трехфутовая гипсовая статуя Девы Марии.

У холодного камина в розовом кресле сидела Ангеллик, сонно моргая и зевая. Заметив, что Тах проснулся, она прикрыла рот рукой.

Тахион чувствовал себя скверно. Ему было стыдно.

— Я опять выгнал тебя из постели? — спросил он.

— Ничего страшного, — ответила Ангеллик.

Она положила ноги на табуреточку. Ее ступ-

ни были уродливыми, черными и опухшими, в синяках и шишках, несмотря на специальную мягкую обувь, которую она всегда носила. Если не считать этого, она была прелестна. Ее распущенные черные волосы ниспадали до самой талии, кожа лучилась здоровым блеском. Глаза ее были темными и чистыми, но самым удивительным было тепло, которое они излучали, тепло, которое всегда поражало Тахиона, считавшего себя недостойным столь нежных чувств. Несмотря на все несчастья, что по его вине свалились на Ангеллик и остальных, она любила и прощала его.

Тах потер виски. Он чувствовал себя так, будто кто-то хотел распилить его череп бензопилой.

— Моя голова, — простонал он. — Вы бы хоть фильтровали напитки от сивушных масел, с такими-то ценами. На Такисе мы…

— Знаю, — перебила его Ангеллик. — Ты уже рассказывал. На Такисе у вас беспохмельная выпивка.

Тахион вымучил улыбку. В короткой атласной сорочке, с голыми ногами, Ангеллик выглядела удивительно свежей. Сорочка была насыщенного рубинового цвета и прекрасно оттеняла кожу. Но когда Ангеллик встала, Тахион заметил на ее щеке, в том месте, что прижималось к креслу,

пока она спала, большой пурпурный синяк.

— Ангел… — начал он.

— Ничего, — ответила она, прикрывая синяк волосами. — Твоя одежда была такой грязной, что Мэл забрал ее в чистку. Так что теперь ты мой пленник.

— Долго я спал? — спросил Тахион.

— Целый день, — ответила Ангеллик. — Не волнуйся. Как-то раз один из моих клиентов так напился, что проспал целых пять месяцев.

Она села у туалетного столика, сняла телефонную трубку и заказала завтрак: себе чай с тостом, Тахиону — крепкий кофе с бренди и яичницу с беконом. И аспирина на закуску.

— Не надо, — запротестовал Тах. — Меня вырвет от такой еды.

— Надо поесть. Даже инопланетянин загнется от коньячной диеты.

— Умоляю…

— Если хочешь выпить, придется сначала поесть, — сказала Ангеллик тоном, не терпящим возражений. — Мы ведь договаривались.

Действительно, договаривались. Он вспомнил. Ангеллик оплачивала ему жилье, еду и предоставляла алкоголь в неограниченных количествах — столько, сколько ему было нужно,

чтобы заглушить воспоминания. Все, что он должен был делать взамен — есть и рассказывать ей истории. Она любила его слушать. Он рассказывал о забавных случаях из жизни своей семьи, о такисианских традициях, пересказывал легенды, исторические факты и романтические истории о балах, придворных кознях и великолепных дворцах, каких не встретишь в убогом Джокертауне.

Иногда, после закрытия клуба, он танцевал для нее старинные вычурные такисианские паваны, кружа по зеркальному полу под ее одобрительные возгласы. Однажды, когда они оба перебрали вина, Ангеллик уговорила его показать свадебную пляску — эротический бальный танец, который такисиане танцевали лишь раз в жизни, в первую брачную ночь. То был единственный раз, когда они танцевали вместе. Ангеллик повторяла за ним шаги, сначала робко, затем все увереннее, покачиваясь и кружась, пока не стерла ноги и не стала оставлять на зеркальных плитках кровавые следы. В завершении свадебной пляски танцоры триумфально сливались воедино, но так было на Такисе; здесь же Ангеллик нарушила традицию и отстранилась, лишний раз напомнив Тахиону, что он был далеко-далеко от Такиса.

Два года назад Десмонд нашел его, голого и без

сознания, в одной из подворотен Джокертауна. Кто-то украл одежду Тахиона, пока он спал, и у него поднялась температура. Дес позвал подмогу, чтобы донести его до «Дома смеха». Тах очнулся на раскладной койке в подсобке, в окружении пивных бочонков и винных стеллажей.

— Ты хоть знаешь, чего напился? — спросила Ангеллик, когда его притащили к ней в офис. Разумеется, он не знал; он помнил лишь, что до смерти хотел выпить, и какой-то чернокожий дедок великодушно согласился помочь ему с этим.

— «Стерно»[71], — сказала Ангеллик и велела Десу принести бутылку лучшего бренди. — Если тебе хочется напиться — валяй, но убить себя можно и более цивилизованным способом.

От бренди по его телу разлилось тепло, а руки перестали дрожать. Осушив бокал, Тах горячо поблагодарил женщину, но когда он попытался до нее дотронуться, та отстранилась. Он спросил почему.

— Сейчас покажу, — ответила она, протягивая руку. — Только осторожно.

Он едва коснулся губами ее запястья, чувствуя

---

[71] notes: 71

«Стерно» — марка жидкого топлива из денатурированного спирта. Применяется в основном для готовки, в качестве горючего для примусов и походных кухонь.

пульс, чувствуя, как внутри нее течет жизнь. Она была так прекрасна, так добра, что он тут же захотел ее.

Мгновение спустя он с ужасом наблюдал, как ее кожа приобрела лиловый оттенок, а затем почернела. «Еще одна жертва моих ошибок», — подумал он.

Но им удалось подружиться. Любовниками они, конечно, не стали — разве что в мечтах Тахиона. Ее капилляры разрывались при малейшем нажатии, и даже легкие прикосновения были болезненны для ее гиперчувствительной нервной системы. Нежные ласки заканчивались для нее синяками, а занятие любовью наверняка убило бы ее. А вот дружить — это запросто. Ангеллик никогда не требовала от Таха большего, чем он мог ей дать, и он никогда ее не подводил.

Завтрак подала чернокожая горбунья по имени Рут, у которой вместо волос были сизые перья.

— Какой-то мужчина оставил это для вас сегодня утром, — сказала она Ангеллик, протягивая пухлый прямоугольный сверток в коричневой бумаге.

Ангеллик приняла его молча. Тахион выпил сдобренный бренди кофе и, вооружившись вилкой и ножом, с отвращением уставился на

яичницу с беконом, которой неотвратимо суждено было стать его пищей.

— Не кривись, — сказала Ангеллик.

— Не помню, рассказывал ли я о том, как на Такис прибыл корабль Сети и что моя прабабка Амурат сказала посланцу Лай'бара?

— Нет, — ответила Ангеллик. — Расскажи. Мне нравится твоя прабабка.

— Не разделяю твоих чувств к ней. Я всегда ее боялся, — сказал Тахион и начал рассказ.

Том проснулся задолго до рассвета. Джоуи еще похрапывал в подсобке. Том сварил себе кофе в побитой кофеварке и разогрел в тостере магазинный кекс. Пока кофе готовился, он сложил диван, на котором спал, намазал кексы маслом и клубничным джемом, и решил взять что-нибудь почитать. Очевидным выбором были комиксы.

Он помнил день, когда они с Джоуи спасли их. Почти все комиксы изначально принадлежали Тому, включая доставшуюся от отца серию про Джетбоя. Том их просто обожал, но однажды, в тысяча девятьсот пятьдесят четвертом, вернувшись домой из школы, обнаружил их пропажу. Содержимое целого шкафа и двух коробок исчезло. Мать сказала, что к ней заходили две женщины из родительского комитета и рассказали, какая

ужасная вещь комиксы. Показали ей книгу Фредрика Вертхама[72], в которой говорилось, что комиксы превращают детей в хулиганов и гомосексуалистов, прославляют тузов и джокеров — и мать отдала им всю коллекцию Тома. Том кричал и бесился, но мать была непреклонна.

Родительский комитет конфисковал комиксы у всех школьников. В субботу все книги планировалось торжественно сжечь на школьном дворе. Подобное творилось по всей стране, поговаривали даже о готовящемся законопроекте, согласно которому комиксы станут вне закона — по крайней мере те, в которых изображаются преступления, ужасы и люди со сверхспособностями.

Вертхам и родительский комитет оказались правы. Пятничным вечером Томми Тадбери и Джоуи ди Анджелис действительно пошли на преступление из-за комиксов.

Тому было девять, Джоуи — одиннадцать, но он уже с семи лет умел управлять отцовским грузовиком. Посреди ночи он угнал грузовик и

---

[72] notes: 72

Фредрик Вертхам (1895–1981) — американский психиатр немецкого происхождения, прославившийся тем, что первым в США начал оказывать психиатрическую помощь малоимущим темнокожим пациентам, а также своими работами о влиянии комиксов и масс-медиа в целом на психику детей.

встретился с Томом. Джоуи взломал школьное окно, Том забрался к нему на плечи, заглянул в класс, нашел свою коллекцию и, сосредоточившись, перенес ее с помощью телекинеза в кузов грузовика. На этом он не остановился, и эвакуировал таким образом еще пять коробок — не пропадать же добру? В родительском комитете даже не заметили — книг для сожжения все равно осталось достаточно. Если Дом ди Анджелис и задумывался о том, откуда в его доме неожиданно взялась целая куча комиксов, то ни разу об этом не упоминал. Он без лишних слов сколотил для книг стеллажи и гордился, что его сын может их прочитать. С того дня коллекция стала общей.

Поставив тарелку с кексом на ящик из-под апельсинов, Том взял со стеллажа несколько комиксов о Джетбое, чтобы перечитать за едой. «Джетбой на острове Динозавров», «Джетбой и Четвертый рейх», и свой любимый, основанный на реальных событиях последний выпуск «Джетбой и пришельцы из космоса». С обратной стороны обложки значилось: «Тридцать минут над Бродвеем». Том успел перечитать этот комикс дважды, пока потягивал остывающий кофе, подолгу задерживаясь над самыми увлекательными страницами. На последней странице был

изображен плачущий инопланетянин — Тахион. Том не знал, правдива ли была эта картинка. Закрыв комикс, он дожевал кекс и надолго задумался.

Джетбой был настоящим героем. А он кто? Никто. Трус, сопляк. Способность, дарованная ему Дикой картой, еще никому не принесла пользы, включая его самого. Она была бесполезна.

В расстроенных чувствах он влез в пальто и вышел на улицу. На рассвете свалка выглядела убого. Дул холодный ветер. В нескольких сотнях ярдов к востоку плескались зеленые воды залива. Том забрался на холм к старому «паккарду». Дверь машины открылась со скрипом. Продавленные сиденья воняли, но по крайней мере в машине можно было укрыться от ветра. Том развалился на сиденье, задрав колени к приборной панели, и уставился на горизонт. Долго он сидел неподвижно, а там, куда он смотрел, друг за другом поднимались в небо покрышки и колесные колпаки и плюхались в неспокойный Нью-Йоркский залив. На острове вдали возвышалась статуя Свободы, а на северо-востоке можно было различить очертания манхэттенских небоскребов. В половине восьмого Том Тадбери вдруг выпрямился и насторожился. Его ноги затекли, и он давно

уже потерял счет брошенным в море колпакам. Переносной мини-холодильник, которым он жонглировал на высоте сорока футов, с грохотом рухнул на землю. Взъерошив волосы, Том вновь поднял его, перенес примерно на двадцать ярдов и уронил прямо на железную крышу хибары Джоуи. Следом он швырнул туда колесо, покореженный велосипед, шесть колесных колпаков и маленькую красную тележку.

Дверь хибары с грохотом распахнулась, и на порог выскочил Джоуи в трусах и майке, несмотря на мороз. Он был разъярен. Том подцепил его за ноги и дернул, уронив на задницу. Джоуи выругался.

Том вздернул его в воздух вверх ногами.

— Тадбери, мать твою, ты где прячешься? — заорал Джоуи. — Кончай это, мудила! Опусти меня!

Том представил, что у него есть две невидимые руки, и принялся перебрасывать Джоуи из одной в другую.

— Дай мне только спуститься на землю! Я так тебя отделаю, что ты до конца дней своих будешь питаться через соломинку! — угрожал ди Анджелис.

От многолетнего неиспользования ручка стеклоподъемника стала неподатливой, но Тому все

же удалось открыть окно «паккарда» и высунуть голову.

— Привет, детишки, привет-привет-привет! — насмешливо прокричал он.

Подвешенный в двадцати футах над землей Джоуи изогнулся и показал ему кулак.

— Я тебе твои волшебные яйца оторву, придурок!

В ответ на это Том сорвал с Джоуи трусы и прицепил их к телефонной антенне.

— Тадбери, ты труп! — крикнул Джоуи.

Переведя дух, Том аккуратно опустил друга на землю. Наступил момент истины. Громко матерясь, Джоуи побежал к машине. Том зажмурился, положил руки на руль и потянул. «Паккард» закачался. На лбу Тома выступил пот. Отрезав себя от окружающего мира, он сосредоточился, сосчитал от десяти до одного и открыл глаза, ожидая увидеть перед собой кулак Джоуи, метящий ему в нос. Однако перед ним оказалась лишь присевшая на капот «паккарда» чайка, с любопытством глядящая сквозь разбитое лобовое стекло. Том парил в воздухе. Он высунул голову из окна. Джоуи стоял в двадцати футах внизу, подбоченившись и скривившись.

— Ну что, — с улыбкой крикнул Том. — Готов

взять вчерашние слова назад?

— Готов хоть весь день ждать, пока ты спустишься, сукин ты сын, — Джоуи снова погрозил кулаком. Непослушная черная прядь волос упала ему на глаза. — Черт побери, что ты пытаешься доказать? Была бы у меня пушка, я б тебя давно пристрелил.

— Если бы у тебя была пушка, я бы и не высовывался из окна. По правде говоря, окно мне и не нужно, — Том ненадолго задумался об этом, но на такой высоте думать было сложно — все силы уходили на то, чтобы удерживать тяжелый «паккард». — Я спускаюсь. Ты успокоился?

Джоуи ухмыльнулся.

— Спускайся и увидишь, Тадс.

— Отойди. Не хочу тебя раздавить.

Голозадый, покрывшийся гусиной кожей Ди Анджелис отошел в сторону, позволяя Тому аккуратно приземлить машину. «Паккард» опустился на землю мягко, как осенний лист в безветренный день. Не успел Том открыть дверь, как Джоуи схватил его, выдернул наружу и прижал к машине, замахиваясь для удара.

— Ох я тебя… — начал было он, но внезапно помотал головой, фыркнул и лишь легонько пихнул Тома в плечо. — Трусы мне верни, тузик.

Вернувшись в дом, Том подогрел остатки кофе.

— Мне нужно, чтобы ты кое-что для меня сделал, — сказал он, поджаривая омлет с ветчиной и разогревая еще пару кексов. После применения телекинеза у него всегда пробуждался аппетит. — Ты ведь у нас автомеханик, сварщик и тому подобное. А я займусь электроникой.

— Электроникой? — удивленно спросил Джоуи, грея руки над кружкой. — На хрена?

— Мне понадобится освещение и телекамеры. Не хочу, чтобы меня могли застрелить через окно. У тебя здесь куча старых телевизоров, которые можно починить, а где по дешевке достать камеры, я знаю, — Том присел и принялся уплетать омлет за обе щеки. — Также мне понадобятся динамики, чтобы оборудовать систему громкой связи, и генератор. Как думаешь, а холодильник туда поместится?

— «Паккард» здоровый, — заметил Джоуи. — Если заднее сиденье снять, то можно и три холодильника впихнуть.

— Не «паккард», — сказал Том. — Мне нужна машина полегче. Окна заделаем старыми кузовными панелями или еще чем-нибудь в этом роде.

Джоуи откинул волосы с лица.

— К черту кузовные панели, у меня бронепластины есть. Еще с войны остались. В сорок шестом и сорок седьмом на военно-морской базе разбирали на металлолом корабли, и Дом купил на аукционе двадцать, мать их, тонн! Считай, что на ветер деньги выкинул — кому сдалась броня с крейсера? Вон они, до сих пор на заднем дворе ржавеют. Тадс, такую броню только пятидесятикалиберное корабельное орудие пробьет. Будешь защищен, как… черт, как не знаю кто. В полной безопасности.

А вот Том знал, как кто.

— Как черепаха в панцире! — воскликнул он.

До Рождества оставалось десять рабочих дней. Тах сидел в нише у окна, согреваясь кофе по-ирландски и поглядывая на Боуэри сквозь прозрачное с одной стороны стекло. «Дом смеха» открывался только через час, но друзей Ангеллик уже пускали внутрь с черного хода. На сцене перекидывалась шарами для боулинга пара джокеров-жонглеров, известная как «Космос и Хаос». Космос в позе лотоса парил в трех футах над сценой, его безглазое лицо выглядело умиротворенным. Он был полностью слеп, но ни разу в жизни не ронял шар. Его напарник, шестирукий Хаос, скакал, будто безумный, смеясь

над собственными невеселыми шутками и одновременно подбрасывая двумя руками горящие булавы, а остальными четырьмя бросая шары Космосу. Тах не стал долго их разглядывать — несмотря на безусловный талант, на их увечья невозможно было смотреть без жалости.

В нишу заглянул Мэл.

— Может, с тебя хватит? — спросил вышибала, косясь на кружку с напитком.

Свешивавшиеся с его нижней губы усики извивались и сжимались, будто черви, а его огромная кривая иссиня-черная челюсть придавала лицу перманентно воинственное выражение.

— Тебе-то какое дело?

— Такое, что нам от тебя никакого толку.

— А я никогда и не заявлял, что от меня будет толк.

Мэл фыркнул.

— От мешка с навозом и то больше пользы, чем от тебя. Ума не приложу, почему Ангел позволяет такому инопланетному слюнтяю беспрепятственно ошиваться здесь и глушить наше бухло…

— Вот и я ей то же самое говорил.

— Да, она никого не слушает, — согласился Мэл, сжимая руку в кулак. Очень большой, просто огромный кулак.

До Дня Дикой карты он занимал восьмое место в мировом рейтинге боксеров-тяжеловесов. После добрался до третьего, а потом всем, кого коснулась Дикая карта, запретили выступать в профессиональном спорте, и его мечты разбились в одно мгновение. Утверждалось, что эта мера направлена против тузов, но для джокеров исключения не сделали. Теперь Мэл постарел, его редкие волосы поседели, но он по-прежнему обладал достаточной силой, чтобы сломать пополам Флойда Паттерсона, и выглядел достаточно грозно, чтобы напугать на дуэли взглядов Сонни Листона.

— Только посмотри, — проворчал он, глядя в окно. По улице в своем кресле катил Крошка. — Чего он тут забыл? Я же сказал ему держаться подальше от клуба, — Мэл направился к выходу.

— Да не трогай ты его! — крикнул вслед Тахион. — Он безобиден.

— Безобиден? — возмутился Мэл. — Да его вопли всех чертовых туристов распугают! Из чьего кармана, по-твоему, оплачивается вся твоя бесплатная выпивка?

Но тут дверь распахнулась и на пороге появился Десмонд с пальто наперевес. Его хобот торчал вперед.

— Оставь его, Мэл, — сказал швейцар. — Можешь идти.

Мэл ушел, ворча себе под нос.

Десмонд подошел и сел в кабинку Тахиона.

— Доброе утро, доктор.

Тахион кивнул и допил коктейль. Весь виски скопился на дне кружки, и последний глоток хорошо его согрел. Тахион вгляделся в лицо, смотревшее на него с зеркальной поверхности стола: помятое, рассеянное, грубое, с красными, опухшими от чрезмерного употребления алкоголя глазами и длинными рыжими волосами, спутанными и засаленными. Он не узнавал себя. Это не мог быть он. Тахион был настоящим красавцем с утонченными чертами лица, он был…

Десмонд вытянул хобот, пальцами схватив Таха за руку и дернув.

— Вы меня не слушаете? — сердитым низким голосом сказал швейцар.

Тах с заминкой осознал, что Десмонд говорил с ним, и поспешно, невнятно извинился.

— Проехали, — сказал Дес, отпуская руку Тахиона. — Послушайте, доктор, мне нужна ваша помощь. То, что я джокер, не значит, что я необразованный болван. Я о вас читал. У вас ведь есть особые… способности?

— Нет, — перебил его Тах, — не такие, о каких ты мог подумать.

— Ваши способности доподлинно известны, — настаивал Дес.

— Я не… — запинаясь, начал Тах и развел руками. — Это было давно. Теперь я потерял… то есть, теперь я не могу ими пользоваться.

Он снова уставился на отражение своего изможденного лица. Ему хотелось взглянуть Десмонду в глаза, заставить его понять, но он не мог принудить себя смотреть на уродства джокера.

— То есть вы не хотите ими пользоваться, — заключил Дес и поднялся. — Я думал, что до открытия клуба успею застать вас трезвым, а вы уже наклюкались. Ладно, забудьте о том, что я говорил.

— Я бы помог тебе, если бы мог, — принялся оправдываться Тахион.

— Кто сказал, что помощь нужна *мне*? — резко ответил Дес.

Когда швейцар ушел, Тахион направился к длинной хромированной барной стойке и уговорил целую бутылку коньяка. От первого стакана ему полегчало, после второго руки перестали трястись, а вот после третьего он разрыдался. Подошел Мэл и взглянул на него с презрением.

— Никогда еще не встречал мужика, который плакал бы столько же, сколько ты, — сказал он, сунул Тахиону грязный носовой платок и отправился открывать клуб.

Когда из настроенного на полицейскую частоту радиоприемника у его правой ноги раздалось сообщение о пожаре, Том находился в воздухе уже четыре с половиной часа. Не слишком высоко, надо признать, всего в шести футах над землей, но, как Тому удалось выяснить, между шестью и шестидесятью не было существенной разницы. Лишь одно имело значение: он провисел в воздухе уже четыре с половиной часа и ни капли не устал. Напротив, чувствовал себя превосходно.

Он был надежно пристегнут к одиночному сиденью, которое Джоуи снял с разбитого «Триумфа TR-3» и присобачил на шарнир посередине «фольксвагена». Единственными источниками света внутри были бледные фосфоресцирующие телеэкраны, окружавшие Тома со всех сторон. Том был буквально зажат между подвижными камерами, генератором, вентиляционной системой, звуковой аппаратурой, ящиком сменных вакуумных трубок и мини-холодильником, и едва мог пошевелиться, но не испытывал от этого затруднений. Клаустрофобией он не страдал, ско-

рее наоборот — любил замкнутые пространства.

Джоуи обшил старого «жука» двумя слоями корабельной брони, и Том чувствовал себя в машине как в танке. Даже лучше. Джоуи проверил броню на прочность, несколько раз выстрелив в нее из трофейного «люгера», отобранного Домом у немецкого офицера во время войны. Удачный выстрел мог вывести из строя камеру или фонарь, но попасть в Тома было невозможно. В своем «панцире» он был в полной безопасности, он был неуязвим и настолько уверен в себе, что готов был горы свернуть.

Полностью обустроенная и обшитая броней машина оказалась тяжелее «паккарда», но Тома это не смущало. Четыре с половиной часа он не касался земли, тихо и почти без усилий скользя по воздуху над свалкой. Он даже не вспотел.

Услышав сообщение по радио, Том едва не подскочил от радостного возбуждения. Вот оно! Ему хотелось дождаться Джоуи, но тот отправился в пиццерию «Помпеи» за ужином (пепперони с луком и дополнительной порцией сыра), а терять время было нельзя. Кто знал, когда ему предоставится следующий шанс?

Лампы на днище панциря отбрасывали резкие тени на горы металлолома. Том поднялся

выше — на восемь футов, десять, двенадцать. Он судорожно переводил взгляд с одного экрана на другой, наблюдая, как земля отдаляется. Изображение на одном из мониторов, собранном из старого телевизора «Сильвания», медленно поплыло по вертикали. Повозившись с ручкой, Том все исправил. Ладони вспотели. Достигнув высоты пятнадцати футов, он медленно повел панцирь вперед, к берегу. Впереди была тьма — очертаний Нью-Йорка не удалось разглядеть, но Том знал, что город где-то там, и что ему по силам туда добраться. На маленьких черно-белых экранах воды Нью-Йоркского залива казались еще темнее обычного, напоминая бурный чернильный океан. Том должен был продвигаться наугад, пока не увидит городские огни. Любая ошибка — и он присоединится к Джетбою и Кеннеди скорее, чем планировалось. Даже если Тому удастся быстро открыть люк и выбраться, плавать он все равно не умел.

Но тут Тому стало ясно, что ошибки он не допустит. Какого черта он медлит? Время ошибок прошло, теперь у него все получится. Ему оставалось лишь верить в собственные силы.

Сжав губы, он послал мысленный толчок, и панцирь легко заскользил над водой. Соленые

волны внизу поднимались и опадали. Тому еще не приходилось летать над водой, ощущение было для него новым и незнакомым. На мгновение он поддался панике, и панцирь угрожающе нырнул на три фута, но Том тут же успокоился и выправил машину. Легкое усилие — и панцирь взмыл еще выше. «Выше, выше, — думал Том, — я полечу высоко, как Джетбой, как Черный орел, как чертов туз!» Панцирь набирал скорость, спокойно и плавно пересекая залив. Том чувствовал себя все увереннее. Никогда прежде он не ощущал в себе такой силы — это было невероятно, прекрасно, справедливо.

Компас работал исправно; не прошло и десяти минут, как впереди показались огни Бэттери и Уолл-стрит. Том поднялся еще выше и полетел вдоль берега Гудзона в сторону Аптауна. Он пролетел над могилой Джетбоя, у которой останавливался десятки раз, разглядывая лицо гигантской металлической статуи-памятника. Теперь он задумался, о чем мог подумать памятник, если бы мог видеть, как Том пролетает мимо.

У Тома была карта Нью-Йорка, но сегодня он в ней не нуждался. Пожар был виден за целую милю. Огибая горящее здание, даже внутри панциря Том почувствовал жар от языков пламени. Он

осторожно приступил к снижению. Стабилизаторы загудели, камеры по команде нацелились на нужные точки. Внизу царили хаос и какофония — гудели сирены, раздавались крики. Толпа зевак шумела, пожарные носились туда-сюда, кругом были полицейские заграждения и машины «Скорой помощи». Пожарные грузовики поливали пламя водой. Сначала никто не замечал Тома, зависшего в пятидесяти футах над землей, но стоило ему спуститься ниже, как лучи его ламп заиграли на стене здания, и люди внизу принялись показывать на него пальцами. Тому стало радостно.

Но радоваться было некогда. Краем глаза он увидел на одном из мониторов женщину. Она внезапно появилась в окне пятого этажа, кривясь и кашляя. Ее платье уже загорелось. Не успел он ничего предпринять, как пламя охватило женщину, и она с криком выпрыгнула из окна. Ни секунды не задумываясь, Том подхватил ее в полете. Он не гадал, получится ли у него — просто поймал женщину и аккуратно опустил на асфальт. Пожарные тут же обступили ее, потушили горящее платье и поспешно погрузили в «скорую». Теперь все взгляды были устремлены на Тома — точнее, на непонятную летающую кон-

струкцию с кольцом ламп на днище, в которой он сидел. На полицейской волне началась суматоха; его панцирь приняли за летающую тарелку. Том расплылся в улыбке.

Один полицейский с рупором забрался на крышу автомобиля и обратился к нему. Том выключил радио, чтобы лучше расслышать полицейского, но ему все равно мешал треск пламени. Он смог разобрать, что полицейский требует от него спуститься и назвать себя.

Это было проще простого. Том включил громкоговоритель.

— Я Черепаха! — объявил он.

У «фольксвагена» не было колес — вместо них Джоуи прикрутил самые большие динамики, что только мог найти, и подключил их к самому мощному усилителю. Город впервые услышал голос Черепахи — громогласное «Я ЧЕРЕПАХА!» разнеслось по улицам и переулкам, будто раскат грома, несколько искаженный эфирными помехами. Сказанное показалось Тому не совсем верным. Он еще повысил громкость, добавил басов и объявил на весь город:

— Я ВЕЛИКАЯ И МОГУЧАЯ ЧЕРЕПАХА!

Затем он пролетел квартал на запад, приблизившись к мутным темным водам залива, и

мысленно представил две огромные руки в сорока футах от себя. Опустив их в воду, он сложил их, набрал воды и поднял. Гигантские капли брызнули на улицу. Когда первый каскад воды хлынул на горящее здание, в толпе раздались радостные возгласы.

— Счастливого Рождества, — пьяным голосом объявил Тах, когда часы пробили полночь и собравшаяся по поводу праздника толпа принялась кричать, улюлюкать и стучать по столам. На сцене Хамфри Богарт не своим голосом рассказывал анекдоты. На мгновение в клубе погас свет, а когда зажегся вновь, на месте Богарта оказался широкоплечий круглолицый мужик с красным носом.

— Это еще кто? — спросил Тах одну из близняшек, что сидела слева от него.

— У. К. Филдс, — шепотом ответила та и облизала его ухо.

Близняшка справа вытворяла еще более интересные вещи под столом, засунув руку Таху в штаны. Они были его рождественским подарком от Ангеллик.

— Можешь представить, что они — это я, — сказала она, хотя они вовсе не были на нее похожи.

Хорошие девушки, грудастые, веселые и рас-

крепощенные — разве что простоваты немного. Они напоминали такисианские секс-игрушки. Ту, что справа, тронула Дикая карта, но даже в постели она носила кошачью маску, и поэтому никакое уродство не мешало эрекции Тахиона.

У. К. Филдс, кем бы он ни был[73], высказал весьма циничное наблюдение о Рождестве и маленьких детях, и толпа загудела, призывая его убраться со сцены. Проекционист умел принимать облик множества людей, но с чувством юмора у него была настоящая беда. Впрочем, Таха это особенно не заботило — в данный момент его занимало другое.

— Газету? — разносчик бросил на стол выпуск «Геральд трибьюн» толстой трехпалой рукой. Его кожа была сине-черной и маслянистой на вид. — Все рождественские новости, — добавил он, придерживая пачку газет под мышкой. Из уголков широкого ухмыляющегося рта торчали маленькие бивни. На огромном, покрытом клочками рыжих волос черепе красовалась шляпа-поркпай. На улицах он заслужил прозвище Морж.

---

[73] notes: 73

А был он знаменитым комиком, родившимся в 1880 г. и умершим от желудочного кровотечения в 1946 г. на Рождество — праздник, который он ненавидел.

— Нет, Джуб, спасибо, — высокопарно ответил Тах. — Сегодня у меня сердце не лежит к людским выходкам.

— Ой, гляди! — воскликнула правая близняшка. — Это же Черепаха!

Тахион покрутил головой по сторонам, недоумевая, как огромная бронированная махина могла проникнуть в «Дом смеха», но потом понял, что девушка имела в виду газету.

— Тахи, купи ей газетку! — со смехом попросила вторая. — Она будет дуться, если не купишь!

Тахион тяжело вздохнул.

— Ладно, Джуб, давай одну. Только будь добр, избавь нас от своих анекдотов.

— Я как раз услышал новый! Джокер, ирландец и поляк попали на необитаемый остров… а дальше не скажу! — ухмыляясь, ответил Морж.

Тахион потянулся в карман за мелочью, но обнаружил там лишь женскую руку. Джуб подмигнул.

— Ладно, стрясу деньги с Деса, — сказал он.

Тахион разложил газету на столе как раз в тот момент, когда на сцене под бурные аплодисменты появились Космос и Хаос.

Нечеткая фотография Черепахи была растянута на две колонки. Тахиону машина напомнила

громадный летучий огурец, покрытый пупырышками. В этот раз Черепаха задержал водителя, насмерть сбившего в Гарлеме девятилетнего мальчика и скрывшегося с места происшествия. Он поднял машину беглеца на двадцать футов в воздух и удерживал до появления полиции. В комментарии после статьи представитель Военно-воздушных сил развенчивал слух о том, что Черепаха является экспериментальным роботизированным летающим танком.

— Можно подумать, им писать больше не о чем, — вздохнул Тахион.

На этой неделе он прочел уже третью статью о Черепахе. В читательских письмах и редакторских колонках звучало одно: Черепаха, Черепаха, Черепаха. Даже на телевидении начался настоящий черепаший бум. Кто он такой? Что он такое? Что у него за способности?

Один журналист даже до Таха добрался с этим вопросом.

— Телекинез, — ответил Тахион. — Способность не новая, можно даже сказать, обычная.

В сорок шестом телекинез был наиболее распространенным талантом, развивавшимся у жертв вируса. Добрый десяток пациентов Тахиона умели перемещать скрепки и карандаши, а одна

женщина могла левитировать в течение десяти минут. Даже полет Эрла Сандерсона был, по сути, телекинетическим. А вот настолько мощный телекинез был уникальным явлением. Об этом Тах упоминать не стал; к тому же, когда статья вышла, половину его слов все равно переврали.

— Знаешь, а он ведь джокер, — шепотом произнесла правая близняшка — та, что в серебристо-серой кошачьей маске. Она читала статью о Черепахе, прислонившись к плечу Тахиона.

— Джокер? — переспросил Тах.

— Он же прячется в панцире, верно? Зачем ему это делать, если он не урод? — девушка вытащила руку из брюк Тахиона. — Можно мне взять эту газету?

Тах придвинул газету к девушке.

— Все поют ему дифирамбы, — сказал он. — Как и «Четырем тузам» до этого.

— Это та цветная группа? — спросила девушка, принимаясь разглядывать заголовки.

— Она вклеивает газетные вырезки в альбом, — пояснила ее сестра. — Все джокеры считают, что Черепаха — один из них. Глупость, как по мне. Думаю, это очередная летающая тарелка ВВС.

— Неправда, — возразила близняшка в маске. — Даже здесь это опровергают! — она указала

на комментарий длинным, выкрашенным красным лаком ногтем.

— Не обращай на нее внимания, — сказала левая близняшка. Прильнув к Тахиону, она куснула его за шею и запустила руку под стол.

— Эй, в чем дело? Куда подевался твой стояк?

— Прошу прощения, — хмуро сказал Тахион.

На сцене Космос и Хаос жонглировали топорами, ножами и мачете, и зеркала преумножали этот сверкающий каскад. Под рукой у Тахиона была бутылка коньяка, по бокам — прекрасные, доступные женщины, но по какой-то неведомой причине его настроение испортилось. Вечер перестал быть приятным. Наполнив стакан до краев, Тахион вдохнул дурманящие пары спирта и вновь пробормотал:

— Счастливого Рождества.

В сознание его вернул сердитый голос Мэла. Тах неуверенно оторвал голову от зеркальной поверхности стола и, моргая, уставился на свое красное, опухшее отражение. Жонглеры, близняшки и все посетители давно ушли. Щека была липкой — Тах спал в лужице пролитого коньяка. Он смутно помнил, что близняшки развлекали его, стараясь расшевелить, а одна даже забралась под стол, но ничего из этого не вышло. Затем

появилась Ангеллик и прогнала их.

— Тахи, иди спать, — сказала она.

Мэл изъявил желание отнести его в кровать, но Ангеллик не разрешила.

— Не сегодня, — сказала она. — Ты же помнишь, какой сегодня день. Пускай тут спит.

А вот когда у него получилось уснуть, Тахион не помнил.

Голова раскалывалась, а от криков Мэла становилось только хуже.

— Срать я хотел на то, что тебе обещали, ублюдок! К ней я тебя не пущу! — орал вышибала. В ответ ему раздался чей-то тихий, спокойный голос. — Да получишь ты свои деньги, но не более! — рявкнул Мэл.

Тах огляделся. В зеркалах смутно отражались причудливые формы; в тусклом утреннем свете отражения накладывались на отражения — прекрасные, ужасные, бессчетные, его дети, его наследники, результат его ошибок, целое море джокеров. Тихий голос произнес что-то еще.

— Поцелуй мою джокерскую задницу! — воскликнул Мэл. В кривом зеркале его тело выглядело изогнутой палкой с головой размером с тыкву, и Тах улыбнулся. Мэл кого-то толкнул и потянулся за спину, за пистолетом.

Отражения и отражения отражений, узкие тени, широкие тени, круглолицые и тонкие, черные и белые — все разом зашевелились, и клуб наполнился шумом. Раздался хриплый крик Мэла и грохот выстрелов. Тах инстинктивно метнулся в укрытие, ударившись лбом об угол стола так, что брызнули слезы. Он свернулся клубком на полу, глядя на бесчисленные отражения ног, пока вокруг разворачивалась оглушительная какофония. Стекло билось и осыпалось на пол, зеркала взрывались фонтанами серебряных осколков, которые не под силу было бы поймать даже Космосу и Хаосу. Темные осколки впивались в отражения, откусывали целые куски от кривых теней. На разбитые зеркала брызгала кровь.

Все окончилось столь же внезапно, как и началось. Тихий голос что-то произнес, следом послышались чьи-то шаги по стеклу. Мгновение спустя позади Тахиона раздался приглушенный вскрик. Тах лежал под столом, пьяный, напуганный, и не высовывался. У него болел палец, шла кровь — он порезался осколком зеркала. В голову лезли дурацкие суеверия о том, что разбитые зеркала — к несчастью. Обхватив голову руками, Тахион попытался прогнать кошмар. Очнулся он лишь тогда, когда его бесцеремонно принялся

трясти полицейский.

Полицейский сообщил ему, что Мэл мертв, и в подтверждение показал фотографию мертвого вышибалы в луже крови и стекла. Рут тоже погибла, как и один из уборщиков, слабоумный циклоп, который никогда никому не причинял зла. Показали Тахиону и газету. «Рождественская бойня», — гласил заголовок, а в статье сообщалось о трех джокерах, нашедших под елкой смерть.

Другой полицейский спрашивал, известно ли ему что-нибудь об исчезновении мисс Фасетти. Могла ли она быть в этом замешана? Если да, то была ли она преступником или жертвой? Тахион отвечал, что не знает никакой мисс Фасетти, пока ему не объяснили, что речь идет об Анджеле Фасетти, также известной как Ангеллик. Она исчезла, Мэла застрелили, а страшнее всего было то, что Тах не знал, где и как теперь достать выпивку.

Его продержали в камере четыре дня, ежедневно задавая одни и те же вопросы, пока Тахион не принялся кричать, умолять, требовать, чтобы ему зачитали его права, позвали адвоката и налили выпить. Из всех требований удовлетворили только одно — об адвокате. Адвокат заявил, что Тахиона не имеют права удерживать без выдви-

жения обвинений, так что полицейские тут же объявили Таха важным свидетелем, обвинили в бродяжничестве и сопротивлении аресту и принялись допрашивать по-новой.

Не прошло и трех дней, как у Тахиона задрожали руки и начались галлюцинации. Полицейский, исполнявший роль «хорошего», пообещал ему бутылку в обмен на показания, но ответы Тахиона его не удовлетворили, и никакой бутылки так и не появилось. «Плохой» полицейский угрожал оставить Тахиона в камере на всю жизнь, если он не расскажет правду. Скуля, Тах рассказал ему:

— Это был какой-то кошмар. Я был пьян и уснул. Никого не видел, только кривые отражения в зеркалах. Не знаю, сколько там было людей. Не знаю, из-за чего произошел конфликт. Нет, у нее не было врагов, все любили Ангеллик. Нет, она не убивала Мэла, что за глупости? Мэл ее любил. У одного из напавших был очень тихий, спокойный голос. Не знаю, кто это был. Не помню, что он говорил. Не могу сказать, были ли они джокерами. Похожи на джокеров, но в кривых зеркалах любой может оказаться похожим на джокера. Может, все они были джокерами, а может, не все. Понимаете? Нет, опознать я их не смогу, даже

если вы мне их покажете. Я же их не видел. Я прятался под столом, как отец учил, если появлялись наемные убийцы. Ничего нельзя было поделать.

Когда полицейские поняли, что добиться от него большего не выйдет, то сняли обвинения и отпустили в холодную джокертаунскую ночь.

Он шел по Боуэри один, дрожа. В газетном киоске на углу Хестер-стрит Морж раздавал газеты, как горячие пирожки.

— Все подробности! — кричал он. — Черепаха наводит ужас на Джокертаун!

Тахион задержался и отрешенно посмотрел на заголовки. «ЧЕРЕПАХА В ПОЛИЦЕЙСКОМ РОЗЫСКЕ», — сообщала «Пост». «ЧЕРЕПАХУ ОБВИНЯЮТ В РАЗБОЙНОМ НАПАДЕНИИ», — вторила ей «Уорлд Телеграм». Недолго музыка играла. Тах мельком прочитал статью. Сообщалось, что последние два дня Черепаха ловил в Джокертауне людей, поднимал на сотню футов в воздух и допрашивал, угрожая уронить. Когда полиция попыталась его арестовать, Черепаха закинул двоих инспекторов на крышу клуба «Чудаки» на Четэм-сквер. «ОБУЗДАЙТЕ ЧЕРЕПАХУ», — призывала редакторская колонка «Уорлд телеграм».

— Док, ты здоров? — спросил Морж.

— Нет, — ответил Тахион, откладывая газету. Ему все равно не на что было ее купить.

Вход в «Дом смеха» перекрывали полицейские ограждения, а на дверях висел замок. «ЗАКРЫТО НА НЕОПРЕДЕЛЕННЫЙ СРОК», — гласила табличка. Тахиону неимоверно хотелось выпить, но в карманах его шинели было пусто. Он вспомнил о Десе и Рэнделле, но не знал ни где они живут, ни даже их фамилий.

Доковыляв до «Комнат», Тах устало поднялся по лестнице. Не успев войти в темную комнату, он осознал, что внутри стоит жуткий холод — окно было открыто нараспашку, и даже застарелый запах мочи, плесени и спирта почти успел выветриться. Он что, сам оставил его открытым? Тахион в замешательстве шагнул к окну, и тут кто-то выскочил из-за двери и схватил его сзади.

Все случилось внезапно, и Тах не успел среагировать. Рука незнакомца стальной хваткой сжала горло, не давая возможности закричать, а другая рука заломила его собственную правую руку за спину. Тахион задыхался, рука была на грани перелома, и тут его быстро потащили к окну, держа так крепко, что ему оставалось лишь беспомощно брыкаться. Он врезался животом в подоконник так, что едва не испустил дух, и

понял, что летит вниз головой на тротуар вместе с нападавшим.

В пяти футах от земли они внезапно остановились, и незнакомец крякнул от неожиданного рывка. Предчувствуя удар о бетон, Тах закрыл глаза. Когда неведомая сила медленно потянула его вверх, снова открыл. Над желтым кругом уличного фонаря виднелось кольцо более ярких ламп, зависшее в темноте и заслоняющее собой зимние звезды.

Рука, сжимавшая горло Тахиона, разжалась, и он простонал.

— Ты… — прохрипел Тах, когда они обогнули панцирь и аккуратно опустились на него сверху. Металл был ледяным, и брюки не спасали от холода. Черепаха начал взлет, и похититель окончательно отпустил Тахиона. Жадно втянув морозный воздух, Тах обернулся, оказавшись лицом к лицу с человеком в кожаной куртке, холщовых брюках и зеленой резиновой маске лягушки. — Кто?

— Я — крутой напарник Великой и Могучей Черепахи, — весело ответил человек в маске.

— ДОКТОР ТАХИОН, ВЕРНО? — прогремело из панциря на весь квартал. — ДАВНО МЕЧТАЛ С ВАМИ ПОЗНАКОМИТЬСЯ. В ДЕТСТВЕ Я МНОГО О

ВАС ЧИТАЛ.

— А потише можно? — простонал Тах.

— А, КОНЕЧНО. Так лучше? — громкость заметно уменьшилась. — Внутри шумно, и из-за брони мне сложно понять, насколько громко я говорю. Простите, если мы вас напугали, но другого выхода не было. Нам нужна ваша помощь.

— Чего вам надо? — устало спросил Тахион, трясясь от холода и не двигаясь с места.

— Говорю же, нам нужна ваша помощь, — повторил Черепаха. Взлет продолжался; вокруг сияли огни Манхэттена, а впереди возвышались шпили Эмпайр-стейт-Билдинг и Крайслер-билдинг. Панцирь поднялся выше них. Ветер здесь был ледяным и порывистым, и Таху приходилось изо всех сил цепляться за панцирь.

— Оставьте меня в покое, — сказал Тахион. — Мне нечем вам помочь. Я никому не способен помочь.

— Черт, он сейчас разревется, — заметил человек-лягушка.

— Поймите, — начал Черепаха, беря курс на запад. Полет был тихим и ровным, одновременно прекрасным и жутким. — Самому мне не справиться, но с вашими способностями все должно получиться.

Тахион не испытывал ничего, кроме жалости к самому себе, он слишком устал, замерз и отчаялся, чтобы отвечать.

В ответ он произнес лишь одно:

— Мне нужно выпить.

— Да ну его в жопу, — выругался Лягушка. — Дамбо был прав, этот парень — просто жалкий алкаш.

— Он просто не понимает, в чем дело, — сказал Черепаха. — Как только мы все ему объясним, он согласится. Доктор Тахион, речь идет о вашей подруге Ангеллик.

Тахиону так хотелось выпить, что он уже места себе не находил.

— Она была добра ко мне, — проскулил он, вспомнив сладкий аромат атласных простыней и кровавые следы на зеркальном полу. — Но я ничем не могу помочь. Я уже рассказал полиции все, что знаю.

— Трусливый мудак, — констатировал Лягушка.

— Когда я был маленьким, то читал о вас в комиксах про Джетбоя, — сказал Черепаха. — Помните «Тридцать минут над Бродвеем»? Вы ведь умны как Эйнштейн! Я знаю, как спасти Ангеллик, но без ваших способностей ничего не

получится.

— Нет у меня больше способностей. Я сильно навредил женщине, которую любил. Я на миг завладел ее разумом ради благой цели, но… это ее погубило. Больше я ни на что не способен.

— Ну-ну, — съехидничал Лягушка. — Черепаха, давай я его сброшу? Толку с него как с козла молока.

Лягушка достал из кармана куртки какой-то предмет, и Тах с удивлением понял, что это пивная бутылка.

— Умоляю, — пролепетал он, когда Лягушка открыл пробку висевшей на шее открывашкой. — Можно мне глоточек? Всего один, — Тах не любил вкус пива, но в эту минуту был готов пить что угодно, лишь бы алкогольное. — Умоляю.

— Иди в жопу, — отрезал Лягушка.

— Тахион, — произнес Черепаха, — вы можете заставить его отдать пиво.

— Не могу, — ответил Тах. Человек-лягушка поднес бутылку к зеленым резиновым губам. — Не могу, — повторил Тахион, пока Лягушка жадно пил. — Никак.

Раздавалось громкое бульканье.

— Прошу вас, один глоток!

Лягушка опустил бутылку и взболтнул.

— Один глоток и остался, — заметил он.

— Пожалуйста, — Тахион протянул дрожащую руку.

— Неа, — отмахнулся Лягушка и начал медленно переворачивать бутылку. — Если тебя так мучит жажда, то прикажи мне. Мысленно заставь отдать чертово пиво, — он наклонил бутылку сильнее. — Ну же, давай, заставь меня!

На глазах у Таха последние капли пива пролились на панцирь.

— Черт, — произнес лягушка, — да ты не шутишь?

Он достал еще одну бутылку, открыл и протянул Таху. Тот благодарно схватил ее обеими руками. Пиво было холодным и кислым, но Тахиону казалось, что он никогда еще не пробовал ничего более вкусного. Он залпом осушил всю бутылку.

— Еще идеи будут? — обратился Лягушка к Черепахе.

Перед ними простиралась река Гудзон, к западу виднелись огни Джерси. Панцирь снижался. Впереди над Гудзоном возвышалось масштабное сооружение из стекла, мрамора и стали, которое Тахион мгновенно узнал, хоть никогда здесь и не бывал. Могила Джетбоя.

— Куда мы направляемся? — спросил он.

— Обсудить кое с кем спасательную операцию, — ответил Черепаха.

Могила Джетбоя стояла на том месте, где развалился его самолет, и занимала площадь целого квартала. Том видел ее на всех мониторах. Он сидел в теплом полумраке панциря, купаясь в фосфоресцирующем сиянии. Камеры тихо жужжали. Огромные крылья мавзолея загибались кверху, как будто здание собиралось само отправиться в полет. Сквозь высокие узкие окна виднелась подвешенная к потолку полномасштабная копия «Джей-Би-1», ее алые бока сияли в лучах невидимых прожекторов. Над входом на черном итальянском мраморе были высечены и обрамлены сталью последние слова героя. В свете фар панциря металл сверкал:

«МНЕ НЕЛЬЗЯ УМИРАТЬ, Я ЕЩЕ НЕ ПОСМОТРЕЛ “ИСТОРИЮ ДЖОЛСОНА”»[74].

Панцирь опустился перед монументом и завис в пяти футах над широкой мраморной площадкой, к которой вели ступени. Рядом двадцатифутовый

---

[74] notes: 74

«История Джолсона» — биографический фильм 1946 г., посвященный певцу и актеру Элу Джолсону (1886–1950). Сыгравший молодого Джолсона актер Ларри Паркс (1914–1975) получил за эту роль номинацию на премию «Оскар».

стальной Джетбой со сжатыми кулаками нависал над Вестсайдским шоссе и Гудзоном. Том знал, что на статую был пущен металл от разбитых самолетов. Лицо статуи он помнил лучше, чем лицо собственного отца.

Человек, с которым они должны были встретиться, вышел из тени у пьедестала — массивная темная фигура, руки в карманах теплого пальто. Том посветил на него, камера выхватила лицо человека. Это был джокер — широкоплечий, плотный и одетый с иголочки. Лицо его частично скрывали меховой воротник пальто и низко надвинутая на глаза шляпа. Однако его личность все равно выдавал слоновий хобот на месте носа. На конце хобота красовались пальцы в маленькой кожаной перчатке.

Доктор Тахион соскользнул с панциря и, потеряв равновесие, ударился задницей о мрамор. Джоуи расхохотался, но сразу же спрыгнул и помог Тахиону подняться.

Джокер заметил инопланетянина.

— Значит, вы все-таки его уговорили? Удивительно.

— Да мы, блин, настоящие мастера красноречия, — ответил Джоуи.

— Дес, — растерянно произнес Тахион, — что

ты здесь делаешь? Ты знаешь этих людей?

Хобот человека-слона сжался.

— Пару дней, можно сказать. Они пришли ко мне. Час был поздний, но звонок от Великой и Могучей Черепахи пробудил во мне любопытство. Он предложил помощь, я согласился. Даже сказал им, где вы живете.

Тахион взъерошил грязные спутанные волосы.

— Жаль, что с Мэлом так вышло. Куда подевалась Ангеллик? Знаешь, она очень много для меня значит.

— Могу даже в долларах и центах сосчитать, как много, — ответил Дес.

У Тахиона отвисла челюсть. Его достоинство было уязвлено, и Тому даже стало его жалко.

— Я искал тебя, — принялся оправдываться Тах, — но не смог найти.

Джоуи усмехнулся.

— В чертовой телефонной книге, тупица! В городе всего один Ксавье Десмонд, — Джоуи повернулся к панцирю. — Каким образом этот болван найдет нашу дамочку, если он даже своего приятеля разыскать не смог?

Десмонд кивнул.

— Верно подмечено. Ничего не выйдет. Вы только взгляните на него! — он указал на Тахио-

на хоботом. — Какой с него прок? Только пустая трата времени.

— Твой способ мы уже испробовали, — ответил Том, — и не нашли ни одной зацепки. Все свидетели молчат. А он может добыть нужную нам информацию.

— Ничего не понимаю, — встрял в разговор Тахион.

Джоуи с отвращением фыркнул. Он неизвестно где раздобыл еще пива, но никак не мог справиться с крышкой.

— Что происходит? — продолжал спрашивать Тах.

— Если бы вас заботило что-то помимо коньяка и дешевых шлюх, вы бы знали, — холодно ответил Дес.

— Расскажи ему все, что сообщил нам, — приказал Том. Он думал, что узнав все, Тахион обязательно согласится помочь. Обязан будет помочь.

Дес тяжело вздохнул.

— Ангеллик сидела на героине. Ей было больно, Док. Может, вы хотя бы иногда это замечали? Без наркотиков она и дня бы не протянула. Боль свела бы ее с ума. Она не баловалась — употребляла неочищенный героин в таких количествах,

которые убили бы обычного наркомана. А на нее он едва действовал — такой уж у джокеров метаболизм. Доктор Тахион, вы в курсе, сколько стоит героин? Вижу, что не в курсе. У Ангеллик был неплохой доход от «Дома смеха», но этого не хватало. Ее поставщик предоставил ей кредит, но когда сумма этого кредита существенно выросла, потребовал у нее… скажем так, гарантийный вексель. Или рождественский подарок — зовите как хотите. Выбора у нее не было. Либо платить, либо остаться без наркотиков. Она привыкла верить в лучшее, и рассчитывала раздобыть деньги, но не вышло. Утром пришли коллекторы. Мэл не собирался ее отпускать, но они были настойчивы.

Тахион прищурился от яркого света фонарей. На одном из мониторов в панцире его изображение поплыло вверх.

— Почему она ничего мне не сказала? — недоумевал он.

— Видимо, не хотела становиться обузой. Мешать вам заливать жалость к себе коньяком.

— А в полицию вы обращались?

— Ха, в полицию! К доблестным стражам порядка — тем самым, что удивительным образом закрывают глаза на избиения и убийства джокеров, зато рьяно ищут виновных, стоит

кому-нибудь обворовать зазевавшегося туриста. Тем самым, что регулярно задерживают, допрашивают и мучают любого джокера, имевшего неосторожность поселиться за пределами Джокертауна. А может, нам стоило пойти прямо к тому офицеру, сказавшему однажды, что изнасилование женщины-джокера — не преступление, а моветон? — Дес фыркнул. — Доктор Тахион, где по-твоему Ангеллик добывала наркотики? Думаешь, она могла купить героин в таком количестве у любого уличного толкача? Нет же, она брала их в полиции! Если точнее, у самого начальника отдела по борьбе с наркотиками. Разумеется, в этом вряд ли замешан весь департамент. Ребята из убойного отдела наверняка ведут честное расследование, но что они сделают, если мы заявим, что убийца — Баннистер? Думаешь, они арестуют своего на основании моих показаний или свидетельств любого другого джокера?

— Мы оплатим ее долг, — выпалил Тахион. — Вернем этому человеку все его деньги, заложим «Дом смеха», что угодно.

— Вексель был не на «Дом смеха», — устало произнес Десмонд.

— Так отдайте ему то, чего он хотел!

— Ангеллик пообещала ему единственное, чего

он хотел, — ответил Десмонд. — Себя. Свою красоту и боль. По городу уже ходят слухи. Готовится закрытая новогодняя вечеринка. Роскошная. Вход только по приглашениям. Обещают незабываемые впечатления. Баннистер получит ее первым, а затем придет черед остальных гостей. Гостеприимство по-джокертаунски.

Тахион беззвучно шевелил губами, не в силах вымолвить ни слова.

— А что полиция? — прошептал он наконец. Выглядел он не менее потрясенным, чем был Том, когда Десмонд все рассказал ему и Джоуи.

— Доктор, полиции до нас дела нет. Мы больные уроды. Джокертаун — это тупик, ад земной, а джокертаунская полиция — самая жестокая, продажная и некомпетентная во всем городе. Не думаю, что перестрелка в «Доме смеха» была спланированной акцией, но избежать ее не удалось, и Ангеллик слишком много знает. В живых ее не оставят, но сперва на славу позабавятся с «джокерской дыркой».

Том Тадбери склонился к микрофону.

— Я могу спасти ее. Против Великой и Могучей Черепахи у этих уродов нет шансов. Но я не знаю, где ее держат.

— У нее много друзей, — добавил Дес, — но ни

один из нас не умеет читать мысли и повелевать разумом других.

— И я не могу, — в очередной раз повторил Тахион. Он весь скукожился и понемногу отступал в сторонку, так что Том даже решил было, что доктор замышляет побег. — Вам не понять.

— Неженка чертова! — громко произнес Джоуи.

Чаша терпения Тома Тадбери была переполнена.

— Если у вас не получится, то так тому и быть, — сказал он. — Но если вы даже не попытаетесь, результат будет таким же — так какая, к черту, разница? Джетбой потерпел неудачу, но он хотя бы попытался. Он не был ни тузом, ни долбаным такисианином, он был обычным летчиком — но он сделал все, что мог.

— Я хочу вам помочь. Я… просто… не могу.

Дес протрубил что-то нечленораздельное своим хоботом. Джоуи развел руками.

Том был ошеломлен. Он не мог поверить, что Тахион отказывается помогать. Джоуи предупреждал его, да и Десмонд тоже, но Том настоял на своем, будучи уверен, что знаменитый доктор Тахион, какие бы невзгоды ни обрушились на него, не откажет в помощи — нужно было лишь

объяснить ему ситуацию, твердо дать понять, что стоит на кону, и убедить в том, что без его помощи не обойтись. Но Тахион все равно отказался. Последний шанс ускользал от Тома.

Он врубил динамики на полную мощность.

— СУКИН ТЫ СЫН! — прогремел он на всю площадь, и Тахион задрожал. — ЖАЛКОЕ ИНОПЛАНЕТНОЕ ССЫКЛО! — Тахион отпрянул назад, едва не упав с лестницы, но Черепаха продолжал напирать. — ЗНАЧИТ, ЭТО ВСЕ ВРАНЬЕ? ВСЕ, О ЧЕМ НАПИСАНО В КОМИКСАХ И ГАЗЕТАХ? МЕНЯ С ДЕТСТВА КОЛОТИЛИ И ЗВАЛИ СРАНЫМ СОПЛЯКОМ И ТРУСОМ, НО НАСТОЯЩИЙ ТРУС — ЭТО ТЫ, УБЛЮДОК, ЖАЛКИЙ НЫТИК, КОТОРЫЙ РАДИ ДРУЗЕЙ ПАЛЕЦ О ПАЛЕЦ НЕ УДАРИТ. ТЕБЕ СРАТЬ НА АНГЕЛЛИК, КЕННЕДИ, ДЖЕТБОЯ И ВСЕХ ОСТАЛЬНЫХ, ДАЖЕ С ТВОИМИ СПОСОБНОСТЯМИ ТЫ НИЧТОЖЕСТВО, ТЫ ХУЖЕ ОСВАЛЬДА, БРАУНА И ОСТАЛЬНЫХ ПРЕДАТЕЛЕЙ!

Тахион поковылял вниз по ступенькам, зажав уши руками и выкрикивая в ответ что-то нечленораздельное, но Том его не слушал. Он больше не контролировал свой гнев. Он мысленно замахнулся на инопланетянина, и голова Тахиона покачнулась, а щека покраснела от телекинетической пощечины.

— УБЛЮДОК! — визжал Том. — ЭТО ТЫ ЗАБИЛСЯ В ПАНЦИРЬ! — невидимые удары градом сыпались на Тахиона. Отступая, он упал и прокатился треть пути по ступенькам, попытался подняться, но снова был сбит с ног и кубарем выкатился на улицу. — УБЛЮДОК! — повторял Черепаха. — БЕГИ, СВОЛОЧЬ, БЕГИ ПОДАЛЬШЕ, ПОКА Я НЕ УТОПИЛ ТЕБЯ В ЧЕРТОВОЙ РЕКЕ! БЕГИ, СОПЛЯК, ПОКА ВЕЛИКАЯ И МОГУЧАЯ ЧЕРЕПАХА ВКОНЕЦ НЕ РАССЕРДИЛАСЬ! БЕГИ, МАТЬ ТВОЮ! ЭТО ТЫ ЗАБИЛСЯ В СВОЙ ПАНЦИРЬ! ТЫ ЗАБИЛСЯ В ПАНЦИРЬ!

И Тахион помчался, вслепую перебегая от одного фонаря к другому, пока не скрылся во мгле. Том Тадбери провожал его взглядом, пока силуэт доктора не исчез с мониторов. Он чувствовал себя подавленным и побежденным. Голова трещала. Ему нужно было глотнуть пива, принять аспирина, а лучше и то и другое сразу. Когда раздались полицейские сирены, он подхватил Джоуи с Десмондом, усадил на крышу панциря, вырубил фары и взмыл в ночное небо — высоко-высоко в холодную, безмолвную тьму.

Той ночью Тахион спал ужасно — метался как в лихорадке, стонал, плакал, просыпался от кошмаров и погружался в новые. Ему снилось, что он

вернулся на Такис. Ненавистный ему кузен Забб хвастался новой секс-игрушкой, а когда привел ее, оказалось, что это Блайз. Он изнасиловал ее на глазах у Тахиона, а тот был не в силах помешать. Ее тело извивалось, кровь лилась изо рта, ушей и вагины. Блайз начала меняться, превращаясь в одного джокера за другим, каждый — уродливее предыдущего, и Забб насиловал их всех, несмотря на крики и сопротивление. А когда Забб поднялся с окровавленного тела, то его лицо оказалось лицом самого Тахиона, помятым, рассеянным, грубым, с красными, опухшими от чрезмерного употребления алкоголя глазами и длинными рыжими волосами, спутанными и засаленными, с чертами, перекошенными то ли алкоголем, то ли одним из зеркал «Дома смеха».

Он проснулся около полудня от жуткого воя Крошки за окном. Это стало последней каплей. Доконало его. Распахнув окно, Тахион наорал на великана, приказав тому замолчать, оставить его в тишине и покое, но Крошка все ревел и ревел, а Тахиону было больно, стыдно, грустно, он больше не мог терпеть и повторял: «Заткнись! Заткнись! Заткнись! Прошу, заткнись!» И вдруг с криком ворвался в разум Крошки и заставил того заткнуться.

Наступила оглушительная тишина.

Ближайший телефонный автомат был в кондитерской в квартале от «Комнат». Телефонная книга оказалась порвана в клочья вандалами. Тахион позвонил в справочное бюро и узнал адрес Хавьера Десмонда — на Кристи-стрит, в пешей доступности. Квартира находилась на четвертом этаже, над магазином масок. Поднимаясь по лестнице, Тахион выдохся.

Ему пришлось постучать пять раз, прежде чем Дес открыл дверь.

— Вы, — только и произнес швейцар.

— Черепаха, — выдавил Тахион пересохшими губами. — Ему удалось что-нибудь выяснить?

— Нет, — ответил Десмонд, поводя хоботом. — Ничего нового. Свидетели его раскусили и понимают, что он блефует и никогда никого не уронит. А других методов у нас нет — разве что на самом деле кого-нибудь убить.

— Скажи, кого нужно допросить, — сказал Тахион.

— Вам? — удивился Дес.

Не глядя джокеру в глаза, Тах кивнул.

— Подожди, только пальто надену.

Дес вышел на улицу, одетый по погоде. В руках он держал меховую шапку и поношенное беже-

вое пальто.

— Наденьте шапку, а то башка замерзнет, — сказал он Тахиону. — И выкиньте свою дурацкую шинель, если не хотите, чтобы вас за милю узнавали.

Тах поступил как велено.

Напоследок Дес заглянул в магазин масок и добавил к новому образу Тахиона последний штрих.

— Цыпленок? — Тахион с сомнением покосился на маску с яркими желтыми перьями, оранжевым клювом и кривым алым гребнем.

— Когда я ее увидел, то сразу подумал о вас, — ответил Дес. — Надевайте.

На Четэм-сквер работал подъемный кран, эвакуировавший с крыши клуба «Чудаки» полицейские автомобили. Сам клуб работал как ни в чем не бывало. На входе стоял здоровенный лысый клыкастый джокер семи футов ростом. Когда они попытались пройти под неоновой вывеской, изображавшей виляющую бедрами шестигрудую танцовщицу, он схватил Деса за руку.

— Джокерам вход воспрещен! — резко сказал он.

— Отвали, Секач.

«Проникни в его разум», — подумал Тахион.

До истории с Блайз он делал это инстинктивно. Теперь же он мешкал и не был уверен в своих силах.

Дес вынул из заднего кармана кошелек и достал пятидесятидолларовую банкноту.

— Ты засмотрелся на то, как спускают полицейские машины, и не заметил, как мы прошли, — сказал он.

— Точно, — ответил портье, и купюра исчезла в когтистой лапе. — За работой крана так интересно наблюдать.

— Зачастую деньги сильнее любых сверхспособностей, — сказал Дес, когда они с Тахионом вошли в сумрачный, похожий на пещеру, клуб. Народу было немного; редкие гости обедали и глазели на стриптизершу, танцующую на длинном подиуме за забором из колючей проволоки. Стриптизерша с ног до головы была покрыта шелковистой серой шерстью, только груди были гладко выбриты. Десмонд присмотрелся к кабинкам у дальней стены. Взяв Таха под руку, он отвел его в укромный уголок, где какой-то незнакомец в бушлате потягивал пиво из глиняной кружки.

— С каких пор сюда пускают джокеров? — проворчал мужчина. Его лицо было рябым и угрюмым.

Тах погрузился в его разум. «Тьфу, какого хрена здесь забыл слон из “Дома смеха”? И кто это с ним? Чертовы джокеры вконец обнаглели!»

— Где Баннистер держит Ангеллик? — спросил Дес.

— Это та дырка из «Дома смеха»? Не знаю, и Баннистера никакого не знаю. Джокер, я в твои игры играть не собираюсь.

В его мыслях Тах видел образы: бьющиеся стекла, серебристые осколки, кинжалами летящие в воздухе. Он на себе почувствовал толчок Мэла и увидел, как тот потянулся к пистолету, как вздрогнул и развернулся, когда в него ударили пули. Он слышал тихий голос Баннистера, отдающий приказ убить Рут, видел склад у Гудзона, где держали Ангеллик, и отчетливые синяки на ее руке, за которую ее тащили. Он чувствовал страх мужчины — страх быть раскрытым, страх перед джокерами, перед Баннистером, перед ними.

Тахион сжал руку Десмонда, и джокер развернулся, чтобы уйти.

— Эй, куда это вы собрались? — произнес рябой, демонстрируя полицейский значок. — Агент отдела по борьбе с наркотиками под прикрытием, — заявил он. — А вы, мистер, наверняка употребляли, раз задаете такие странные во-

просы.

Дес спокойно позволил мужчине себя обыскать.

— Так-так, что у нас тут? — рябой извлек из кармана Деса пакетик с белым порошком. — Вы только посмотрите! Урод, ты арестован!

— Это не мое, — спокойно ответил Десмонд.

— Черта с два, — сказал рябой. В его голове проносились мысли: «Обычная случайность, оказал сопротивление при аресте, что мне оставалось делать? Джокеры поднимут вой, но кому какое дело до гребаных джокеров, вот только что со вторым делать?» — он взглянул на Тахиона. — «Черт, да этого цыпленка всего трясет, он точно под кайфом, вот так удача».

Вздрогнув, Тахион понял, что наступает момент истины. Он не был уверен, что у него получится. С Крошкой вышло иначе — тогда им повелевал слепой инстинкт, а сейчас он был в ясном уме и отдавал себе отчет в том, что делает. Когда-то он проделывал это с легкостью — манипулировать чужим разумом для него было все равно что пошевелить пальцами. Но теперь эти пальцы дрожали, на них была кровь — и в его сознании тоже. Он вспомнил, как разум Блайз разлетелся на осколки от одного его прикосновения, словно

зеркала «Дома смеха». Прошла долгая, мучительная секунда, но ничего не произошло. К горлу подступил комок, и Тахион явственно ощутил знакомый вкус неудачи.

Но тут рябой мужчина глупо улыбнулся, сел обратно в кабинку, положил голову на стол и уснул, как младенец.

Дес оставался невозмутим.

— Твоя работа?

Тахион кивнул.

— Доктор, вы весь дрожите. Вам плохо? — спросил Дес.

— Все нормально, — неуверенно ответил Тахион. Полицейский принялся громко храпеть. — Думаю, что все нормально. Впервые за много лет, — Тах взглянул джокеру в глаза, стараясь не обращать внимания на внешнее уродство. — Дес, я знаю, где ее держат.

Они направились к выходу. В клетке стриптизершу сменил грудастый бородатый гермафродит.

— Надо спешить, — сказал Тахион.

— Мне хватит часа, чтобы собрать пару десятков человек.

— Постой, — остановил его Тахион. — Она не в Джокертауне.

Дес замер у самых дверей.

— Ясно. Группа джокеров и людей в масках за пределами Джокертауна непременно вызовет подозрения.

— В точку, — подтвердил Тахион. Он не стал озвучивать другое свое опасение — пойти против полицейских, даже коррумпированных вроде Баннистера и его подручных, означало навлечь на всех джокеров неминуемую кару. Тахион собирался взять весь риск на себя. Ему-то терять было нечего. — Знаешь, как связаться с Черепахой? — спросил он.

— Могу вас к нему отвести. Когда?

— Прямо сейчас, — сказал Тахион.

Через пару часов полицейский проснется и помчится к Баннистеру. Но что он расскажет? Что Дес и какой-то чувак в маске цыпленка расспрашивали его, он собирался их задержать, но необъяснимым образом уснул? Рискнет он в этом признаться? Если да, то какой вывод сделает Баннистер? Перевезет Ангеллик в другое место? Убьет ее? Рисковать было нельзя.

Когда они покинули полумрак «Чудаков», кран как раз спускал на землю второй полицейский автомобиль. Поднялся холодный ветер, но Тахион чувствовал, как под куриными перьями на его

лице выступает пот.

Том Тадбери проснулся от глухого постукивания по его панцирю. Скинув махровое одеяло, он сел и ударился головой.

— Черт, — выругался он и принялся шарить в темноте в поисках выключателя.

Стук продолжался, методичное «бум-бум-бум» эхом отражалось от брони. Том разволновался. «Полиция, — подумал он. — Меня выследили, и теперь хотят вытащить отсюда и предъявить обвинения». У него разболелась голова. Внутри панциря было душно и холодно. Том поочередно включил обогреватель, затем вентиляторы и камеры. Мониторы ожили.

Снаружи стоял ясный декабрьский день, и даже унылая кирпичная кладка казалась яркой и веселой. Джоуи уехал на поезде в Бейонн, а Том остался — времени было в обрез, и выбора у него не оставалось. Дес нашел ему укромное убежище — закрытый дворик в трущобах Джокертауна, пропахший канализацией, окруженный со всех сторон старыми пятиэтажками и невидимый с улиц. Когда Том под утро прилетел сюда, в нескольких окнах зажегся свет и из сумрака выглянули осторожные, напуганные лица — нечеловеческие. Взглянув на него, они исчезли

так же внезапно, решив, что неопознанный объект снаружи не заслуживает их внимания.

Зевнув, Том потянулся и настроил камеры так, чтобы увидеть источник шума. У открытого люка стоял Дес, скрестив руки на груди, а доктор Тахион стучал по броне шваброй.

Изумленный Том включил микрофоны.

— ВЫ?

Тахион поморщился и закрыл руками уши.

— Тише, пожалуйста.

Том снизил громкость.

— Прошу прощения. Вы двое меня напугали. Не ожидал снова вас увидеть. После вчерашнего-то. Я вас не обидел? Я вовсе не хотел, просто…

— Я понимаю, — сказал Тахион. — Но у нас нет времени на взаимные упреки и извинения.

Изображение Деса на экране поплыло вверх. Черт бы побрал эту синхронизацию кадров!

— Мы выяснили, где Ангеллик, — сказал джокер. — По крайней мере, если доктор Тахион и вправду умеет читать мысли.

— Где? — спросил Том.

Изображение Деса продолжало скакать вверх.

— На складе на берегу Гудзона, — ответил Тахион. — У пирса. Адреса я не знаю, но картинку представляю четко. Узнаю, когда увижу.

— Отлично! — воодушевленно воскликнул Том. Он оставил попытки отрегулировать синхронизацию и хлопнул по монитору рукой. Картинка выровнялась. — Им крышка. Отправляемся немедленно, — тут его смутило выражение лица Тахиона. — Вы же со мной, так?

Тахион судорожно сглотнул.

— Да, — признался он и натянул на голову маску, которую держал в руке.

Том испытал облегчение. Он уже решил, что придется отправляться одному.

— Забирайтесь, — сказал он.

Обреченно вздохнув, инопланетянин вскарабкался на крышу панциря. Его сапоги соскальзывали. Когда Тахион устроился, Том ухватился за подлокотники и потянул панцирь вверх. Он взлетел с легкостью мыльного пузыря. Том внутренне ликовал. Вот для этого он был рожден! Джетбой наверняка чувствовал то же самое.

Джоуи установил в панцире мощный гудок. Взлетев над крышами, Том на полной громкости просигналил в честь начала спасательной операции, распугав голубей, нескольких пьяниц, и едва не оглушив Тахиона.

— Разумнее будет соблюдать тишину, — дипломатично заметил Тахион.

Том рассмеялся.

— Поверить не могу — со мной летит инопланетянин, который привык одеваться как Пинки Ли[75], и еще учит меня скрытности, — Том снова усмехнулся и полетел над улицами Джокертауна.

Они петляли в лабиринте прибрежных переулков, приближаясь к цели. На их пути встал тупик — кирпичная стена, сверху донизу исписанная названиями банд и именами влюбленных. Черепаха перелетел через нее, и они оказались на погрузочной площадке у склада. Прямо перед ними на краю дебаркадера сидел мужчина в короткой кожаной куртке. От удивления он подскочил футов на десять, не меньше. Не успел он раскрыть рот, чтобы поднять тревогу, как Тах усыпил его, а Черепаха перенес на ближайшую крышу.

На пристань выходили четыре погрузочные платформы, путь к которым преграждали кривые и ржавые ворота, запертые на замки. На узкой двери сбоку висела табличка «ПОСТОРОННИМ

---

[75] notes: 75

Пинкус Лефф, известный под сценическим псевдонимом Пинки Ли (1907–1993) — американский комик, артист бурлеска и ведущий телевизионных программ для детей. Отличительными чертами его образа были разноцветный клетчатый костюм и клетчатая шапочка.

ВХОД ЗАПРЕЩЕН».

Тах спрыгнул, мягко приземлившись на носки. Он чувствовал возбуждение.

— Я войду внутрь, — сказал он Черепахе. — Выжди минуту, затем следуй за мной.

— Минуту, — ответил голос из динамиков. — Заметано.

Тах стащил сапоги, оставшись в фиолетовых носках, приоткрыл дверь и скользнул внутрь склада со всей грациозностью, которую приобрел еще на Такисе. Внутри высились двадцати-тридцатифутовые пирамиды из перевязанных тонкой проволокой тюков с резаной бумагой. Тахион крался на звук голосов. Путь ему преградил большой желтый погрузчик, и Тахиону пришлось протискиваться под ним.

Он выглянул из-за огромного колеса и насчитал внутри пять человек. Двое сидели на раскладных стульях и играли в карты на импровизированном столе из сложенных в стопку журналов. Необъятных размеров толстяк возился с машиной для нарезания бумажной стружки. Еще двое склонились над длинным столом, на котором рядами были сложены пакеты с белым порошком. Высокий мужчина во фланелевой рубашке что-то взвешивал на маленьких весах, а его худой,

лысеющий сосед в дорогом пальто руководил процессом. В руке у него тлела сигарета. Голос был тихим и спокойным, Тахион не мог разобрать ни слова. Ангеллик нигде не было видно. Тах увидел ее, лишь когда погрузился в зловонную муть разума Баннистера. Она лежала между бумагорезкой и упаковочным станком. Из-под погрузчика ее было не разглядеть; машина перекрывала обзор, но она совершенно точно была там, на грязном матрасе. Ее опухшие, ободранные лодыжки были в кандалах.

— ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЕМЬ БЕГЕМОТОВ, ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТЬ БЕГЕМОТОВ, ШЕСТЬДЕСЯТ БЕГЕМОТОВ, — досчитал Том.

Погрузочные платформы были достаточно широки, чтобы по ним мог пройти панцирь. Том мысленно надавил на замок, и тот рассыпался в ржавую пыль. Цепи с лязгом упали, ворота подались, несмотря на возмущенный скрип ржавых петель. Включив все фары, Том повел панцирь вперед, пока не наткнулся на бумажную пирамиду. Обойти ее было невозможно, и он пошел на таран. Только когда тюки с бумагой посыпались, Том сообразил, что мог просто перелететь через них. Он взмыл к потолку.

— Какого хрена?! — услышав скрежет открывающихся ворот, воскликнул один из картежников.

Все мгновенно пришло в движение. Оба картежника вскочили, один выхватил пистолет. Мужчина во фланелевой рубашке бросил весы. Толстяк отвернулся от бумагорезки и выкрикнул что-то неразборчивое. У дальней стены посыпались вниз тюки с бумагой, сбивая соседние, словно кегли в кегельбане.

Баннистер не мешкая бросился к Ангеллик. Тах снова вторгся в его разум и остановил — тот даже не успел выхватить револьвер. И тут десятки тюков с резаной бумагой обрушились на заднюю часть погрузчика. Машина сдвинулась, наехав огромным черным колесом на левую руку Тахиона. Завопив от боли, Тах упустил Баннистера.

Внизу двое открыли по Тому огонь. Первый же выстрел оказался для него неожиданностью, и Том потерял контроль над панцирем. Панцирь нырнул на четыре фута, прежде чем его хозяин пришел в себя и выправил машину. Пули отскакивали от брони, не нанося урона. Том улыбнулся.

— Я ВЕЛИКАЯ И МОГУЧАЯ ЧЕРЕПАХА, — объявил он на полной громкости, чтобы перекрыть

грохот от падающих тюков. — ВАМ ЖОПА, УБЛЮДКИ. СДАВАЙТЕСЬ НЕМЕДЛЕННО.

Ближайший ублюдок и не подумал сдаваться. Он продолжил стрельбу, и один из мониторов Тома погас.

— ЧЕРТ! — выругался Том, забыв отключить микрофон.

Схватив стрелка за руку, он вырвал у него пистолет и, судя по крику, заодно вывихнул ему плечо. Надо быть аккуратнее. Другой стрелок побежал, перепрыгивая через тюки. Том поймал его в прыжке, поднял к потолку и повесил на стропильную балку. Он проверил мониторы — один вышел из строя, на другом изображение снова поплыло вверх, и теперь Том не знал, что происходит по борту панциря. Времени на починку не было. Мужчина во фланелевой рубашке спешно кидал пакеты в чемодан, а толстяк забирался в погрузчик…

Рука Тахиона была раздроблена, и он корчился, стараясь в очередной раз не завопить. Было необходимо не подпустить Баннистера к Ангеллик. Сжав зубы, Тах постарался забыть о боли, собрать ее в шар и оттолкнуть от себя так, как учили. Это было нелегко — он уже не так хорошо владел собой, ощущал в руке каждую сломанную кость

и едва сдерживал слезы. Тут он услышал, как завелся мотор погрузчика, и колесо закрутилось, покатилось вверх по руке, нависнув над головой черной смертоносной стеной, и… пронеслось в дюйме от макушки Тахиона, когда погрузчик взмыл в воздух.

С небольшой помощью Великой и Могучей Черепахи погрузчик по идеальной траектории пролетел через весь склад и впечатался в стену. Толстяк выпал из кабины и шлепнулся на груду книг без обложек. Лишь теперь Том заметил, что Тахион лежит на полу в том самом месте, где только что стоял погрузчик. Его рука странным образом болталась, а от маски цыпленка почти ничего не осталось. С трудом поднявшись на ноги, Тахион что-то прокричал и, спотыкаясь, побежал. Куда он, черт возьми, спешит?

Том нахмурился и постучал рукой по неисправному монитору. Изображение стабилизировалось, стало четче, чем когда бы то ни было. Том увидел мужчину в пальто, склонившегося над лежащей на матрасе женщиной. Она была очень красивой и грустно, смиренно улыбнулась, когда мужчина приставил к ее голове револьвер.

Тахион на ватных ногах обогнул бумагорезку.

Вокруг себя он видел лишь красное пятно, сломанные кости с каждым шагом стучали друг о друга. Вот он, Баннистер, тычет Ангеллик стволом револьвера. Ее кожа уже почернела в том месте, куда должна отправиться пуля. Сквозь слезы, страх и боль Тахион вошел в разум Баннистера и взял над ним верх… ровно в тот момент, когда Баннистер нажал на спусковой крючок. Тах зажмурился, почувствовав отдачу у себя в голове, и услышал выстрел сразу двумя парами ушей.

— Не-е-е-е-е-е-е-е-е-ет! — истошно завопил он.

Не открывая глаз, он упал на колени. Последним приказом он заставил Баннистера отбросить револьвер, но большой — да что там, никакой — пользы от этого уже не было, он опять опоздал, как всегда опоздал, просчитался, потерпел неудачу. Ангеллик, Блайз, его сестра, все, кого он любил, — теперь в живых не осталось никого. Скорчившись на полу, он представил в уме множество разбитых зеркал и кровавую, болезненную Свадебную пляску, и провалился во тьму.

Когда Тахион очнулся, в нос ему ударил едкий запах больничной палаты. Под головой была хрустящая накрахмаленная подушка. Он открыл глаза.

— Дес, — тихо произнес он и попытался подняться, но что-то его держало. Окружение расплывалось перед глазами.

— Доктор, вы на вытяжке, — сказал Дес. — Ваша правая рука сломана в двух местах, а про кисть и говорить не хочется.

— Прости, — сказал Тах. Он готов был расплакаться, но слезы не шли. — Мне так жаль. Мы сделали все возможное, но я… Прости, я…

— Тахи, — раздался ее спокойный хриплый голос.

Действительно, она стояла у койки, одетая в больничный халат. Ее черные волосы обрамляли насмешливо улыбающееся лицо. Она зачесала их вперед, чтобы прикрыть лоб, на котором красовался жуткий зеленовато-фиолетовый синяк. Кожа вокруг ее глаз покраснела и облупилась. На мгновение Тахион решил, что умер, сошел с ума или бредит.

— Тахи, все хорошо. Я жива. Я здесь.

Тахион оцепенело уставился на нее.

— Ты умерла, — произнес он отрешенно. — Я опоздал. Я слышал выстрел. Он уже был у меня под контролем, но слишком поздно — я почувствовал отдачу револьвера.

— А ты почувствовал, как он дрогнул? — спро-

сила Ангеллик.

— Дрогнул?

— На пару дюймов, прямо в момент выстрела. Этого хватило. Меня довольно сильно обожгло, но пуля попала в матрас в добром футе от моей головы.

— Черепаха? — хрипло выдавил Тахион.

Ангеллик кивнула.

— Он дернул револьвер в момент выстрела, а ты заставил ублюдка Баннистера выбросить пушку и не дал сделать второй выстрел.

— Вы победили, — сказал Дес. — Двоим удалось уйти, но остальную троицу, включая Баннистера, Черепаха изловил. А в качестве улики представил чемодан с двадцатью фунтами чистейшего героина. Как выяснилось, склад принадлежал мафии.

— Мафии? — не понял Тахион.

— Организованной преступной группировке, — пояснил Дес.

— Один из задержанных уже вовсю дает показания, — сказала Ангеллик. — Он во всем сознался — во взяточничестве, торговле наркотиками и убийствах в «Доме смеха».

— Может, теперь у нас в Джокертауне даже нормальные полицейские появятся, — с надеждой

добавил Дес.

Тахион почувствовал не просто облегчение, а нечто большее. Ему хотелось поблагодарить Деса и Ангеллик, расплакаться от радости за них, но ни слова, ни слезы так и не пришли. Он был счастлив, но слишком слаб.

— Значит, я победил, — выдавил он наконец.

— Победил, — кивнула Ангеллик и взглянула на Деса. — Можешь на минутку выйти?

Когда они с Тахионом остались наедине, Ангеллик уселась на край кровати.

— Хочу тебе кое-что показать. Давно следовало это сделать, — она поднесла к лицу Таха золотой медальон. — Открой.

Это было непросто сделать одной рукой, но Тахион справился. Внутри оказалась маленькая вырезанная фотография лежащей в постели старой женщины. Руки ее были тонкими — только кожа да кости, а лицо исказилось в жутком оскале.

— Что с ней? — спросил Тах, опасаясь услышать ответ. Еще один джокер? Еще одна жертва его ошибок?

Ангеллик взглянула на кривую старушку, вздохнула и со щелчком закрыла медальон.

— Ей было четыре, когда ее переехала повозка

в Маленькой Италии. Лошадь наступила ей на голову, а колеса повозки раздробили позвоночник. Это было… да, в тысяча восемьсот восемьдесят шестом. Она выжила, но осталась парализованной, и не могла вернуться к нормальной жизни. Шестьдесят лет эта девочка провела прикованной к постели. Она не могла ни есть, ни мыться без посторонней помощи. Не могла читать. У нее не было друзей, если не считать монахинь, что за ней приглядывали. Иногда она жалела о том, что не умерла. Она фантазировала и представляла, каково это — быть красивой и любимой, танцевать и осязать окружающие предметы. Прикасаться к предметам — этого ей хотелось больше всего, — Ангеллик улыбнулась. — Тахи, мне давно стоило тебя поблагодарить, но мне тяжело показывать эту фотографию. Просто знай, что я благодарна тебе — теперь вдвойне. Все напитки в «Доме смеха» будут для тебя бесплатны пожизненно.

Тахион уставился на нее.

— Не нужны мне больше напитки, — произнес он. — Хватит, — он знал, что выдержит. Если Ангеллик терпела такую боль, какое оправдание он мог найти для себя? — Ангеллик, — сказал вдруг он, — я знаю средство лучше героина. Я был…

Я биохимик. На Такисе тоже есть наркотики, и я могу изготовить тебе обезболивающие. Мне нужно будет лишь провести с тобой несколько опытов. Попробую сделать что-то, что тебе подойдет. Мне, конечно, понадобится лаборатория, а это недешево, но само лекарство не будет стоить почти ничего.

— Я найду деньги, — ответила Ангеллик. — Продам «Дом смеха» Десу. Но ты задумал нарушить закон.

— В задницу законы! — вспылил Тах. — Мы ведь никому не расскажем?

Слова посыпались из его рта, как из рога изобилия: он говорил о планах, мечтах, ожиданиях, о потерях и горестях, которые топил в коньяке и «Стерно». Ангеллик смотрела на него с удивлением и улыбкой, а когда действие болеутоляющих прошло, и рука Тахиона вновь принялась дрожать, он вспомнил старые уроки и отогнал боль, а заодно, как ему показалось, и часть своей вины. Теперь он вновь чувствовал себя цельным и живым.

«ЧЕРЕПАХА И ТАХИОН РАСКРЫЛИ ГРУППУ НАРКОТОРГОВЦЕВ», — гласил газетный заголовок. Том вклеивал вырезку в альбом, когда Джоуи вернулся с пивом.

— Они забыли написать «Великая и Могучая», — заметил Джоуи, ставя бутылку перед Томом.

— Ничего, главное, что меня первым упомянули, — ответил Том. Стерев салфеткой густой белый клей с пальцев, он отложил альбом. Под ним оказались грубые наброски чертежей панциря. — Давай лучше подумаем, куда, черт возьми, проигрыватель грампластинок пристроить?

Об авторах

Питер С. Бигл родился на Манхэттене, вырос в Бронксе, но большую часть жизни провел в Калифорнии. Из-под его пера вышли произведения, признанные классикой современного фэнтези, такие как «Последний единорог» и «Тихий уголок». Мультипликационный фильм «Последний единорог» обрел поистине культовый статус. Бигл также известен как автор рассказов и повестей (написанная в 2005 г. короткая повесть «Два сердца» завоевала почетные премии «Хьюго» и «Небьюла»), сценарист, документалист, поэт и автор песен.

Элизабет Бир родилась в один день с Фродо и Бильбо Бэггинсами, но в другом году. Она — лауреат премий «Хьюго», «Локус», а также премий Теодора Старджона и Джона Кэмпбелла, автор двадцати семи романов (новейший из которых, «Камень в черепе», является первой частью трилогии) и более сотни рассказов. В 2018 г. готовится к выходу ее научно-фантастический роман *Ancestral Night*. Бир никогда не жила в Нью-Йорке, но ее детство прошло в Коннектикуте, кото-

рый она называет «задним двором Нью-Йорка». Сейчас она проживает в Массачусетсе с мужем, писателем Скоттом Линчем.

Холли Блэк — автор бестселлеров «Нью-Йорк таймс» в жанре современного фэнтези для детей и подростков, но ее книги любимы и взрослыми. В числе ее произведений — «Хроники Спайдервика» (в соавторстве с Тони Ди Терлицци), цикл «Современные волшебные сказки», цикл «Проклятые», романы «Костяная кукла» и «Холодный город». Совместно с Кассандрой Клэр Блэк является автором цикла «Магистериум», последний роман которого, «Серебряная маска», вышел в 2017 г. В 2018 г. Блэк запустила новый цикл, первым романом которого стал «Жестокий принц». Она — лауреат премий Андрэ Нортон и «Ньюбери». Блэк живет в Новой Англии с мужем и сыном, а в их доме есть потайная дверь.

Ричард Боус переехал на Манхэттен из Бостона в 1965 г. и остался там навсегда. Он — автор шести романов и более чем семидесяти рассказов, опубликованных в четырех сборниках. Боус — двукратный обладатель Всемирной премии фэнтези, а также премий «Лямбда», «Миллион Райтер» и премии Международной гильдии ужаса. Его роман *Dust Devil On a Quiet Street* был

номинирован на Всемирную премию фэнтези и премию «Лямбда», а повесть *Sleep Walking Now and Then* — на премию «Небьюла». В последнее время рассказы Боуса появлялись в следующих изданиях: *Tor.com, F&SF, Lightspeed, Interfictions, Uncanny*, а также в антологиях: *XIII, The Doll Collection, Black Feathers: Dark Avian Tales* и *Best Gay Stories 2016*.

Рассказы **Карла Бункера** печатались в журналах *Asimov's, Fantasy & Science Fiction, Analog, Interzone, Cosmos, The Year's Best Science Fiction* и других. В прошлом Бункер был разработчиком программного обеспечения, ювелиром, скульптором, механиком и изготовителем музыкальных инструментов. Он проживает в небольшом городке к северу от Бостона с женой и многочисленными домашними питомцами.

Мария Дэвана Хэдли — автор подростковых романов «Магония» и «Хищная птица», ставших бестселлерами «Нью-Йорк таймс», а также романа в жанре темного фэнтези и альтернативной истории «Царица царей», автобиографического романа *The Year of Yes* и повести *The End of the Sentence*, написанной в соавторстве с Кэт Ховард. Вместе с Нилом Гейманом она была редактором-составителем антологии «Фантастические

создания». Мария родилась в штате Айдахо, но теперь живет в Бруклине.

Кэт Ховард живет и работает в Нью-Гемпшире. Ее рассказы были номинированы на Всемирную премию фэнтези, читались на радио и входили в антологии лучших рассказов года. В прошлом Ховард была профессиональной фехтовальщицей, юристом и преподавателем колледжа. Ее дебютный роман *Roses and Rot* издан в 2016 г. Другой роман, *An Unkindness of Magicians* — фэнтезийный триллер, действие которого происходит в Нью-Йорке, вышел в 2017 г. На 2018 год запланирован выход сборника рассказов *Cathedral of Myth and Bone*.

Н(ора). К. Джемисин живет и работает в Бруклине. За свой первый роман «Сто тысяч королевств» она удостоилась премии «Локус», а ее последующие романы и рассказы были неоднократно номинированы на премии «Хьюго», «Небьюла», Всемирную премию фэнтези, а также премии Кроуфорда и Джеймса Типтри-младшего. В 2016 г. она стала первой чернокожей писательницей, завоевавшей премию «Хьюго» за лучший роман *The Fifth Season*, который также был отмечен наградой «Нью-Йорк таймс». Ее последний

роман *The Stone Sky* завершает трилогию *The Broken Earth*. Джемисин также ведет в «Нью-Йорк таймс» критическую колонку о новинках научной фантастики и фэнтези.

Обладательница Всемирной премии фэнтези **Кейтлин Р. Кирнан** — автор многочисленных комиксов и тринадцати романов, включая *Silk, Threshold, Low Red Moon, Murder of Angels, Daughter of Hounds, The Red Tree* и *The Drowning Girl*. На ее счету более двухсот рассказов, собранных в пятнадцать сборников. Последняя работа Кирнан — повесть *Agents of Dreamland*. Кирнан родилась в Дублине, Ирландия, и училась на палеонтолога в США. Сейчас она проживает в Провиденсе, Род-Айленд.

Джордж Р. Р. Мартин получил мировую известность благодаря серии романов «Песнь льда и огня», адаптированной телеканалом *HBO* для телесериала «Игра престолов». Мартин также выступил сопродюсером сериала, получив две премии «Эмми», и автором сценария к четырем сериям. В 2001 г. журнал «Тайм» включил его в список ста наиболее влиятельных людей мира. Мартин — лауреат множества премий, в том числе шести «Хьюго» и двух «Небьюла». В 2012 г.

он удостоился Всемирной премии фэнтези за заслуги перед жанром. Мартин родился и вырос в Бейонне, штат Нью-Джерси, и проживает с женой Пэррис в Санта-Фе, Нью-Мехико.

Первый роман **Наоми Новик** «Дракон Его Величества», вышел в 2006 г. вместе с двумя другими романами из цикла «Отчаянный» — «Нефритовый трон» и *Black Powder War*. Новик удостоилась премии Джона Кэмпбелла за лучший литературный дебют, а также премий Комптона Крука и «Локус» за лучший дебютный роман. Четвертая книга цикла «Отчаянный», *Empire of Ivory*, вошла в список бестселлеров «Нью-Йорк таймс». Этот успех повторили и следующие романы Новик: *Victory of Eagles, Tongues of Serpents, Crucible of Gold* и *Blood of Tyrants*. Последняя часть цикла, *League of Dragons*, вышла в 2016 году. Внецикловый роман Новик *Uprooted* (2015) был номинирован на премию «Хьюго» за лучший роман, а полный цикл «Отчаянный» — за лучший цикл. Новик живет в Нью-Йорке с мужем и восемью компьютерами.

Даниэль Хосе Олдер — писатель, редактор и композитор из Бруклина, автор таких бестселлеров, как *Salsa Nocturna,* серии книг в жанре город-

ского фэнтези под общим названием *Bone Street Rumba* и романа для подростков *Shadowshaper*, выигравшего Всемирную премию латиноамериканских писателей и вошедшего в число финалистов премий «Киркус», «Локус», Мифопоэтической премии и премии Андрэ Нортон. Этот роман также был включен в список «Восемьдесят книг, которые должен прочитать каждый» журнала «Эсквайр». Последняя книга Олдера — *Shadowhouse Fall*, продолжение *Shadowshaper*.

Кит Рид родилась в семье морского офицера и в детстве постоянно переезжала с места на место. Последний из ее шестнадцати романов, *Mormama*, действие которого разворачивается в старом особняке в некогда престижном районе Джексонвилла, Флорида, вышел весной 2017 г. Также среди ее работ — сборник рассказов *The Story Until Now*. Рид — стипендиат фонда Гуггенхайма и первая американская писательница, удостоенная гранта фонда Абрахама Вурселла. Много лет она входила в совет правления Лиги Авторов и работала в Уэслианском университете Миддлтауна, Коннектикут, где и проживала до своей смерти в сентябре 2017 года.

Делия Шерман родилась в Токио и выросла на

Манхэттене. Она — автор множества рассказов и романов; наиболее известны ее романы для взрослой аудитории *Through a Brazen Mirror* и *The Porcelain Dove*, завоевавший Мифопоэтическую премию, а также *The Fall of the Kings*, написанный в соавторстве с Эллен Кашнер. В числе ее романов для детей и подростков — *Changeling, The Magic Mirror of the Mermaid Queen, The Freedom Maze* и *The Evil Wizard Smallbone*. Шерман живет в Нью-Йорке с женой, Эллен Кашнер, обожает путешествовать по разным уголкам мира и писать новые произведения на салфетках в кафе.

Писатель, сценарист и музыкант **Джон Ширли** провел в Нью-Йорке восьмидесятые годы двадцатого века, записав альбом с группой *Obsession* и выступая в таких известных клубах, как «Си-Би-Джи-Би» и «Пирамида». Нью-Йорк восьмидесятых послужил площадкой для его культового романа ужасов *Cellars*. Ширли — автор более чем сорока романов и девяти сборников короткой прозы. Много лет он жил в Калифорнии, а сейчас проживает в штате Вашингтон, почти на самой границе с Орегоном.

Питер Страуб — популярный автор девятнадцати романов, а также пяти сборников рассказов

и повестей. Страуб был редактором-составителем многочисленных антологий, включая двухтомник *American Fantastic Tale*, выпущенный Национальной американской библиотекой. Страуб родился в Висконсине, получил магистерскую степень в Колумбийском университете, жил в Дублине и Лондоне, а в начале восьмидесятых годов прошлого века перебрался с семьей в особняк в Верхнем Вест-Сайде, где и проживал до недавнего времени. Теперь он с женой Сьюзен живет в Бруклине.

О редакторе-составителе

Пола Гуран никогда не жила в Нью-Йорке, но любит туда приезжать. Она долгое время работала главным редактором в издательстве «Прайм букс». За свою карьеру она отредактировала более восьмидесяти романов и сборников, а также составила более сорока антологий. Гуран проживает в Акроне, штат Огайо (не путать с деревней в округе Эри, Нью-Йорк).